

Б.З. Докторов
А.А. Ослон
Е.С. Петренко

**ЭПОХА ЕЛЬЦИНА:
МНЕНИЯ РОССИЯН**
Социологические очерки

Москва
Институт Фонда «Общественное мнение»
2002

ББК 60.54
О-72

Редакционный совет
издательской программы
Фонда «Общественное мнение»

*А.А. Ослон, Е.С. Петренко, Г.С. Батыгин,
Г.Л. Кертман, И.А. Климов*

Б.З. Докторов, А.А. Ослон, Е.С. Петренко
О-72 Эпоха Ельцина: Мнения россиян: Социологические очерки.
М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. 382 с.

ISBN 5-93947-006-8

В книге приводится анализ статистических материалов, полученных Фондом «Общественное мнение» в ходе социологических обследований за период 1992-1999 гг. Эмпирическую базу исследования составляют результаты общенациональных опросов жителей России об их отношении к основным политическим и социально-экономическим событиям, происходившим в период президентского правления Б. Ельцина. По преимуществу рассмотрены отношения россиян к принятию решений высшими органами власти и их социально-экономическим последствиям. При подготовке издания также использованы публикации Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 1980-х — начала 1990-х гг., результаты опросов, проведенных службой РОМИР и Агентством региональных политических исследований. Книга предназначена для исследователей, занимающихся изучением общественного мнения, аспирантов, студентов, широкого круга читателей.

ББК 60.54

ISBN 5-93947-006-8

© Институт Фонда «Общественное мнение», 2002
© А.Р. Ким, оформление обложки, 2002

Оглавление

Введение	7
Ельцинская эпоха: пространство событий	13
Границы изучаемого периода; его «имя»	13
Социальные процессы: точки кульминации	16
Важнейшие события ельцинской эпохи	22
Социологические исследования освещаемого периода	27
Год 1991. Распад СССР и образование СНГ	35
Отметины года	35
Отношение граждан к СССР в последние годы его существования	37
Путч	45
СССР — прекрасное прошлое	50
Год 1992. Прыжок в капитализм	58
Отметины года	58
Когда доживала старая экономика...	59
Отношение к тому, чего в «нормальном» СССР не должно было быть	66
Приватизация стартовала...	72
Вопрос о земле	76
Приватизация: больше вреда, чем пользы	81
Россияне об экономических итогах правления Б. Ельцина	87
Год 1993. Горячий Октябрь и поражение демократов	95
Отметины года	95
До разгона Верховного Совета было еще далеко	97
Октябрь-93 приближался	101
Октябрь-93: без победителей	110
Настоящее возвращает в прошлое, а не зовет в будущее	113
Год 1994. Войны в Чечне: от Б. Ельцина до В. Путина	128
Отметины года	128
Начало первой чеченской войны	129
Хасавюрт: неиспользованный мир	136
Вторая война в Чечне	146
И не видно конца войны	155
Год 1995. Красная Дума	162
Отметины года	162
«Идеальный политик» — каков он?	164
Говорим «лидер» — подразумеваем «партия», и наоборот	174
Электоральная мотивация и электоральные намерения	178
Электоральные ориентации россиян	181
Прогнозирование итогов выборов	185

Год 1996. Б. Ельцин — лучше Г. Зюганова	192
Отметины года	192
Б. Ельцин решил выиграть выборы	194
Первый тур президентских выборов	197
«Живой голос»	206
Россия проголосовала за Б. Ельцина	211
Год 1997. Россия в поисках себя	221
Отметины года	221
Россия и мир: мозаика мнений	222
Геополитическая целостность России	228
Представления об общественном укладе жизни	233
Опасения и страхи россиян	235
Мнения о «русском вопросе»	239
Союз России и Белоруссии: область высокого единодушия россиян	246
Эпоха перемен: есть ли связь между прошлым и будущим?	255
Год 1998. Семнадцатое августа. Расставание с иллюзиями	262
Отметины года	262
Начало многократных отставок правительства	263
Августовский экономический кризис	275
Год 1999. Выбор преемника и выборы в Думу	297
Отметины года	297
И вот пришел В. Путин	298
Коммунисты — первые, но победил «Медведь»	312
Тенденции изменения популярности партий	336
Выбор, в котором россияне не разочаровались	339
Вместо заключения. Власть и общественное мнение	348
Приложения	362
Приложение 1	
Георгий Сатаров: «Уважающие себя фирмы не будут врать, им это профессионально невыгодно...»	362
Приложение 2	
Александр Ослон: «Это был настоящий мозговой штурм, интеллектуальная атака...»	368
Приложение 3	
Проект «Живой голос» —1996 (избранные цитаты)	378

Введение

Чтобы понять все происходившее в России в последнее десятилетие XX века, мало знать историческую фактуру событий и социальную статистику эпохи. Анализ тех лет будет неполон без учета и использования данных об оценках, мнениях, представлениях жителей России, перенесших тяготы перехода от тоталитарного советского режима и плановой системы хозяйствования к демократической организации общества и рыночной экономике. Надо знать, что чувствовали свидетели и участники кардинальных социокультурных трансформаций российского общества, затронувших не только рациональные стороны их сознания, но и их души.

Фонд «Общественное мнение» начал проводить опросы населения России в 1992 г. За это время собран огромный архив информации о политических, социальных, экономических установках россиян, об их отношении к событиям в стране в период ельцинского президентства. Результаты опросов регулярно представлялись властным структурам, политическим лидерам, журналистам, бизнесменам, социологам и всем заинтересованным читателям*¹.

Сейчас наступает время для обобщения накопленных данных и систематического анализа оценок, мнений, суждений, переживаний и надежд россиян.

Начиная эту аналитическую работу, мы прежде всего попытались ответить на два вопроса: как отобрать материал для первоочередного анализа и какой жанр выбрать для изложения полученных результатов.

* Здесь и далее по тексту сноски даются в конце соответствующих разделов книги.

Общественное мнение «всеядно» — оно реагирует на все, что происходит вокруг, что обсуждается в средствах массовой информации, и прежде всего — на ТВ. В этой серии очерков нам хотелось остановиться лишь на рассмотрении того, как россияне воспринимали *самые главные* события прошедшего десятилетия. Но как вычленить *самое главное*? Это трудно сделать уже в силу объективных причин — ведь само общество постоянно переоценивает свой социальный опыт, и кажущееся важным сегодня завтра может терять актуальность и вытесняться новыми событиями. Есть и обстоятельства субъективного характера: то, что «оглушает», «ослепляет» и доводит до безумия одних, другими вообще может быть не услышано и не увидено.

Понимая, что избежать некоторой субъективности в выборе важнейших событий ельцинской эпохи невозможно, авторам все же хотелось бы надеяться, что выбранные «эпизоды» отражают краевольные моменты жизни российского общества.

Выражение «общественное мнение» используется нами не более как клише, за которым стоит статистика мнений жителей страны. Эта статистика в определенной мере суммирует, «что происходит в головах людей», и отражает не столько «среднюю температуру по больнице», сколько доминирующие среди населения восприятия, оценки, интерпретации актуальных событий. Представления о происходящем в стране и в мире складываются на основе сведений, доходящих до людей по преимуществу по каналам массовой информации.

По результатам общенациональных опросов, которые и составляют эмпирическую базу для нашего анализа, выстраивается достаточно мозаичная и пестрая картина суждений и оценок. В одних ситуациях в этой картине четко вырисовываются доминирующие, наиболее распространенные оценки — и тогда можно говорить об определенной позиции, определенном отношении, существовании консенсуса в оценках общественного мнения. В других — статистика мнений выявляет наличие разных (порой прямо противоположных) позиций, оценок, каждая из которых может оказаться доминирующей в тех или иных социальных группах, — и тогда речь может идти о групповых мнениях. В третьих ситуациях по результатам массовых опросов вообще не удается зафиксировать определенных позиций — тогда будем считать, что общественное мнение на этот счет не сформировалось.

Наш анализ общественного мнения в период ельцинского десятилетия в основном базируется на результатах репрезентативных опросов Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), в каждом из которых принимали участие 1500–3000 респондентов (статистическая погрешность по каждому из опросов не превышает 3,6%).

Так как результаты массовых опросов ФОМа в свое время были опубликованы, то заинтересованный читатель, воспользовавшись соответствующими сносками, легко сможет найти формулировки вопросов.

Результаты нашего анализа излагаются в жанре социологических очерков. Этот жанр представляется нам вполне оправданным, когда речь заходит о процессах, происходивших в 1991–1999 гг. и, по сути дела, до сих пор не завершившихся. Слишком много нового, неожиданного, непривычного произошло в эти годы в стране, слишком остро все случившееся переживалось и переживается до сих пор. Поэтому сегодня трудно претендовать на формулирование всесторонне аргументированных и окончательных вердиктов. К тому же жанр очерка избавляет авторов от жестких логических или стиливых ограничений.

Прошедшие годы были наполнены острейшими политическими конфликтами — и неудивительно, что политики и исследователи зачастую расходятся в оценках произошедших в стране изменений, а также методов, которыми осуществлялось реформирование старой социально-политической системы.

На чьей мы стороне? На стороне общественного мнения. Но не в том смысле, что мы защищаем его правоту — общественное мнение не нуждается в адвокатуре, а мы и не стремимся выполнять эту функцию. Более того, мы не только не пытаемся судить, в каких случаях общественное мнение было право, а когда оно ошибалось, но даже попытку постановки подобного вопроса мы классифицировали бы как абсурдную.

Утверждение о том, что мы на стороне общественного мнения, надо понимать следующим образом. Первое: при организации опросов мы стараемся обеспечить максимальную надежность первичной информации. Второе: собрав информацию и обработав ее, мы стремимся к широкому оглашению полученных результатов. Таким образом, мы возвращаем обществу то,

что получили от него. Предлагаемые очерки — это продолжение, развитие нашей линии изучения общественного мнения.

Пройдут годы, четче проявятся последствия решений Б. Ельцина и осуществленных им преобразований, несколько улягутся страсти, будут проведены новые серьезные, многоплановые исследования и развившихся, и несостоявшихся политических, социальных, экономических процессов. Только тогда появятся предпосылки для обстоятельных социологических обобщений. Надеемся, что составной частью коллективного знания о ельцинской эпохе станут материалы этих очерков.

* * *

Обилие эмпирического материала, собранного ФОМом с 1992 г., уже в самом начале работы над очерками обозначило следующую принципиальную дилемму — в рамках ограниченной по объему серии надо было выбирать: «больше эмпирических данных» или «больше аналитических построений»? Невозможно дать простор статистике и одновременно не сдерживать себя в интерпретации накопленной за долгие годы информации. Приоритет был отдан базовым материалам. Таким образом, прежде всего мы видим свою задачу именно в максимально полной экспозиции мнений россиян относительно важнейших событий времени президентства Б. Ельцина, а не в создании социологических обобщений и моделей становления и изучения путей развития российского общественного мнения.

Во многом данное решение вызвано тем, что время для обстоятельного и объективного анализа социально-политической жизни России 90-х еще не пришло. Это означает, что любые сегодняшние интерпретации общественного мнения россиян наверняка будут излишне субъективны. Кроме того, существует понимание необходимости скорейшей и максимально полной, упорядоченной статистики мнений населения по важнейшим событиям эпохи. Такая работа может стать одним из звеньев в познании столь непростого периода в истории России, как переход от тоталитарного общества к демократическому.

Названное решение было принято в самом начале разработки концепции данной книги. Тем приятнее было найти своеобразное подтверждение верности нашего выбора в том, как решил аналогичную проблему Б. Грушин в процессе создания «дизайна» своего фундаментального «четырёхкнижья» о жизни

России. Он пишет: «В нашем же случае «борщ» идет отдельно, а «мухи» — отдельно. При этом центральное место в публикации занимает как раз сам «борщ», т.е. *не анализ* итогов исследований — не комментарии к ним, но сами эти итоги как таковые»².

Центральное место в нашей книге займут результаты опросов, проведенных ФОМом, однако при отсутствии собственной информации, а также при необходимости сопоставления итогов различных замеров общественного мнения будут использоваться материалы других российских исследовательских организаций. В частности, это относится к данным, характеризующим общественное мнение россиян в конце 80-х — начале 90-х, т. е. еще до основания ФОМа.

Наиболее полным и достоверным источником сведений о разных структурах, срезах, состояниях массовых настроений жителей СССР в период 1980-х — начала 1990-х гг. являются публикации Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) периода 1989-1991 гг. Выпуски под общим названием «Общественное мнение в цифрах» — ценнейший материал для фиксации стартового состояния массового сознания россиян в период, непосредственно предшествовавший началу истории новой посткоммунистической России. Отметим, что авторы настоящих очерков в те годы работали во ВЦИОМе, а двое из них — А. Ослон и Е. Петренко — были редакторами многих выпусков Центра.

Будущие исследователи, какую бы сферу жизни России 90-х годов они ни изучали, обратятся к материалам и выводам мониторинга общественного мнения, с 1993 г. проводимого во ВЦИОМе под общим руководством Т. Заславской и Ю. Левады. Это не только «сырая информация», но и высокопрофессиональный анализ политических, социальных, экономических и социокультурных трендов важнейших процессов ельцинской эпохи. Естественно, что и в настоящей работе материалы мониторинга привлекаются весьма активно.

При характеристике состояния общественного мнения россиян в конце 90-х используются также результаты опросов, проведенных службой РОМИР (руководитель — Е. Башкирова), Агентством региональных политических исследований (руководитель — А. Милехин) и другими организациями, зонди-

ровавшими отношение россиян к важнейшим проблемам жизни общества.

Архитектура — или морфология — общественного мнения очень сложна и включает огромное количество разных конструкций и элементов. Рассмотреть все в серии очерков — даже при наличии необходимой эмпирической информации — невозможно. Принимая во внимание основную цель нашего анализа — показать отношение населения к важнейшим событиям эпохи Б. Ельцина, авторы отдали предпочтение рассмотрению отношения россиян к решениям высших органов власти и социально-экономическим последствиям этих решений.

Несколько слов о композиции работы. Весь материал представляет собой десять очерков: первый из них является вводным и играет роль «гида» по экспозиции общественного мнения в течение девяти лет правления Б. Ельцина, остальные посвящены каждый одному году — с 1991-го по 1999-й.

Завершает книгу очерк «Вместо заключения. Власть и общественное мнение», написанный Б. Докторовым. В качестве иллюстративного приложения к данному очерку приводятся тексты интервью Б. Докторова с Георгием Сатаровым (ИНДЭМ) и Александром Ослоном (ФОМ).

¹ Тогда мы начали выпускать еженедельный бюллетень, сейчас носящий название «ФОМ-Инфо». С 1996-го по 1998 г. еженедельно выходил дайджест результатов исследований «В поле зрения», рассылаемый подписчикам, среди которых — печатные и электронные средства массовой информации. С 1998 г. итоги опросов общественного мнения, проводимых ФОМом, постоянно комментируются политическими обозревателями центральных телевизионных каналов и ведущими аналитиками России. Результаты опросов, проведенных в 1997-1999 гг., размещены на сайте <http://classic.fom.ru/>, а более поздняя информация — на еженедельно обновляемом сайте <http://www.fom.ru/>.

² Грушин Б. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. М., 2001. С. 6.

Ельцинская эпоха: пространство событий

Границы изучаемого периода; его «имя»

Государственная независимость России, возникновение посткоммунистического общества, приход Б. Ельцина к власти (12 июня) — началом всех этих перемен стал 1991 г. А 31 декабря 1999 г. первый президент России ушел в отставку, назвав своим преемником В. Путина.

Две конкретные даты — однако решение ограничить ими рассмотрение динамики российского общественного мнения в «эпоху Ельцина» кажется излишне прямолинейным: временной интервал наблюдений в этом случае был бы искусственно заужен. И прежде всего это касается даты формального завершения правления Б. Ельцина — ведь, уходя в отставку, первый президент России не забрал с собой созданную им политическую систему. Не прекратило работать правительство, укомплектованное по согласованию с ним, продолжали действовать все социальные институты, структуры и организации, не сразу изменился и психологический климат общества. В момент добровольной отставки Б. Ельцина В. Путин не превратился автоматически в действующего президента, но лишь исполнял президентские обязанности до оглашения результатов выборов 26 марта 2000 г.

Да и само общественное мнение по ряду важнейших свойств достаточно консервативно, и потому после отставки первого президента России оно в течение определенного времени продолжало жить, существовать в соответствии с ориентирами, сложившимися в ельцинском социальном пространстве. Соответственно, и в силу политико-социальных обстоятельств, и в силу природы массового сознания общественное мнение россиян можно рассматривать как «ельцинское» даже за рамками периода непосредственного «правления» Б. Ельцина — по крайней мере, до окончания новых президентских выборов или даже

до дня инаугурации нового президента 7 мая 2000 г. Более того, общественное мнение продолжало бы оставаться «ельцинским» достаточно долго, если бы в политике В. Путина прослеживалось больше преемственности. Если бы не произошедшее практически сразу после инаугурации нового президента «укрепление вертикали власти», не «дело» журналиста А. Бабицкого, не громкие события, развернувшиеся вокруг Б. Березовского, В. Гусинского и некоторых других олигархов. Если бы не несколько шумных «шпионских» кампаний. Если бы не серия катастроф, таких, как трагедия на подводной лодке «Курск» и пожар на Останкинской телебашне, и не иные, чем во времена Б. Ельцина, линия и стиль реакций нового главы Российского государства на эти события. Уже к концу лета 2000 г. стало ясно, что в стране складывается новая политическая ситуация, новый информационный порядок и новый общественно-политический климат. Таким образом, можно считать, что в первом полугодии 2000 г. эпоха первого президента России завершилась.

И именно этот временной рубеж представляется границей того периода, когда мнение населения еще можно было по инерции классифицировать как относящееся к эпохе Б. Ельцина. Материалы опросов общественного мнения, проведенных после июня 2000 г., без специальной оговорки в настоящей работе не рассматриваются.

* * *

При Л. Брежневе и Ю. Андропове советское общество определялось как социалистическое. В годы перестройки и в постперестроечные времена возникли новые названия данного периода истории страны и общества, отражавшие внутренние социально-политические особенности страны и присущий тому времени тип отношений между «верхами» и «низами». Вот некоторые из существовавших определений: *«бюрократический социализм»*, *«командный»*, *«номенклатурный»*, *«командно-административный»*, *«казарменный социализм»*, *«номенклатурный авторитаризм»*, *«деформированный социализм»*, *«самая стабильная эпоха»*, *«застой»* и прочие. Авторы этих определений стремились обозначить важнейшие свойства существовавшей политической системы.

Эпоха М. Горбачева также соотносится с рядом социально-исторических дискурсов. Вначале это были *«ускорение»*, *«глас-*

ность», «перестройка», «новое мышление», «демократизация». Затем появились клише, указывавшие как на позитивное отношение их авторов к начатым М. Горбачевым преобразованиям («социализм с человеческим лицом», «модернизация тоталитаризма», «посттоталитаризм», «преддемократия»), так и на негативное¹ («деформация социализма», «предательство идей социализма», «контрреволюция», «социотрясение», «катастрофка»).

А что же «эпоха Б. Ельцина»? Какие формулировки характеризуют интересующий нас период в целом? Специальные исследования в этой области, несомненно, позволят дать более четкие определения.

Приведем уже используемые к настоящему времени клише, а их немало — свыше четырех десятков. На их примере рассмотрим, какими атрибутами наделяли эксперты (политологи, политики, журналисты, социологи) социально-политический климат минувшего десятилетия.

Первая группа — нейтральные определения, указывающие лишь на временную локализацию периода:

постперестроечная Россия; постсоциалистическое государство; первое посткоммунистическое (постсоветское) десятилетие.

Вторая группа — различные дефиниции периода российской истории с 1991-го по 1999 г., увязывающие это время с президентством Б. Ельцина²:

десятилетие Б. Ельцина; ельцинская Россия; ельцинская эпоха; ельцинизм, ельцинищина.

Третья группа содержит констатацию переходного типа общества³. При этом в одних случаях лишь пунктирно обозначаются особенности социальной организации общества, в других — акцентируются негативные аспекты преобразований:

трансформирующееся общество; переходный период; поиск российского пути; создание «российского гибрида»; период имитации реформ; десятилетие запаздывающей модернизации.

Формулировки четвертой группы характеризуются указанием на движение к капитализму с искаженными ценностями⁴:

период становления системы монопольного олигархического капитализма; бюрократический капитализм; время создания квазирынка, квазирыночного зазеркалья; время бандитского накопления первоначального капитала; вестернизация; «прихватизация», черная приватизация.

Пятая группа — определения, подчеркивающие ослабление центральной власти и нарушение связей между различными элементами социального организма⁵:

период распада; банкротство страны; эрозия власти; образование конфедерации удельных княжеств; криминализация и падение морали; процесс феодализации России.

Шестая группа соотносит эпоху с режимом демократического типа в различных модификациях⁶:

авторитарная демократия; феодальная демократия; номенклатурная демократия; электоральная демократия; манипулятивная демократия (управляемая демократия); авторитарно-протодемократический тип власти; квазидемократическое и сильно коррумпированное государство.

В дефинициях седьмой группы делается упор на определяющую роль президента в управлении страной и фактически признается слабость других институтов власти⁷:

суперпрезидентство; суперпрезидентская система; президентская республика.

Для восьмой группы характерно то, что в качестве системообразующей основы власти и организации социального устройства общества называется авторитаризм⁸ — либо с элементами олигархического, либо с чертами монархии:

симбиоз авторитаризма, олигархии и демократии; полуавторитаризм (монархическая составляющая режима); внесистемный режим Бориса II; режим Бориса Ельцина; период царя Бориса; постсоветская выборная монархия; выборное самодержавие, единовластие; Президент Всея Руси; власть Кремля; терпимый авторитаризм.

И все же чаще всего десятилетие Б. Ельцина квалифицировалось экспертами как «демократия» в ее различных формах и модификациях, а также как президентское правление с чертами монархического.

Социальные процессы: точки кульминации

Говоря о социальном процессе, будем иметь в виду достаточно продолжительную и упорядоченную во времени последовательность находящихся в причинно-следственных отношениях социальных явлений, феноменов, совместно производящих,

детерминирующих значимые для общества в целом или его отдельных структур социально-экономические, политические, социокультурные и тому подобные изменения.

При фокусированном анализе конкретного социального процесса каждая из его составляющих, какой бы важной в историко-социальном отношении она ни была, сама по себе не рассматривается как процесс, но наделяется статусом события. Таким образом, процесс — это ансамбль, совокупность событий, обладающих в общем случае разной социальной природой и разной продолжительностью. События различаются либо пространственно-временными характеристиками, либо социокультурной спецификой.

Например, анализируя взаимоотношения федерального центра и Чечни в течение 1991—1999 гг. как социальный процесс, можно выделить внутри него события первых и вторых пяти лет, события отдельного года или месяца. При этом здесь налицо по крайней мере два географических ареала возникновения и развития основных событий — Чечня и Москва; нюансы динамики процесса часто детерминировались событиями общероссийского и даже международного масштаба.

Процессуальная интерпретация в логическом и методологическом отношении представляет собой более высокую ступень по сравнению с событийной интерпретацией. Эти два подхода соотносятся друг с другом как целое и часть, как «макро» и «микро», как нечто, порой трудно локализуемое во времени, часто уходящее в очень отдаленное прошлое (процесс), и что-то, имеющее более определенную временную протяженность (событие).

Скажем, переход от плановой системы экономики к рыночной есть длительный социальный процесс, истоки которого могут быть найдены во второй половине эпохи перестройки (отвлечемся пока от истории дореволюционной России). Развитие кооперации, появление совместных предприятий, освобождение цен, создание валютного рынка, приватизация и т. д., будучи сами по себе сложными и достаточно продолжительными процессами, одновременно могут рассматриваться как отдельные события, составные части более длительного и синтетического процесса перехода к рынку.

Однако было бы неверным понимать события лишь как элементы социального процесса, как нечто вторичное в иерар-

хии социальных феноменов. В известном смысле события представляют собой и могут интерпретироваться как первичные «социально-исторические атомы». События — это относительно короткие отрезки процессов, но это их ключевые, опорные точки, и, что крайне важно, события — это пространственно-временные «сгустки» ткани социальных отношений: они являются точками пересечения, местом встречи различных социальных процессов, до того развивавшихся независимо или казавшихся независимыми. Таким образом, каждое событие (социальное «действие») может трактоваться как звено разных процессов.

Так, вторая чеченская война может рассматриваться как продолжение первой, может анализироваться в рамках процесса развития самостоятельности регионов России, может выступать элементом думской (1999 г.) и президентской (2000 г.) избирательных кампаний, а может трактоваться как звено в цепи международного терроризма, экспансии ваххабизма и т. д.

Социальные процессы, в том числе передающие суть происходящих в обществе изменений, не могут быть гомогенны, строго непрерывны и монотонны. Напротив, они гетерогенны, состоят, как правило, из разрывов, скачков, провалов, меняют направление и скорость развития. Они могут временно соединиться, слиться с какими-то иными процессами, но потом «отойти» от них. Поэтому при изучении социальных процессов выделяются различные участки, фазы, этапы, локусы, срезы более однородные, «плотные», чем процесс в целом. Это может быть сделано за счет уточнения (сужения) временного интервала и/или пространственных границ рассматриваемого социального процесса, а также путем высвечивания его отдельных аспектов.

Таким образом, существует взаимосвязь между логикой (историей) развития процесса и природой социальных событий. Эта взаимосвязь задает иерархию событий. Однако возникает и противоположный эффект: место конкретного события в иерархической пирамиде определяет меру изменчивости создаваемого этими событиями процесса.

Прежде всего, отметим существование событий, в своей совокупности задающих социальный процесс. Значительная часть таких событий — назовем их *периферийными* — не отражается или не сразу отражается на фенотипе процесса. Но

периферийность не является неизменным атрибутом событий. Вполне возможно, что позже, в сочетании с какими-то из уже существующих факторов или с теми, которые появятся в будущем, периферийные события «обнаружатся» и приобретут иной статус.

Событие, которое качественно меняет траекторию развития социального процесса, может быть названо *кульминационным*. Соответственно, имеет смысл говорить о кульминационных точках процесса. В процессах общенационального масштаба кульминационные события чаще всего не возникают спонтанно, но становятся таковыми в силу определенных политико-исторических обстоятельств или глубоко продуманных идеологических акций.

Например, президентские и парламентские выборы по определению являются *точками кульминации* в политической и социально-экономической жизни любой страны, ибо в такие моменты решаются стратегические, долгосрочные вопросы — вопросы развития государства и общества. К точкам кульминации относятся также общенациональные референдумы, моменты принятия Конституции страны, пики экономических, финансовых кризисов и т. д. С другой стороны, события, потенциально могущие стать точками кульминации, в действительности не всегда превращаются в таковые, так как заряд социальной энергии, присутствующий в них, в ряде случаев намеренно гасят заинтересованные в этом влиятельные структуры. Так, судебный процесс 1992 г. «по делу КПСС» не стал точкой кульминации в новейшей истории России, не вызвал должного общественного резонанса, не стал поводом для глубокого общественного осмысления роли большевизма в политической культуре XX века и в жизни многих поколений россиян.

В нашем исследовании поиск точек кульминации в социально-политическом пространстве ельцинской России диктуется не столько стремлением как-то «взвесить» и упорядочить происходившие события, сколько желанием найти конструктивный подход к решению главной задачи: описать и проанализировать российское общественное мнение о важнейших событиях 1991—1999 гг.

Все сказанное относится как к самим социальным процессам, так и к их восприятию, интерпретации в общественном

мнении, которое не неизменно и жестко, а динамично и пластично и потому должно рассматриваться с позиций именно процессуального подхода.

Отношение людей к социальным процессам в свою очередь не может не быть процессом, ибо оно есть функция социальной действительности, отражающая общественные изменения.

Общественное мнение не способно целостно отображать сложные социальные явления и процессы. Оно фокусируется лишь на отдельных аспектах социального мира — самостоятельно, а чаще под воздействием целенаправленной деятельности идеологических институтов. Потому общественное мнение не в полной мере повторяет все «изгибы» социальных процессов. Однако оно улавливает их «особые» точки или его настраивают на восприятие этих точек. Общественное мнение фиксирует нарушение регулярного направления изменений и резкую смену скорости (замедление или ускорение) развития центральных тенденций социального процесса. Оно реагирует на возникновение новых составляющих, меняющих качество, окрашенность процесса.

Прежде всего отметим, что не все социальные процессы даже из числа важнейших для общества, протекавшие в указанный период и обсуждавшиеся политиками всех уровней и огромным числом россиян, «доросли» до точки кульминации. И это обстоятельство сужает количество социальных процессов, реакция массового сознания на которые могла бы стать предметом нашего рассмотрения.

Пример тому — извечный для России вопрос о земле: он, несомненно, социально важен и общественно значим, в его решении заинтересовано большинство населения страны, он многократно обсуждался в Думе и в Совете Федерации. Более того, он многократно поднимался Б. Ельциным — но все закончилось ничем. По существу, в период первого посткоммунистического десятилетия российским обществом ничего не было сделано в плане проведения земельной реформы. Следовательно, если земельную реформу рассматривать как процесс, то следует признать, что он не достиг точки кульминации. Второй пример — военная реформа и переход к профессиональной армии: велись многолетние обсуждения, споры, но никаких кардинальных решений по перестройке армии принято не было.

Реформа буксует, социальный процесс течет вяло, и в нем также не обнаружена точка кульминации.

Пример иного типа: август-декабрь 1991 г. — путч и мгновенно последовавшие за ним Беловежские соглашения, распад СССР и создание СНГ. Сам путч продолжался три дня, и в те летние дни вряд ли кто думал, что попытка переворота станет началом социального процесса глобальной значимости — ухода Советского Союза с мировой социально-экономической и политической арены. Тогда у людей фактически не было времени осознать масштаб события, и общественное мнение успело отразить, отрефлексировать только отдельные аспекты происходящего. Однако во второй половине 1991 г. все важнейшие социально-экономические и политические процессы проходили через эту точку кульминации, причем наивысочайшего уровня.

Все реформы последующих лет есть прямое продолжение событий второй половины 1991 г. Именно тогда, как любил говорить М. Горбачев, «процесс пошел». Краткое существование ГКЧП стало заметной вехой современной истории России, и общество не только хранит в памяти те дни, но и постоянно осмысляет значение этих событий. В данном случае мы имеем дело с «классической» точкой кульминации.

Таковыми же точками кульминации важнейших процессов российской социально-политической жизни явились и октябрьские бои вокруг Белого дома (1993 г.), и экономический кризис 1998 г., и добровольная отставка Б. Ельцина (1999 г.). В связи с этим отношение общественного мнения к данным событиям, несомненно, должно стать предметом нашего рассмотрения.

* * *

Видимая часть жизнедеятельности ГКЧП и подавление путча заняли три дня. Беловежские соглашения были разработаны и подписаны в течение двух дней.

Принципиально иную природу имеет процесс приватизации. Он значительно более продолжителен, а его границы менее точно локализуемы во времени. Дискуссии о принципиальной возможности приватизации и о ее формах велись в обществе еще во времена перестройки. И хотя вопрос о переделе собственности оставался актуальным в течение всего ельцинского периода, ключевым можно считать 1992 г., когда началась ваучерная приватизация.

Чеченские события — пример социального процесса, имеющего два фокуса: две чеченские войны. Рассмотрение военных событий на Северном Кавказе в одном очерке объясняется лишь «технологическими» обстоятельствами, стремлением не допустить чрезмерного разрастания текста.

Важнейшие события ельцинской эпохи

Естественно, ни один отрезок истории не может содержать много точек кульминации. События, наделенные этим статусом, всегда ключевые — они определяют принципиальные моменты жизнедеятельности общества. Может ли быть год без точек кульминации? Такое вполне возможно в странах с устоявшимся политическим режимом и стабильной экономикой, но вряд ли произойдет в странах, социально-политический фундамент которых трансформируется.

В отдельные годы все как бы стягивается к единственной, уникальной «суперточке», вокруг которой концентрируются события, существенно детерминирующие жизнь общества не только в этот момент, но и в течение многих последующих лет.

Особенности конфигурации траекторий социальных процессов привели к тому, что во второй половине рассматриваемого отрезка истории России количество точек кульминации увеличилось. Самым насыщенным в этом отношении стал 1999 г. — год завершения эпохи Б. Ельцина. В нашей серии очерков нет возможности рассмотреть общественное мнение по поводу всех важнейших событий периода ельцинского президентства: среди них приходится выбирать «архиважные».

Назовем теперь события, которые вызвали, как представляется, наиболее серьезные изменения в динамике социальных, политических, нравственных процессов, в совокупности определяющих важнейшие черты эпохи (*табл. 1*). Все эти события классифицируются как кульминационные и ключевые, так как каждое из них существенным образом повлияло и еще долгие годы будет влиять на развитие как российского общества, так и массового сознания. Вряд ли хотя бы одно из выделенных событий может выпасть из коллективной памяти живущих россиян и не стать уроком для будущих поколений.

Таблица 1

Кульминационные события эпохи Б. Ельцина

Год	Событие
1991	Путч. Беловежские соглашения. Распад СССР и создание СНГ
1992	Начало ваучерной приватизации. Либерализация цен
1993	Октябрьские события и выборы в Думу
1994	Начало первой чеченской войны
1995	Выборы в Думу, победа коммунистов
1996	Президентские выборы: победа Б. Ельцина. Хасавюртские договоренности
1997	Союз России и Белоруссии
1998	Начало продолжительной смены правительств. Августовский экономический кризис
1999	Выборы в Думу. Добровольная отставка Б. Ельцина

1991 г. — последний в истории СССР. Это начало эпохи Б. Ельцина и, возможно, самый памятный год за рассматриваемый период. В сравнении с событиями этого года все другие — «менее кульминационны»: уже сейчас многие россияне не помнят некоторых дат новейшей истории страны, но 1991 г. не спутают ни с чем. Первые выборы Президента России, ГКЧП, роспуск КПСС, приход к власти в Чечне Джохара Дудаева, Беловежские соглашения существенно детерминировали ход большинства социально-политических процессов, готовили распад СССР.

Начало приватизации в 1992 г. не только определило настроение года, но и обозначило социально-экономические координаты, социально-политическую окрашенность всего десятилетия. Если встреча руководителей трех славянских государств в Беловежской Пуще имела следствием юридический распад СССР, то приватизацию можно рассматривать как первый шаг к созданию нового социально-экономического порядка в России, новой структуры общества, новых политических, социальных, культурных и нравственных ценностей.

1993 г. мог стать годом реванша коммунистических сил — даже не в их брежневской, цинично-спокойной модификации, а в большевистски агрессивной версии. Консолидация политических сил вокруг двух центров — Кремля, выступавшего инициатором демократических и рыночных преобразований, и Белого дома, объединившего «красную элиту», — не была явлением «чисто» московским, хотя многим именно так и

казалось. Продолжавшееся в течение года противостояние властных структур формально закончилось в октябре роспуском Верховного Совета России и победой Б. Ельцина. Октябрь 1993 г. стал символической датой поражения экономистов-либералов и демократов-романтиков, крахом осуществляемой ими шоковой терапии. Поражение стало закономерным следствием их непростительной веры в действенность простых решений в сфере социально-экономических отношений и нечувствительности к боли миллионов россиян, потерявших не только все сбережения, но утративших ориентиры в социальном пространстве. Как результат, в 1993 г. демократия уступила свои позиции прагматизму невысокого качества.

В первой половине 1994 г. страна выходила из кризиса «октября-93», во второй — была втянута в чеченскую войну. «Точка кульминации» оказалась пропитанной кровью российских солдат и мирного населения Чечни. Практика принятия простых решений, порочность которой была видна и в 1993 г., получила развитие в военной сфере. Летом 1995-го произошло то, что давно назревало: российско-чеченская война вышла за пределы Чечни. Многие из того, что позже произошло в России, явилось порождением этой военной кампании. И, возможно, главным итогом войны была утрата россиянами ощущения единства страны и ее могущества.

В 1995 г. объективные обстоятельства и субъективные факторы привели к ослаблению влияния президента на развитие политических и социальных процессов в стране. Кульминацией стали декабрьские выборы в Думу, суммировавшие все события года. Коммунисты победили и заняли доминирующее положение в парламенте, а ДВР даже не смог преодолеть пятипроцентный барьер. За два года до этого будущее первых было более чем туманным, а вторые успешно продвигались во власть.

В 1996 г. коммунисты имели шанс закрепить успех и привести своего кандидата к победе на президентских выборах. Однако история распорядилась так, что лидеру красных мог противостоять только Б. Ельцин, поэтому все, кто не хотел, чтобы высший пост занял Г. Зюганов, объединились вокруг крайне непопулярного и больного действующего президента. Ценой огромных усилий антикоммунистически настроенных политических структур, крупного бизнеса, подконтрольных им средств

массовой информации победа была достигнута. Выборы стали точкой пересечения важнейших социально-политических процессов, развивавшихся в России в течение четырех предыдущих лет, а итог кампании определил жизнь страны на следующее пятилетие.

На относительно спокойном социально-политическом фоне 1997 г. точку кульминации найти сложно. Возможно, наиболее важна зарождавшаяся интеграция России и Белоруссии. 2 апреля 1996 г. президенты Б. Ельцин и А. Лукашенко подписали Договор об образовании Сообщества России и Белоруссии, а через год был подписан новый документ, в соответствии с которым Сообщество преобразовывалось в Союз этих государств. И хотя в тот момент это было скорее явление информационного порядка, чем реальное событие, оно дало повод политикам различной ориентации рассуждать о типе российской государственности и о месте России в постсоветском пространстве. Дискуссия о путях создания Союза имела серьезное социально-психологическое значение. Миллионы россиян увидели в нем шаг в направлении воссоздания большой страны, в которой они родились и потерю которой продолжали переживать.

В марте 1998 г. начался длительный период смены правительств, который в то время объяснялся либо отсутствием у Б. Ельцина плана развития государства, либо стремлением к установлению диктатуры президентского окружения («семьи»). После добровольной отставки президента появилась очередная версия, оправдывающая «карусель» премьер-министров, — забота о благе страны. Уже с начала 1998 г. Б. Ельцин все чаще задумывался о том, что будет со страной после его ухода с политической арены. Президенту приходилось искать решение очень трудной задачи — «мягкого» совмещения двух антагонистических тенденций. Его модель общества включала сохранение основных принципов социального устройства, которыми он руководствовался сам и реализация которых уже во многом изменила страну и сознание населения; но одновременно ему хотелось, чтобы следующий президент исправил то, что было сломано в годы «парада суверенитетов» и начала рыночных реформ. Иными словами, Б. Ельцин пытался найти человека нового поколения, но старой закалки. В цепи его решений: В. Черномырдин — С. Кириенко — (В. Черномырдин) — Е. Примаков — С. Степашин — В. Путин — четко видны эти

намерения. Можно сказать, что вся совокупность событий вокруг отставок-назначений глав правительства была «запланированной» президентом точкой кульминации.

Но в сознании населения главным событием 1998 г. стал августовский экономический кризис. Пережив в целом спокойный и относительно благополучный 1997-й, многие начали думать, что худшие времена позади и наступает эра стабильности. В августе с этими иллюзиями пришлось проститься. Кризис-98 в силу многообразия социально-экономических последствий можно с уверенностью наделить статусом точки кульминации года.

1999 г. оказался самым богатым по количеству точек кульминации, близких по социально-политическому значению и располагающихся практически рядом на временной координате. На рубеже лета-осени произошло вторжение чеченских вооруженных группировок на территорию Дагестана, и началась вторая российско-чеченская война. Девятого августа Б. Ельцин принял решение об отставке правительства С. Степашина и ввел в публичную политику В. Путина. Закончился долгий, драматичный для президента и непонятный для миллионов россиян поиск преемника. В личности В. Путина Б. Ельцин увидел человека, который будет самостоятельно проводить политику, поддерживающую тенденции, родившиеся и развившиеся в ельцинскую эпоху, и одновременно учитывать социокультурные представления населения, сформировавшиеся в советское время.

Выбор был сделан, и оставалось принять техническое решение: 31 декабря Б. Ельцин добровольно ушел в отставку. В этой точке кульминации сходятся траектории всех без исключения процессов, составлявших содержание эпохи Б. Ельцина.

Таким образом, введение понятия «точки кульминации» и упорядочение важнейших событий 1991—1999 гг. во времени (а не по значимости) фактически интегрировало два возможных подхода к анализу содержания эпохи Б. Ельцина: подхода событийного, или предметного, — и процессуального, или хронологического. В свою очередь, это определило общую структуру нашей книги.

Каждый очерк сфокусирован на важнейших событиях отдельного года, но анализ российского общественного мнения по отношению к этим событиям и связанным с ними обстоя-

тельствам не ограничивается рамками конкретного года. Предложенная интерпретация статуса кульминационных событий предполагает выявление динамики отношения к ним на протяжении всего рассматриваемого периода российской истории.

К примеру, события 1991 г. стали для общества мощным импульсом для осмысления отношения к СССР и к социализму. В течение всего ельцинского периода эта тема была базовой при обсуждении обществом различных социально-политических преобразований и начинаний. Начавшаяся в 1992 г. ваучерная приватизация формально завершилась 30 июня 1994 г., но ее последствия, как и более общие вопросы перехода к рынку и сосуществования в стране различных форм собственности, продолжали оставаться в центре внимания всех слоев населения и всех политических структур. То же самое справедливо и по отношению к другим выделенным нами важнейшим событиям новейшей истории России, так что во всех очерках общественное мнение рассматривается в динамике и, по возможности, в максимально продолжительном временном интервале.

Социологические исследования освещаемого периода

В процессе работы над очерками, особенно в завершающей фазе, мы постоянно вели внутренний диалог с коллегами, рискнувшими раньше нас начать анализ динамики политических событий и трендов общественного мнения в период завершения перестройки и в годы ельцинской России. Изучение опыта других — неременное условие движения вперед, и мы старались учесть и специфику подходов, и содержание выводов, и эмпирическую информацию. У нас нет возможности детально анализировать все сделанное в названной области, но считаем необходимым отметить ряд наиболее обстоятельных исследований.

Безусловно, прежде всего имеется в виду огромное количество статей и монографические публикации большой группы авторов ВЦИОМа — одного из самых сильных в стране коллективов исследователей в области процессов массового сознания россиян.

* * *

Уже в книге *«Есть мнение!»*⁹ был сформулирован вывод о том, что в СССР периода конца перестройки существовало общественное мнение как особая форма сознания общества. Вопрос о существовании общественного мнения — далеко не абстрактный и не сугубо академический. В предельно обобщенной формулировке Б. Грушина¹⁰ этот вопрос звучит так: *«Что мы в действительности изучаем, когда думаем или делаем вид, что изучаем общественное мнение?»*. Не ответив на него, нельзя понять природу аспектов массового сознания, которые изучает социолог. Как следствие, не зная, с чем они имеют дело, серьезные политологи оказываются лишенными некоторых важнейших опорных точек для ориентации в социальном пространстве, а ответственные политики и высшие государственные менеджеры — обратной связи. Признание, пусть с некоторыми оговорками, социологами наличия общественного мнения в СССР в конце 80-х было, по сути, констатацией первых успехов в сфере демократизации советского общества. Статистика мнений, приведенная в книге *«Есть мнение!»*, — это итог одного из первых в СССР репрезентативных опросов общественного мнения по проблемам, существование которых ни в брежневские, ни в андроповские времена (не говоря о более отдаленных периодах советской истории) не признавалось официальной идеологией. На языке того времени это означало только одно — таких проблем не существовало, а значит, и не было предмета для исследования.

Сегодня, по прошествии чуть более десяти лет, многим может быть неясно, что в данном случае имеется в виду; поэтому проиллюстрируем сказанное примером. Так, заголовок одной из глав — *«Откуда наши беды?»* — не мог появиться в социологической книге до середины 80-х. Тогда в опросах, которые в основном проводились по локальным территориальным или производственным выборкам, респондентов спрашивали об их отношении к *«еще не до конца решенным задачам»*, о *«временных трудностях на производстве»*, об *«отдельных сбоях в планировании и организации труда»*, о *«наблюдавшихся пережитках капитализма»*, о *«ржавчине»* в социальных механизмах и т. д., но не о бедах, не о *«заболеваниях»* общественной системы¹¹. В конце 70-х — начале 80-х участников опросов могли попросить высказаться о *«встречавшихся еще порой»* бю-

рократизме и плохих чиновниках, о пьянстве на работе и «несунах», о вреде религии. Но в рассматриваемом исследовании ВЦИОМа вопросы касались существования ошибок в руководстве страной, утраты веры в идеалы социализма и утраты религиозности. Поэтому статистика мнений и выводы, полученные в этом исследовании, являются базовыми для всех, кто позже изучал российское общественное мнение, — в частности для нас.

В теоретико-методологическом отношении ключевой для многих исследователей сознания россиян является и еще долго будет таковой вторая книга этого же коллектива авторов — *«Советский простой человек»*¹². В ней прежде всего приводятся характеристические черты классического социокультурного типа, называемого «советским человеком». Во-первых, сознание этого человека включает в себя представление о собственной исключительности, принципиальном отличии от человека иных времен и социальных систем, обладающего набором собственных ценностей и сознанием собственного превосходства (к концу 80-х представление об исключительности было серьезно нарушено в силу мощного проникновения различного рода внешней информации). В качестве второй сущностной социальной черты «советского человека» называлась его государственно-патерналистская ориентация. Третьим критерием являлась его иерархичность (иерархический эгалитаризм), т.е. признание вертикали социальных отношений. Замыкает этот перечень фундаментальных особенностей «советского человека» его имперский характер, унаследованный советским государством от Российской империи.¹³

Атрибут «простоты» «советского человека» также раскрывается через набор социокультурных признаков: массовидность («быть как все», как большинство, быть в середине); антиэлитарность («не высовываться», не быть «слишком», не уклоняться); наличие минимальных, простейших запросов (без «излишеств», без роскоши; прозрачность — открытость для понимания со стороны себе подобных)¹⁴. На основе материалов опросов 1988—1992 г. в книге показано, что советский человек того времени обладал свойствами сознания, которые могли интерпретироваться как «простота». Одновременно раскрывались механизмы отношений, «правила игры» с государством, или набор взаимных «делок» системы с людьми, позволявших

советской системе существовать, а советскому человеку — выжить¹⁵.

Далеко не во всем соглашаясь с введенным клише «советский простой человек» и, соответственно, с рядом предложенных авторами интерпретаций мнений населения Союза, мы признаем высокое теоретическое и эмпирическое значение этой книги. Особенно хотелось бы подчеркнуть ее роль в качестве стимула новых исследований с целью определения тенденций развития массового сознания россиян.

В книге Ю. Левады¹⁶, суммирующей итоги наблюдений за российским общественным мнением с 1993 по 2000 г., обнаруживается новый поворот в использовании социологической информации о сознании населения России. Дается наглядная картина того, как некоторые значимые для общества процессы воздействуют на общественное мнение. При этом автор прежде всего ориентируется на поиск таких механизмов влияния внешней среды, которые детерминируют трансформацию глубинных структур сознания и ведут либо к принципиальным изменениям существующих типов сознания, либо к появлению новых культурологических типов.

Десятилетний период наблюдений за динамикой общественного мнения россиян дал Ю. Леваде возможность подтвердить и развить основной вывод первой книги — «Есть мнение!». Оказалось, что мнение не только «есть», но его изучение — это путь к анализу фундаментальных изменений в «общественных структурах, в том числе в структуре человека как социальной личности»¹⁷. Концептуальность этого вывода представляется естественной, ибо он соответствует общим социологическим и социально-психологическим теориям, объясняющим природу возникновения и функционирования общественного мнения. Тем не менее, этот вывод очень ценен для социологических и политических исследований, поскольку базируется на анализе процессов, проходивших через три «точки»: 1989 г. — еще номинально советское общество в момент подъема «перестроечных» иллюзий и первых признаков разочарования, 1994 г. — переоценка происходивших перемен, 1999 г. — время доминирования ностальгических настроений и поиска новых адаптационных механизмов.

Столь продолжительного ряда наблюдений над общественным мнением россиян по важнейшим направлениям социоло-

культурной и политико-экономической жизни российского общества нет ни у одной исследовательской организации, и потому руководитель ВЦИОМа и его сотрудники своими выводами бросают вызов другим исследователям. Перед социологами встает задача подтвердить и обобщить выводы своих коллег из ВЦИОМа или обнаружить какие-то границы, области, в которых эти выводы действуют, но за пределами которых, возможно, справедливы иные, еще не известные, механизмы функционирования общественного мнения.

Книга Ю. Левады — это собранные воедино статьи, опубликованные автором в 1993—2000 гг. И хотя в каждом разделе сборника статьи размещены в хронологическом порядке, время — не единственная и, конечно, не главная детерминанта структуры сборника.

М. Горшков¹⁸, по-видимому, первым предпринял попытку дать обобщенный и сжатый социологический анализ отношения россиян к реформам Б. Ельцина и проследить динамику развития общественного мнения в течение всего периода ельцинского руководства страной. Материал книги упорядочен по хронологии: все начинается с рассмотрения реакций населения на переход к рыночной экономике и завершается обсуждением электоральных установок в момент президентских выборов 2000 г.

Хронологическое упорядочение предлагаемой серии очерков сближает наш методологический подход к изучению динамики общественного мнения россиян с тем принципом, который был реализован в исследовании М. Горшкова. Однако в том, что предлагается нами, и в том, что уже сделано М. Горшковым, есть существенные различия.

Логика анализа М. Горшкова в целом следует строго линейному, или чисто хронологическому, размещению основных событий ельцинской эпохи на временной оси, которое, в свою очередь, задает координаты рассмотрения динамики общественного мнения. Избранный нами процессуальный подход тоже, естественно, историчен, или хронологичен, но не линейен. Он характеризуется наличием двух временных координат: внешней и внутренней. В каждом очерке выбирается преимущественно один — важнейший — социальный процесс, кульминационная точка которого пришлась на соответствующий год. Именно этот выбор определяет привязку нашего анализа к

внешней временной оси. Внутри каждого очерка развитие, трансформация отмеченного социального процесса и динамика отношения к нему рассматриваются не локально, т.е. в рамках границ года, а на длительном временном отрезке, часто охватывающем весь период президентства Б. Ельцина. Другими словами, анализ в пределах очерка движется «вдоль» второй, внутренней временной оси. И этот факт — наличие внутреннего времени — указывает на близость избранного нами подхода к тому, который представлен в книге Ю. Левады (2000 г.).

* * *

Не имея возможности назвать все монографические издания, в той или иной степени близкие нам в предметном отношении, укажем четыре из них. Они различны во многом: в научной «прописке», в политической направленности и культурологической позиции авторов, но их объединяет сфокусированность на анализе ельцинской эпохи в целом, т.е. мониторинг, выраженная междисциплинарность, критичность и ориентированность на учет общественного мнения.

Прежде всего, отметим коллективную *монографию*, вышедшую под редакцией Г. Осипова, «Россия: преодоление национальной катастрофы», в которой обсуждаются результаты ельцинских реформ: макросоциологический подход здесь дополняется элементами экономического, демографического и политологического анализа¹⁹.

В *сборнике статей* российских и зарубежных авторов, вышедшем под редакцией Т. Шанина, также признается катастрофический эффект экономических преобразований, проведенных в России в период президентства Б. Ельцина. Но вместе с тем это делается в рамках установки на поиск социально-экономических механизмов выживаемости российского общества, его адаптивности²⁰.

Наконец, назовем весьма полный и интересный во многих отношениях политологический *анализ «эпохи Б. Ельцина»*, выполненный И. Клямкиным и Л. Шевцовой. В двух исследованиях «режима царя Бориса» предлагается интерпретация исторических и структурных предпосылок формирования политического режима в посткоммунистической России²¹.

¹ См., напр.: Грушин Б. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. М., 2001. С. 11; Темкина А., Григорьев В. Динамика интерпретативного процесса: трансформация в России // Социальные исследования в России / Под ред. И. Освальд и др. М., 1998. С. 232-267.

² См., напр.: М. Горбачев: «Я думаю, закончилось время Б. Ельцина, «ельцинская эпоха». Это уже факт» // Общая газета. 1991. № 51, 23 дек.; Конец ельцинщины / Под ред. Т. Крауса. Будапешт, 1999.

³ См., напр.: Путин В. Россия на рубеже тысячелетий (<http://www.pravitelstvo.gov.ru/government/minister/article-vvp1.html>); Шевцова Л. Посткоммунистическая Россия: логика развития и перспективы. М., 1995; Юрьев Д., Савелова Н. Россия как угроза своему существованию (<http://www.russ.ru/politics/articles/99-03-22/zapis1.htm>).

⁴ См., напр.: Явлинский Г. Последняя фаза агонии? // Огонек. 1999. № 23, 10 июня; Некипелов А. Квазирынок как результат российских реформ // Pro et Contra. 1999, весна. Т. 4. Преобразования в России: итоги десятилетия (<http://pubs.carnegie.ru/russian/>); Россия: преодоление национальной катастрофы / Под ред. Г. Осипова. М., 1999. С. 4; Рукавишников В. Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ // Социс. 1995. № 1. С. 36-46; Россия: преодоление национальной катастрофы. М., 1999. С. 4

⁵ См., напр.: Явлинский Г. Последняя фаза агонии? // Огонек. 1999. № 23, 10 июня; Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России // Полис. 1997. № 1. С. 67. Цит. по: Шевцова Л. Чем опасно выборное самодержавие // Московские новости. 1999. № 50 (1018), 28 дек. — 3 янв. (<http://www.mn.ru/1999/50/52.html>).

⁶ См., напр.: Темкина А., Григорьев В. Динамика интерпретативного процесса: трансформация в России. М., 1998. С. 258; Макфол М. Опасности затянувшегося переходного периода // Pro et Contra. 1999, весна. Т. 4. Преобразования в России: итоги десятилетия (<http://pubs.carnegie.ru/russian/>); Третьяков В. Диагноз: управляемая демократия // Независимая газета. 2000. 13 янв.

⁷ См., напр.: Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М., 1999 (электронная версия — <http://pubs.carnegie.ru/russian/>).

⁸ См., напр.: Шейнис В. Выборы президента: итоги и перспективы // Россия в избирательном цикле 1999-2000 годов. М., 2000 (<http://pubs.carnegie.ru/books/2000/09np/>); Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России // Полис. 1997. № 1. С. 67. Цит. по: Шевцова Л. Чем опасно выборное самодержавие // Московские новости. 1999. № 50 (1018), 28 дек. — 3 янв. (<http://www.mn.ru/1999/50/52.html>); Клямкин И., Шевцова Л. Внесистемный режим Бориса II: некоторые особенности политического развития постсоветской России. М., 1999 (электронная версия — <http://pubs.carnegie.ru/russian/>); Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М., 1999 (электронная версия — <http://pubs.carnegie.ru/russian/>).

⁹ Есть мнение! Итоги социологического опроса / Под ред. Ю. Левады. М., 1990.

¹⁰ Грушин Б. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. М., 2001. С. 16.

¹¹ Есть мнение! Итоги социологического опроса. М., 1990. С. 56.

¹² Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю. Левады. М., 1993.

¹³ Там же. С. 13-24.

¹⁴ Там же. С. 24-26.

¹⁵ Там же. С. 30-31.

¹⁶ Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993-2000. М., 2000.

¹⁷ Там же. С. 465.

¹⁸ Горшков М. Российское общество в условиях трансформации: Социологический анализ. М., 2000.

¹⁹ Россия: преодоление национальной катастрофы / Под ред. Г. Осипова. М., 1999.

²⁰ Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М., 1999.

²¹ Клямкин И., Шевцова Л. Внесистемный режим Бориса П... М., 1999 (электронная версия — <http://pubs.carnegie.ru/russian/>); Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М., 1999 (электронная версия — <http://pubs.carnegie.ru/russian/>).

Год 1991 Распад СССР и образование СНГ

Отметины года

По любым, даже самым жестким, критериям 1991 г. — исторический для России и для мировой истории в целом. Прекратил существование Союз Советских Социалистических Республик, и на его политическом, социальном, экономическом, культурном пространстве возникла новая Россия и 14 независимых государств. 17 марта 1991 г. в ходе Всесоюзного референдума 76% населения страны высказались за сохранение Союза. Однако основные политические события года определяли сильно выраженные центробежные тенденции.

Вглядываясь сегодня в события 1991 г., в них можно увидеть «завязи» всех важнейших социальных и политических процессов последующего десятилетия. Ведь проблемы России не были решены с развалом огромного, к тому времени достаточно ослабленного, но родного для миллионов россиян социалистического государства. Более того, обнаружилось, что к старым проблемам добавились новые, обусловленные изменениями в социальной и политической областях.

12 июня 57,3% избирателей проголосовали за Б. Ельцина, и он стал первым президентом России. Началась его эпоха.

Поражение путчистов 19—21 августа фактически означало конец СССР. М. Горбачев пытался остановить процесс распада страны, но лидеры республик жаждали усиления собственной власти, и все союзные структуры рассыпались.

В сентябре в окружении Б. Ельцина разрабатывались варианты действий, связанных с выходом из СССР. 16 октября Б. Ельцин заявил, что Россия прекращает финансирование союзных структур, собирается ввести национальную валюту и будет проводить экономические реформы, включающие либерализацию цен. Заявленная Б. Ельциным на V Съезде народных

депутатов программа экономических реформ явно указывала на движение России в сторону независимости.

К зиме политиками было сделано все, чтобы огромной страны, просуществовавшей три четверти века, не стало. Однако, несмотря на это, подписание 8 декабря Беловежских соглашений между Беларусью, Россией и Украиной (где констатировался факт прекращения существования СССР и говорилось о создании Содружества Независимых государств), а также события последующих 20 дней оказались неожиданными как для населения страны, так и для мировой политической элиты.

21 декабря в Алма-Ате собрались лидеры 11 республик (за исключением прибалтийских государств и Грузии, вступившей в СНГ через два года) и приняли решение о вступлении в СНГ. Таким образом, Беловежские соглашения были узаконены¹.

Юридически СССР прекратил свое существование 25 декабря 1991 г., когда М. Горбачев сложил с себя полномочия президента страны и вместо красного флага над Кремлем было поднято трехцветное знамя России. В 19 часов по московскому времени страна услышала прощальное выступление М. Горбачева. На следующий день на последнем заседании Совета республик Верховного Совета СССР была принята Декларация о прекращении существования СССР.

* * *

На фоне распада СССР многое кажется второстепенным. И все же следует назвать ряд событий 1991 г., повлиявших на дальнейшее развитие страны.

2 апреля был принят Закон СССР «Об общих началах предпринимательства граждан в СССР», признававший право на частное и коллективное предпринимательство. В стране развитого социализма и общегосударственной собственности впервые допускалось существование частной собственности и разрешалось использование наемных работников. Через две недели правительство России одобрило Программу по стабилизации экономики и переходу к рыночным отношениям, которая затрагивала вопросы приватизации. 3 июля был принят Закон РСФСР «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР».

В конце октября на V съезде народных депутатов РСФСР Б. Ельцин объявил о начале радикальных экономических ре-

форм. Тогда же ему были предоставлены дополнительные полномочия. Он получал право с 1 ноября 1991 г. до 1 декабря 1992 г. издавать указы, которые подлежали приоритетному исполнению, а также приостанавливать действие законодательных актов, препятствующих проведению экономической реформы.

3 декабря в России официально началась свободная продажа валюты населению.

12 апреля 1991 г. регистрацией устава Либерально-демократической партии Советского Союза (ЛДПР) было положено начало многопартийной системы. После подавления путча, 23 августа, Б. Ельцин подписал указ о роспуске компартии России.

27 октября 90% жителей Чеченской республики отдали свои голоса за Джохара Дудаева. Через пять дней народные депутаты России признали чеченские выборы незаконными. В конце ноября указом Д. Дудаева все вооружение, военная техника и имущество воинских частей России на территории Чечни были объявлены собственностью Чеченской республики.

Отношение граждан к СССР в последние годы его существования

Уже в конце 1980-х многим советским гражданам были присущи сомнения относительно нерушимости, устойчивости, жизнеспособности их общественной системы. Это проявлялось, в частности, в том, что почти половина жителей Союза (45%) в 1990 г. затруднялась охарактеризовать политическое устройство своего государства.

В первые месяцы 1990 г. лишь каждый седьмой взрослый житель страны (15%) допускал возможность сохранения социалистического строя. Еще меньше жителей СССР (11%) полагали, что конец тысячелетия они встретят в государстве с тем или иным типом демократического правления. Капитализм, как и военную диктатуру, допускали немногие — по 3%. А 20% исходили из того, что до конца века в СССР сложится некая особая система политического устройства, максимально учитывающая особенности и традиции населяющих его народов².

Мнения россиян о будущем Союза мало отличались от совокупного мнения жителей СССР, хотя в других союзных республиках различия существовали. Так, 15% населения сред-

неазиатских республик полагали, что в течение следующих десяти лет в структуре и организации страны мало что изменится, и только 10% прогнозировали возникновение какой-либо новой формы ассоциации независимых государств. Еще меньшее количество жителей Средней Азии (6%) допускали возможность распада страны на суверенные государства. Вместе с тем, именно такую возможность предвидела почти треть граждан трех прибалтийских советских республик (30%)³.

В конце 1990 г. к сторонникам ранее существовавшей социалистической системы можно было отнести немногим более четверти жителей РСФСР (28%). Не считали общественную систему, созданную после 1917 г., социализмом и полагали, что построение истинного социализма стало возможным лишь с началом перестройки, 19% респондентов. Однако чаще всего (39%) россияне признавали несостоятельность социализма как системы и говорили о необходимости поиска иных путей развития страны⁴. Свыше половины жителей РСФСР (55%) не представляли, что такое «коммунистическая перспектива». Большинство (70%) самым серьезным образом сомневалось в возможности построения коммунизма, и лишь некоторые (13%), несмотря ни на что, не отказывались от этой идеи⁵.

В целом население России не устраивало то, как развиваются события в стране. В начале 1991 г. социологами ВЦИОМа был составлен внушительный перечень того, что вызывало недовольство людей в прошедшем 1990 г. Чаще всего респонденты называли экономические факторы: рост цен, снижение жизненного уровня населения (67%) и дефицит товаров повседневного спроса (52%). Чуть реже (46%) россияне сетовали на рост сепаратистских настроений в союзных республиках. Около четверти опрошенных (22%) были огорчены из-за утраты порядка и потери политической стабильности в стране, и 20% испытывали страх в связи с ростом национализма и утратой единства Союза⁶.

Практически все население СССР (90%) и РСФСР (93%) оценивало 1990 г. как более трудный по сравнению с 1989-м. Три четверти россиян (75%) полагали, что в 1990 г. Советский Союз находился в кризисе, и остальные (25%) констатировали экономический спад⁷.

Отвечая на вопрос о нехватке чего-либо в стране, россияне прежде всего (55%) указывали на дефицит товаров первой

необходимости. Далее следовали обстоятельства политического характера: отсутствие продуманного законодательства (32%), отсутствие в СССР реальной власти (29%) и низкий уровень доверия руководству различного уровня (25%)⁸.

Как следствие, усиление жесткости и агрессивности во взаимоотношениях отмечали 47% опрошенных, 45% ощущали усталость и безразличие, 29% — одиночество, 25% — отчаяние и 23% опрошенных — растерянность⁹. Лишь немногие (15%) смогли сказать, что в 1990 г. они надеялись на лучшее, и еще реже (7%) респонденты отмечали появление чувства уверенности в завтрашнем дне¹⁰.

На рубеже 90-х в СССР происходило заметное снижение уровня политической мобилизации, продолжался спад политической активности, росла апатия (табл. 2).¹¹

Таблица 2
**Респонденты-жители СССР
о собственной политической активности, %**

Суждения	1988	1989	1990	1991	1992
Я всегда принимал(-а) участие в общественной жизни страны	10	13	7	4	3
Для меня сейчас открылась возможность участия в общественной жизни	11	4	1	1	<1
В последнее время я разочарован(-а) в политике	-	12	14	16	16
Политика меня не интересует	11	12	11	21	25
Для меня главное — судьба моего родного народа	34	32	26	28	26

Доверие к политике М. Горбачева стремительно убывало, популярность «отца перестройки» снижалась. В 1988 г. более половины (55%) советских людей назвали М. Горбачева «человеком года». В 1989 г. он опять стал первым среди политиков, но его рейтинг упал до 44%. Одновременно начинала расти известность нового политика общенационального масштаба — Б. Ельцина. Если в 1988 г. его называли «человеком года» лишь 5%, то на следующий год за него проголосовала почти пятая часть взрослого населения (19%). В 1990 г. Б. Ельцин занял первое место, набрав 44% голосов, М. Горбачев же заметно уступал ему (16%)¹².

В начале 2001 г. треть россиян (35%) сказали, что в конце 80-х они хорошо относились к М. Горбачеву, и столько же

(33%) — что плохо. Но при этом почти половина (47%) считала, что если бы М. Горбачев остался у власти еще на несколько лет, то ситуация в России ухудшилась бы¹³.

В 1990 г. в прогнозах на 1991 г. не звучало ни радости, ни оптимизма. Лишь один человек из ста с уверенностью полагал, что наступающий год будет лучше уходящего, и еще четверть участников опросов надеялись на облегчение жизни в 1991 г. Но более половины жителей СССР не ждали ничего хорошего: 20% не верили, что ситуация изменится, и 37% прогнозировали ее ухудшение¹⁴. Более трети опрошенных предсказывали развал системы медицинского обслуживания (36%) и рост забастовок (39%); более половины — развитие практики уклонения от службы в армии (56%) и массовый выход из КПСС (58%); две трети (68%) — увеличение эмиграции¹⁵.

Причин, которые, по мнению жителей РСФСР, привели страну — тогда еще СССР — к столь тяжелому положению, множество. Чаще всего назывались рост организованной преступности, проникновение во власть мафиозных структур (50%) и ошибки в руководстве страны (47%). Треть россиян сетовала на техническую отсталость предприятий, воровство и бюрократизм. От 20% до 25% опрошенных говорили о коррупции, пьянстве, нежелании работать, сокращении количества честных людей¹⁶.

Отметим некоторые особенности трендов мнений советских граждан относительно факторов, порождавших главные трудности страны (табл. 3)¹⁷.

Таблица 3
Мнения жителей СССР
о причинах переживаемых страной трудностей, %

	1988	1989	1990
<i>Причины, действие которых стало отмечаться чаще</i>			
ошибки в руководстве страны	24	31	47
утрата религиозности	7	10	12
деятельность скрытых врагов	6	9	11
<i>Причины, действие которых стало отмечаться реже</i>			
техническая отсталость предприятий	42	43	35
засилье бюрократов	41	39	29
низкая квалификация специалистов	26	24	19
зажим инициативных людей, «уравниловка»	23	20	17
наследие сталинизма	13	14	8
отход от принципов социализма	16	18	5

Однозначно интерпретировать данную динамику мнений сложно, однако можно утверждать, что за три года перестроечных преобразований понимание людьми социального пространства претерпело заметные изменения.

Прежде всего гласность сделала отношение населения к высшему руководству СССР более критическим. Люди и раньше отдавали себе отчет в том, что именно Москва определяла течение основных социально-политических процессов в стране, однако в обществе не было принято жестко высказываться в адрес «верхов». Теперь стереотип был сломан. К тому же пресса муссировала слухи о том, что горбачевские преобразования были срежиссированы Западом.

Среди «неблагоприятных» факторов, упоминание которых за три года перестройки сократилось, первые четыре имеют экономико-производственную природу, а пятый и шестой — историческую. Справедливо предположить, что появление кооперативов, возможность организовать собственное дело, создание первых совместных предприятий, возможность выехать на работу за рубеж и т. д. не столько способствовали снижению претензий к старой бюрократической производственной системе, сдерживавшей инициативу самостоятельных работников, сколько, явившись альтернативой, обусловили вытеснение бюрократических препятствий из разряда «главных трудностей страны».

Сокращение упоминания таких причин, как наследие сталинизма и отход от принципов социализма, возможно, иллюстрирует начало развития новых тенденций в массовом сознании советских граждан. Во-первых, кризис, рост преступности и тому подобные явления оживили некоторые картины прошлого, обострили потребность общества в наведении порядка, в «железной руке». Во-вторых, в условиях ослабления роли идеологии, рассматривавшей пережитки сталинизма как обстоятельства, мешавшие поступательному развитию социализма, это явление стало реже классифицироваться как фактор торможения развития страны. Наоборот, по мнению многих, это наследие прошлого должно было использоваться активнее и решительнее.

Что касается второго из «идеологических» факторов, то, безусловно, после нескольких лет гласности, в условиях начального освоения обществом элементов частного предпринима-

тельства «отход от принципов социализма» уже не мог рассматриваться как значимый фактор переживаемых трудностей. Многие, наоборот, полагали, что причиной трудностей был слишком медленный отход от социализма, понимавшегося в те годы однозначно: коммунистическая идеология плюс плановая экономика.

Во второй половине 80-х уже открыто обсуждалась проблема выхода республик из состава Союза. В частности, эти вопросы возникали в связи с проблемой поиска путей улучшения жизни, усиления экономической самостоятельности республик. Осенью 1989 г. только в РСФСР большинство граждан (63%) связывало улучшение жизни с заботой о единстве и сплоченности Союза. На Украине этой точки зрения придерживалась примерно треть населения (30%), а в Армении и Прибалтике — одна десятая (10%). В то же время население России менее настойчиво, чем жители других республик, поддерживало идею суверенитета и выхода из состава СССР: в Прибалтике почти половина граждан (47%) требовала добиваться полного политического самоопределения республик, не исключая отделения от Союза, на Украине и в Армении эту позицию занимала пятая часть населения (20% и 17% соответственно), а в России — лишь одна десятая (10%)¹⁸.

В мае 1990 г. половина жителей Российской Федерации считала, что русский народ будет жить лучше, если ряд республик выйдет из состава СССР. О негативных аспектах подобного процесса говорили чуть менее трети россиян (29%)¹⁹.

Стремление к сосуществованию «сильного центра и сильных республик» отсутствовало. Скорее всего, уже осенью 1989 г. «сильный центр» мало кого по-настоящему прельщало. Больше других эта идея импонировала жителям РСФСР (20%), в остальных республиках она была значительно менее популярна²⁰.

Во второй половине 1989 г. значительная часть жителей Прибалтики считала, что настало время для свободного и детального рассмотрения в прессе (50%) и обсуждения на собраниях (78%) вопроса о возможности выхода некоторых республик из состава СССР. Доля их оппонентов колебалась от 10% (в Прибалтике) до 20% (в России)²¹.

Уже в начале 1991 г. выход республик из состава СССР представлялся многим советским гражданам (67%) вполне вероятным. В частности, такой поворот событий казался возмож-

ным большинству людей с высшим образованием (73%). «Лидером мнений» в этом отношении была Россия: 71% россиян прогнозировали выход ряда республик из состава Союза, в то время как на Украине, в Прибалтике и Казахстане об этом говорили 67%, 65% и 58% населения соответственно²². При этом респонденты, скорее всего, не предполагали, что в случае политического «развода» последует и распад всех экономических связей между республиками. Лишь треть россиян (33%) допускала возможность полного разрыва хозяйственных отношений между республиками.

В конце 1989 г., отвечая на вопрос о том, с чем у них ассоциируется понятие «народ», участники опроса чаще всего называли свою малую родину — место, где они родились (35%), родной язык (32%), прошлое, историю народа (27%), а также государство, в котором они проживают (21%). Среди значимых факторов также упоминались обычаи и праздники, территория, беды и несчастья народа, душевные качества народа, религия. Знамя, герб, гимн, другие символы государственности оказались в заключительных строках списка — важнейшими их признавали лишь 8% респондентов²³.

По мнению жителей РСФСР, русским лучше всего жилось в Центральном регионе России (34%) и в районах Сибири и Дальнего Востока (23%). Белоруссия и Украина даже в те годы расценивались как благоприятное место жительства для русских лишь немногими (11%). Еще более критически участники опроса отнеслись к Прибалтике: только шесть человек из ста полагали, что этот регион подходит русским. Однако наибольший пессимизм высказывался в отношении Закавказья и Средней Азии (Кавказ и Закавказье — 4%, Казахстан — 1%, Средняя Азия — 1%)²⁴.

Возможность распада СССР обостряла постановку вопроса о перспективах жизни русских в национальных союзных республиках. Почти половина населения страны (47%) признавала существование угрозы для жизни русских на Кавказе и в Закавказье, 43% — в Средней Азии, 39% — в Прибалтике, 11% — в автономных республиках РСФСР в Поволжье и Приуралье. Пятая часть населения (20%) допускала даже возможность ввода союзным правительством войск в эти регионы, если русские там будут подвергаться преследованию²⁵.

Однако сказанное вовсе не означает, что жители Советской России хотели бы, чтобы все русские из союзных республик переселились в Российскую Федерацию. Согласны с этим были немногие (13%), две трети (66%) придерживались противоположной точки зрения. Правда, большинство жителей РСФСР (72%) полагало, что русских, которые приедут в Россию, необходимо будет принять и обеспечить их будущее²⁶.

Можно допустить, что отсутствие заметного единодушия в вопросе о судьбе русских в тогда еще гипотетически постсоюзном пространстве объяснялось, в частности, тем, что ни население СССР в целом, ни россияне не имели четкого представления о русских как особой социоэтнической группе. Так, в конце 1990 г. лишь две трети граждан СССР и населения Российской Федерации полагали, что русские, жившие в России, и русские, проживавшие в других союзных республиках, составляют единый народ. Каждый пятый из опрошенных не смог сформулировать свое мнение²⁷.

Отметим, что распад Союза и функционирование России как независимого государства не привели к интеграции российского населения, а наоборот, усилили представление о значимости региональной дифференциации. В начале 2001 г. половина населения (49%) считала родиной Россию в целом, столько же (47%) называли родиной конкретное место своего рождения. Лишь треть опрошенных (33%) не фиксировала отличий земляков от жителей других регионов страны, в то время как 60% отмечали такие различия. При этом каждый четвертый (25%) считал своих земляков лучшими в сравнении с другими россиянами. Легко понять, что именно люди в возрасте 18—35 лет острее других воспринимали «особость» своей малой родины: 70% из них говорили об отличии своих земляков от россиян в целом²⁸.

В начале 1990 г. около 40% граждан СССР затруднялись ответить на вопрос о том, будет ли существовать это государство в 2000 г. Пятая часть жителей страны в будущем видела ее как содружество независимых государств. Несколько меньшая доля (17%) предполагала, что Советский Союз в целом сохранится, но обострятся противоречия и взаимные претензии между республиками. Чуть более одной десятой населения (12%) считали, что Союз распадется на отдельные, не связанные между собой государства. Уверенность в том, что СССР сохранится в неиз-

менном виде, выражали 7% советских граждан. Но были и такие (4%), кому страна в 2000 г. представлялась территорией, на которой воюют между собой бывшие братские республики²⁹.

Осенью 1989 г. 12% советских людей верили в то, что реформы приведут к значительному улучшению жизни, треть (35%) полагала, что коренных изменений не будет, и 16% считали, что «все будет по-старому». Каждый пятый житель страны (19%) прогнозировал ухудшение жизни³⁰. Год спустя почти все граждане Союза (90%) испытывали острую тревогу, чувство страха в отношении будущего³¹.

Более того, в 1990 г. три четверти россиян (74%) не чувствовали уверенности в завтрашнем дне³². Мало кто отчетливо представлял собственное будущее: лишь 4% решались делать прогноз на пять-десять лет и далее. Около пятой части респондентов (17%) утверждали, что знают, как сложится их жизнь лишь в ближайшие год-два. Основная же часть взрослого населения России (61%) не была уверена даже в ближайшем будущем³³.

Путч

19 августа 1991 г. дача М. Горбачева в Крыму в Форосе была блокирована. Исполнение обязанностей Президента СССР взял на себя вице-президент Г. Янаев. Было объявлено о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП), приостановлено функционирование ряда государственных структур и политических организаций, телеканалов, ограничен выпуск ведущих центральных и региональных изданий.

Кроме Г. Янаева в Комитет вошли премьер-министр В. Павлов, заместитель председателя Совета обороны при Президенте СССР О. Бакланов, министр внутренних дел Б. Пуго, министр обороны Д. Язов, председатель Комитета государственной безопасности В. Крючков и др.

В тот же день было распространено «Обращение к гражданам России», подписанное Президентом РСФСР Б. Ельциным, Председателем Совета Министров России И. Силаевым и и. о. Председателя Верховного Совета России Р. Хасбулатовым. В нем свершившееся было названо «правым, реакционным,

антиконституционным переворотом», ГКЧП был объявлен незаконным.

В Москве, Ленинграде, во многих областных центрах начались массовые митинги и демонстрации под лозунгами «Фашизм не пройдет!», «Свободу!», «Лидеров ГКЧП — под суд!». Между тем некоторые руководители регионов поддержали путчистов.

Многие ощущали, что страна находится на грани гражданской войны. К Москве стягивались войска, в город вошли танки. Информации о происходившем в стране практически не было. Тем не менее, 20 августа в 14 часов московское агентство РИА обнародовало итоги пилотажного опроса общественного мнения, проведенного ВЦИОМом. Приводим это сообщение — тоже ставшее историческим — полностью:

«ВЦИОМ: ЖИТЕЛИ КРАСНОЯРСКА НЕ ПОДДЕРЖИВАЮТ ГКЧП И НЕ ЖДУТ ОТ НЕГО НИЧЕГО ХОРОШЕГО.

МОСКВА (РИА). 76% из 266 жителей Красноярска, которым Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 20 августа задал вопрос «Считаете ли Вы законной деятельность ГКЧП?», ответили отрицательно. Положительный ответ дали 12%, столько же затруднились с ответом.

На вопрос «К ухудшению или улучшению экономического положения в стране приведет приход к власти ГКЧП?» 77% опрошенных красноярцев ответили, что к ухудшению, 9% — что к улучшению, 14% — не дали ответа.

61% опрошенных считают, что могут начаться массовые репрессии, 23% не согласны с этим мнением, 16% мнения не имеют.

Призыв Б. Ельцина к бессрочной забастовке поддержали 57% респондентов, 33% высказались против нее, затруднились определиться 9%»³⁴.

К вечеру следующего дня РИА распространило уже более полную информацию:

«17.12. ВЦИОМ: НАРОД ОСУЖДАЕТ ПЕРЕВОРОТ.

Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провел 20 августа опрос населения в разных регионах страны в связи с политической ситуацией в СССР. В целом по

стране деятельность ГКЧП поддержали 20% из 4567 опрошенных, 62% сочли ее незаконной. В России и Казахстане результаты опроса соответственно составляют 23% и 57%, на Украине — 14% за ГКЧП, 72% — против. Приход к власти ГКЧП приведет к улучшению экономического положения в стране — так считали 18% опрошенных, 50% придерживались противоположного мнения. На Украине пессимистический взгляд разделяли 59% опрошенных, в России — 47%, в Казахстане — 35%. Массовых репрессий от ГКЧП ожидало 60% респондентов, 22% их не ожидало»³⁵.

И вслед за ним прошло еще одно сообщение:

**«17.45. ВЦИОМ: МОСКВИЧИ И ЕРЕВАНЦЫ СЧИТАЮТ
ГКЧП НЕЗАКОННЫМ».**

МОСКВА /РИА/. Незаконной считают деятельность ГКЧП 73% из 1792 москвичей и 94% из 155 жителей Еревана, опрошенных 20 августа Всесоюзным центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Противоположного мнения придерживаются 13% москвичей и 1% ереванцев. Массовых репрессий в результате прихода к власти ГКЧП ожидают 72% москвичей и 92% ереванцев»³⁶.

По опросам тех дней, сделанным по горячим следам, можно судить, каково было отношение россиян к ГКЧП в дни путча. Более половины жителей России и почти две трети жителей столицы сочли деятельность путчистов незаконной. Негативное отношение к ГКЧП, в частности, объяснялось тем, что граждане опасались массовых репрессий и ухудшения экономического положения.

Оценивая общую социально-экономическую и политическую атмосферу 1991 г., россияне допускали вероятность негативного развития событий: 72% не исключали возможности всплеска массового насилия на национальной почве, 54% — наступления экономического кризиса, 42% боялись начала гражданской войны, 17% — возврата к массовым репрессиям³⁷.

Многим (44%) казалось возможным отстранение президента СССР от власти. Позиция Б. Ельцина выглядела более устойчивой: возможность его смещения допускала лишь четверть граждан СССР (25%) и столько же — в РСФСР, а около трети респондентов подобный поворот событий считали невозмож-

ным. Около пятой части наших соотечественников (23% граждан Союза и 21% россиян) не исключали того, что к власти придут военные и будет установлена диктатура³⁸.

В августовские дни 1991 г. основную часть населения России встревожили вести из Москвы, ибо советский народ не был знаком с подобными формами борьбы за власть — весь прошлый опыт жизни в СССР показывал, что на смену одному генсеку приходит другой, и страна продолжает поступательное движение по пути, намеченному в 1917 г.

Воспоминания известных людей, наблюдавших за тем, что происходило у Белого дома в Москве (Е. Гайдара, В. Исакова, А. Коржакова, Г. Попова, О. Попцова)³⁹, со всей очевидностью свидетельствуют: тогда, в августе 1991 г., решались не принципиальные вопросы развития страны, а более близкие и простые задачи — шла борьба за власть. Исход ее оказался трагическим — и не только потому, что в дни путча погибли три человека, но и потому, что несколько месяцев спустя развалился СССР.

Главной фигурой демократических сил был Б. Ельцин, но не последнюю роль сыграла решительность москвичей и прежде всего предпринимателей — новой социальной силы, твердо полагавшей, что победа ГКЧП обернется возвратом тоталитаризма. Иначе путчисты могли бы одержать верх.

Многие аналитики сходятся в том, что в 1991 г. Б. Ельцин и его сторонники подобрали власть, выпавшую из рук коммунистов. Но испытывая эйфорию, демократы не смогли предвидеть будущее и выработать нужную стратегию. Все случившееся после путча шахматист Г. Каспаров охарактеризовал словами: «Проиграли партию в выигрышной позиции...»⁴⁰.

Что касается коммунистической номенклатуры, то ее реакция на подавление заговора была прагматичной: она быстро поняла, что ей следует немного «потесниться» и дать место победителям. Опытные функционеры почувствовали, что и в новых обстоятельствах реальная власть останется в их руках — ведь стихийная приватизация уже катилась по стране, и чиновники всех уровней старались «приватизировать» власть, превратить ее в собственность⁴¹. (По оценкам Е. Гайдара, период «позднего» Н. Рыжкова оказался «золотым» для элитных политико-экономических групп, а «размах номенклатурного разво-

ровывания в 1990—1991 гг. намного превосходил все, что мы имели на этой ниве в 1992—1994 гг.»⁴²)

Легкость победы не настраивала Б. Ельцина и его команду на серьезный анализ произошедшего, на поиск новых стратегических направлений в политике. В общественном мнении уже через год после путча наметились тенденции к переоценке событий. В декабре 1992 г. (сразу после завершения судебного процесса по делу ГКЧП) только 38% россиян полагали, что участников августовского переворота следовало признать виновными и лишить свободы. Треть — 33% — сочла возможным признать лидеров ГКЧП виновными, но не наказывать в уголовном порядке. А каждый восьмой — 12% — вообще не видел в их деятельности вины и потому считал наиболее справедливым полное оправдание путчистов⁴³.

Через три года после подавления путча лишь двенадцатая часть населения России (7%) рассматривала события августа 1991 г. как торжество демократии, как победу народа над антиконституционными силами. Основная часть жителей страны (53%) в 1994 г. видела в тех трагических событиях одну из страниц летописи борьбы между различными властными структурами (табл. 4)⁴⁴.

Таблица 4
Россияне о событиях 19—21 августа 1991 года, %

Оценки	Авг. 1994	Авг. 1998	Авг. 1999	Авг. 2000
<i>«Прошло уже много лет после событий 19 — 21 августа 1991 года. Как Вы сейчас оцениваете эти события?»</i>				
Победа демократической революции, покончившей с властью КПСС	7	8	9	9
Трагическое событие, имевшее гибельные последствия для страны и народа	27	31	38	33
Просто эпизод борьбы за власть в высшем руководстве страны	53	46	40	46
Затруднились ответить	13	15	13	12

Итак, со временем интерпретация россиянами событий 19—21 августа 1991 г. менялась. Все реже они оценивали эти события как звено в борьбе за власть различных групп элит и все чаще — как момент гибели страны, в которой они жили. Все большая часть россиян осознавала, что дни путча в дей-

ствительности оказались для них роковыми. Они никуда не переезжали, но обстоятельства перенесли их в новое пространство с чужим для них политическим, социально-экономическим и нравственным ландшафтом. Даже те, кто сориентировался в новой реальности, признавали, что прежняя жизнь была понятней.

В конце 2000 г. при подведении итогов первого десятилетия новой России среди поворотных событий, изменивших жизнь россиян в худшую сторону, многие наши граждане вспомнили события 1991 г.: *«разделение СССР на отдельные государства»; «Союз развалили»; «республики разбежались»; «договор Беловежский»; «1991 год: развал великой страны СССР»*. При этом в тех событиях люди крайне редко усматривали победу демократии над реваншистами.⁴⁵

СССР — прекрасное прошлое

В марте 1991 г. в ходе референдума народ высказался за сохранение СССР, но уже в декабре страны с таким названием не стало. Тогда же возникло Содружество Независимых государств, образованное Белоруссией, Россией и Украиной. К концу 1993 г. в СНГ вошли все бывшие республики Союза — кроме Латвии, Литвы и Эстонии.

Осенью 1997 г. после состоявшейся в Кишиневе встречи руководителей стран-членов СНГ подавляющее большинство россиян (81%) полагало, что России нужен союз с бывшими республиками СССР. Против высказались лишь 11% опрошенных. Одобряя идею сотрудничества бывших республик СССР в рамках СНГ, россияне не интересовались реальным функционированием этого межгосударственного союза. Только треть опрошенных (36%) была в курсе вопросов, обсуждавшихся на встрече. Несмотря на то, что перспективы сотрудничества стран СНГ вызывали оптимизм у большинства россиян (53%), каждый пятый (21%) считал, что со временем экономические и политические связи между странами-членами Содружества будут ослабевать⁴⁶.

Таблица 5

Представления россиян о будущем СНГ, %

Представления	1993	1995	1996	1998	1999
Интеграция республик	9	41	16	15	19
Трудные поиски согласия	18	35	15	13	19
Усиление конфликтов	17	34	15	11	23
Распад СНГ	23	33	8	13	23
Затруднились ответить	18	37	10	21	14

Приведенные данные о динамике отношения россиян к СНГ (табл. 5) позволяют предположить, что в ельцинскую эпоху Содружество не стало для рядовых граждан «своим», «понятным», «осязаемым». В 1993 г. почти три четверти населения (72%) не видели перспективы существования СНГ. К 1998 г. уверенность в возможности интеграции стран-участников СНГ несколько возросла, но потом, после кризисного 1998 г., пессимизм россиян по отношению к роли этой структуры фактически достиг уровня 1993 г. Для преобладающего числа россиян перспективы интеграции республик бывшего Союза так и остались туманными: СНГ существует как «вещь в себе», как некое непонятное образование, лежащее на периферии политического сознания.

* * *

В феврале 1998 г., через семь лет после распада СССР⁴⁷, более половины граждан России (58%) считали, что этого можно было избежать. Обращаясь мысленно к прошлому и суммируя пережитое, две трети россиян (66%) сожалели о случившемся. Спустя еще два года идею возможности сохранения Союза в 1991 г. поддержали почти две трети взрослого населения страны, а чувство сожаления по поводу развала СССР испытывали семь человек из десяти (70%).

В марте 2001 г., через десять лет после горбачевского референдума о судьбе СССР⁴⁸, основная масса россиян уже не помнила, как голосовала и каков был итог того всенародного плебисцита. Но, по мнению большинства (63%), СССР можно было тогда сохранить.

Россияне, 12 июня 1990 г. в целом приветствовавшие принятие на Первом съезде народных депутатов РСФСР Декларации

ции о государственном суверенитете России, со временем начали относиться к этому событию достаточно критично. По-видимому, многим стало понятно, что принятие Декларации фактически стало катализатором процесса развала Союза.

Летом 1998 г. более трети россиян (39%) негативно оценивали факт суверенитета своей страны, четверть (24%) видела в этом событии и позитивные и негативные аспекты, пятая часть (22%) воспринимала суверенитет России как явление исключительно положительное.

Респонденты называли следующие негативные стороны независимости: ослабление государственной власти (71%), потеря ощущения единства нации, чувства сплоченности (62%), потери в экономическом развитии (60%), снижение политической роли России в мире (55%), возрастание внешней угрозы (52%)⁴⁹.

В 1998 г. за неделю до Дня независимости России респондентов просили сказать, какое событие отмечает Россия 12 июня. Правильный ответ дали лишь две трети опрошенных (61%). Остальные либо вообще не смогли ответить на вопрос (24%), либо дали неправильный ответ (15%). Видимо, за семь лет этот день не стал знаковым, памятным для россиян. Жители страны рассматривали 12 июня не в качестве общенационального праздника, а скорее как дополнительный день отдыха⁵⁰.

Обращает на себя внимание и тот факт, что дата установления независимости России вдвое чаще, чем годовщина Октябрьской революции (14% против 8% среди осведомленных о соответствующем празднике), воспринималась россиянами как трагический момент в истории страны. По-видимому, дело объясняется просто: революция произошла давно, она отделяла царскую Россию, не знакомую живущим поколениям россиян, от советского строя, создававшегося этими поколениями и понятного им. Наоборот, День независимости в сознании большинства — это водораздел между «своим» прошлым и тем «чужим», которое против их воли стало их настоящим (табл. 6).

Таблица 6

**Мнения россиян о государственных праздниках —
Дне независимости России и годовщине Октябрьской революции, %**

Суждения	Годовщина Октябрьской революции (7 ноября)	День независимости России (12 июня)
<i>Что означает для Вас день 7 ноября / 12 июня?</i>		
Ничего не означает	20	21
Дополнительный выходной день	22	19
Большой праздник	47	9
Годовщина трагедии для нашей страны	8	9
Затрудняюсь ответить	3	4
Не знаю, что это за день	-	38

В 1992 г. более двух третей россиян (69%) сожалели о распаде СССР. В последний год ельцинской эпохи это чувство испытывало преобладающее число граждан страны (85%), а в конце 2000 г. этот показатель оставался почти таким же высоким (79%)⁵¹.

В 1994 г. почти половина россиян (44%) считала, что было бы лучше, если бы в стране все оставалось таким, как до 1985 г., треть (34%) не соглашалась с ними и почти четверть (23%) затруднялась определить свое отношение к поставленной проблеме. Через пять лет степень определенности в соотношении «плюсов» и «минусов» доперестроечного и послеперестроечного времени выросла и одобрение прошлого стало более заметным. В 1999 г. лишь 15% взрослого населения России не могли однозначно оценить, позитивное или негативное значение имела перестройка и десятилетие ельцинских реформ. Четверть населения (27%) приветствовала все произошедшие социально-экономические преобразования в стране. Однако при этом свыше половины россиян (58%) полагали, что было бы лучше, если бы все оставалось по-прежнему⁵².

В период, предшествовавший отставке Б. Ельцина, ностальгические настроения сформировали у россиян вполне определенное отношение к различным политическим системам. Наибольшее предпочтение отдавалось советской организации общества, существовавшей до 1990-х гг. В 1997 г. почти половине граждан России (45%) данная политическая система ка-

залась лучшей. Этот показатель оставался неизменным в 1998 и 2000 гг. В разные годы ельцинской эпохи от четверти до трети населения признавали лучшей модель общества западного типа. Наименее же привлекательной неизменно оказывалась существовавшая организация российского общества. В 1997 и 1998 гг. ее оценивали как лучшую 7% опрошенных, а в 2000 г. — 4%⁵³.

В начале 2001 г. 70% россиян считали, что Россия в целом проиграла из-за распада СССР. Они обосновывали свое мнение следующими фактами: появились новые границы, установился визовый режим между бывшими республиками СССР, произошло резкое снижение уровня жизни, обнищание населения, очевиден развал экономики и появление безработицы, вырос национализм и возникли вооруженные конфликты на этой почве, снизился международный статус России и т. д. И потому на вопрос «Если бы сегодня проводился референдум об объединении всех бывших союзных республик, Вы бы лично проголосовали за объединение или против?» большинство (72%) ответили — «за». Против проголосовали бы почти в пять раз меньше россиян (15%). Тем не менее, очень многие (58%) признавали тот факт, что восстановить СССР невозможно⁵⁴.

Когда в конце 2000 г. в стране активно обсуждался вопрос о гимне и В. Путин предложил Думе использовать для гимна России музыку А. Александрова, общественное мнение решительно поддержало его (77%). Прежде всего люди объясняли это решение президента эстетическими соображениями: музыку Александрова можно назвать «народным гимном», это «гениальная мелодия», «музыка — торжественная, величественная»; «вдохновляющая, патриотическая, легкая для исполнения». Но не реже указывались и историко-социальные обстоятельства: «2/3 населения выросли с младенческих лет на этом гимне»; «с этой музыкой много событий связано»; «многие помнят эту музыку»; «история России связана с этим гимном». Были и такие, кто полагал, что своим решением В. Путин пытался предотвратить раскол в обществе и стремился, чтобы гимн страны отвечал идеалам большинства: «согласие в обществе создать»; «не хотел раскола в стране»; «так захотел народ — в частности, старшее поколение»⁵⁵.

* * *

Три раза в течение десяти лет ВЦИОМ предлагал россиянам перечень важных событий XX столетия и просил указать те из них, которые определили лицо эпохи. По итогам такого голосования все три раза на первом месте оказывалась победа в Великой Отечественной войне. В 1989 и 1994 гг. три четверти населения (75% и 73%) называли ее самым значительным событием века, а в 1999 г. подобного мнения придерживалось еще больше россиян (85%). Второе место устойчиво занимал Октябрь 1917 г.

В постперестроечные годы взгляд на место революции в цепи важнейших событий прошлого претерпел заметное изменение, но все равно почти половина жителей России (49% в 1994 г. и 48% — в 1999 г.) видела в революции одно из краеугольных событий века. 1994 г. был первым, когда распад СССР был включен социологами в перечень величайших событий ста лет. Тогда четверо из каждых десяти человек (40%) признали распад Союза в качестве наиболее значимого события истории XX века, и, таким образом, это событие сразу оказалось третьим на «лестнице истории» века. В 1999 г., в конце ельцинской эпохи, подобное мнение разделяла почти половина россиян (47%), но в этом случае оно располагалось на четвертой сверху ступени, пропустив вперед полет Юрия Гагарина (54%)⁵⁶.

В конце декабря самого последнего года XX века Фонд «Общественное мнение» спросил россиян: «*Какое событие из произошедших в мире в XX веке Вы назвали бы событием века?*». Это был открытый вопрос, и иерархия важнейших событий столетия в ответах респондентов полностью совпала с приведенными выше данными. Четверть опрошенных (23%) назвала Вторую мировую войну, каждый десятый (9%) — революцию 1917 г. и полет Ю. Гагарина. Четвертым по значимости событием века оказался распад СССР (6%)⁵⁷.

¹ Содружество Независимых Государств (http://cis.minsk.by/russian/cis_prof.htm); Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (http://cis.minsk.by/russian/cis_doc4.htm).

² Общественное мнение в цифрах. Информационное издание (далее — *ОМ в цифрах*). М.: ВЦИОМ, 1991. Вып. 14. С. 18.

³ Там же. С. 20.

- ⁴ Общественное мнение России в цифрах и комментариях. М.: ВЦИОМ, 1991. С. 14.
- ⁵ Там же. С. 15.
- ⁶ *ОМ в цифрах*. 1991. Вып. 13. С. 12.
- ⁷ Там же. С. 8.
- ⁸ Там же. С. 17.
- ⁹ Там же. С. 19.
- ¹⁰ Там же. С. 18.
- ¹¹ Левада Ю. От мнений к пониманию. М., 2000. С. 11.
- ¹² Там же. С. 12.
- ¹³ М. Горбачев: историческая роль (<http://www.fom.ru/survey/dpril/137/>).
- ¹⁴ *ОМ в цифрах*. 1991. Вып. 17. С. 4.
- ¹⁵ Там же. С. 4-7.
- ¹⁶ *ОМ в цифрах*. 1991. Вып. 14. С. 6.
- ¹⁷ *ОМ в цифрах*. С. 69.
- ¹⁸ *ОМ в цифрах*. 1989. Вып. 2. С. 11.
- ¹⁹ *ОМ в цифрах*. 1990. Вып. 14 (21). С. 9.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *ОМ в цифрах*. 1989. Вып. 2. С. 12.
- ²² *ОМ в цифрах*. 1991. Вып. 17. С. 13.
- ²³ *ОМ в цифрах*. 1989. Вып. 1 (8). С. 16.
- ²⁴ *ОМ в цифрах*. 1990. Вып. 7. С. 7.
- ²⁵ Там же. С. 9-15.
- ²⁶ Там же. С. 8.
- ²⁷ Там же. С. 6.
- ²⁸ Родина: место рождения или вся Россия? (<http://www.fom.ru/reports/frames/of011104.html>).
- ²⁹ *ОМ в цифрах*. 1990. Вып. 14. С. 19.
- ³⁰ *ОМ в цифрах*. 1989. Вып. 1. С. 9.
- ³¹ *ОМ в цифрах*. Вып. 8. 1991. С. 15.
- ³² Там же. С. 19.
- ³³ *ОМ в цифрах*. Вып. 18-19. С. 13.
- ³⁴ Путч: день второй. 20 августа 1991 года // Путч. Хроника тревожных дней. М.: Прогресс, 1991 (электронная версия — <http://www.russ.ru/antolog/1991/putch22.htm>).
- ³⁵ Путч: день третий. 21 августа 1991 года // Путч. Хроника тревожных дней. М.: Прогресс, 1991 (электронная версия — <http://www.russ.ru/antolog/1991/putch32.htm>).
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ *ОМ в цифрах*. 1991. Вып. 18-19. С. 4-6.
- ³⁸ Там же. С. 8-9.
- ³⁹ Шевцова Л. Прощание с Союзом // Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М., 1999 (электронная версия — <http://pubs.carnegie.ru/russian/>).
- ⁴⁰ Плутник А. Человек железных принципов, готовый к компромиссам: В четверг поутру с Гарри Каспаровым // Общая газета. 2001. Он-лайн вып. 8. 22 февр. (<http://www.og.ru/archieve/2001/08/mat/i1.shtml>).
- ⁴¹ Гайдар Е. Государство и эволюция. Как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян. Глава IV. Частная собственность номенклатуры. СПб.: Норма, 1997. С. 117 (электронная версия — <http://www.peter-club.spb.ru/library/Gaidar4.html>).

- ⁴² Там же. Глава V. Первоначальное накопление. С. 159-160 (электронная версия — <http://www.peter-club.spb.ru/library/Gaidar5.html>).
- ⁴³ В поле зрения. М.: ФОМ, 1993. Вып. 3.
- ⁴⁴ Пресс-выпуск. 17 августа 2000 г. М.: ВЦИОМ, 2000 (<http://www.wciom.ru/vciom/new/press/press000817.htm>).
- ⁴⁵ Последнее десятилетие: ретроспектива // Поле мнений. Доминанты. 2000. Вып. 33. 8 дек. (электронная версия — <http://www.fom.ru/survey/dominant/106/>).
- ⁴⁶ Россияне об СНГ (<http://classic.fom.ru/fominfo/info190.htm>).
- ⁴⁷ Правительство и реформы, масленица и пост (<http://www.polit.ru/documents/192870.html>) — опрос ВЦИОМ.
- ⁴⁸ К годовщине референдума о сохранении СССР (<http://www.fom.ru/survey/finfo/141/>).
- ⁴⁹ Отношение населения к независимости России (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-219.htm#>).
- ⁵⁰ День независимости в оценках россиян (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-219.htm#3>).
- ⁵¹ Воссоздание СССР желательно, но невозможно (<http://www.fom.ru/survey/finfo/141/>).
- ⁵² Левада Ю. От мнений к пониманию. М., 2000. С. 439.
- ⁵³ Дубин Б. Запад, граница, особый путь: символика «другого» в политической мифологии современной России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены (далее — *Мониторинг ОМ*). ВЦИОМ, 2000. № 6 (50). С. 28.
- ⁵⁴ Воссоздание СССР желательно, но невозможно (<http://www.fom.ru/survey/finfo/141/>).
- ⁵⁵ «Символизирует все, все жилы трогает» (<http://www.fom.ru/reports/frames/of005001.html>).
- ⁵⁶ Левада Ю. От мнений к пониманию. М., 2000. С. 450.
- ⁵⁷ Чем запомнился россиянам XX век (<http://www.fom.ru/reports/frames/of005101.html>).

Год 1992 Прыжок в капитализм

Отметины года

1992 г. вошел в историю России как момент начала экономической реформы и резкого снижения качества жизни основной части населения страны. Люди оказались поставленными перед необходимостью практического освоения реалий свободного рынка и лавирования среди последствий резкого ухода государства из сферы управления экономикой. В то же время восстанавливается деятельность коммунистов в России и зарождается конфликт между исполнительной и законодательной ветвями власти.

В последнее воскресенье 1991 г. Б. Ельцин выступил по телевидению и сказал: «Нам предстоит создать основы новой жизни. Говорил не раз и хочу повторить: нам будет трудно, но этот период не будет длинным. Речь идет о 6—8 месяцах». На следующий день после встречи Нового года началась реализация указа Президента России «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий», принятого в конце декабря 1991 г. Были освобождены цены, и начался процесс их либерализации. В интервью газете «Труд» 2 января 1992 г. Б. Ельцин обещал «избежать острых экономических конфликтов, товарных блокад, таможенных барьеров». Президент заявил, что ситуация будет развиваться так: «Сначала будет хуже, затем стабилизация, а примерно через год — медленное, но улучшение».

11 июня 1992 г. была принята первая Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 г. Предусматривалась модель приватизации, включавшая две формы: платная, или ваучерная, — для активной части населения и безвозмездная — для членов трудовых коллективов. 1 октября началась выдача гражданам России при-

ватизационных чеков. В середине декабря срок их выдачи был продлен на один месяц — до 31 января 1993 г.

В 1992 г. стал раскручиваться и другой процесс, оказавший впоследствии решающее влияние на политический климат в стране. В апреле обострились отношения между Верховным Советом народных депутатов и правительством. Весной Е. Гайдар, фактически бывший главой правительства, заявил о невозможности проведения реформ — следствием стали серьезные изменения в составе Совета Министров.

В начале зимы с замечаниями по поводу преодоления кризиса выступил Председатель Конституционного суда В. Зорькин. Б. Ельцин обратился к народу с предложением провести общероссийский референдум об отношении к власти и о проведении экономической реформы.

12 декабря Б. Ельцин и Председатель Верховного Совета Р. Хасбулатов подписали согласительный документ «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации», которым предусматривалось проведение в апреле 1993 г. референдума по основным положениям новой Конституции России. Тогда же съезд принял постановление «О стабилизации конституционного строя».

И еще одно знаковое событие года. В ноябре, накануне вынесения Конституционным судом РФ вердикта о законности президентского указа о запрещении деятельности КПСС и КП РСФСР, был создан инициативный (организационный) комитет по созыву II чрезвычайного (восстановительно-объединительного) съезда компартии России. Его возглавил бывший первый секретарь ЦК КП РСФСР Валентин Купцов. 30 ноября Конституционный суд отменил запрет КП РСФСР. После этого в инициативный оргкомитет по созыву съезда вошел сопредседатель Фронта национального спасения Геннадий Зюганов. Он стал одним из лидеров оргкомитета.

Когда доживала старая экономика...

К моменту завершения эпохи Б. Ельцина общественное мнение критически оценивало экономическое положение страны и жизненный уровень населения. Среди важнейших причин бедственного положения государства и населения прежде всего

называлась неверно проведенная приватизация, понимаемая в самом широком смысле: как развитие частной собственности, как передел собственности и даже как ельцинская экономическая реформа в целом.

Напомним, как советские граждане воспринимали окружающую их экономическую среду и как они оценивали свое экономическое положение на рубеже 80-90-х, т.е. в период завершения перестройки и начала ельцинской России.

Результаты репрезентативного опроса населения СССР, проведенного ВЦИОМом в начале осени 1989 г., показывают, что уже тогда взгляд людей на экономическое положение страны был весьма грустным. Свыше половины советских граждан (54%) характеризовали экономическое положение Союза как критическое и еще свыше трети (38%) — как неблагополучное¹. В частности, почти каждый второй житель страны (49%) говорил о дороговизне продуктов питания и промышленных товаров, чуть меньше опрошенных (44%) отмечали незаинтересованность работников в результатах труда, треть (31%) — несовершенство планирования, более четверти (28%) — монополизм государственных предприятий и отсутствие конкуренции².

Широко распространенным (53%) было мнение о том, что распределение доходов в обществе — несправедливое; почти половина граждан (45%) оценивала существовавший механизм распределения доходов несколько мягче — «не совсем справедливый». Более того, две трети опрошенных (63%) указали на то, что разрыв между семьями с высокими и низкими доходами за истекшие два-три года увеличился. Только 5% респондентов говорили о сокращении неравенства в доходах³.

Негативное отношение к экономике и к власти усугублялось тем, что жители СССР не видели реальных шагов руководства страны для нормализации ситуации. В целом доминировала точка зрения (64%), что стране не удастся перестроить свою экономику⁴.

По мнению большинства жителей СССР, в 1989 г. ухудшилось снабжение промышленными товарами (83%) и продуктами (78%). Многие (43%) полагали, что распределение в обществе материальных благ стало еще более несправедливым, чем раньше⁵. В начале 1990 г. две трети советских людей отмечали, что в сравнении с предыдущими двумя-тремя годами состояние

экономики страны «скорее ухудшилось» (42%) или «безусловно ухудшилось» (24%). И все же в обществе сохранялась определенная мера оптимизма: 12% опрошенных надеялись на скорое улучшение положения в экономике, четверть (24%) не видела тенденций к дальнейшему ухудшению, и свыше трети (37%) допускали временное ухудшение, после которого произойдет улучшение⁶.

Год спустя лишь 2% граждан СССР оценивали экономическое положение своих регионов и страны в целом как благополучное, чуть более трети же (37%) считали его неблагоприятным. Более половины (56%) давали еще более резкую оценку — «кризис». Наименьшим оптимизмом отличались самые активные: работающее население в возрасте от 24 до 54 лет и особенно — люди с высшим образованием. В этих группах населения доли критического восприятия экономики составляли соответственно 60% и 67%⁷.

В конце 1990 г. половина населения России (50%) выражала беспокойство по поводу исчезновения из свободной продажи мыла, одежды, тканей, обуви и других повседневных товаров. С такой же настоятельностью говорилось о резком ухудшении снабжения продуктами. Чуть меньшая часть респондентов (46%) среди острейших проблем называла рост цен, инфляцию, более четверти опрошенных (27%) ощущали нехватку денег. Сравнивая 1989 и 1990 гг., практически все (92—93%) фиксировали ухудшение в снабжении продуктами и товарами, две трети (63%) — в работе больниц и аптек⁸.

Фактически 80—85% советских граждан на личном опыте знали, что такое бедность. Пятая часть (22%) — всегда ощущала себя бедной, четвертая (26%) — в детстве и юности, треть (34%) — в годы создания своей собственной семьи⁹.

Четверть советского населения (24%), несмотря ни на что, считала СССР страной «богатой» или «скорее богатой, чем бедной», а вот почти две трети (64%) — «бедной» или «скорее бедной»; 13% либо не задумывались над этим, либо не знали, что по этому поводу можно сказать¹⁰.

Основную причину трудностей в сфере экономики население Союза видело в ошибках, допущенных в период перестройки, это отмечали 45% респондентов. В первую очередь подобная точка зрения высказывалась представителями старших поколе-

ний и наименее образованными группами населения (образование до девяти классов).

В среднем четверть советских людей видела причину экономических проблем в самой природе социализма, но здесь взгляды представителей разных групп населения заметно различались: так, среди высокообразованных респондентов эта причина называлась в три раза чаще, чем среди тех, кто не имел полного среднего образования (38% против 13%). Знаменательно, что точка зрения россиян на причины экономических трудностей фактически совпадала с точкой зрения населения СССР в целом, но отличалась от взглядов жителей Эстонии. В этой прибалтийской республике относительно немногие (16%) возлагали ответственность за экономические трудности на лидеров перестройки, а две трети (66%) объясняли их природой социалистической системы хозяйствования¹¹.

К концу 1990 г. граждане стали еще меньше доверять своему правительству: половина населения страны (50%) считала, что у руководства нет продуманной системы мер по преодолению экономических трудностей, треть (35%) затруднялась сказать что-либо определенное по этому поводу и только 14% сохраняли известный оптимизм, полагая, что правительство знает, что, когда и как надо делать. При этом степень пессимизма зависела от уровня образования: среди людей с высшим образованием не доверяли правительству две трети (64%), а с образованием до 9 классов таких было значительно меньше (40%)¹².

Кризисные явления в экономике советского общества, фиксировавшиеся общественным мнением на рубеже 80-90-х, насквозь пронизали всю ткань общества. Они не могли присутствовать лишь в мире макроотношений, оставаясь за порогами домов людей, не заходя в семьи, не отражаясь в сознании и поведении рядовых граждан. И потому неудивительно, что оценки всего того, с чем люди ежесекундно встречались (а вернее сказать, никогда не расставались) в своем малом мире, были столь же безрадостны, как и оценка состояния общества в целом.

Осенью 1989 г. подавляющее большинство советских семей (85%) тратило половину и более своих доходов на покупку продуктов питания. При этом 22% наших сограждан «проедали» почти все свои деньги, около 40% оставляли в продуктовых

магазинах и на рынках более половины имевшихся в их распоряжении денег, и пятая часть семей затрачивала на еду ровно половину своих доходов¹³.

Питание оценивалось весьма критично. Лишь одна пятая населения (19%) была удовлетворена всеми важнейшими компонентами питания. Четверть опрошенных (27%) говорила, что в количественном отношении все нормально, но они вынуждены приобретать продукты низкого качества. Практически одна семья из десяти (9%) старалась выдержать качество за счет снижения количества потребляемых продуктов. Наконец, около трети (31%) жаловались и на недостаточное количество, и на низкое качество продуктов¹⁴. Соответственно, лишь одна пятая часть опрошенных (22%) не ощущала вовсе или ощущала редко недостаток необходимых продуктов, тогда как семь человек из десяти (73%) испытывали это часто или постоянно¹⁵. Если называть вещи своими именами — многие голодали. Именно в те годы рассказывали такой невеселый анекдот. Один человек говорит другому: «Раньше мы иногда могли сказать у кассы в магазине: «Пожалуйста, 300 граммов «Особой» и 200 граммов телячьей колбасы. Теперь, если повезет, мы говорим: «Пожалуйста, полкило колбасы». Вскоре мы будем просить полкило еды».

Многие были вынуждены довольствоваться очень ограниченным рационом питания. Подавляющее большинство семей (83%) назвало только одну позицию, по которой продуктов было достаточно: хлеб, макароны и крупы. Две трети опрошенных (67%) имели в достаточном количестве растительное масло и сало — прежде всего это были жители сел, небольших и средних городов, — но четверти семей (24%) продуктов этого типа не хватало. Три четверти семей (77%) испытывали нехватку мяса, рыбы и птицы, и только около 20% не жаловались на это. Чуть лучше обстояло дело с овощами и фруктами — многих выручали сады и огороды. Во всяком случае, треть семей (31%) имела овощи и фрукты в достаточном количестве. Однако почти две трети семей (64%) все же ощущали их нехватку¹⁶.

При этом следует отметить, что в 1989 г. даже при наличии денег люди часто не могли приобрести необходимые им продукты питания, так как в условиях дефицита существовало множество других препятствий, разделявших покупателя и то-

вары. Почти две трети участников одного из опросов (61%) жаловались на огромные потери времени при поиске продуктов и при ожидании в очередях; треть (34%) вынуждена была покупать необходимые продукты питания на рынках, где все было значительно дороже; 16% говорили, что они вынуждены ездить за продуктами в другие города; 15% отмечали, что их выручает личное подсобное хозяйство.

В ходу были всевозможные виды талонов, купонов, продовольственных заказов, номерков, выдаваемых на работе, и специальных записей и отметок по месту жительства и в поликлиниках. Это помогало людям хоть как-то обеспечивать их семьи продуктами питания, и потому половина населения (51%) приветствовала это явление. Но одна треть (34%) относилась к этим элементам и символам «военного времени» отрицательно¹⁷.

Оценивая 1989 г. в целом, шесть человек из десяти (60%) говорили о том, что в наибольшей степени повседневную жизнь их семьи омрачало отсутствие необходимых товаров и продуктов. Далее следовали нехватка денег (31%), низкое качество обслуживания в магазинах, поликлиниках и т. д. (29%), плохие жилищные условия (17%)¹⁸. Менее трети респондентов (29%) удалось отложить некоторое количество денег на будущее, четверо из десяти (41%) собирались, но не смогли этого сделать, и треть из них (30%) и не планировала делать сбережения, понимая невозможность этого.

Лишь одна пятая часть граждан (19%) могла позволить себе не откладывать деньги на приобретение одежды, обуви, белья и других повседневных товаров. Все остальные были вынуждены это делать. Треть населения (35%) зачастую отказывала себе в приобретении необходимых вещей из-за отсутствия денег¹⁹.

В перечне остро необходимых семье товаров (одежду и обувь просили не включать) оказались следующие: чулки, носки, колготки (50%), хозяйственное мыло, стиральный порошок (41%), зубная паста, туалетное мыло и иные средства гигиены (35%), нательное и постельное белье, скатерти и прочее (34%)²⁰.

Качество государственной торговли промышленными товарами повседневного спроса оценивалось крайне низко. Отмечалось отсутствие в продаже необходимых товаров (69%), низкое качество продукции (44%), высокая цена (23%)²¹.

Естественно, большинство граждан (71%) не надеялось купить все необходимое в ближайшее время в государственной торговле и потому выискивало другие «каналы». Кто-то предполагал купить на вещевых рынках или у частных лиц (27%), кто-то надеялся на свои силы и умения и подумывал, как это сделать самому (10%), кто-то планировал купить в новой по тому времени системе торговли — у кооператоров (9%)²².

Принимая во внимание почти всеобщий дефицит промышленных товаров первой необходимости, можно понять, почему почти половина советских людей (45%) положительно относилась к использованию талонов на мыло и другие моющие средства.

Еще одним следствием дефицита было то, что люди запасались определенными товарами. Так, в конце 1989 г. лишь немногие (16%) не имели дома запасов моющих средств, одна пятая (21%) полагала, что их домашних запасов им хватит на одну-две недели, половина (50%) — на месяц-три, а некоторые семьи (6%) обладали более чем полугодовым запасом²³. Очевидно, что на домашних «складах» хранились не только моющие средства, но и, в зависимости от материального положения и возможности «достать» необходимое, запасы одежды и обуви, круп и консервов, материалов и инструментов.

Возможно, новые поколения уже и не знают, что глагол «достать» использовался раньше как синоним глагола «купить». В нормальной экономике человек может купить необходимое, если у него есть деньги. В той, советской, экономике мало было обладать деньгами — нужны были связи, знакомства, принадлежность к определенному кругу.

В начале 1990 г. лишь очень малая часть (3%) респондентов оценивала материальное положение своей семьи как очень хорошее, и десятая часть (12%) — скорее как хорошее, чем плохое. Немногим менее двух третей (60%) рассматривали его как среднее — в чем-то хорошее, а в чем-то плохое; 18% были готовы признать его скорее плохим, чем хорошим, и около 5% характеризовали его как плохое²⁴.

В 1990 г. люди фактически не знали, что такое рыночная экономика, но опасались за свое будущее. По мнению трех четвертей жителей страны (75%), переход к новому типу экономических отношений будет означать и переход их семей в разряд малообеспеченных²⁵.

**Отношение к тому,
чего в «нормальном» СССР не должно было быть**

В конце 80-х только очень немногие люди, в далеком детстве, юности и ранней молодости заставшие короткий период НЭПа, могли на основе собственных воспоминаний говорить о частном производстве и частной торговле. Опыт поведения на свободном рынке всех последующих поколений россиян, да и советских граждан в целом — за исключением жителей Прибалтики, Западной Украины и еще нескольких регионов, — был ограничен редкими встречами с легальными «частниками» (врачи, надомники, кустари), вынужденными контактами со всяческими посредниками и представителями подпольного, зачастую криминального, бизнеса, а также походами на базар.

На протяжении многих десятилетий людям с детства прививали мысль о том, что революция уничтожила частную собственность и все в стране является достоянием всего народа, что капиталист, буржуй, кулак, торгаш, частник и т. д. — это представитель чужой, антинародной, враждебной социализму экономики и социальной системы. Людям внушали боязнь частнособственнических установок и мелкобуржуазной морали, объясняя многие застаревшие проблемы общества действием еще не устраненных пережитков капитализма и вредным влиянием Запада. Правоохранительные органы и контролирующие организации пресекали любые инициативы в области совершенствования хозяйственных механизмов, если в них обнаруживался (или в них хотели обнаружить) хотя бы легкий намек на нарушение действовавших механизмов распределения. Одно из главных правил жизни гласило: «Не высывайся!».

Тем не менее, в конце 80-х общественное мнение спокойно отозвалось на первые попытки руководства страны внедрить в социалистическую экономику некоторые элементы рыночных отношений.

Приводимая ниже статистика мнений, полученная в 1989 г., является исходной, базовой для анализа динамики отношения общественного мнения к различным формам хозяйствования и собственности (табл. 7)²⁶.

Таблица 7

**Отношение населения СССР
к новым формам хозяйствования, % по строке**

Формы хозяйствования	Одобряющие	Не одобряющие	Не определившиеся
Фермерские хозяйства	67	4	29
Аренда	66	6	28
Совместные предприятия с иностранными фирмами	64	8	28
Индивидуальная трудовая деятельность	57	13	30
Акционерные предприятия, акции которых принадлежат работникам	41	6	53
Кооперативы	25	50	25
Предприятия, принадлежащие частным лицам	24	36	40

Каждая из новых форм собственности была одобрена по крайней мере четвертью взрослого населения страны, что не мало, принимая во внимание историю СССР, его политическое устройство и экономическую систему. Кроме того, рассматриваемые формы хозяйствования были в разной степени знакомы населению. По поводу акционерных предприятий высказалось чуть меньше половины участников опроса (47%), хотя в конце 80-х жители страны практически не имели четких представлений о такой форме собственности. Кооперативы в то время у людей симпатий явно не вызывали, а наибольшие симпатии привлекали фермерские хозяйства, арендаторство и совместные с иностранными фирмами предприятия.

Причина большого разброса оценок различных форм хозяйствования, по-видимому, заключается в особенностях восприятия массовым сознанием новых, только возникающих форм. К кооперативам и индивидуально-трудовой деятельности, уже знакомым на практике, большинство жителей СССР относилось по-разному: первые одобрялись заметно реже, чем вторые.

Отношение к таким формам хозяйствования, собственности, как совместные с иностранными фирмами предприятия; акционерные предприятия, акции которых принадлежат работникам; предприятия, принадлежащие частным лицам, пока еще не

опиралось на опыт практической деятельности. Тем не менее их оценки были полярными. Первые две формы оценивались положительно, ибо, скорее всего, они воспринимались как разновидности коллективных форм собственности, против которых советский человек не возражал. Но слова «принадлежащие частным лицам» еще содержали «угрозу» и автоматически порождали негативную реакцию.

Позитивное отношение к фермерским хозяйствам было, возможно, порождено неприятием существовавших форм организации сельского труда. Так, в ноябре 1989 г. за приоритетное развитие колхозов и совхозов высказалось 19% и 15% населения Союза. В то же время четверть опрошенных (25%) «голосовала» за первоочередную поддержку арендаторов, и еще больше граждан (34%) склонялись в пользу всемерной помощи фермам, принадлежащим отдельным хозяевам²⁷.

Можно предположить, что положительное отношение к аренде — при том, что ее экономическая природа была мало знакома населению, — определялось двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что средства массовой информации идеализировали образ существующих арендных предприятий. Во-вторых, поэтизировалась деятельность традиционной российской артели.

Полученные спустя несколько месяцев результаты подтвердили приведенную статистику отношения к зарождавшимся и обсуждавшимся в обществе формам собственности. Измерялся тип отношения: «положительное — отрицательное». Результат выражался индексом, равным отношению позитивных ответов к негативным. В соответствии с его значением формы хозяйствования в порядке убывания расположились следующим образом: акционерные предприятия (принадлежащие трудовым коллективам) — 9,0; арендные предприятия — 7,9; совместные предприятия — 7,1; акционерные предприятия — 5,0; кооперативы — 1,1; предприятия, принадлежащие иностранным фирмам, — 0,9; частные предприятия — 0,7²⁸.

Тем не менее негативный образ, связанный со словом «частный», судя по всему, уже начал размываться. В конце 1989 г. более половины советских граждан (56%) положительно относились к существованию в стране частной собственности. Доля оппонентов была значительно ниже (21%)²⁹.

Однако общественное мнение достаточно четко проводило грань между допустимым отклонением от привычной социалистической модели хозяйствования и — недопустимым. В первом случае имелись в виду небольшие частные мастерские, магазины, ателье («за» — 77%), частные предприятия по переработке сельхозпродукции (82%), в сфере легкой промышленности (67%), медицине (57%), образовании (52%). Фактически треть (30%) советских граждан допускала привлечение относительно небольшого числа наемных работников, и еще одна пятая (19%) полагала, что здесь вообще не должно быть ограничений³⁰. Почти две трети (60%) думали, что появление в СССР частных предприятий улучшит экономику страны³¹.

Недопустимым люди считали приватизацию крупных фабрик и заводов (против — 57%), существование частных предприятий в оборонной промышленности (против — 71%), станкостроении (47%), автомобилестроении (42%) и ряде других отраслей³².

Отношение к передаче земли в индивидуальное пользование в целом было позитивным и характеризовалось весьма широким спектром мнений (табл. 8)³³.

Таблица 8

**Население СССР о передаче земли
в индивидуальное пользование сельским и городским жителям, %**

Суждения	Передача земли	
	сельским жителям	городским жителям
Следует бесплатно наделить людей землей, но без права продажи	40	36
Государство должно продавать землю всем желающим	21	25
Следует передавать землю за плату в долгосрочную аренду	15	17
Следует бесплатно наделить людей землей с правом ее перепродажи	14	9
Не следует передавать землю в индивидуальное пользование	5	7

В общественном мнении доминировало представление, что переход от коллективного к индивидуальному пользованию землей осуществляется путем бесплатной раздачи земли (54%

выступили за бесплатную передачу земли в собственность сельским жителям, 45% — горожанам).

По мнению большинства опрошенных (90%), именно производители сельскохозяйственной продукции должны были решать, что и сколько производить в их хозяйстве. Они сами должны устанавливать цены на произведенную продукцию (60%). Им следует предоставить право передачи земли по наследству (72%), ее покупки и продажи (33%). Они могут использовать труд наемных работников (40%)³⁴.

Таковой в целом была картина общественного мнения о новых, «несоциалистических» формах собственности в начале 90-х годов. Развитие политических, экономических и социальных процессов в следующие два-три года фактически не изменило этих исходных взглядов населения на различные формы собственности³⁵.

Общественное мнение было вполне терпимо к различным типам частного малого бизнеса (в 1992 г. 69% опрошенных положительно относились к небольшим частным предприятиям, магазинам, кафе и 86% — к частному владению небольшими участками земли), однако оно явно не было готово признать допустимым российское крупное частное предпринимательство, и тем более — «включить «зеленый» для крупного иностранного капитала (так, 51% россиян отрицательно относились к частному владению крупными заводами и фабриками, и 72% не желали, чтобы таковыми владели иностранцы).

Поколения советских людей воспитывались в духе неприятия капитализма и капиталистов, потому реакция людей на вопрос о том, согласились ли бы они пойти работать на «частника», представляет немалый интерес, ведь большинство опрошенных не имело собственного опыта работы на частных предприятиях, да и окружающие не могли поделиться с ними своими наблюдениями и ощущениями по этому поводу.

В конце 1990 г. более половины советских людей (54%) согласились бы пойти работать на «частника», если бы получили такое предложение, и лишь 24% отказались бы. Интересно распределение ответов среди представителей различных социально-демографических групп. Так, стремление поработать на частника было выражено сильнее у молодых людей (64%) и слабее — у их родителей (только 35% людей старше 55 лет согласились бы на такое предложение). Люди с высшим обра-

зованием были готовы активно откликнуться на приглашение работать на частном предприятии (67%), а среди не имеющих среднего образования таких было значительно меньше (41%). Россияне проявляли в этом отношении большую сдержанность, чем население Эстонии: работать в частном секторе были готовы немногим более половины россиян (55%), тогда как среди жителей Эстонии за такую возможность высказывалось преобладающее большинство (81%)³⁶.

В конце 1990 г. в СССР менее 1% населения были владельцами собственного бизнеса, но треть взрослых (35%) имела намерение попробовать себя в новой области хозяйствования, причем среди молодежи таких была почти половина (52%), среди людей старше 55 лет — в три раза меньше (18%). Люди с высшим образованием проявляли к новому делу больший интерес, и их установки были более выраженными (46%) в сравнении с теми, кто не закончил и девяти классов (24%). Россияне относились к перспективе открытия собственного дела менее активно, чем жители других республик: треть (29%) хотела бы, но почти половина (45%) — не имела подобных намерений. В Эстонии обнаруживалась почти противоположная ситуация: готовность открыть собственный бизнес высказывали 54% населения, нежелание — треть (32%)³⁷.

В силу объективных и субъективных причин желание стать фермером посещало людей реже, чем намерение стать капиталистом. И тем не менее пятая часть жителей еще советской России (20%) — причем это относится как к жителям сел, так и к горожанам — выражала желание создать собственное фермерское хозяйство. Более половины жителей РСФСР (55%) — не хотели. Какие же были препятствия для развития фермерского хозяйствования? Прежде всего, по мнению людей, отсутствие денег и невозможность получения кредита (36%), отсутствие необходимых знаний и навыков (24%), недоверие государству, которое однажды может закрыть любое предприятие (18%), труднопреодолимая волокита и бюрократия (18%). Четыре человека из ста боялись осуждения, враждебности со стороны окружающих³⁸.

На рубеже 1980—1990-х четверо из десяти россиян (41%) считали, что в стране не должно быть безработицы, и вдвое меньше людей (18%) рассматривали ее как вполне допустимое явление, причем почти столько же (18%) полагали, что в малых

размерах она даже полезна. Кроме того, небольшая часть населения (9%) усматривала в безработице один из необходимых механизмов эффективной экономики. Таким образом, число тех, кто считал безработицу недопустимой, и тех, кто в тех или иных ее формах рассматривал безработицу в качестве естественной, возможной и даже необходимой формы социальных отношений, было примерно равным³⁹.

Приватизация стартовала...

В октябре 1992 г., в самом начале масштабной приватизации, отношение населения к выдаче приватизационных чеков было скорее положительным, чем отрицательным, но в принципе — еще не сложившимся.

Положительное отношение к ваучерам высказывали чуть более трети россиян (38%), а отрицательное — четверть (27%). Остальные (35%) не имели определенного мнения.

Самыми активными сторонниками ваучерной приватизации были фермеры (66%), руководители коммерческих структур (55%), колхозов и совхозов (53%), работники сельского хозяйства (47%), управленцы областного уровня и руководство государственных предприятий (45%)⁴⁰. Понятно, что они были более других заинтересованы в разгосударствлении.

К началу зимы 1992 г. большинство владельцев чеков (58%) еще не знали, как они ими распорядятся. Среди тех, кто уже принял решение, были люди, ориентировавшиеся на покупку акций своего (10%) или какого-то другого (8%) предприятия. Но наибольшей по численности (16%) была группа населения, предпочитавшая продать свой ваучер⁴¹. Сходную статистику давали и результаты опросов ВЦИОМа. Согласно их данным, до конца 1992 г. примерно 6% россиян использовали свои приватизационные чеки, а к марту 1993 г. это уже сделала четверть взрослого населения страны (24%). И все равно большинство (62%) не знало, что с ними делать⁴².

В марте 1993 г. россияне так и не пришли к единому мнению в вопросе о выдаче правительством ваучеров: почти треть (31%) относилась к этому процессу положительно, четверть (25%) — определенно отрицательно, почти столько же (28%) — безразлично, а 16% затруднялись с ответом. Одна из причин такого

распределения мнений — отсутствие информации о том, как лучше распорядиться приватизационным чеком (на это указывали 70% респондентов), вторая — большинство наших сограждан не видело в чеках никакой выгоды для себя.

События, происходившие в обществе, скандалы между различными структурами власти, антиприватизационные выступления многих политиков, членов правительства, руководителей отраслей и регионов явно подрывали доверие населения к приватизации и сеяли сомнения в ее жизнеспособности. У многих возникал естественный вопрос: не отменят ли ее вообще?

А. Чубайс вспоминает: «В январе 1993 года цена на чеки стала катастрофически падать. От максимального уровня в 9—10 тысяч рублей курс упал более чем в 2 раза — до 4 тысяч. А 2 февраля курс завалился до рекордно низкой точки: 3950. Моя оценка состояла в том, что катастрофа — это 3800»⁴³.

Поначалу покупка дополнительных приватизационных чеков казалась людям выгодной: в октябре 1992 г. такое намерение высказывали 15% россиян, в ноябре — 21%, а в декабре — 26%. Но затем процесс пошел на спад: в январе 1993 г. купить дополнительные ваучеры предполагали менее пятой части россиян, а в марте — лишь 8%⁴⁴. Резко сократилось число людей, скупавших ваучеры, шел сброс чеков, их рынок постепенно умирал.

В начале 1993 г. около трети граждан страны (30%) считали, что приватизация должна проводиться прежде всего в интересах трудовых коллективов. Именно они, по мнению россиян, должны были стать новыми собственниками государственного имущества. Однако более распространенным (57%) было мнение, что результатами приватизации должны в равной мере пользоваться все граждане, независимо от места работы, в том числе и не работавшие⁴⁵.

Весной 1993 г. треть работников уже приватизированных или стоящих на пороге приватизации предприятий (34%) полагала, что приватизация для них выгодна. Пятая часть работников (20%) не считала, что их предприятию это полезно, одна десятая (9%) вообще была против приватизации. Более трети (37%) не имели по этому поводу определенного мнения.

К осени отношение к приватизации стало чуть более определенным и несколько более положительным. Доля работников, не имевших мнения относительно приватизации предпри-

ятия, на котором они работали, сократилась на 4%, а численность тех, кто поддерживал приватизацию своих предприятий, возросла на 7%. При этом большинство начало склоняться к пониманию того, что на их собственную судьбу приватизация не повлияет. Если в начале года такую точку зрения разделяла четверть работников (25%), то к осени — почти половина (45%)⁴⁶.

В целом же за шесть месяцев, в течение которых люди наблюдали за ситуацией в стране и на своих предприятиях, заметных перемен в отношении россиян к последствиям приватизации предприятий не произошло: и в апреле, и в августе опрошенные надеялись, что в этом случае повысится стабильность предприятия (по 16% «голосов» в каждом из этих месяцев), увеличится заработок (29% и 24% соответственно), что они станут больше и эффективнее работать (по 8%) и улучшится психологический климат (по 4%). Не усилились и опасения потерять работу: весной его выражали 25% работников, осенью — 23%. В значительной мере это определялось тем, что приватизация — уже состоявшаяся или предполагавшаяся, — по мнению работников, ничего не меняла в системе управления предприятиями и фактически не увеличивала возможности рядовых тружеников влиять на ее деятельность. Люди видели, что реально предприятиями будет владеть действующая администрация (31 и 30%) и директор (20%), тогда как роли традиционного коллективного управленческого механизма (трудового коллектива) и новой организационной структуры (собрания акционеров) будут незначительны (соответственно 16% и 9%). Идеальные же представления работников о владельце приватизированных предприятий были иными: 41% из них считали, что главная роль в руководстве должна принадлежать трудовому коллективу, а 15% — собранию акционеров. Что касается действовавшего директора, то его в качестве владельца видели не более 10% работников, а администрацию практически никто не рассматривал в этой новой функции (в ее пользу высказалось всего 2% опрошенных)⁴⁷.

Осенью 1992 г. россияне считали, что от приватизации выиграют уже появившиеся предприниматели, владельцы собственного бизнеса (39%), директора предприятий (22%), государственные чиновники (16%). Мнения, что не выиграет никто,

придерживались 8% опрошенных. Убеждение, что это будут рядовые работники, встречалось крайне редко (2%)⁴⁸.

Летом следующего года предположения относительно итогов приватизации остались такими же. Население считало, что результатами перераспределения собственности воспользуются в первую очередь уже существующие предприниматели (34%), директора государственных предприятий (28%), представители центральной и местной власти (12%). По-прежнему только незначительное меньшинство (4%) говорило о возможности выгоды для рядовых работников⁴⁹.

Близкие данные приводятся М. Горшковым: в 1992 г. лишь 8% россиян считали, что приватизация осуществляется в интересах трудящихся, а по мнению четверти населения, в выигрыше были торговая мафия и госаппарат⁵⁰.

Весной 1993 г. россияне в целом приветствовали приватизацию земли, мелких и средних предприятий. Соотношение групп населения с позитивными и негативными установками относительно развития частной собственности в перечисленных сферах хозяйства выражалось пропорцией 4:1.

Тем не менее, результаты опросов фиксируют рост негативизма по отношению к приватизации (табл. 9). Он происходил в силу ряда причин. В частности, многие фиксировали затягивание аграрной реформы, замечали негативные последствия начавшейся приватизации и сталкивались в повседневности с усиливавшейся бюрократизацией и криминализацией процесса передачи бывшей госсобственности в руки новых владельцев⁵¹.

Таблица 9
Население РФ о приватизации, %

Отношение	К приватизации земли		К приватизации мелких и средних предприятий	
	октябрь 1992	март 1993	октябрь 1992	март 1993
Отрицательное	18	22	17	20
Безразличное	7	9	10	13
Положительное	68	61	64	57
Неопределенное	7	8	9	10

В целом уровень пессимизма в отношении итогов приватизации был достаточно высок. В апреле 1993 г. четверо из десяти

россиян (43%) не верили в успех начавшегося процесса разгосударствления⁵².

Отмечая сложное, противоречивое отношение общества к экономическим преобразованиям, обрушившимся на россиян в начале 90-х, М. Горшков констатирует проявление тенденции «массового несопротивления вхождению в практику новых форм экономической жизни». И замечает, что для того времени это было немалым морально-психологическим результатом⁵³.

Вопрос о земле

Уже к началу 1990-х не более трети населения России поддерживало колхозно-совхозный путь развития сельской экономики, и около половины склонялось к частному фермерству. Арендаторство поначалу казалось заманчивым и перспективным, но затем доверие к нему резко упало (табл. 10)⁵⁴.

Таблица 10
Мнения населения РФ
об эффективных формах хозяйствования на земле, %

Формы хозяйствования	1990	1991	1992
<i>«Какие формы хозяйствования на земле Вы считаете наиболее эффективными, способными в короткий срок в достатке обеспечить людей продуктами питания?»</i>			
Колхозы	31	22	34
Совхозы	23	25	30
Хозяйства арендаторов	41	37	28
Частные (фермерские) хозяйства	50	46	51
Затрудняюсь ответить	13	15	14

Приведенные данные наглядно иллюстрируют процесс трансформации оптимистических представлений о роли арендных отношений на селе в пессимистические. Кроме того, по ответам видно, что отношение к традиционным для советского времени формам ведения сельского хозяйства начинает пересматриваться. И дело, думается, не в том, что наши сограждане вдруг осознали какие-то ранее не известные им преимущества колхозно-совхозной жизни и загорелись желанием сделать все так, как было. Все проще и грустнее: люди, которым надо было жить, работать, зарабатывать деньги, поняли: если новое и

войдет в их жизнь, то это случится очень нескоро. А если пути вперед нет, приходится идти назад.

К середине октября 1992 г. две трети граждан России (64%) в случае референдума о введении частной собственности на землю сказали бы «да», а доля проголосовавших против была бы почти вчетверо меньше (17%)⁵⁵.

В марте 1993 г. общественное мнение практически единодушно высказалось за введение в стране частной собственности на землю. Три четверти россиян (75%) полагали необходимым, чтобы каждый российский гражданин имел право владеть, пользоваться и распоряжаться землей в качестве ее собственника. Свое несогласие с таким решением земельного вопроса выразила значительно меньшая доля населения (17%)⁵⁶. В целом опросы 1992 и 1993 гг. показали, что преобладающая доля россиян (87%) положительно относится к тому, чтобы людям принадлежали небольшие участки земли. Противников было совсем немного: 6—7%⁵⁷.

Более сложным было отношение к владению крупными земельными участками. В 1992 г. треть россиян (33%) приветствовала подобную практику, но число ее противников было заметно большим (45%). Более одной пятой населения (22%) затруднялось ответить на этот вопрос⁵⁸.

В начале осени 1997 г. три четверти россиян (76%) владели различными по площади и качеству участками земли⁵⁹. И этот показатель не изменился к началу нового века: зимой 2001 г. 75% наших сограждан имели участок, на котором можно было выращивать фрукты и овощи⁶⁰.

В 1997 г. представление о законодательной основе пользования землей было разным: треть опрошенных (33%) полагала, что существующая законодательная база разрешает свободную покупку и продажу земли, почти половина (47%) считала это затруднительным или даже невозможным, остальные (20%) ничего не могли сказать по этому поводу. Сторонниками земельного законодательства, допускавшего куплю-продажу и аренду земли без всяких ограничений, являлись 11% наших сограждан. Разрешить куплю-продажу земли с определенными ограничениями предлагали 42% респондентов. А каждый третий россиянин (33%) полагал необходимым вообще запретить продажу земли в частную собственность.

Сторонники введения ограничений на покупку и продажу земли в первую очередь выдвигали следующие требования: разрешить покупку земли только тем, кто будет ее обрабатывать (64%); запретить операции с землями, включающими водные, лесные и подземные ресурсы (57%); разрешить покупку земли в размере не более определенной ограниченной площади (26%); запретить покупку и продажу сельскохозяйственных угодий (18%). За полный запрет купли-продажи земли для частных лиц в основном выступали сельские жители (47%); среди горожан такой позиции придерживалось вдвое меньше людей (25%)⁶¹.

В сентябре 1997 г. Б. Ельцин настаивал на предоставлении россиянам возможности совершенно свободно покупать и продавать землю, но нижняя палата парламента приняла Земельный кодекс, запрещавший такую продажу. Большинство россиян (52%) высказалось в поддержку позиции Думы в вопросе о продаже земли; лишь четверть (27%) оказались на стороне президента. Наиболее активную поддержку парламентарии получили на селе (69%); жители столиц и областных центров были не столь единодушны (40%)⁶².

Примечательно, что среди сторонников частной собственности лишь меньшинство (15%) отстаивало право абсолютно свободной купли-продажи, в то время как их оппоненты были более категоричны: треть выступавших против частной собственности на землю (37%) голосовала за полный запрет (табл. 11)⁶³.

Таблица 11
Отношение населения РФ
к продаже земли в частную собственность, %

Суждения	В целом	Отношение к частной собственности на землю	
		сторонники	противники
<i>Как Вы думаете, какой из следующих трех вариантов следует принять?</i>			
Разрешить частную собственность на землю, покупку-продажу земли, но с определенными ограничениями	48	60	47
Запретить частную собственность на землю, покупку-продажу земли	31	21	37
Разрешить частную собственность на землю, покупку-продажу земли без всяких ограничений	11	15	8

<i>Если Вы считаете, что нужно ограничить частную собственность на землю, на покупку-продажу земли, то какие именно ограничения следует ввести?</i>			
Запрет на передачу в частную собственность некоторых особых земель (берега рек, озер, леса, месторождения полезных ископаемых и т. д.)	33	38	34
Запрет на владение землей для тех, кто на ней не работает	25	32	23
Запрет на владение землей для тех, кто плохо ее использует	22	28	21
Запрет на сдачу земли в аренду с целью получения прибыли	9	10	10
Запрет на частную собственность земли в черте города	8	10	10

В мае 1998 г. состояние российского общественного мнения по проблеме частной собственности на землю оставалось противоречивым⁶⁴: треть населения (35%) выступала категорически против и продажи земель сельскохозяйственного назначения, и против самого права частной собственности на землю, признанного 9-й и 36-й статьями Конституции РФ. Идея формирования свободного рынка земли не пользовалась популярностью. Гораздо охотнее россияне выступали за продажу земель сельскохозяйственного назначения только тем, кто будет на них работать. Причиной таких настроений прежде всего были опасения по поводу возможного вывода этих земель из разряда сельскохозяйственных, что вело бы к сокращению аграрного производства. Также существовало беспокойство по поводу скупки земельных угодий «нежелательными элементами»: иностранцами, банкирами, земельными спекулянтами, мафией, инородцами и т. д. Наконец, высказывалось предположение, что свободная продажа земли приведет к концентрации части сельскохозяйственных угодий в руках крупных собственников, которые будут широко применять наемный труд. Другими словами, россияне опасались перспективы возникновения «латифундий», где работники будут «батрачить» на хозяев.

Четверть россиян (27%) выступала за реформирование отношений собственности в аграрной сфере, предлагая государству не просто контролировать каждую сделку по купле-продаже сельскохозяйственных угодий, но непосредственно участвовать в ней — в качестве продавца или покупателя. Однако той же

степенью поддержки (25%) пользовалась идея продажи сельхозугодий на свободном рынке.

В начале 1998 г. (табл. 12) 65% взрослых граждан России считали, что решение вопроса о собственности на землю должно приниматься на общенациональном уровне — путем референдума, законотворческой работы высших органов государственной власти или общенациональным форумом тружеников села. И лишь 24% допускали возможность принятия решений на региональном уровне. И это понятно, ведь право продажи и покупки сельскохозяйственных угодий — это вопрос об условиях пользования общенациональным достоянием, он затрагивает интересы каждого гражданина страны. Люди считали, что основные «правила игры» должны быть едиными для всей страны.

Таблица 12

**Мнения россиян о путях решения вопроса
купи-продажи земель сельскохозяйственного назначения, %**

Суждения	1998
<i>Кто, на Ваш взгляд, должен принять окончательное решение о купле-продаже земель сельскохозяйственного назначения?</i>	
Нужен общероссийский референдум	25
Федеральные власти должны принять закон	20
Решение должен принять общероссийский крестьянский съезд	20
Решения должны принимать региональные крестьянские съезды	12
Решения должны принимать региональные власти (губернаторы, законодательные собрания областей)	12
Затрудняюсь ответить	11

В 1998 и в 2000 гг. по-прежнему доминировали два типа отношения к вопросу о купле-продаже земли. От 35% до 40% россиян придерживались запретительной точки зрения, но чуть больше наших сограждан — 47% в 1998 г. и 42% в 2000 г. — допускали возможность покупки и перепродажи земли при соблюдении определенных ограничений. Осенью 2000 г. лишь 7% россиян голосовали за свободное проведение операций на рынке земли. Отчасти такая позиция объясняется тем, что до 60% россиян не видели никакой выгоды в наличии свободного рынка земли и почти две трети населения (63%) опасались роста спекуляции в этой сфере⁶⁵. Данные опроса, проведенного в начале 2001 г., позволили предположить, что нерешительность

Б. Ельцина в проведении аграрной политики привела к тому, что общественное мнение стало все сильнее склоняться к запрету свободной купли-продажи земли. Подобной точки зрения придерживалась уже почти половина респондентов (45%)⁶⁶.

Большинство россиян считало, что пашни, пастбища и прочие земли сельскохозяйственного назначения следует продавать только тем, кто будет работать на таких землях (51% — в 1998 г. и 54% — в 2000 г.), или вообще никому не продавать (35% и 33% соответственно). Устойчивым было мнение о негативных последствиях свободной купли-продажи таких земель. Чаще всего высказывалось суждение, что это приведет к ухудшению материального положения крестьян (38% в 1998 г. и 43% в 2000 г.) и к снижению сельскохозяйственного производства (41% и 38% соответственно)⁶⁷.

При анализе возможных отрицательных последствий введения свободной купли-продажи земли чаще всего (29%) высказывались опасения, что положение крестьян ухудшится, например: *«вся земля перейдет к богатым, а не к народу»*, *«землю раскупят те, кто на ней никогда не работал»*, *«земли будут принадлежать помещикам, а пот проливать на них будут крепостные»*. С той же настоятельностью (24%) выражалась обеспокоенность тем, что в этом случае земля станет объектом спекуляции людей, далеких от проблем сельского хозяйства: *«кто-то купит землю, а она будет стоять без дела»*, *«земли могут просто простаивать»*. Часть россиян (8%) волновалась из-за того, что землю могут купить «чужаки»: *«землю выкупят японцы и корейцы»*, *«земля окажется в руках нерусских людей»* и т. д.⁶⁸.

Приватизация: больше вреда, чем пользы

Книга о приватизации в России, подготовленная под руководством А. Чубайса, начинается со следующих слов: «Признаться, я уже давно привык к тому, что «во всем виноват Чубайс». Эдакое всенародное пугало, бездушный истукан. Одним словом — «Чубайс на ваши головы!». Оправдываться не собираюсь... Но все-таки в одном, принципиальном, как мне кажется, вопросе мне бы очень хотелось быть понятым своими соотечественниками»⁶⁹.

Этот принципиальный вопрос в интерпретации А. Чубайса имеет два аспекта. Первый — политико-экономический, и здесь приватизация рассматривается как ответ на объективные вызовы общественного развития. Она должна была быть осуществлена. Второй аспект — технологический: «команда Гайдара» вынуждена была действовать в очень узком коридоре, оставленном ей существующим законодательством и реальной практикой хозяйствования тогда еще всесильного «директорского корпуса». Ситуация складывалась так, что приватизация могла быть проведена только в случае предоставления значительных льгот трудовым коллективам и их руководству. Идеологически это выглядело красиво — общенародная собственность как бы возвращалась тем, кто ее произвел, — но в реальности все за копейки было куплено прежней, советской элитой.

А. Чубайс признает, что у него и его соратников по приватизации были ошибки. «Однако в главном, — пишет он, — я убежден в этом, мы были правы»⁷⁰.

Но это не единственная точка зрения на процесс приватизации и его итоги. Приведем и суждения «другой стороны», принадлежащие С. Глазьеву, известному экономисту, члену первого российского правительства, одному из наиболее принципиальных критиков социально-экономических реформ Б. Ельцина.

В процессе развития российской экономики С. Глазьев выделяет пять циклов обнищания населения, снижения его жизненного уровня⁷¹.

Цикл 1 — 1992 г.: либерализация цен, обесценивание доходов и сбережений населения.

Цикл 2 — 1992—1993 гг.: утрата подавляющим большинством населения прав на ранее созданное общенародное имущество, приватизированное узкой прослойкой властвующей олигархии.

Цикл 3 — 1993—1994 гг.: обесценивание сбережений и утрата имущества населения в финансовых пирамидах.

Цикл 4 — 1995 г.: резкое снижение реальных доходов населения и разрушение производительных сил общества в результате проводившейся макроэкономической политики.

Цикл 5 — 1995—1998 гг.: втягивание государственного бюджета, сбережений населения и денежных ресурсов производст-

венной сферы в «пирамиду» государственного долга; банкротство государственной системы.

Итоги своего анализа автор суммирует следующим образом: «По своему разрушительному эффекту для производительных сил избранная для осуществления революционных преобразований форма приватизации не уступает национализации и реквизиции имущества в эпоху военного коммунизма»⁷². По мнению С. Глазьева, политика саморазрушения экономической системы государства, проводившаяся в России с 1992 г., «приобрела характер геноцида широких слоев населения»⁷³.

Т. Шанин назвал социально-экономическое выживание громадной части российского населения одним из главных парадоксов новейшей истории⁷⁴.

А. Чубайс, судя по цитированным выше суждениям, даже не осознал наличия разного рода факторов (обесценивания всех не очень значительных многолетних трудовых сбережений граждан, снижения качества жизни россиян и выпадения их из системы социального обеспечения), заставивших миллионы наших сограждан долгие годы расплачиваться не за свои ошибки и в сложнейших условиях нового общества с непонятными законами искать способы и пути выживания.

В книге А. Чубайса в деталях описана политическая атмосфера, в которой приходилось осуществлять разгосударствление собственности, и цепь действий, составивших содержание ваучерной приватизации. Поскольку, несмотря на действительно огромные сложности, команде А. Чубайса в целом удалось решить стоявшую перед ними задачу, книга оптимистична. Однако можно утверждать, что мощный «звон литавр» пришлось бы приглушить, если бы «архитекторы и строители здания приватизации» зашли к его жильцам, не занимающим элитных квартир, и спросили их, как прошел процесс переселения, как они ощущают себя на новом месте.

Вместе с тем, существует множество фактов, не укладывающихся в «картину ужасов», нарисованную С. Глазьевым, не отвечающих его концепции национального геноцида. С. Глазьев недооценил мощную жизненную силу россиян и не осознал, что поводов говорить о времени массовых похорон в России, к счастью, нет. Этот политик прошел мимо анализа механизмов адаптации населения: и тех, которые были изобретены и эффективно заработали «в низах», и тех — пусть и очень

ограниченных и слабых — которые были сконструированы «верхами».

А вот как оценивают приватизацию те, для кого она делалась.

Ваучерная приватизация проводилась в 1993—1994 гг., но и в 1997 г. большинство россиян помнило, как они распорядились своим приватизационным чеком. По данным, полученным в июле 1997 г.⁷⁵, треть владельцев ваучеров (34%) продала их, четверть (25%) вложила в акции чекового инвестиционного фонда, по 10% подарили родственникам и приобрели акции предприятий, на которых они работали, или других предприятий. Чуть более трети опрошенных (36%) полагали, что они тогда верно распорядились принадлежавшим им ваучером, и примерно столько же (31%) оценивали свое решение как ошибочное. Почти каждый пятый (19%) не был склонен хвалить или порицать свой выбор: люди полагали, что от их решения все равно ничего не зависело, и просчитать последствия было трудно. Самым лучшим считали свой поступок те, кто продал приватизационные чеки (66%); более других досадовали россияне, вложившие ваучеры в чековые инвестиционные фонды (66%).

Последний факт имел немаловажное значение для отношения общества к приватизации в целом. Приведем слова Д. Васильева — одного из организаторов и активных деятелей приватизации: «Образованная часть населения пострадала сильнее, чем необразованная. И как ни странно, потому что интеллигенция пыталась вложить с умом: ...в солидные чековые инвестиционные фонды, обещавшие хорошие дивиденды... Кстати, именно потому, что интеллигенция, ожидавшая от разгосударствления больше других, получила от нее меньше, чем ожидала, недовольство приватизацией обрело такой ярко выраженный общественный характер. Ведь интеллигенция — это тот слой общества, который может четко сформулировать свои претензии и сделать их достоянием широкой гласности, так как имеет доступ к средствам массовой коммуникации»⁷⁶.

* * *

Осенью 1997 г.⁷⁷ больше половины россиян (54%) высказались против продажи государственной собственности частным лицам, в том числе 38% — категорически против. Наиболее

активны здесь были работники акционированных предприятий (60%). Многим из занятых в государственном секторе эта точка зрения также была близка (49%).

Сторонников продажи государственной собственности в частные руки было в два раза меньше (27%). Приветствовались приватизация квартир (51%), предприятий службы быта и мелких производственных предприятий (по 38%). Но, как и пять лет назад, лишь меньшинство соглашалось с приватизацией крупных производственных (7%) и добывающих (5%) предприятий, а также собственности совхозов (16%). Большинство россиян (60%) считало, что крупные производственные предприятия, шахты, предприятия нефте-, газо-, золотодобывающей промышленности должны остаться в собственности государства (60%).

Отрицательное отношение к приватизации соседствовало с мнением о том, что частные предприятия работают лучше, чем предприятия иных форм хозяйствования. С подобным утверждением соглашались 40% наших сограждан — почти в три раза больше тех, кто разделял противоположную точку зрения (15%).

Большинство населения (58%) полагало, что приватизация крупных предприятий приводит к «разбазариванию достояния России», и лишь относительно немногие (12%) были согласны с позицией правительства, видевшего в этом способ получить необходимые для бюджета деньги и уверенного в том, что приватизация будет способствовать росту производства. Негативное отношение к приватизации крупных предприятий выражали не только сторонники оппозиции (72%), но и приверженцы реформаторского курса (50%). Скептически оценивали россияне и возможную пользу от западных инвестиций: около половины (46%) высказывались за ограничение роли западного капитала в России. И только 17% соглашались с тем, что западные инвестиции смогут способствовать подъему российской экономики⁷⁸.

В середине 1998 г. две трети россиян (63%) отмечали, что приватизация в стране проводилась с нарушениями закона. Многие воспринимали все происходившее как грандиозную аферу (табл. 13, 14)⁷⁹.

Таблица 13

Россияне о степени законности приватизации, %

Суждения	1998
<i>На Ваш взгляд, приватизация в нашей стране проводилась по закону или с нарушением закона?</i>	
По закону	6
По-разному	16
С нарушением закона	63
Затрудняюсь ответить	15

Таблица 14

Жители РФ о пользе и вреде приватизации, %

Суждения	Май 1998	Октябрь 1998
<i>Как Вы думаете, приватизация принесла России в целом больше пользы или вреда</i>		
Больше пользы, чем вреда	7	8
Того и другого поровну	17	15
Больше вреда, чем пользы	61	64
Затрудняюсь ответить	14	14

Зная представления россиян о законности и социальной справедливости, легко понять характер их отношения к той собственности, которая была получена с нарушением закона. И потому представляется естественным, что половина граждан (54%) была за полное возвращение полученной «неправедным» путем собственности государству, а одна пятая (21%) не могла однозначно сформулировать своего отношения к возникшей ситуации. Наиболее верным считали перепродажу незаконно приватизированной собственности новому владельцу 17% граждан, но 10% россиян не возражали бы против того, чтобы все осталось, как было⁸⁰.

В 1998 г. еще трудно было сказать, указывал ли высокий уровень единодушия общественного мнения в вопросе о возвращении государству незаконно приватизированных предприятий на то, что общество начало обсуждение идеи национализации. Во-первых, речь все же шла о судьбе незаконно приватизированных предприятий, во-вторых, можно было допустить, что люди ориентируются на то, что повторная приватизация будет осуществлена при соблюдении закона. И все же тот факт, что за возвращение государству незаконно приобретенных предприятий высказывалось большинство, заставляет

предположить, что мысль о пересмотре итогов приватизации начинала овладевать сознанием широких масс.

По данным РОМИРа, в конце ноября 1999 г. две трети россиян (65%) выражали уверенность, что пересмотр результатов приватизации в стране нужен, и лишь пятая часть наших сограждан (18%) не видела в этом необходимости⁸¹. В точности та же цифра в поддержку новой — 80 лет спустя после социалистической — национализации приводилась в ноябре 1999 г. как итог опроса, проведенного АРПИ. «Нет» национализации смог сказать лишь один человек из десяти (11%)⁸².

Россияне об экономических итогах правления Б. Ельцина

В 2000 г., после ухода Б. Ельцина в отставку, было проведено множество исследований, нацеленных на анализ отношения общественного мнения к деятельности первого президента России в целом и к отдельным составляющим всего комплекса преобразований, которые осуществлялись в стране в период его руководства. В частности, изучалось отношение людей к центральному пункту ельцинской экономической политики — приватизации.

Не приходится удивляться тому, что летом 2000 г. слово и понятие «приватизация» в той или иной степени было знакомо 95% респондентов. Отвечая на вопрос: «Как Вы понимаете слово «приватизация», что оно означает?», более половины (53%) дали нейтральные определения, трактуя приватизацию как передачу государственной собственности в руки частного владельца или акционера («человек становится хозяином предприятия, которое раньше было государственным»; «раздел национального достояния среди населения»; «квартиры раздают даром»; «покупаешь у государства имущество, и оно вроде становится твоим личным»). Каждый четвертый (24%) — не столько определял этот термин, сколько выражал свое негативное отношение к прошедшей в России приватизации, характеризуя ее как обман, грабеж, жульничество («обман государством своего народа»; «разворовывание государственного добра»)⁸³.

В январе 2000 г.⁸⁴ более трех четвертей населения страны (77%) отрицательно относились к гайдаровским реформам 1992 г. и приватизации — в частности. Лишь 8% россиян поло-

жительно оценивали экономические преобразования, начатые первым российским правительством.

К достижениям ельцинской эпохи в сфере экономики общественное мнение отнесло преодоление дефицита, карточек и очередей (16%), возрождение частной собственности и появление возможности открыть свое дело, обеспечить себя материально (13%), появление свободы действий для энергичных и способных людей (12%) и улучшение качества товаров и услуг (4%).

Однако критических замечаний было больше, и высказывались они значительно большим числом наших сограждан. Более того, в длинном списке трудностей и проблем, переживавшихся обществом в годы правления Б. Ельцина, высшие места заняли именно экономические сложности, которые «обогнали» даже чеченскую войну 1994—1996 гг. (табл. 15).

Таблица 15

Мнения россиян о негативных последствиях «эпохи Ельцина», %

Суждения	2000
<i>Что плохого, на Ваш взгляд, принесли нам годы правления Б. Ельцина?</i>	
Экономический кризис, падение производства	40
Закрытие предприятий, массовая безработица	36
Чеченская война 1994 — 1996 гг.	34
Ухудшение условий жизни, падение покупательной способности, уменьшение богатств России	34
Инфляция, обесценивание сбережений	32
Распад СССР	31
Рост преступности, проникновение во власть организованной преступности	28
Расхищение, разбазаривание государственной собственности, богатств России	28
Невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий	26
Распад системы государственного образования, здравоохранения, системы социального обеспечения	19
Политическая нестабильность, конфликты в руководстве страной	16
Свобода действий для мошенников и казнокрадов	15
Отсутствие уверенности в завтрашнем дне, надежды на будущее	15
Утрата Россией статуса великой державы	11
Другое	3
Не могу назвать ничего плохого	2
Затруднились ответить	4

К середине 2000 г. россияне были весьма определенно настроены в отношении пересмотра итогов приватизации. Подавляющее большинство (75%) было уверено в необходимости возбуждения уголовных дел против владельцев предприятий, приватизированных с нарушением закона, и пересмотра итогов приватизации, если будет доказан факт нарушения закона (63%). Наибольшая солидарность обнаруживалась в рядах сторонников коммунистов, где за судебные преследования и пересмотр итогов приватизации голосовали 75% и 83% соответственно. В обществе наблюдалось редкое единодушие в вопросе о приватизации, а точнее — о возмездии тем, кто присвоил «народное добро»⁸⁵.

Четверть опрошенных (23%) объясняли, что, говоря о «переделе собственности в России», они имели в виду «передачу собственности от одного владельца другому». При этом чаще всего имелась в виду исключительно национализация того, что недавно было приватизировано («*приватизировали неправильно — и все надо вернуть народу*», «*вернуть то, что успели наворовать*», «*возвратить заводы народу и государству*»). Еще 14% не столько стремились разобраться в сути дела, сколько давали приватизации эмоциональную оценку (чаще всего негативную), называя ее «*очередной аферой*», «*бесчестной игрой с народом*», «*бандитскими разборками по отъему собственности*». В незаконном дележе общественное мнение винило криминальные и властные структуры⁸⁶.

Несмотря на то, что и до и после избрания на пост президента В. Путин неоднократно заявлял об отсутствии намерения пересматривать итоги приватизации, более половины россиян (58%) считали эту акцию необходимой. Противников «расприватизации» было вдвое меньше (21%). В случае неэффективной работы приватизированного предприятия россияне чаще всего предлагали его национализировать: так считали 42% респондентов в 1998 г. и 43% — в 2000 г. Судя по всему, за два года отношение россиян к проблеме приватизации не претерпело изменений⁸⁷.

Большинство населения России (70%) выступало за то, чтобы вскрыть нарушения, допущенные при приватизации, и вернуть все государству. Лишь 18% жителей страны склонялись к объявлению финансовой амнистии, т.е. закреплению за суще-

ствующим собственником его прав, и предлагали не поднимать вновь вопрос о правильности проведенной приватизации⁸⁸.

Иными словами, в середине 2000 г. идея «приватизационной амнистии» не была популярной среди населения, преобладающее большинство высказывалось за пересмотр итогов приватизации — особенно в тех случаях, когда она проводилась с нарушением закона. Но еще более решительно граждане выступали за возбуждение уголовных дел против владельцев незаконно приватизированных предприятий⁸⁹.

В силу разных причин: низкой эффективности проведения приватизации, снижения жизненного уровня огромной массы людей, уверенности многих в незаконности большого числа приватизационных решений, серьезного общественного расслоения, очевидной криминализации бизнеса, безработицы, низкой культуры производства и невысокой производительности труда на большей части новых, приватизированных предприятий и др. — общественное мнение пришло к вполне логичным сомнениям относительно целесообразности приватизации, степени оправданности перенесенных населением травм и эффективности рынка как социально-экономической системы.

Опыт десяти лет не убедил россиян в том, что система, основанная на государственном планировании, хуже, чем свободный рынок, что она менее эффективна. В течение последних лет ельцинской эпохи произошел заметный рост числа сторонников плановой системы при стабильной доле населения, полагающей, что рынок — лучше. Вопрос решился просто: все сомневавшиеся в достоинствах и недостатках двух экономических систем в конце концов определились, отдав предпочтение плановой (табл. 16)⁹⁰.

Таблица 16

Россияне о наиболее привлекательной экономической системе, %

Экономическая система	1997	1998	1999	2000
Государственное планирование и распределение	40	47	49	50
Частная собственность и рынок	35	34	34	34
Не определившиеся	25	19	17	16

В значительной мере симпатии к «плану» объясняются ошибками, допущенными «отцами» приватизации. Трудно возразить М. Горшкову, по мнению которого, «приватизация, в той

форме, как она происходила, способствовала не столько укреплению, сколько «размыванию» социальной базы реформы и усиливала массовые ощущения, что эти реформы проводятся прежде всего в интересах элитных групп»⁹¹.

Конечно, многие заявляют, что они приспособились и к новым условиям. Но слишком часто за этим скрывается приспособление к худшей жизни, чем та, которую люди имели до начала реформ: питание — хуже, одежда — более низкого качества, жилье — давно не ремонтировавшееся, мебель — разрушающаяся, бытовая техника — устаревшая и плохо работающая.

Приведенная статистика мнений о привлекательности двух экономических систем (*см. табл. 1б*) дает основание предположить следующее. При отсутствии в ближайшие годы действительно значимых результатов в экономическом развитии страны и заметного повышения качества жизни основной части россиян идеи, принципы, механизмы рыночной экономики еще очень нескоро станут более привлекательными, чем основы советского планового хозяйства. Рост позитивных установок по отношению к советской системе планирования и распределения произошел в силу неприятия российской модели рынка значительными по численности группами молодежи и представителей среднего поколения. Надежды, с которыми многие встречали начало рыночных преобразований, вера в возможность открытия своего бизнеса, приватизационные ожидания не оправдались. Разочарования — очень сильны.

Первые позитивные установки населения на рынок, наблюдавшиеся на рубеже 80-х — 90-х, во многом вызывались усталостью от давления старой системы, пониманием своей зависимости от нее и надеждами, которые люди связывали с приходом нового. Теперь, чтобы общество в целом, активные группы действующих поколений и молодежь поверили в принципы рыночной экономики, государству придется предпринять огромные усилия по преодолению негативного опыта рыночных реформ 1990-х. И этот процесс вряд ли будет быстрым.

¹ *ОМ в цифрах*. 1989. Вып. 4. С. 3.

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же. С. 4.

- ⁵ *ОМ в цифрах*. 1990. Вып. 6 (13). С. 8.
- ⁶ *ОМ в цифрах*. 1990. Вып. 8 (15). С. 12.
- ⁷ *ОМ в цифрах*. 1991. Вып. 8 (часть 1). С. 6.
- ⁸ *ОМ в цифрах*. 1991. Вып. 12. С. 20.
- ⁹ *ОМ в цифрах*. 1990. Вып. 16. С. 8.
- ¹⁰ Там же. С. 8.
- ¹¹ *ОМ в цифрах*. 1991. Вып. 8. С. 9.
- ¹² Там же. С. 10-11.
- ¹³ *ОМ в цифрах*. 1989. Вып. 3, окт. С. 5.
- ¹⁴ Там же. С. 7.
- ¹⁵ Там же. С. 5.
- ¹⁶ Там же. С. 6.
- ¹⁷ Там же. С. 5.
- ¹⁸ *ОМ в цифрах*. 1990. Вып. 8 (15). С. 10.
- ¹⁹ *ОМ в цифрах*. 1990. Вып. 9 (16). С. 10.
- ²⁰ Там же. С. 12.
- ²¹ Там же. С. 13.
- ²² Там же. С. 12.
- ²³ Там же. С. 13.
- ²⁴ *ОМ в цифрах*. 1990. Вып. 11 (18). С. 17.
- ²⁵ *ОМ в цифрах*. 1990. Вып. 16. С. 10.
- ²⁶ *ОМ в цифрах*. 1989. Вып. 4. С. 5.
- ²⁷ *ОМ в цифрах*. 1989. Вып. 7. С. 6.
- ²⁸ Там же. С. 9.
- ²⁹ Там же. С. 12.
- ³⁰ Там же. С. 9-10.
- ³¹ Там же. С. 11.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. 7.
- ³⁴ Там же. С. 8.
- ³⁵ *Мониторинг ОМ*. ВЦИОМ, 1993. № 1. С. 11-38.
- ³⁶ *ОМ в цифрах*. 1991. Вып. 9. С. 15-16.
- ³⁷ Там же. С. 16.
- ³⁸ Там же. С. 17.
- ³⁹ *ОМ в цифрах*. 1991. Вып. 8. С. 16.
- ⁴⁰ В поле зрения. 1992. № 0 (0).
- ⁴¹ В поле зрения. 1993. № 4 (4).
- ⁴² *Мониторинг ОМ*. ВЦИОМ, 1993. № 1. С. 23.
- ⁴³ Приватизация по-русски / Под ред. А. Чубайса. М., 1999. С. 177.
- ⁴⁴ *Мониторинг ОМ*. ВЦИОМ, 1993. № 1. С. 23.
- ⁴⁵ В поле зрения. 1993. № 9 (9).
- ⁴⁶ *Мониторинг ОМ*. ВЦИОМ, 1993. № 8. С. 20.
- ⁴⁷ Там же. С. 22.
- ⁴⁸ В поле зрения. 1993. № 4.
- ⁴⁹ В поле зрения. 1993. № 34.
- ⁵⁰ Горшков М. Российское общество в условиях трансформации. М., 2000. С. 53.
- ⁵¹ В поле зрения. 1993. № 25.
- ⁵² В поле зрения. 1993. № 16.

- ⁵³ Горшков М. Российское общество в условиях трансформации. М., 2000. С. 52.
- ⁵⁴ *Мониторинг ОМ*. ВЦИОМ, 1993. № 1. С. 21.
- ⁵⁵ В поле зрения. 1992. № 0 (0).
- ⁵⁶ В поле зрения. 1993. № 15.
- ⁵⁷ *Мониторинг ОМ*. ВЦИОМ, 1993. № 1. С. 21.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Россияне — против неограниченной продажи земли (<http://classic.fom.ru/fominfo/info176.htm#3>).
- ⁶⁰ Большинство россиян владеет участком земли (<http://www.fom.ru/reports/frames/of011107.html>).
- ⁶¹ Россияне — против неограниченной продажи земли (<http://classic.fom.ru/fominfo/info176.htm#3>).
- ⁶² Россияне о свободной продаже земли (<http://classic.fom.ru/fominfo/info185.htm#4>).
- ⁶³ Общественное мнение о частной собственности на землю (http://classic.fom.ru/obzor/old_305.htm#6).
- ⁶⁴ Проблема купли-продажи земли: принципы и ожидания (<http://classic.fom.ru/obzor/o370.htm#1>).
- ⁶⁵ Земля — это товар или нет? (<http://www.fom.ru/reports/frames/of003204.html>).
- ⁶⁶ Свободная купля-продажа земли: за и против (<http://www.fom.ru/reports/frames/of011101.html>).
- ⁶⁷ Земли сельскохозяйственного назначения: продавать или нет? (<http://www.fom.ru/reports/frames/of003303.html>).
- ⁶⁸ Землю — крестьянам? (<http://www.fom.ru/reports/frames/of011102.html>).
- ⁶⁹ Приватизация по-русски / Под ред. А. Чубайса. М., 1999. С. 3.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Глазьев С. Геноцид. М., 1998. С. 39-79.
- ⁷² Там же. С. 9.
- ⁷³ Там же. С. 5.
- ⁷⁴ Неформальная экономика. Россия и мир. М., 1999. С. 11.
- ⁷⁵ Судьба ваучеров (<http://classic.fom.ru/fominfo/info175.htm#2>).
- ⁷⁶ Приватизация по-русски / Под ред. А. Чубайса. М., 1999. С. 141.
- ⁷⁷ Отношение россиян к приватизации (<http://classic.fom.ru/fominfo/info185.htm#3>).
- ⁷⁸ Приватизация крупных предприятий и западные инвестиции вызывают скепсис у россиян (<http://classic.fom.ru/fominfo/info180.htm#3>).
- ⁷⁹ См.: Необратимы ли итоги приватизации? (<http://classic.fom.ru/obzor/o371.htm#2>); Национализация — на повестке дня? (<http://classic.fom.ru/obzor/o411.htm#1>).
- ⁸⁰ Необратимы ли итоги приватизации? (<http://classic.fom.ru/obzor/o371.htm#2>).
- ⁸¹ Россияне о возможности пересмотра результатов приватизации (<http://www.nns.ru/analytdoc/romopr46.html>).
- ⁸² Общественное мнение России по социально-политическим проблемам / Под ред. А. Милехина и Н. Попова. М., 2000. С. 479.
- ⁸³ Это понятное слово «приватизация» (<http://www.fom.ru/reports/frames/of003004.html>).
- ⁸⁴ Б. Ельцин и прошлое, В. Путин и будущее (<http://www.polit.ru/documents/161766.html>) Опрос ВЦИОМ от 6-10 января 2000.

⁸⁵ Вокруг итогов приватизации (<http://www.fom.ru/reports/frames/of003003.html>).

⁸⁶ Что такое «передел собственности»? (<http://www.fom.ru/reports/frames/of002702.html>).

⁸⁷ Стоит ли пересматривать итоги приватизации? (<http://www.fom.ru/reports/frames/of002701.html>).

⁸⁸ ВЦИОМ. Пресс-выпуск. № 30. 2000. 3 авг. (http://www.wciom.ru:5555/HOME_R.asp).

⁸⁹ Вокруг итогов приватизации (<http://www.fom.ru/reports/frames/d001432.html>).

⁹⁰ *Мониторинг ОМ*. 2000. №6 (50). С. 28.

⁹¹ Горшков М. Российское общество в условиях трансформации. М., 2000. С. 64.

Год 1993

Горячий Октябрь и поражение демократов

Отметины года

Падение уровня жизни населения продолжалось, а политический конфликт между правительством и законодателями, начавший назревать в 1992 г., принял форму военного противостояния. Весной политике президента было оказано общественное доверие, но в конце года ситуация изменилась.

В середине февраля состоялся восстановительно-объединительный съезд Коммунистической партии Российской Федерации, объявившей себя правопреемницей КП РСФСР, и 24 марта КПРФ была зарегистрирована.

9 марта президентом были обнародованы вопросы, выносимые на референдум. Но через три дня VIII чрезвычайный съезд народных депутатов отменил решение о проведении референдума. Одновременно съезд лишил Б. Ельцина всех дополнительных полномочий, которые ему были предоставлены самими же депутатами в ноябре 1991 г.

В целях преодоления кризиса власти Б. Ельцин провозгласил 20 марта в своем телевизионном обращении к народу введение в стране «особого порядка управления» и предложил 25 апреля провести референдум.

Спикер парламента Р. Хасбулатов призвал к объявлению импичмента Б. Ельцину, но это предложение не прошло: не были собраны необходимые две трети голосов депутатов.

31 марта в Москве состоялось подписание федеративного договора, под которым поставили свои подписи представители всех регионов России за исключением Татарстана и Чечни. С Татарстаном договор был подписан в феврале 1994 г., а с Чечней — не был подписан.

25 апреля в России прошел референдум о доверии Б. Ельцину и проводимой им политике. Результаты плебисцита оказались неожиданными для многих: действующий президент фор-

мально одержал серьезную политическую победу. Более половины россиян выразили ему свое доверие (59%) и одобрили его социально-экономическую политику (53%).

В начале осени резко обострился конфликт Б. Ельцина с Верховным Советом. 1 сентября вице-президент Александр Руцкой был «временно отстранен от исполнения обязанностей».

21 сентября 1993 г. Б. Ельцин подписал указ «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», распустил парламент и фактически ввел в стране президентское правление. Одновременно он назначил на декабрь новые выборы в представительные органы. В тот же день Руцкой объявил, что берет на себя обязанности Президента РФ, а 22 октября Верховный Совет назначил Руцкого президентом, и он принес президентскую присягу.

2 октября начались столкновения между сторонниками парламента и внутренними войсками на Смоленской площади. Вечером оппозиция попыталась захватить телецентр «Останкино», но к утру следующего дня правительственные войска смогли взять ситуацию под свой контроль. 3 октября Б. Ельцин ввел в Москве чрезвычайное положение, и утром 4 октября начался танковый обстрел Белого дома. К вечеру все было закончено, и оппозиционеры были помещены в Лефортовскую тюрьму.

12 декабря состоялись выборы в Совет Федерации первого созыва и в Государственную Думу пятого созыва, а также был проведен референдум по поводу Конституции России.

На выборах в нижнюю палату российского парламента 8 избирательных объединений из 13 получили не менее 5% голосов избирателей и прошли в Думу. Почти четверть голосов (23%) получили сторонники В. Жириновского. Он первым уловил тоску россиян по бывшему СССР и их глубокую неудовлетворенность проводившимися реформами. Серьезное поражение потерпели демократы. Блок «Выбор России», возглавлявшийся Е. Гайдаром и выступавший как президентская партия, был поддержан 15,5% участников выборов и лишь на три пункта опередил только что «оживших» после подавления ГКЧП коммунистов (12,4%).

За принятие Конституции России проголосовало заметное большинство — 58,4% избирателей.

До разгона Верховного Совета было еще далеко

Многое из произошедшего в 1993 г. было обусловлено ходом процессов, развивавшихся в России уже после путча 1991 г. Но одновременно все происходившее было прямым продолжением событий конца 80-х, привнесших в советское общество множество политических и социально-экономических новшеств. То же самое можно сказать и о состоянии общественного мнения россиян в 1993 г.: в нем отражались перипетии текущего времени, но оно имело и более глубокие корни. Во всяком случае, в нем явно сохранилось все то, что волновало людей на завершающем этапе перестройки и в первые два года ельцинской эпохи. Выше мы кратко охарактеризовали отношение россиян к экономической ситуации в СССР в позднегорбачевское время и в начале президентства Б. Ельцина; сейчас же приведем статистику мнений по поводу политических реалий жизни населения в тот переломный момент истории России. Выберем два аспекта: отношение к важнейшим институтам власти и к многопартийности.

* * *

Июльский опрос 1989 г. выявил весьма нелестное мнение о власти со стороны населения. Почти половина опрошенных (45%) не считала людей, работавших в выборных органах, «слугами народа». Среди респондентов существовали серьезные сомнения в том, что представители властных институтов озабочены проблемами избирателей: треть россиян (31%) рассматривала руководство как особую элитную группу, жившую собственными интересами. Мнение о том, что органы власти разделяют чаяния простого человека, встречалось редко (14%)¹.

Общество начинало усваивать идею сосуществования различных властных структур и организаций и считало необходимым перераспределить их роли в жизни страны: одним следовало усилить свое влияние, другим — уменьшить. К первым относились Съезд народных депутатов и Верховный Совет (79%), местные органы власти (78%), профсоюзы (69%), республиканские Верховные Советы (62%), средства массовой коммуникации (62%). По итогам опроса, перечень властных организаций, роль которых следовало бы ослабить или вообще свести

на нет, открывался министерствами и ведомствами — такого мнения придерживались около 50% респондентов. Около трети участников опроса полагали, что так же следовало бы поступить с милицией, КГБ, местными коммунистическими организациями и армией².

Почти треть (32%) полагала, что Верховный Совет СССР активно выражает интересы народа, и в полной мере доверяла ему. К организациям, вызывавшим доверие респондентов, относились, кроме того, средства массовой информации (30%) и КПСС (22%). В эту же группу входили только зарождавшиеся неформальные объединения (27%) и религиозные организации (22%), несмотря на то, что многим казалось, что они находятся на периферии общественной жизни и не могут иметь веса в обществе. Меньшим доверием пользовались профсоюзы и местные советы (16%), министерства и ведомства (14%), комсомол (11%) и правоохранительные органы (10%)³.

В течение 1990 г. произошло резкое падение доверия населения РСФСР к высшему руководству СССР и, наоборот, в целом повысилось доверие к высшим российским властным структурам. В декабре 1989 г. Верховному Совету Союза в полной мере доверяли 45% россиян, к лету следующего года этот показатель опустился до 32%, к октябрю упал до 24%, а в декабре 1990 г. он составлял лишь 18%. Соответствующие цифры для высшего законодательного органа России были — 20%, 29%, 39% и 43%.

О своем доверии М. Горбачеву в декабре 1989 г. заявляла половина взрослого населения Российской Федерации, а ровно через год — менее одной пятой. Наоборот, Б. Ельцин «стартовал» с низкого уровня доверия (28%), но более чем успешно (52%) «финишировал» в декабре 1990 г.⁴

Таблица 17
Население РФ о М. Горбачеве и Б. Ельцине, %

Суждения	М. Горбачев	Б. Ельцин
Имеет в своих руках больше власти	72	9
Имеет больший авторитет на международной арене	62	18
Более близок к народу	46	59
Более склонен к поиску общих решений	32	36
Более симпатичен мне лично	20	52
Имеет более продуманную программу деятельности	19	45
Был бы лучше в качестве лидера СССР	19	40

В конце 1990 г. люди признавали, что М. Горбачев наделен большей властью и обладает более высоким международным авторитетом, но считали, что Б. Ельцин ближе к народу, имеет лучшую программу деятельности и в целом более соответствует позиции руководителя Союза (*табл. 17*)⁵.

* * *

И все же важнейшим институтом власти в конце 80-х оставалась КПСС.

В июне 1988 г. состоялась XIX Всесоюзная конференция КПСС, оставившая яркий след в истории перестройки. Летом того года четверо из десяти человек (40%) видели в происходившей на конференции дискуссии борьбу за власть внутри партии между сторонниками перестройки и консерваторами, но почти четверть (25%) считала, что скорее это был поиск единомышленниками решений назревших общественных проблем⁶.

В конце 1989 г. еще наблюдалось достаточно сбалансированное отношение к КПСС: четверть советских людей (27%) вполне доверяла этой политической и властной структуре и столько же (24%) — совсем не доверяли. Но уже в декабре следующего года отношение к коммунистам приобрело явно негативную окраску: около половины жителей Союза (45%) совсем не доверяли и лишь 9% продолжали доверять КПСС. Мнение россиян практически не отличалось от мнения граждан Союза в целом⁷.

В начале 1990 г. не более шести человек из ста (6%) считали, что авторитет КПСС за последнее время возрос, преобладающее же большинство (81%) отмечало его снижение⁸. Лишь 11% населения полагали, что КПСС сохраняет идеологическое и организационное единство, но 40% замечали раскол в рядах партии, и еще треть (34%) фиксировала начало распада коммунистической партии⁹.

Рост недоверия к главной политической организации страны постоянно увеличивался. В январе 1991 г. лишь очень немногие (5%) безоговорочно доверяли КПСС, а к маю таких людей стало еще меньше (3%). А не верили коммунистам — 53% и 62% соответственно¹⁰.

Несмотря на явно негативную окраску отношения жителей страны к КПСС, статистика мнений создает противоречивую картину. Почти две трети опрошенных (62%) в той или иной

степени разделяли точку зрения о том, что без КПСС Советский Союз не стал бы великой страной¹¹, и более половины (58%) продолжали рассматривать коммунистическую партию в качестве объединяющей силы общества. Одновременно почти 90% были готовы согласиться с тем, что ошибки партии, допущенные ею в последние годы, тормозили развитие страны, а по мнению двух третей населения (62%), КПСС всегда вела страну по неверному пути¹². Тем не менее свыше половины советских людей (53%) не видели необходимости в роспуске КПСС. Доля их оппонентов в обществе была более чем вдвое меньше (21%).

В 1989 г., когда в СССР еще не было многопартийности, общественное мнение придерживалось следующих позиций по этому вопросу (табл. 18)¹³.

Таблица 18
Население СССР о многопартийности, %

Суждения	1989
Многопартийность совершенно необходима как естественное развитие демократии	25
В КПСС существует все многообразие мнений, поэтому другие партии не нужны	19
Реальной пользы от многопартийности не будет, будет лишь больше бюрократии, «говорильни»	18
У нас исторически сложилась однопартийная система, и многопартийность будет носить искусственный характер	10
Внутри партии уже существуют разные группы и фракции, у нас уже фактически сложилась многопартийность	4
Идея многопартийности — антисоветская по своей сути; она подбрасывается враждебными социализму элементами для раскола нашего общества	3
Не имею мнения по поводу многопартийности	21

И все же к весне 1990 г. свыше половины советских граждан (56%) не считали необходимым сохранение статьи 6 Конституции СССР о руководящей роли КПСС в советском обществе. Около четверти (24%) высказывались за ее сохранение, несколько меньшая часть общества (19%) стояла на перепутье¹⁴.

Несмотря на отсутствие у людей опыта жизни в условиях многопартийности, общественное мнение постепенно начинало дифференцировать политические движения и программы. Весной 1990 г. на вопрос «Если бы у нас была многопартийная

система, то за какую партию Вы бы голосовали?» пятая часть населения РСФСР (21%) ответила, что голосовала бы за КПСС, и лишь 13% — за коммунистическую партию на демократической основе. Были еще три структуры, преодолевшие 5%-ный рубеж: рабочая партия (9,5%), «зеленые» и социал-демократы (по 6,5%)¹⁵.

Прошли годы. В середине 2000 г. в России было зарегистрировано свыше сотни партий и общественно-политических движений, многие из которых к тому времени имели уже долгую и солидную историю, участвовали и побеждали в федеральных и региональных выборах, их представители занимали ключевые посты в правительстве, а лидеры претендовали на президентское кресло. И все же 23% россиян высказались за существование в стране только одной партии; правда, многие из приверженцев этой точки зрения были сторонниками Г. Зюганова (32%). Идею многопартийности разделяли 73% респондентов. Идею существования в России двух-трех крупных партий поддерживал каждый пятый (22% и 21% соответственно), а часть общества (16%) была готова согласиться и с более широким спектром партий — четыре и более. Последнюю точку зрения несколько активнее, чем население в целом, разделяли лица с высшим образованием (25%)¹⁶.

Октябрь-93 приближался

Во второй половине 1992 г. в статистике мнений уже явно просматривался кризис доверия населения высшей российской власти. Число противников президента, правительства и парламента летом и осенью заметно превосходило число сторонников этих властных структур. Наименее жесткой критике подвергался президент: число его противников превосходило число сторонников всего лишь в 1,2 раза в июне и в 1,5 раза — в октябре. Этот же показатель для парламента был равен 8,9 летом и 8,4 — осенью.

Противостояние главы исполнительной власти и законодателей отразилось в некотором усилении разочарования в политике президента и улучшении отношения к законодателям. Но все же Верховный Совет серьезно проигрывал президенту в общественной поддержке (*табл. 19*)¹⁷.

Таблица 19

**Позиции россиян по отношению
к институтам политической власти, %**

Группы мнений	Президент	Правительство	Парламент
<i>Июль 1992</i>			
Сторонники	33	12	7
Противники	41	60	62
<i>Октябрь 1992</i>			
Сторонники	28	13	7
Противники	44	57	59

В целом 27% россиян летом и 31% осенью 1992 г. поддерживали идею отставки исполнительной власти, и чуть более трети (39% и 37% соответственно) высказывались за роспуск высшего законодательного органа. Но отношение к этим двум ветвям власти было качественно различным: баланс числа сторонников и противников отставки Б. Ельцина и созданного им правительства был все же в пользу президентской стороны, а мнение населения в отношении судьбы парламента склонялось к его роспуску¹⁸.

После подавления путча летом 1991 г. депутаты России обладали высоким уровнем общественной поддержки, но прошло чуть более года, и к концу октября 1992 г. отношение к ним в обществе заметно изменилось. Разочарование испытывали 21% взрослого населения. Был высок и уровень сомнений (16%), раздражения (15%), возмущения (10%). Значительно меньшее число избирателей сохранило к депутатам позитивное отношение: уважение, доверие (по 4%), симпатию (3%)¹⁹.

К концу октября 1992 г. 40% россиян еще не выработали своего отношения к конфликту между исполнительной и законодательной властью. Но среди тех, кто был озабочен развитием событий в Москве, следил за ними и пытался понять происходящее, большинство скорее симпатизировало президенту и правительству (34%), чем Верховному Совету (9%)²⁰.

В середине января 1993 г. наши сограждане в основном имели довольно четкие представления о деятельности президента: лишь 12% опрошенных затруднились определить степень своего доверия Б. Ельцину. Треть жителей страны (32%) доверяла президенту, но преобладающей установкой все же было недоверие (40%).

Недавно назначенный премьер-министром В. Черномырдин был еще мало известен, и потому неудивительно, что от оценки своего отношения к нему многие россияне (37%) уклонились. При учете же лишь мнений тех, кто оценил деятельность президента и главы правительства, получалось, что степень доверия к этим двум политикам была примерно равной. Другими словами, отношение к Б. Ельцину переносилось на В. Черномырдина²¹. Такое же распределение доверия к двум первым фигурам в стране сохранилось и в середине марта (табл. 20)²².

Таблица 20

Отношение россиян к Б. Ельцину и В. Черномырдину, %

Суждения	Б. Ельцин		В. Черномырдин	
	январь	март	январь	март
Абсолютно не доверяю	16	16	9	13
В основном не доверяю	12	9	10	8
Скорее не доверяю, чем доверяю	12	12	12	11
В равной степени доверяю и не доверяю	16	18	15	18
Скорее доверяю, чем не доверяю	12	13	7	10
В основном доверяю	16	10	7	5
Абсолютно доверяю	4	8	3	3
Затрудняюсь сказать	12	14	37	32

В феврале 1993 г. каждый второй россиянин (49%) не видел в стране такого лидера, по призыву которого он принял бы участие в активных политических акциях. Среди причин, которые удерживали людей от протестов, были следующие: наличие более важных для человека забот (17%), боязнь недовольства окружающих (3%) и страх потери работы (5%). Менее десятой части взрослых (8%) были готовы участвовать в политических акциях: их уже ничто не могло удержать²³. Даже несмотря на явную непопулярность рыночных реформ, почти половина населения (44%) не была готова к активной поддержке антирыночных политических сил.

На рубеже зимы и весны 1993 г. московский конфликт многими трактовался как противостояние президента и спикера Верховного Совета. Половина россиян (53%) не стремилась встать на чью-либо сторону, но среди тех, кто пытался определить свое отношение к противостоянию двух ветвей власти, большинство склонялось к поддержке президента. Сторонни-

ков Б. Ельцина было в три раза больше, чем разделявших позицию Р. Хасбулатова (35% и 12% соответственно)²⁴.

В начале марта, накануне съезда Верховного Совета, треть граждан России (33%) высказывалась за президентскую форму правления, четверть (25%) исходила из признания первичности принципа разделения властей, хотя, видимо, понимание этой политической концепции и путей ее реализации было весьма неоднозначным. Относительно немногие (15%) склонялись к парламентской организации власти в стране²⁵. Несколько позже было найдено подтверждение факту ориентации россиян на наличие в стране сильной президентской власти. На прямой вопрос *«Согласны ли Вы с тем, чтобы Российская Федерация была президентской республикой?»* половина опрошенных (52%) ответила «да», и вдвое меньше респондентов дали отрицательный ответ²⁶.

После телевизионного обращения Б. Ельцина к народу 20 марта нападки Верховного Совета России и его председателя на президента и возглавлявшееся им правительство усилились. Россияне восприняли эти атаки весьма своеобразно²⁷: они критиковали политику Б. Ельцина, но, почувствовав приближение кризиса в стране, мощно встали на защиту президента. Половина взрослого населения (50%) отрицательно отнеслась к намерениям Верховного Совета лишить главу государства власти. Другая половина в свою очередь разделилась на две равные части: одни (25%) поддерживали парламентариев, другим (24%) было все равно.

В этой ситуации обнаружилась тенденция роста симпатий к президенту: в конце марта доля доверявших ему выросла до 41%, а не доверявших — сократилась до 31%. Соответственно, треть россиян (36%) советовала Б. Ельцину занять твердую позицию в отношениях с парламентом и отстаивать курс реформ. Другая треть (31%) рекомендовала приложить максимум усилий к поиску компромисса. Лишь явное меньшинство (11%) предлагало президенту строго следовать всем решениям парламента.

Наблюдая обострение конфликта между президентом и парламентом, некоторые политики и политологи серьезно обсуждали возможность возникновения в стране гражданской войны. Согласно нашим опросам, общественное мнение по этому вопросу было расколото: 43% респондентов считали реальным

такой поворот событий, и 37% не верили, что политическое противостояние приведет к войне.

Столь же высокая степень озабоченности возможностью начала гражданской войны была обнаружена и в исследованиях РНИСиНП: в апреле 1993 г. половина россиян (52%) опасалась развязывания в стране гражданской войны, и в целом был очень ярко выражен общественный синдром «катастрофизма»²⁸.

Обращение президента к народу с просьбой поддержать политику реформ на апрельском референдуме было услышано гражданами. В середине февраля 1993 г. около трети граждан России (31%) были готовы принять участие в референдуме, намеченном на 25 апреля. К концу марта о всенародном плебисците знали многие, и значительная часть будущих участников уже приняла решение, как голосовать и голосовали ли вообще. Среди готовых прийти к избирательным урнам большинство (40% от всех опрошенных) собиралось поддержать Б. Ельцина. Вдвое меньше россиян (18%) хотели прийти на избирательный участок и высказать недоверие намерениям президента. Примерно пятая часть граждан не собиралась участвовать в референдуме, и столько же наших соотечественников находились в раздумье относительно этой политической акции²⁹.

В начале апреля президент пользовался доверием половины россиян (53%), и, что было особенно удивительно, президентская социально-экономическая политика, проводившаяся в стране с 1992 г., поддерживалась и осуждалась равными по численности группами населения России: 39% одобряли ее, 38% были против. О большем доверии граждан Б. Ельцину, чем народным депутатам, свидетельствует еще один факт. За проведение досрочных выборов парламента высказывалось почти две трети россиян (63%), а за досрочные выборы президента — одна треть (32%). При этом половина граждан (53%) была против досрочных президентских выборов³⁰. В течение двух следующих недель эти показатели изменились незначительно: идею проведения досрочных президентских выборов разделяли 36%, не разделяли — 46%³¹.

Опрос, проведенный за две недели до референдума, показал, что активность участия в этой политически важной кампании будет достаточно высокой. Полученные результаты позволили получить первое приближение к итогам всенародного воле-

изъявления — 63% опрошенных сказали, что придут на референдум. Согласно официальным данным, в референдуме приняли участие 64,1% включенных в списки избирателей³². Итоги опроса дали возможность предположить, что Б. Ельцин получит необходимое большинство в вопросе о доверии ему лично и поддержку в вопросе о проведении досрочных парламентских выборов. Одновременно казалось, что население не одобрит социально-экономическую политику Б. Ельцина и выскажется против досрочных президентских выборов. Прогноз оказался верным лишь частично: избиратели, которые за две недели до голосования сомневались в том, как ответить на второй вопрос референдума, в конце концов в большинстве своем одобрили проводившиеся президентом реформы (табл. 21)³³.

Таблица 21

Результаты опроса россиян и итоги референдума, %

Вопросы, вынесенные на референдум	Утвердительные ответы	
	итоги опроса	итоги референдума
Доверяете ли Вы Президенту РФ Б. Ельцину?	56,3	58,7
Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом и Правительством РФ с 1992 года?	44,2	53,2
Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Президента РФ?	43,2	49,5
Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов РФ?	71,6	67,2

И все же в целом победу Б. Ельцина на референдуме нельзя назвать убедительной. Голосование по первым двум вопросам выявило существование в обществе двух примерно равных по численности групп, придерживавшихся полярных точек зрения на проводившиеся реформы, а голосование по двум другим вопросам оказалось нерезультативным, так как по ним высказалось менее половины реального электората страны. Такой исход всенародного волеизъявления не мог успокоить общество, приостановить развитие конфликтов в верхних эшелонах власти.

Общественное мнение фиксировало эту неоднозначность «арифметики» итогов референдума. Прошла неделя после референдума, и в первый день мая 1993 г. лишь около половины

населения России (46%) считали, что проведение всенародного опроса было необходимым, а почти треть (31%) не видели в нем смысла³⁴. Еще через неделю оказалось, что 61% наших сограждан видели в итогах всенародного голосования поддержку Б. Ельцина и признание его реформ, почти четверть (23%) не могла однозначно интерпретировать политические результаты референдума, и, по мнению 16% россиян, итогом референдума было поражение Б. Ельцина³⁵.

В начале мая в общественном мнении существовали две наиболее распространенные позиции по отношению к непрекращающемуся конфликту властей: одна — за президента (44%), другая — «это их дело» (34%). Сторонников Верховного Совета оставалось немного (12%). Сказывались все же итоги референдума: всего за неделю до него на стороне президента было менее трети россиян (30%), а парламентариев поддерживали те же 12%³⁶.

В напряженной социально-политической обстановке, предшествовавшей референдуму и несколько не разрядившейся после него, Р. Хасбулатов расценил итоги плебисцита как победу сил, желавших распада России. Он писал, что референдум внес «очевидный и непримиримый раскол общества как в территориальном плане — на про- и антипрезидентские территории (43 региона против), — так и в плане социальном, где линия раскола проходит между частью населения, так или иначе включенной в распродажу национальных ресурсов и компрадорский социально-экономический курс, и частью населения, вынужденной эту распродажу оплачивать резким понижением жизненного уровня»³⁷. Однако население страны не разделяло точку зрения лидера парламентариев: позицию Р. Хасбулатова поддержали лишь 21% россиян. У половины же граждан (50%) итоги референдума не вызвали подобной тревоги³⁸.

Первого мая ряд оппозиционных правительству политических движений организовал митинг, который был разогнан ОМОНОм. Один омоновец погиб, многим участникам майской демонстрации потребовалась медицинская помощь. Эти события снова интерпретировались по-разному. Президент и правительство увидели в них экстремизм коммунистического меньшинства, оппозиционная сторона — столкновение между мафиозными представителями власти (и их покровителями) и теми, кто страдает от этой политики и не может с ней согла-

ситься. Общественное мнение тоже было явно возбужденным. Через неделю после майской демонстрации в Москве более трети россиян (38%) оправдывали поведение московской милиции, а 17% опрошенных даже винили ее в нерешительности и излишней мягкости. Четверть респондентов (25%), напротив, считала применение силы против демонстрантов ошибочным. Два человека из десяти (21%) ничего не знали о первомайской драме³⁹. Но общество начинало осознавать, что эти жертвы и эта кровь — лишь начало, прелюдия к более трагическим событиям.

В начале июня около трети россиян (31%) считали деятельность антиельцинских сил вредной для страны и не более пятой части наших сограждан (20%) были противниками Б. Ельцина и тех, кто вместе с ним проводил реформы. Однако более четверти респондентов (28%) явно испытывали трудности в понимании всего происходившего и не могли однозначно сказать, какие политические силы наносили больший вред России⁴⁰.

К главным героям событий года, помимо президента и спикера Верховного Совета, относились вице-президент А. Руцкой, премьер-министр В. Черномырдин и председатель Конституционного суда В. Зорькин. В начале июня общественное мнение испытывало высокую степень недоверия ко всем участникам конфликта. Никто из названных политиков не имел высокого уровня доверия (табл. 22).

Таблица 22

**Доверие россиян политическим лидерам,
% имеющих мнение о политике**

Позиции	Б. Ельцин	А. Руцкой	В. Черномырдин	В. Зорькин	Р. Хасбулатов
Доверяющие	38	34	32	21	20
Не доверяющие	44	50	47	60	61

И все же соотношение уровня доверия/недоверия — явно лучше у Б. Ельцина. За ним по уровню симпатий населения следовали А. Руцкой и В. Черномырдин. Совсем не имели кредита доверия председатель Конституционного суда и спикер Верховного Совета: количество россиян, не доверявших этим политикам, в три раза превышало численность групп, симпатизировавших им⁴¹.

Итоги референдума очевидно не снизили «градус» напряженности между высшими эшелонами власти. В конце июля, т. е. через три месяца после всенародного голосования, половина населения страны (50%) считала, что «противостояние верхов» усилилось, четверть (26%) не видела изменений, и лишь очень немногие (6%) отмечали снижение уровня конфликта⁴².

Почти половина граждан (46%) не считала, что президент реально контролирует ситуацию в России, и только около трети (31%) допускали существование у Б. Ельцина необходимых рычагов государственного управления. Ситуация становилась все более тревожной, население фиксировало если не отсутствие, то значительное сокращение президентских возможностей влиять на ход развития событий в стране. Очевидно, что президент не мог воспользоваться мандатом доверия, полученным от граждан страны в апреле⁴³.

Летом 1993 г. в поисках путей разрешения конфликта между исполнительной и законодательной ветвями власти Б. Ельцин и его сторонники начали все более настоятельно говорить о выборах новых народных депутатов России. В августе почти половина граждан страны (48%) ориентировалась на участие в выборах, если они состоятся, и треть (32%) не собиралась в них участвовать. Более, чем население в целом, идею досрочных выборов поддержали руководители государственных предприятий (67%) и специалисты с высшим образованием (62%), т. е. представители социальных структур, наиболее заинтересованных в продолжении процессов ломки старой социальной системы. Первые стремились как можно скорее и полнее воспользоваться возможностями начавшейся ваучерной приватизации, а вторые еще сохраняли надежду на дальнейшее развитие институтов демократии⁴⁴.

Уже в апреле 1993 г. 68% наших сограждан характеризовали ситуацию в России в целом как кризисную или катастрофическую, и еще почти четвертая часть населения (23%) называла ее тревожной. Эти оценки держались по крайней мере до начала лета 1994 г.⁴⁵ В августе 1993 г. конфликт между президентом и законодателями в серьезной степени дестабилизировал все аспекты жизни страны и общества, и поэтому большинство населения полагало, что противостояние двух властных структур необходимо устранить. Но до единодушия

в выборе путей разрешения затягивавшегося конфликта было далеко. Незначительно первенствовала идея проведения и досрочных президентских, и досрочных парламентских выборов (18%), далее примерно с равным «весом» следовали предложения провести досрочные парламентские выборы (14%), досрочные президентские выборы (12%), прямые переговоры Б. Ельцина и Р. Хасбулатова (12%), а также принять новую Конституцию (11%)⁴⁶.

События стремительно развивались — назревала угроза вооруженного противостояния президента и парламента. В этих условиях, за неделю до кровавых событий, общественное мнение высказалось весьма определенно: почти две трети населения (62%) были против какого-либо участия армии в разрешении конфликта, 20% наших сограждан хотели бы увидеть армию на стороне президента и совсем немного россиян (5%) — на стороне народных депутатов⁴⁷.

Октябрь-93: без победителей

21 сентября в телевизионном обращении Б. Ельцин зачитал указ «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», поддержанный правительством. Политическая ситуация характеризовалась как угрожающая государственной и общественной безопасности страны, а Верховный Совет обвинялся в прямом противодействии осуществлению реформ, обструкции политики президента, стремлении к узурпации властных полномочий. Указ прерывал деятельность Верховного Совета и назначал на 11—12 декабря 1993 г. выборы в Государственную Думу — нижнюю палату Федерального собрания Российской Федерации.

Ответ со стороны парламента последовал немедленно. X чрезвычайный съезд народных депутатов России принял постановление, в соответствии с которым с 20 часов 21 сентября президентские полномочия Б. Ельцина прекращались и власть передавалась вице-президенту А. Руцкому. Конституционный суд России вынес заключение о неконституционности указа Б. Ельцина и наличии оснований для отрешения его от должности. В 0 часов 22 сентября А. Руцкой приступил к исполнению обязанностей Президента России.

Длительный этап напряженности, открытое противостояние властных структур завершились государственным переворотом.

3—4 октября: военные действия возле московской мэрии, штурм боевиками телецентра в Останкино, танковая стрельба прямой наводкой по зданию парламента, чрезвычайное положение в Москве, жертвы со стороны милиции, ОМОНа, защитников Белого дома, журналистов и простых москвичей, арест руководителей антиправительственного мятежа — А. Руцкого и Р. Хасбулатова. Вслед за этим происходит целый ряд событий: смена Генерального прокурора России, отставка председателя Конституционного суда РФ, объявление президентского указа о нераспространении государственных гарантий социальной защиты на бывших народных депутатов, участвовавших в незаконных акциях, ликвидация почетного караула у Мавзолея В.И. Ленина, день траура и похороны погибших, награждение орденом министра обороны П. Грачева и присвоение звания Героя России министру внутренних дел В. Ерину.

Согласно результатам опроса, проведенного 9 октября⁴⁸, 38% респондентов возлагали главную ответственность за пролившуюся кровь на А. Руцкого и Р. Хасбулатова; 33% признавали виновными (хотя и в разной степени) всех участников конфликта; а по мнению 12% россиян, отвечать за жертвы прежде всего должны были президент и его окружение. В те дни многие (43%) расценивали победу Б. Ельцина как фактор, который приведет к усилению его власти, но чуть более трети наших сограждан высказывали противоположное мнение: 19% полагали, что во властных полномочиях и возможностях президента ничего не изменится, а 17% даже думали, что произошедшие события ослабят личную власть Б. Ельцина.

После кровавых событий в Москве заметно изменилось отношение россиян к участию армии в разрешении конфликта между президентом и парламентом: 44% россиян считали, что армия не имела права стоять в стороне от событий у Белого дома, а по мнению 37% опрошенных, армия обязана была защитить народ от экстремистов. Октябрьские события оказались катализатором изменения представлений о роли армии: она должна охранять право человека на жизнь⁴⁹.

В ночь с 3 на 4 октября, когда в Москве было введено чрезвычайное положение, Е. Гайдар в телевизионном обра-

нии призвал москвичей выйти на улицу с целью защиты демократии. В 20-х числах октября, когда ситуация уже нормализовалась и контролировалась президентом, только четверть населения России (25%) признала правоту Е. Гайдара, а половина (50%) считала его призыв ошибочным⁵⁰. Здесь проявляется та же логика: в момент «горячего» конфликта мирное население не должно находиться между противоборствующими сторонами.

В октябре 1993 г. примерно равные по объему группы населения страны классифицировали действия правительства в дни мятежа и массовых волнений как адекватные (31%) и как слишком жесткие (28%), а 15% считали их недостаточными. Половина россиян (51%) оправдывала использование войск против мятежного парламента.

Четыре года спустя, в сентябре 1997 г., люди уже иначе относились к этим событиям, и общественное мнение по-другому оценивало деятельность Б. Ельцина и его сторонников. Преобладала точка зрения о чрезмерной жесткости правительственных мер. Так, менее пятой части граждан России (18%) оправдывали использование войск, а более половины (56%) — не видели в этом необходимости⁵¹.

В сентябре 1998 и марте 1999 гг. россиянам была вновь предоставлена возможность высказаться о деятельности Б. Ельцина в период событий октября 1993 г. — тогда в Думе шла подготовка к импичменту президента, и одним из обвинений в его адрес был «расстрел Белого дома». Тогда большинство респондентов (61-62%) считали обвинение Б. Ельцина по этому поводу обоснованным, и лишь 20% — неправомерным⁵².

В самом начале 2000 г. при подведении итогов ельцинского президентства почти половина россиян (45%) относились к роспуску Верховного Совета в 1993 г. резко отрицательно или скорее отрицательно, и втрое меньше (15%) — в той или иной степени положительно. При таком раскладе мнений можно допустить, что многие наши сограждане (39%), которые в 1993 г. затруднялись оценить действия президента, скорее склонились к негативной, чем к позитивной оценке приостановки деятельности народных депутатов⁵³.

Обращая внимание лишь на внешнюю сторону событий октября 1993 г., можно сказать, что Б. Ельцину удалось сохра-

нить в стране порядок, удержать общество от гражданской войны, получить возможность для продолжения начатых реформ. Но рассмотрение динамики общественного мнения россиян подводит к иному выводу. Режим Б. Ельцина и в социально-политической сфере, и в области преобразований экономики терял свою популярность и представлялся все менее привлекательным для тех, кто поначалу поддерживал президента, видя в нем прежде всего противника коммунистической элиты и жесткой тоталитарной системы в целом.

Рядовые россияне все более убеждались в том, что ни президент, ни его соратники до конца не понимали, насколько тяжелой становилась жизнь простых людей и какую высокую цену граждане вынуждены платить за проводимые в стране преобразования. Суммировать было что: распад Союза, «шоковая терапия», приватизация не в пользу большинства, и теперь — военные действия в столице, разгон Верховного Совета и количество погибших, значительно превосходящее число жертв путча 1991 г. Этого было слишком много, чтобы и дальше поддерживать политику президента.

Настоящее возвращает в прошлое, а не зовет в будущее

Выборы в Думу, состоявшиеся всего через два с небольшим месяца после кровавых событий октября, стали тем событием, которое по существу завершило первые два года существования России как независимого государства и которое позволило россиянам продемонстрировать свое отношение к реформам Б. Ельцина. Голосуя за лозунги и обещания различных политиков, избиратели — не на словах, а на деле — показали, какова мера их одобрения и неприятия уже состоявшихся социально-экономических преобразований и каковы их предпочтения, ожидания и надежды.

Общая расстановка политических предпочтений наших сограждан проявилась уже осенью 1992-го и в самом начале 1993 г. Результаты первых электоральных опросов иллюстрировали очевидную мысль: парламентские выборы станут ареной жесткой борьбы между сторонниками Б. Ельцина и его оппонентами⁵⁴. К первым относился ряд демократических движений и блоков, ко вторым — национал-патриотические и прокомму-

нистические политические структуры и организации. Данные о настроениях людей и их прямые заявления позволяли предположить, что высокой активности избирателя можно было не ожидать (табл. 23).

Таблица 23

Динамика электоральных симпатий россиян в отношении партий, блоков и движений (октябрь 1992 — май 1993 гг.), %

Партия, блок, движение	Октябрь 1992	Январь 1993	Март 1993	Май 1993
<i>Если бы выборы в Парламент России состоялись сегодня, то кому из существующих партий, блоков и движений Вы отдали бы свой голос?</i>				
Блок «Гражданский Союз»	22	12	21	14
Движение «Демократическая Россия»	4	8	6	9
Движение «Трудовая Россия»	5	4	3	4
Коммунистическая партия РФ	-	-	3	4
Фронт национального спасения	3	4	3	5
Голосовал(-а) бы за другие партии и движения	3	6	2	8
Не пошел(-ла) бы голосовать вообще	34	32	31	24
Затрудняюсь ответить	27	34	31	32

Блок «Гражданский Союз», созданный в июне 1992 г. (на базе Народной партии «Свободная Россия», возглавлявшейся А. Руцким, и Демократической партии России под председательством Н. Травкина), лидирующий в рейтингах электоральных предпочтений, к концу 1992 г. занимал явно антиельцинскую позицию.

Движение «Демократическая Россия» было одной из самых массовых и мощных общественно-политических организаций периода перестройки. Во время избирательной кампании 1990 г. именно по спискам «Демроссии» баллотировались Б. Ельцин, Г. Попов, А. Собчак и ряд других видных политиков того времени. В 1990—1993 гг. сопредседателями этого движения были очень известные фигуры, в частности Ю. Афанасьев, Г. Старовойтова, Л. Пономарев, Г. Якунин.

Движение «Трудовая Россия» резко критиковало политику Б. Ельцина, отстаивая «коммуно-реваншистские» взгляды, — в частности, выступало за возрождение СССР в границах 1985 г., за восстановление Советов и плановой экономики. На рубеже 1992 и 1993 гг. около 5% потенциального электората поддерживало «трудороссов», но это движение не участвовало в выборной

кампании, так как его руководители В. Анпилов и генерал А. Макашов входили в число наиболее активных лидеров анти-ельцинских выступлений в октябре.

Фронт национального спасения (ФНС) в конце 1992 — начале 1993 гг. объединял ряд национал-патриотических и коммунистических организаций и политиков, придерживавшихся зачастую полярных взглядов по отдельным направлениям социально-экономического развития России. Среди них были, например, коммунист Г. Зюганов и один из лидеров Российского христианского демократического движения М. Астафьев, национал-государственник А. Проханов и бывший видный активист движения «Демократическая Россия» И. Константинов. Несогласие с политикой Б. Ельцина: подписанием Беловежских соглашений, освобождением цен, приватизацией — было одним из важнейших мотивов сотрудничества названных политиков. К концу 1993 г. коммунисты и радикальные правые покинули ФНС, фактически в нем остались лишь незначительные по численности организации, подчеркивающие свой «патриотизм».

Мартовский и майский опросы не зафиксировали заметных изменений электоральных установок россиян и одновременно констатировали интерес и доверие пока что еще небольшой доли населения к коммунистам.

Комитет по созыву II чрезвычайного (восстановительно-объединительного) съезда Компартии России был образован 14 ноября 1992 г. в преддверии вынесения Конституционным судом РФ вердикта о законности президентского указа о запрещении деятельности КПСС и КП РСФСР. Возглавил комитет бывший первый секретарь ЦК КП РСФСР В. Купцов. Съезд, состоявшийся 13—14 февраля 1993 г., принял решение о создании Коммунистической партии Российской Федерации — «правопреемницы и собственницы имущества КП РСФСР» — и начал активно сотрудничать с различными оппозиционными президенту и правительству политическими организациями.

После 4 октября 1993 г. деятельность КПРФ была на некоторое время приостановлена президентским указом, хотя за несколько дней до штурма мэрии и телецентра «Останкино» лидер коммунистов Г. Зюганов призвал участников обороны Белого дома «не идти на кровопролитие». КПРФ, единственная

из компартий, приняла участие в выборах в Федеральное собрание.

В начале 1993 г. в российском обществе сосуществовали на равных три подхода к определению дальнейшей судьбы коммунистов. Одна треть россиян (30%) полагала необходимым зарегистрировать компартию, т. е. открыть перед нею будущее. По мнению другой трети (36%), ее надо было запретить. Еще одна треть наших сограждан (34%) занимала нейтральную позицию⁵⁵.

Весной 1993 г. отношение населения к активизации деятельности коммунистов было скорее негативным, чем позитивным. Треть россиян (31%) относилась к их возвращению в большую политику резко отрицательно, и пятая часть (20%) — скорее отрицательно, чем положительно. Суммарная доля сторонников коммунистов равнялась 19%⁵⁶.

Летом 1993 г. в ряде бывших союзных республик к власти вновь пришли лидеры КПСС. Треть россиян (34%) полагала, что это возможно и в России, но несколько большая часть респондентов (42%) считала, что этого не произойдет⁵⁷. В конце октября 43% опрошенных полагали оправданным запретить бывшим ответственным работникам КПСС занимать важные государственные посты, однако почти одна треть (29%) не считала ввод подобного запрета необходимым⁵⁸.

Опрос общественного мнения, проведенный в конце лета 1993 г., не выявил качественной новизны в структуре предпочтений российского избирателя. «Гражданский Союз» заметно опережал «Демроссию», а коммунисты и «патриоты» еще не смогли расширить свой электорат (табл. 24)⁵⁹.

Таблица 24

**Электоральные симпатии россиян
в отношении партий, блоков и движений (август 1993 г.), %**

Партия, блок, движение	28 августа 1993 г.
<i>Если бы выборы в Парламент России состоялись сегодня, то кому из существующих партий, блоков и движений Вы отдали бы свой голос?</i>	
Блок «Гражданский Союз»	13
Движение «Демократическая Россия»	7
Движение «Трудовая Россия»	3
Коммунистическая партия РФ	3
Фронт национального спасения	3

Партия, блок, движение	28 августа 1993 г.
Блок «Выбор России»	3
Блок «Предприниматели за новую Россию» (К. Затулин, Г. Явлинский)	9
Голосовал(-а) бы за другие партии и движения	7
Не пошел(-ла) бы голосовать вообще	29

В конце лета движение «Демократическая Россия» выступило одним из учредителей предвыборного блока «Выбор России» (ВР), лидером которого стал Е. Гайдар. Та очень небольшая доля электората, которая высказала готовность проголосовать за новый демократический блок (3%), еще не могла рассматриваться как база для прогнозирования исхода выборов. С одной стороны, фигура Е. Гайдара и имена тех, кто мог быть и действительно был рядом с ним в партийных списках — П. Авен, Г. Бурбулис, А. Чубайс, Б. Федоров и др., — не имели большого кредита доверия среди простых россиян, потерявших многое в результате реформ, проводившихся этой командой. С другой, ВР по сути был партией власти, и уже тогда можно было полагать, что значительная часть сторонников Б. Ельцина, скорее всего, отдаст предпочтение этому избирательному блоку.

В августе избирательный блок «Предприниматели за новую Россию» (председатель К. Затулин) во многом ассоциировался с именем Г. Явлинского, знакомого многим россиянам по экономическим программам и непродолжительной работе в правительстве И. Силаева. В октябре Г. Явлинским, В. Лукиным и Ю. Болдыревым было создано избирательное объединение, получившее название «Яблоко» и под этим названием участвовавшее в парламентских выборах.

11 ноября был опубликован указ Б. Ельцина о проведении 12 декабря одновременно с выборами в Государственную Думу выборов в верхнюю палату парламента — Совет Федерации. Тогда же должен был состояться референдум по проекту Конституции России.

Из 21 избирательного объединения Центральная избирательная комиссия зарегистрировала 13 — остальные не смогли набрать необходимого количества подписей в свою поддержку. Вопросы становления многопартийности явно не находились в центре общественного внимания и не вызывали особой оза-

боченности людей. Две группы потенциальных избирателей видели в случившемся позитивные аспекты: 17% респондентов считали, что теперь будет проще сделать выбор, 15% радовались, что у «их» партии, зарегистрированной Центризбиркомом, будет меньше соперников. Относительное меньшинство россиян говорило о негативных сторонах сокращения числа участников развернувшейся предвыборной борьбы: 6% досадовали, что в бюллетене для голосования не будет партии, которую они предполагали поддержать, и еще 6% заявляли, что из-за ограниченности выбора будут вынуждены голосовать за менее достойных. Около трети населения (30%) остались безразличными к тому факту, что ряд потенциальных участников предвыборной борьбы так и не смог включиться в спор за мандаты, четверть (25%) — просто отказались комментировать решение избирательной комиссии⁶⁰.

В конце октября, за месяц до выборов⁶¹, четверть потенциальных избирателей (24%) знала программные положения политического образования, за которое предполагала голосовать, а треть (35%) еще не ознакомилась с документами «своей» партии. Однако многие (42%) к тому моменту еще не определили, кого они поддержат при голосовании. И это отчасти подтверждается тем фактом, что более половины россиян (54%) не интересовались предвыборными радио- и телевизионными передачами.

В итоге голосования необходимый пятипроцентный барьер преодолели восемь объединений, которые «выстроились» в следующем порядке (табл. 25)⁶².

Таблица 25

Результаты восьми объединений-лидеров на выборах 1993 г.

Партия, блок, движение	Доля полученных голосов, %
Либерально-демократическая партия	22,9
«Выбор России»	15,5
Коммунистическая партия РФ	12,4
«Женщины России»	8,1
Аграрная партия России	8,0
«Яблоко»	7,9
Партия российского единства и согласия	6,7
Демократическая партия России	5,5

Последняя в списке — Демократическая партия России (ДПР), или «партия Травкина», — до осени 1991 г. входила в движение «Демократическая Россия», но и после выхода из него она в 1992—1993 гг. оставалась одним из самых последовательных сторонников Б. Ельцина. В начале мая 1993 г. партия разорвала отношения с «Гражданским Союзом», не согласившись с его отклонением от политического центра влево, и принимала самостоятельное участие в думских выборах.

Инициатива образования Партии российского единства и согласия (ПРЕС) была высказана С. Шахраем в июне 1993 г. Ее место виделось в центре политического спектра, а цели, по словам создателя партии, заключались в поддержке президента и его реформаторских начинаний. ПРЕС стояла на принципах консерватизма, федерализма и местного самоуправления, поддерживала правительство В. Черномырдина и открыто дистанцировалась от «Выбора России». С. Шахрай к тому времени был политиком, имевшим большой опыт политической и государственной деятельности и занимавшим высшие посты в правительстве России.

Аграрная партия России (АПР) была создана в феврале 1993 г. Ее основной лозунг: «Законность, справедливость, созидание». Своими главными задачами АПР провозглашала защиту прав и свобод крестьянства и всех работников агропромышленного комплекса, жителей села; радикальное улучшение социального положения сельского труженика, установление равноправных и взаимовыгодных отношений между городом и селом, между промышленностью и сельским хозяйством, содействие развитию сельскохозяйственного производства; консолидацию общества на базе возрождения российской деревни, крестьянского уклада, культуры и традиций. Председатель АПР М. Лапшин был одним из основателей и сопредседателей Социалистической партии трудящихся, членом Политсовета ФНС и одним из заместителей председателя Центрального исполнительного комитета восстановленной КПРФ.

Движение «Женщины России» (ЖР) и одноименное избирательное объединение (председатель Е. Лахова) было образовано в октябре 1993 г. буквально накануне выборов в Федеральное собрание. Движение выступало под девизом «Без женщин нет демократии!» и утверждало, что политика — это не борьба за

власть, но средство достижения мира и национального согласия; рыночная экономика — средство улучшения жизни человека; социальная политика — главный приоритет государства, а порядок и безопасность — это гарантия основного права человека — права на жизнь.

Лидером симпатий участников думских выборов стала Либерально-демократическая партия России (ЛДПР), известная россиянам как партия В. Жириновского. ЛДПР, официально зарегистрированная в конце 1992 г., явилась правопреемницей Либерально-демократической партии Советского Союза, созданной в начале 1990 г. В. Жириновский получил широкую известность как яркий харизматический политик, когда участвовал в выборах Президента России в июне 1991 г. и оказался на третьем месте (7,8% голосов), проиграв лишь Б. Ельцину (57,3%) и Н. Рыжкову (16,9%). В своей предвыборной программе В. Жириновский, в частности, обещал остановить «развал Союза» и снизить цены на водку. В августе 1991 г. В. Жириновский поддержал действия ГКЧП, а в декабре осудил Беловежские соглашения. Весной 1992 г. он заявлял, что «антирусское антигосударственное правительство, назначенное Б. Ельциным, должно уйти, как черный день», но осенью он признался, что Б. Ельцин стал ему нравиться после того, как заявил «о возможности территориальных претензий к другим республикам». В сентябре 1993 г. В. Жириновский поддержал роспуск съезда народных депутатов.

Результаты серии опросов общественного мнения, проведенных некоторое время спустя после выборов, позволяют обнаружить факторы, обусловившие итоги выборов, и связать электоральное поведение россиян с их политическими и социально-экономическими установками.

Можно утверждать, что в 1993 г. четыре политика — Б. Ельцин, А. Руцкой, Р. Хасбулатов и М. Горбачев — символизировали четыре разные политические стратегии. Правда, М. Горбачев к тому времени уже два года не принимал активного участия в публичной политике, но для многих он все равно оставался общественным деятелем, достойным доверия.

Таблица 26

**Доверие потенциальных электоратов
восьми российских партий «четверке» политиков, %**

Политические лидеры	Потенциальные электораты							
	ЛДПР	ВР	КПРФ	ЖР	АПР	«Яблоко»	ПРЕС	ДПР
М. Горбачев	9	15	0	2	11	13	7	2
Б. Ельцин	4	46	2	4	4	6	6	4
А. Руцкой	26	1	22	3	1	7	1	7
Р. Хасбулатов	44	0	24	4	0	0	4	0

По тому, в электораты каких партий вошли приверженцы «знаковых» политиков, четко видно, что принципы, лозунги и — в наибольшей степени — последствия перестройки и постперестроечных преобразований большой поддержкой не пользовались. Основная часть российского электората не принимала новое, она ориентировалась на советскую модель власти и плановую систему экономики. А. Руцкой и Р. Хасбулатов находились в Лефортово, но «их дело продолжало жить»: сторонники этих политиков в основном проголосовали за ЛДПР и КПРФ (табл. 26).

Конечно, приведенный вывод почти очевиден; политические движения, отстаивавшие идеи рынка, жестко критиковавшие систему Советов и принципы социализма, не имели серьезных шансов на победу. В предыдущих очерках было показано, что СНГ как форма государственной организации принималась россиянами без энтузиазма, а в сфере экономики приоритет отдавался государственному сектору. Приводимая ниже статистика еще раз иллюстрирует эти положения (табл. 27).

Таблица 27

**Мнение россиян о приоритетах
экономического и государственного управления, %**

Позиции	1992			1993			1994
	май	июль	ноябрь	март	сентябрь	декабрь	январь
<i>Приоритет экономической системы</i>							
Госсектор	42	42	43	48	52	42	47
Частный сектор	28	29	23	24	24	26	23
<i>Приоритет в государственном устройстве</i>							
СНГ	46	42	40	38	32	36	34
Национальное государство	23	25	22	29	39	32	32

Электораты разных блоков имели несхожие приоритеты в названных областях. Так, среди поддержавших движение Е. Гайдара четыре человека из десяти (38%) высказывались за первоочередное развитие частного сектора экономики, среди «яблочников» таковых было заметно меньше (20%), но еще меньше (14%) — в коммунистическом электорате. Четверть сторонников В. Жириновского (25%) считала необходимым активизировать усилия по строительству централизованного государства в границах бывшего Союза, приверженцы ДПР более чем вдвое реже разделяли эту точку зрения на государственное устройство новой России (10%), и еще меньшей популярностью эта идея пользовалась у избирателей Г. Явлинского.

Еще одно характерное различие электоратов — мотивы, в силу которых они голосовали за «свою» политическую партию.

Прежде всего, около одной пятой электората ЛДПР (18%) голосовали за эту партию, так как все другие политические организации были хуже. Аналогичными мотивами руководствовались 15% отдавших свои голоса «Женщинам России» и «Яблоку». Этим же мотивом объясняли свое поведение на избирательном участке 13% решивших поддержать Е. Гайдара и 10% желавших победы Г. Зюганову.

Более половины (59%) приверженцев программы либеральных демократов или людей, симпатизировавших лидеру этой партии, исходили из того, что только ЛДПР защитит русских в России и бывших республиках Союза. Таким образом, национальная идея в значительной мере формировала рассматриваемый электорат. Двумя другими сильнейшими мотивами здесь были солидарность в антиельцинских настроениях (46%) и вера в то, что В. Жириновский и его соратники по Думе наведут порядок в стране (38%). По мнению более четверти голосовавших за ЛДПР (28%), ее лидер мог заставить правительство больше думать о народе.

Преобладающая часть (85%) отдавших на выборах свои голоса блоку ВР голосовала в поддержку Б. Ельцина, и более половины (56%) — за продолжение реформ. Понятно, что движение Е. Гайдара рассматривалось электоратом как партия власти, как политическая сила, максимально близкая к президенту.

Коммунисты расценили свое третье место на выборах (за них проголосовало более 6,5 миллиона избирателей) как крупную

политическую победу. Так оно и было, ведь они всего на три процента отстали от «Выбора России». Первые должны были в сознании многих ассоциироваться с ГКЧП, с тоталитаризмом, с ограничением свобод, в том числе, с гонениями на религию, с мощнейшим бюрократическим аппаратом и номенклатурой, с кровавой деятельностью КГБ и т. д. Вторые были победителями ГКЧП и заявляли о конце номенклатуры и соответствующих привилегий, об обуздании деятельности КГБ, о поддержке всех видов свободы, о сотрудничестве с церковью, о развитии свободного рынка. По нормальной исторической логике, первые должны были бы набрать «крохи» электората, вторые — притянуть к себе его основную часть. Так что у коммунистов были все основания чувствовать себя победителями.

Треть избирателей, проголосовавших за коммунистов (32%), сделала это потому, что те решительно критиковали ельцинские реформы, одна пятая (21%) видела в них защитника народных интересов, и немногим меньшая часть (16%) ожидала от них «порядка» в стране.

Структуры мотивов голосования за пять избирательных блоков — «Женщины России», АПР, «Яблоко», ПРЕС, ДПР — сходны в своей невыразительности. Каждая из этих политических сил получила небольшую, но примерно равную поддержку и от сторонников, и от противников реформ Б. Ельцина, от тех, кто голосовал за наведение порядка в России, а также за защиту русских в стране и в ближнем зарубежье. Пожалуй, одним из главных стимулов голосования за эти блоки было представление об их возможностях «давить» на правительство в интересах простых людей. На этом среднем мотивационном фоне выделялось лишь «Яблоко». Почти одна пятая его электората (18%) считала, что Г. Явлинский не в пример лидерам других избирательных объединений не раздавал пустых обещаний и верно диагностировал все происходившее в стране. 17% «яблочного» электората голосовали за него, желая продолжения реформ, но не по модели «Ельцина — Гайдара».

Желавшие голосовать за прошлое могли выбирать между ЛДПР и КПРФ, а ориентированные на продолжение реформ — между двумя «партиями власти»: ПРЕС и ВР.

В 1993 г. В. Жириновский выиграл у Г. Зюганова, так как к антиельцинским настроениям и обещанию порядка в стране — это их объединяло — он активнее других добавил национал-пат-

риотические лозунги. В коммунистах многие видели «защитников народа», но, во-первых, это сильно отдавало прошлым, во-вторых — они не были в этом уникальны. Этот атрибут присутствовал в образах всех участников избирательной кампании, кроме гайдаровского блока.

«Женщин России» поддержали малополитизированные социальные структуры населения, в частности — женщины.

Успех ДПР скорее свидетельствовал не о том, что она чем-то новым привлекла часть российского электората, а о том, что к тому времени еще не все забыли имена «прорабов» перестройки и многотысячные митинги, которые организовывались ими.

Хотя ряд социологов и политологов видел предпосылки для прогнозирования победы В. Жириновского, мощного взлета коммунистов и неудачи «Выбора России», все равно исход выборов для большинства стал неожиданностью. К тому же и опросы общественного мнения не указывали на вероятность подобного исхода. Так, по результатам опросов ВЦИОМа, ЛДПР поначалу вообще не должна была попасть в Думу. Только последний опрос, проведенный этой организацией в первой декаде 1993 г., показал резкое усиление ее поддержки, — за нее предполагали проголосовать 15—17%⁶³.

Это «чудо» хорошо просматривалось и в наших предвыборных опросах. В начале декабря ЛДПР сравнялась по популярности с ВР, а к моменту выборов даже вышла в лидеры. И все равно победа либеральных демократов не представлялась вероятной.

Послевыборный анализ показал, что, во-первых, В. Жириновский ранее других политиков уловил ностальгию россиян по большой стране, по социализму, по всему тому, что люди потеряли сначала в результате подписания Беловежских соглашений, а потом и после перехода к рыночной экономике. И во-вторых, лидер ЛДПР почувствовал нарастание в стране национал-патриотических установок, и он то ли осознанно, то ли интуитивно начал работать в той политической нише, которую активно разрабатывали народные депутаты, развязавшие военный мятеж в Октябре и в момент выборов находившиеся в Лефортовской тюрьме. В. Жириновский верно оценил и использовал высокий уровень апатии людей, их раздраженность всем свалившимся на них, их неуверенность в завтрашнем дне и в себе. Он пытался дать людям простое решение: доверься

мне, и в стране будет порядок, и не будет всего того, что общественное мнение однозначно связывало с политикой Б. Ельцина.

Сыграли свою позитивную роль и телевыступления В. Жириновского — с заранее объявлявшейся им тематикой и обращенные к конкретной «адресной» группе аудитории.

* * *

Октябрь никому не принес победы. Наиболее активные оппозиционеры из Белого дома провели по несколько месяцев под следствием и на определенное время должны были отойти от большой политики. И все же в долгосрочном отношении они, возможно, проиграли много меньше, чем кремлевская сторона. Они не были судимы общественным мнением так критично и так всесторонне, как политики демократического и рыночного направления. Думские выборы показали, что октябрьская победа Б. Ельцина и его сторонников была пирровой. Власть не могла найти эффективного режима для осуществления перехода от одной системы общества к другой и для управления социальными процессами. За это она сначала расплатилась поражением на думских выборах. Затем президенту пришлось работать с парламентом, не настроенным на сотрудничество, и, как результат, начали все сильнее пробуксовывать реформы, намечавшиеся правительством. В свою очередь, это усиливало недоверие к президенту и сокращало социальную базу его реформ. Ситуация в стране выходила из-под контроля, вектор изменений указывал не на усиление порядка, а на установление хаоса.

¹ *ОМ в цифрах*. 1989. Вып. 1. С. 4.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 8.

⁴ Общественное мнение России в цифрах и комментариях. М.: ВЦИОМ, 1991. С. 16.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ *ОМ в цифрах*. 1989. Вып.1. С. 9.

⁷ *ОМ в цифрах*. 1991. Вып. 6. С. 11-12.

⁸ *ОМ в цифрах*. 1990. Вып. 10 (17). С. 17.

⁹ Там же. С. 19.

¹⁰ Левада Ю. Общественное мнение о перестройке. По данным опросов 1988-1990 гг. (http://www.wciom.ru/vciom/new/public/public_own/001011_perestroika.htm).

¹¹ *ОМ в цифрах*. 1991. Вып. 10 (17). С. 20.

- ¹² Там же. С. 21.
- ¹³ *ОМ в цифрах*. 1989. Вып.1. С. 7.
- ¹⁴ *ОМ в цифрах*. 1990. Вып. 10 (17). С. 21.
- ¹⁵ *ОМ в цифрах*. 1990. Вып. 14 (21). С. 10.
- ¹⁶ Сколько партий должно быть в России? (<http://www.fom.ru/reports/frames/of002302.html>).
- ¹⁷ В поле зрения. 1992.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ В поле зрения. 1993. № 1 (1).
- ²¹ В поле зрения. 1993. № 9 (9).
- ²² В поле зрения. 1993. № 15.
- ²³ В поле зрения. 1993. № 11.
- ²⁴ В поле зрения. 1993. № 12.
- ²⁵ В поле зрения. 1993. № 13.
- ²⁶ В поле зрения. 1993. № 14.
- ²⁷ В поле зрения. 1993. № 15.
- ²⁸ Горшков М. Российское общество в условиях трансформации. М., 2000. С. 83.
- ²⁹ В поле зрения. 1993. № 15.
- ³⁰ В поле зрения. 1993. № 16.
- ³¹ О досрочных выборах президента (<http://classic.fom.ru/fominfo/info156.htm#2>).
- ³² Итоги референдума 25 апреля 1993 года. По данным Центральной избирательной комиссии РФ (<http://www.fci.ru/archive/ref93.htm>).
- ³³ В поле зрения. 1993. № 17.
- ³⁴ В поле зрения. 1993. № 20.
- ³⁵ В поле зрения. 1993. № 21.
- ³⁶ В поле зрения. 1993. № 20.
- ³⁷ Современная политическая история России (1985-1998). Хроника и аналитика / Под ред. В. Зоркальцева, А. Подберезина. М., 1999. Т. 1. С. 728.
- ³⁸ В поле зрения. 1993. № 22.
- ³⁹ В поле зрения. 1993. № 21.
- ⁴⁰ В поле зрения. 1993. № 25.
- ⁴¹ В поле зрения. 1993. № 27.
- ⁴² В поле зрения. 1993. № 34.
- ⁴³ В поле зрения. 1993. № 35.
- ⁴⁴ В поле зрения. 1993. № 36.
- ⁴⁵ Горшков М. Российское общество в условиях трансформации. М., 2000. С. 78.
- ⁴⁶ В поле зрения. 1993. № 37.
- ⁴⁷ В поле зрения. 1993. № 41.
- ⁴⁸ В поле зрения. 1993. № 43.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ В поле зрения. 1993. № 46.
- ⁵¹ Дважды первый президент России в оценках общественного мнения (<http://www.polit.ru/documents/171930.html>).
- ⁵² В Госдуме продолжается подготовка к импичменту президента Б. Ельцина (<http://www.polit.ru/documents/102390.html>).

⁵³ Б. Ельцин и прошлое, В. Путин и будущее — опрос ВЦИОМ (<http://www.polit.ru/documents/161766.html>).

⁵⁴ В поле зрения. 1993. № 22.

⁵⁵ В поле зрения. 1993. № 8 (8).

⁵⁶ В поле зрения. 1993. № 23.

⁵⁷ В поле зрения. 1993. № 30.

⁵⁸ В поле зрения. 1993. № 47.

⁵⁹ В поле зрения. 1993. № 38.

⁶⁰ В поле зрения. 1993. № 49.

⁶¹ В поле зрения. 1993. № 47.

⁶² *Ниже рассматриваются статистические данные и некоторые из выводов, опубликованные в книге:* Ослон А., Петренко Е. Парламентские выборы и опросы общественного мнения в России во второй половине 1993 года. М.: ФОМ, 1994.

⁶³ Электорат В. Жириновского // *Мониторинг ОМ.* ВЦИОМ, 1994. № 2. С. 31.

Год 1994

Войны в Чечне: от Б. Ельцина до В. Путина

Отметины года

В целом социально-политический фон года был задан двумя группами событий. Во-первых, формально завершилась ваучерная приватизация и произошел ряд крупных финансово-экономических потрясений. Во-вторых, началась война между федеральным центром и Чеченской республикой.

Год начался более или менее спокойно. Приступили к работе новая Государственная Дума и Совет Федерации. 23 января была объявлена амнистия «октябристам» — тем, кто в октябре 1993 г. защищал Белый дом. В конце апреля был подписан Договор об общественном согласии. 27 мая в Россию вернулся Александр Солженицын.

В конце первого полугодия истек срок чековой приватизации. Критики и сторонники признавали формальный количественный успех программы массовой приватизации. Было приватизировано свыше 100 тыс. предприятий, или 74 процента от всех государственных структур, находившихся на самостоятельном балансе.

В июле разразился скандал с акционерным обществом «МММ», и началась серия разоблачений «пирамидальных» финансовых образований. В 1994—1995 гг. от подобных махинаций пострадало 30 млн. человек.

11 октября осталось в памяти людей как «черный вторник» — обвальное падение рубля. За несколько недель рубль достиг рекордно низкого уровня 3296 руб. за 1 доллар.

11 августа Джохар Дудаев ввел военное положение в Чечне. 17 августа неудачей закончилась попытка вооруженных формирований Временного совета Чечни овладеть Грозным, и началась гражданская война.

В конце ноября без официального заявления со стороны правительства состоялся первый штурм Грозного. Президент

подписал Указ № 2137-с, положивший начало военному вторжению на территорию Чечни, и 11 декабря в Чечню были введены подразделения войск МВД и МО России с целью восстановления конституционной законности и правопорядка.

Началась затяжная российско-чеченская война, и ни общество, ни власть, ни население не могли сказать, сколько она будет длиться.

Начало первой чеченской войны

Чеченские события — в самом широком смысле — охватывают весь период ельцинского президентства с 1991-го по 1999 г., в них находит отражение самая его суть. Они оказались связаны с ключевыми политическими акциями того времени и фактически постоянно находились в поле зрения всех ведущих политических сил страны.

Самые острые стадии процесса взаимоотношений России и Чечни — это две войны: первая — начавшаяся зимой 1994 г. и завершившаяся подписанием Хасавюртского соглашения в конце лета 1996 г., и вторая — разгоревшаяся осенью 1999 г. Эти войны во многом определяли отношение населения к власти и к тому, что она делала.

Но и до начала первой войны, и в короткий период между войнами события на Кавказе не оставляли людей равнодушными. Все происходившее там угрожало, по мнению многих политиков, ученых и значительных групп населения, целостности России. Кому-то казалось, что это может оправдывать войну. Но закончились бои, наступило перемирие, и общество начало с ужасом осознавать, во что ему обходится недальновидность политиков, какими бы аргументами они ни обосновывали свои действия. Тысячи погибших, в том числе мирное население, разрушенные города и уничтоженные деревни, недоверие и ненависть чеченцев к русским, разрушение всей и без того слабой транспортной и коммуникационной структуры.

Но и перемирие не было использовано для распутывания клубка жизненно важных проблем: чеченское руководство не смогло объединить народ вокруг решения вопросов организации, обустройства мирной, нормальной жизни, — а Москва, в свою очередь, не проявила ни должного мужества, ни необхо-

димого понимания, ни истинного политического благоразумия. Россиянам объявили, что есть план и программа нормализации жизни и восстановления народного хозяйства Чечни и Северного Кавказа, но никаких результатов они не дали. Кроме одного: чеченским боевикам дали возможность подготовиться к новой войне. Как показали события 2000 г. — еще более кровопролитной, еще более разрушительной.

Вообще говоря, жесткое следование хронологии развития российско-чеченского военного противостояния предполагает выделение в нем трех поворотных событий: 1994 г. — начало войны, 1996 г. — подписание Хасавюртского мирного договора, и сентябрь 1999 г. — взрывы в Москве, приведшие, как и захват дагестанских сел, к началу второй войны. Для более целостного анализа изменения общественного мнения россиян по отношению к Чечне история современной кавказской войны будет рассмотрена внутри одного очерка.

Корни чеченской проблемы уходят в далекое прошлое. Если же иметь в виду новейшую историю России, то истоки событий, приведших в 1994 г. к войне в Чечне, берут свое начало еще в 1991 г., и к ним непосредственное отношение имеет Б. Ельцин и его ближайшие политические советники¹. Тогда поддержка сепаратистских устремлений чеченского лидера генерала Дудаева отвечала ряду политических устремлений российского президента. Он содействовал отстранению законной власти республики и восхождению Дудаева. При выводе российских войск с территории республики там было оставлено все находившееся на чеченской территории вооружение и имущество, Чечне была оказана всевозможная помощь. События в стране в целом достаточно быстро привели к потере Москвой контроля над развитием социально-политических процессов в Чечне, что значительно облегчило Дудаеву выдвижение требования о национальной независимости. 1 ноября 1991 г. он, уже будучи избранным президентом, подписал указ «Об объявлении суверенитета Чеченской Республики». Это было официальным объявлением о выходе Чечни из состава России и, фактически, подводило черту под мирными отношениями между ними.

И в 1994 г., и позже ведущие эксперты считали, что причина того, что чеченский конфликт никак не может разрешиться, прежде всего находится в центре: его суть — борьба за власть,

политические и финансовые интересы различных групп высшей московской элиты.

С. Шахрай² говорил, что в 1994 г. оставалась возможность избежать вооруженного конфликта. Надо было продолжать переговоры с чеченскими властями о разграничении полномочий. В частности, в начале января в Грозном был составлен протокол о подготовке такого договора, но политический процесс был сорван.

А. Куликов³ отмечал, что благоприятные возможности для переговоров по крайней мере дважды складывались уже в ходе боевых действий, но власти не использовали их⁴. По мнению бывшего министра по делам национальностей В. Тишкова, вплоть до 23 ноября 1994 г. не было никакой фатальной неизбежности чеченской войны и существовали возможности разрешения кризиса. Если бы Б. Ельцин смог возвыситься над личными амбициями ради сохранения той самой «территориальной целостности» страны и «защиты прав граждан», о которой так много говорил Кремль, и позвонил бы Дудаеву, то он тут же прилетел бы на разговор. Но Б. Ельцин не позвонил⁵.

Возможность такого развития событий подтверждается интервью с А. Масхадовым, опубликованным «Московским комсомольцем» 27 сентября 1999 г.: «В 1994 году ничего не мешало встретиться Дудаеву с Ельциным. Сделали бы тогда все возможное, состоялась та встреча — и не было бы 100 тысяч погибших в Чечне...»⁶.

К лету 1994 г. население Чечни уже испытывало огромные экономические и социальные трудности, и внешняя поддержка режима Дудаева ослабевала. Появились симптомы гражданской войны, и тогда при поддержке Москвы чеченские формирования, руководимые Б. Гантемировым и Р. Лабазановым, начали военные действия против Дудаева. Но в конце ноября их поход на Грозный закончился неудачей.

29 ноября 1994 г. Б. Ельцин обратился к чеченским лидерам с требованием распустить все вооруженные формирования и угрожал введением в республике особого положения. В тот же день Совет безопасности России одобрил проведение военных действий против режима Дудаева. В начале декабря после нескольких авианалетов российская армия вступила на территорию Чечни.

За полтора месяца до начала боев в Чечне лишь незначительная часть населения страны (8%) позволяла себе не задумывать-

ся о том, чем грозит углубление кризиса в отношениях между Чечней и Россией. Вместе с тем лишь немногим менее половины россиян (43%) предвидели высокую вероятность втягивания страны в затяжную войну на Северном Кавказе. Более трети (38%) прогнозировали рост терроризма в общенациональных масштабах, и вдвое меньшая часть опрошенных (15%) не допускала выхода конфликта за границы территории Чечни. Мнение о том, что события в Чечне могут стать причиной распада России, присутствовало в обществе, хотя этой точки зрения придерживались относительно немногие (7%)⁷.

Общество начинало включаться в обсуждение событий на Северном Кавказе, и отношение к ним не было единодушным. В сентябре 1994 г., по данным опроса ВЦИОМа, пятая часть (20%) населения России не имела определенного мнения о том, как должно руководство страны вести себя по отношению к Чечне. Остальные представляли собою две примерно равные по численности группы. Первая, несколько большая (42%), полагала, что Россия не должна вмешиваться в жизнь Чечни. Вторая (31%) «голосовала» за то, чтобы Россия выступила посредником, помогла враждующим чеченским сторонам найти компромисс. Еще одна точка зрения заключалась в том, что центр должен активно, в том числе вооруженным путем, помочь оппозиции свергнуть Дудаева. Эту позицию разделяли немногие (7%)⁸.

К зиме мнения россиян заметно изменились. Одну треть взрослого населения (30%) можно было отнести теперь к сторонникам немедленного и жесткого наведения порядка в Чечне, еще одна треть (36%) призывала Москву искать мирное решение, и четверть (23%) высказывалась за прекращение войны и вывод войск из республики (табл. 28)⁹.

Таблица 28
Россияне о поддержке действий в отношении Чечни, %

Суждения	Декабрь 1994	Январь 1995
<i>Какого рода действия в отношении Чечни Вы сейчас готовы поддержать?</i>		
Решительные меры по наведению порядка в Чечне	30	29
Поиски мирного решения проблемы	36	39
Отказ от силовых действий и вывод российских войск из Чечни	23	24
Затрудняюсь ответить	11	8

Москва планировала молниеносно завершить чеченский поход. Были широко известны слова тогдашнего российского министра обороны П. Грачева о том, что все можно сделать в течение двух часов силами одного парашютно-десантного полка. Но поражение российской армии в Грозном, огромные потери личного состава федеральных войск и гибель мирного населения Чечни изменили предполагавшийся ход войны. То, что многим простым людям было очевидно сразу, постепенно стали признавать политики и военные: войну не удастся завершить за несколько недель или даже месяцев.

В середине декабря 1994 г. около трети жителей российских городов (31%) возлагали основную вину за возникшее военное противостояние на Дудаева, четверть (25%) — на Б. Ельцина и близких к нему политиков и военных, и вдвое меньше горожан (12%) связывали разгоравшийся конфликт с действиями антидудаевских сил внутри Чечни¹⁰.

Причины начала войны не были четко названы президентом, к тому же далеко не все верили официальным объяснениям. Весной 1995 г., после полугода военного конфликта, четверо из каждых десяти россиян (41%) не могли указать причины боевых действий. Почти четверть населения страны (22%) главную причину развязывания войны видела в том, что высокопоставленные российские политики и генералы хотят скрыть свой нелегальный бизнес, и около одной пятой (18%) россиян рассматривали войну как форму борьбы с преступностью на территории Чечни. Меньшая часть россиян (14%) считала, что цель боевых действий Кремля — в сохранении целостности России и в защите федеральной собственности: железных дорог, нефтяных месторождений и нефтепроводов и т. д. (12%). Еще реже (10%) респонденты видели в военных акциях стремление Москвы защитить интересы русских, живших в Чечне. И пять-семь человек из ста считали, что война была начата не президентом, а силами, желавшими дискредитировать его позицию, или в целях удовлетворения интересов генералитета¹¹.

По-разному оценивался и дальнейший ход развития событий. Одни российские горожане (24%) предсказывали затяжную и кровопролитную войну, другие (23%) — прогнозировали скорое поражение Дудаева. А вот каждый пятый горожанин (21%) уже тогда, в самом начале войны, допускал ее «расползание» в другие регионы Кавказа и проведение террористических актов

в Москве и других городах страны. Столь же распространенной (19%) была и точка зрения о возможном возвращении мятежной республики в состав России¹².

Постепенно российское общество приходило к осознанию происходившего, и усиливалась критика политики Б. Ельцина в Чечне. От него отходили его сторонники, проводившие при его поддержке демократические и экономические преобразования в стране. Так, Е. Гайдар, возглавлявший думскую фракцию движения «Выбор России», в декабре 1994 г. осудил бомбардировки Грозного и ввод войск в Чечню и был одним из организаторов серии антивоенных митингов в Москве.

Движение «Яблоко» также стало одним из первых и при этом наиболее жестких критиков чеченской войны. В начале января на внеочередном заседании Думы, на котором обсуждались вопросы сохранения российской государственности и пути выхода из военного противостояния, депутат-«яблочник» Л. Шейнис, бывший в Грозном во время новогоднего штурма, охарактеризовал случившееся как национальную трагедию. В начавшейся войне он увидел бессилие общества и безответственность власти и подчеркнул, что «общественное мнение против этой войны, против ведения боевых действий российскими войсками на российской территории»¹³.

Тем не менее, действия федеральных властей находили поддержку среди публичных российских политиков.

Так, например, В. Жириновский в сентябре 1993 г. участвовал в Грозном в праздновании второй годовщины независимости Чечни, подчеркивая при этом, что его партия и руководство Чеченской Республики имеют общие идеалы — свобода и национальное самоопределение. Но в декабре 1994 г. он поддержал ввод войск в республику, заявив: «То, что сегодня делается, это нужно делать»¹⁴.

Национал-патриотические движения также оказались на стороне официальной власти.

В декабре 1994 г. Г. Зюганов назвал события в Чечне «концентрированным выражением государственной некомпетентности» и отметил, что с обеих сторон война имела несправедливый характер. Но коммунисты видели выход не в том, чтобы посадить Б. Ельцина и Дудаева за стол переговоров, а в том, чтобы максимально мирно и безболезненно отстранить их режимы от власти¹⁵.

Россияне наблюдали изменение расстановки политических сил в стране и отмечали смену официальной риторики; при этом общественное мнение становилось все более критичным по отношению к кавказской войне¹⁶. В начале 1995 г. две трети россиян (62%) не считали возможным завершение чеченской войны в ближайшие месяцы. Многие (42%) отмечали неумелое планирование военных операций, и преобладающее большинство населения (77%) не одобряло нанесения ракетно-бомбовых ударов по Грозному. Каждый четвертый россиянин (27%) связывал затягивание войны с тем, что российская армия пассивно ведет военные действия, со значительностью жертв среди мирного населения. Столько же опрошенных считало его причиной активность и агрессивность сторонников Д. Дудаева (26%).

Негативное отношение к войне было вызвано неясностью ее целей, ощущением, что тысячи российских солдат гибнут напрасно, и сочувствием трагедии мирных жителей Чечни. Весной 1995 г. очень многие (40%) в России предсказывали, что военные действия будут весьма продолжительными, и треть (32%) опасалась выхода военных действий за пределы Северного Кавказа.

Одним из официальных оправданий начала военных действий было стремление сохранить целостность России, однако, по мнению 15% населения, война, наоборот, могла усилить сепаратистские тенденции и еще более усложнить отношения Москвы и регионов. Десятая часть россиян (10%) отмечала возможность еще более тяжелого следствия войны — распада нового политического режима и реставрации тоталитаризма. Лишь очень немногие (6%) видели в войне средство укрепления авторитета армии, правительства и президента¹⁷.

В конце мая 1995 г. после некоторого затишья военные операции вновь приняли очень активный характер, а летом оправдались худшие из ожиданий россиян: война выплеснулась за границы Чечни. 14 июня около 100 боевиков под командованием Шамиля Басаева захватили в Буденновске (Ставропольский край) телефонный узел, здание местной администрации и в течение нескольких дней удерживали большую группу заложников. В ходе перестрелки федеральных войск с боевиками, по официальным данным, погибло около 150 человек. Именно после этого инцидента многие россияне, возможно, впервые четко осознали свою незащищенность перед террористами. Хотя

активное вмешательство В. Черномырдина, бывшего тогда председателем российского правительства, остановило развитие теракта и привело к освобождению заложников, многим была видна слабость центрального руководства. Своим походом Басаев добился начала перемирия, продолжавшегося несколько месяцев. Оно было прервано террористическим актом в центре Грозного, в результате которого был тяжело ранен командующий федеральными войсками в Чечне генерал А. Романов.

Несмотря на то, что ведение переговоров с чеченской стороной было не в интересах Москвы — это свидетельствовало бы о признании провала планов федеральных властей, — попытки найти пути прекращения военных действий не были оставлены. В июле 1995 г. в успех переговоров верили не более четверти населения (22%). И хотя половина россиян (50%) с большим сомнением допускала мирное решение российско-чеченского конфликта, за силовое решение проблемы (а значит, против переговоров) выступало меньшинство (3%) населения¹⁸.

Москве уже было трудно остановиться: переговоры с Д. Дудаевым означали бы для нее признание своего поражения. Ситуация давно вышла из-под контроля, многие политики и военные решали узкие «ведомственные», а зачастую и личные задачи. Россия вновь стояла на пороге гражданской войны.

Прошло пять лет, и в январе 2000, т. е. уже обладая опытом первой чеченской войны и наблюдая развитие второй военной кампании, более половины населения России (58%) оценили отрицательно введение войск в Чечню в 1994 г. Одобрение сделанному высказывалось в два раза реже (28%)¹⁹.

Хасавюрт: неиспользованный мир

Наступил 1996 год, центральным политическим событием которого были президентские выборы. В проблеме Чечни обозначился новый аспект: «война и мир» как элемент, фокус избирательной кампании. Все существовавшие аргументы в защиту, в оправдание военных действий уже были высказаны и исчерпали свою убедительность; они не могли быть притягательными для большей части избирателей. Политики, реально претендовавшие на голоса значительной части электората, потенциально имели три стратегии деятельности.

Первая — попытаться убедить россиян в том, что они знают верные пути к победе и знают, как без больших потерь и затрат пройти по этим путям. Вторая — дистанцироваться от тех, кто развязал войну, и обещать в случае прихода к власти максимально быстро прекратить военные действия и приступить к решению политических и социально-экономических проблем Чечни как составной части России. Наконец, третья линия, избранная и реализованная Б. Ельциным, — признать на деле бесперспективность продолжения войны, бессмысленность понесенных жертв, значительность материальных и финансовых затрат, беспомощность генералов и добиться мира дипломатическим путем.

В конце апреля 1996 г. стало неоспоримым: проблема Чечни будет в центре внимания всех избирателей. Треть (33%) россиян считала происходящее в Чечне самой важной общенациональной проблемой, и еще половина (51%) признавала ее одной из важнейших. Более того, в данном отношении электораты всех ведущих политиков были схожими (табл. 29)²⁰.

Таблица 29
Россияне о степени важности «чеченской проблемы», %

Суждения	Все	Потенциальные электораты				
		Б.Ельцина	Г.Зюганова	А.Лебедя	Г.Явлинского	В.Жириновского
Важнейшая	33	36	36	35	30	28
Одна из важнейших	51	52	50	55	56	53
Не самая важная	12	10	10	10	12	17
Не определившиеся	4	2	4	0	2	2

Война в Чечне не только противоречила демократическим представлениям россиян, сложившимся в годы перестройки и ельцинских преобразований, но и воспринималась простыми людьми как аморальная: «там гибнут наши дети», «мафия ведет свои разборки», «генералы ничего не умеют», — заявляли россияне весной 1996 г.

Общественное мнение было единодушным и в том, как называть людей, воюющих на стороне Дудаева. Более половины россиян (56%) видели в них бандитов. Чаще всего такие харак-

теристика звучали из уст сторонников А. Лебеда (72%) и Г. Зюганова (65%).

В среднем лишь относительно немногие (13%) называли чеченских боевиков защитниками своей земли. Среди ориентированных на поддержку А. Лебеда таких было меньше всего (8%), а в стане «яблочников» — наибольшее количество (17%). С нейтральным названием дудаевцев — «обычные люди» — соглашался один человек из десяти (12%). Но и здесь наблюдался той же величины и той же направленности разброс в мнениях: в потенциальном электорате генерала А. Лебеда подобную характеристику боевиков допускали 6%, а в электорате Г. Явлинского — в три раза больше (18%).

Было заметно, что люди устали от войны и ждали ее прекращения: семь человек из десяти (70%) хотели прекращения боевых действий. Они были едины в стремлении к скорейшему достижению мира, но по-разному видели пути реализации этой цели: одни (53%) хотели бы закончить войну и вывести российскую армию из Чечни, а другие (17%) — прекратить военные действия, но держать в мятежной республике армию. Одна пятая россиян (22%) настаивала на полном разгроме дудаевцев. Наиболее воинственным представлялся электорат В. Жириновского: более чем четверо из десяти (44%) голосовали за войну до победы. Даже сторонники генерала А. Лебеда были более миролюбивы: среди них лишь чуть более четверти (28%) были за продолжение войны.

То, что люди хотели прекращения войны, находит свое подтверждение в распределении мнений россиян относительно необходимости ведения переговоров между президентами России и Чечни. В целом только четверть населения (24%) выступала против, но и этот показатель варьировался от 15% среди избирателей Г. Явлинского до 35% в группе сторонников В. Жириновского и 34% — А. Лебеда, которому через несколько месяцев суждено было провести эти переговоры и заключить мир. Самой распространенной в структуре распределения мнений (44%) была точка зрения о необходимости ведения прямых, без посредников, переговоров Б. Ельцина и Дудаева, но некоторые граждане (17%) полагали, что и переговоры через посредника были бы полезными.

Самым противоречивым было общественное мнение россиян в вопросе о том, как следует поступать с Чечней. Заметное

численное превосходство (38%) имела группа сторонников идеи предоставления Чечне независимости и права выйти из состава России. С этим предложением готовы были согласиться чуть более трети сторонников Б. Ельцина (36%), Г. Зюганова (35%) и А. Лебеда (34%). Наиболее распространена подобная позиция была в электорате Г. Явлинского (45%), а наименее — среди симпатизировавших В. Жириновскому (29%). Вторым по степени популярности было предложение предоставить Чечне особый статус в составе Российской Федерации: его поддерживала четверть граждан страны в целом (27%) и еще чаще — представители электоратов действовавшего президента (31%) и его правого оппонента Г. Явлинского (35%). Наиболее жесткая линия в отношении Чечни — не предоставлять республике особого статуса и тем более не допускать ее выхода из России — находила согласие у одной пятой (21%) россиян. Наибольшее число сторонников эта стратегия имела, естественно, среди потенциальных избирателей руководителя коммунистов (25%), А. Лебеда (27%) и лидера ЛДПР (37%). Среди ориентировавшихся на Б. Ельцина и Г. Явлинского сторонников такой точки зрения было много меньше (20% и 14% соответственно).

С середины апреля по конец июня 1996 г. в процессе своей избирательной кампании Б. Ельцин посетил множество городов в разных частях России, и каждый десятый из вопросов, которые задавали президенту наши сограждане, касался чеченской войны.

Главный смысл этих вопросов был связан с завершением войны в Чечне, и в них затрагивались разные аспекты этой темы. Были вопросы прямые: *«Когда прекратится война в Чечне?»*, *«В какие сроки будет решен вопрос о войне в Чечне?»*, *«Когда этот беспредел в Чечне закончится?»*.

Люди хотели понять, что сдерживает руководство страны от прекращения военных действий: *«Почему так затянули с Чечней?»*, *«Почему не закончена война в Чечне и почему еще на свободе Дудаев?»*.

Заверения в том, что переговоры будут вестись или даже уже начались, явно не могли успокоить общественное мнение. Люди хотели знать, приблизят ли они конец трагедии и что конкретно предполагается сделать, чтобы наступил мир: *«Приведут ли переговоры в Чечне к окончанию войны?»*, *«Подписание договора по Чечне не убеждает, когда конец войне?»*, *«Что будет с Чечней,*

когда все решится?», «Какие конкретно шаги предпринимаются для решения конфликта?», «Какие меры предполагает ввести Б. Ельцин против войны в Чечне?»

И все же главный вопрос звучал так: *«Когда вернутся наши парни?»* Когда президент подписал указ об отмене обязательного призыва в армию с 2000 г., треть россиян (35%) изменила свое отношение к нему в лучшую сторону, и это касалось не только мнения его электората, но и тех, кто предполагал голосовать за других кандидатов²¹.

Другая тема, которую россияне хотели бы обсудить с президентом, касалась информации о том, что же в действительности происходит вокруг Чечни. Несмотря на традиции, начавшие формироваться в годы горбачевской гласности и свободы слова, в годы ельцинского президентства власти так и не выработали умения сообщать людям о войне, не смогли найти приемов доведения до аудитории негативной, тяжелой военной информации. Люди явно не верили гладким официальным сообщениям и хотели бы все узнать из первых уст. Вот примеры вопросов граждан, вызванных информационным голодом: *«Как решится вопрос с войной в Чечне, ведь она продолжается, и это все понятно, как ни стараются блокировать информацию?», «Что за обстановка в Чечне на самом деле?», «Сколько денег ушло на Чечню?» «Какая у нас следующая война?», «Кто убил Дудаева?».*

Общество хотело знать о событиях в Чечне как можно больше. Еще апрельский опрос показал, что лишь 7% россиян выступали вообще против телевизионных репортажей из Чечни, и менее одной пятой (17%) не хотели бы видеть изображение всех ужасов войны. Но преобладающее большинство (70%) считало, что содержание телевизионных репортажей нельзя ничем ограничивать. Эта точка зрения была особенно свойственна потенциальным избирателям В. Жириновского (75%), А. Лебедева (77%) и Г. Явлинского (78%).

Еще одна тема, которая часто затрагивалась россиянами на встречах с президентом, касалась жертв войны и того, что предполагается сделать, чтобы их сократить и чтобы как-то помочь пострадавшим. Вот примеры этих горьких вопросов: *«За что молодые парни гибнут в Чечне?», «Пусть президент скажет, сколько ребят убито в Чечне. Своих детей бы он послал?», «Когда кончат распоряжаться судьбами людей — посылать на гибель молодежь?», «Когда позаботятся о матерях погибших воинов?».*

Война продолжалась уже более полутора лет, но объяснение причин войны, по всей видимости, не устраивало людей, и они ждали от президента честного ответа на вопросы: «Зачем была развязана война в Чечне?», «Как могли допустить войну в Чечне?», «Кто виноват в чеченской войне?», «Ради чего погибли люди в Чечне?». И может быть, главнейший из вопросов: «Зачем нужна война России?».

Главную вину за события в Чечне общественное мнение возлагало на президента (47%) и его правительство (46%). Особенно часто называли Б. Ельцина ответственным за все случившееся сторонники Г. Зюганова (60%), Г. Явлинского (61%) и В. Жириновского (62%). Более четверти совокупного электората (29%) считали главными виновниками военное руководство страны.

Военные неудачи вызывали вопросы к президенту о профессионализме и ответственности военачальников, в частности: «Кто ответит за кровавую бойню в Чечне?», «Когда за Чечню возьмется настоящий военный?», «Когда снимете, наконец, П. Грачева?».

Вообще более половины россиян (55%) давно полагали необходимым отправить в отставку непопулярного министра обороны. Президентский электорат был наиболее терпим в этом вопросе. Так, среди сторонников А. Лебеда на отставке настаивали семеро из десяти (71%), среди политических единомышленников Г. Явлинского — две трети (65%), а в пропрезидентской структуре — половина (49%). На месте П. Грачева большинство (50%) видело А. Лебеда, особенно среди собственного электората генерала (78%) и в среде «яблочников» (63%).

27 мая 1996 г. в Москве федеральными властями были проведены переговоры с чеченской делегацией о прекращении военных действий. Б. Ельциным и одним из лидеров чеченской оппозиции З. Яндарбиевым было подписано соглашение о прекращении боевых действий и обмене пленными. Отношение широкой общественности к результатам этих переговоров было неоднозначным: примерно равные по численности группы рассматривали их как шаг к установлению реального мира (17%); как нечто, имеющее благие намерения, но едва ли осуществимое (22%); как временное соглашение (22%). Но 14% россиян сочли эти переговоры предательством со стороны российских политиков²².

На следующий день президент посетил Чечню и был в Грозном. О переговорах Кремля с представителями чеченской оппозиции и о поездке Б. Ельцина в Чечню знали 68% россиян. Еще больше наших сограждан (83%) одобрили эти действия президента по установлению мира²³.

17 июня 1996 г. секретарем Совета безопасности России и помощником президента по вопросам национальной безопасности был назначен генерал А. Лебедь, уступивший лишь Б. Ельцину и Г. Зюганову в ходе первого тура выборов президента. Через три дня новый глава Совета безопасности настоял на том, чтобы президент отправил в отставку П. Грачева и еще двух высокопоставленных кремлевских генералов — М. Барсукова и А. Коржакова. Треть россиян в результате этого улучшили свое отношение к А. Лебедю (34%) и Б. Ельцину (36%)²⁴, а рейтинг последнего сразу возрос на три пункта (табл. 30).

Таблица 30

**Изменения в отношении россиян к Б. Ельцину и Г. Зюганову
(конец июня 1996 г.), %**

Намерения голосовать	Проголосовали бы ...	
	до сообщения об отставках	после сообщения об отставках
За Г. Зюганова	19	19
За Б. Ельцина	55	58
Против обоих	9	4

Наконец, война в Чечне порождает вопросы к президенту, касающиеся лично его отношения к происходящему: «Что заставило Б. Ельцина начать войну?», «Почему Б. Ельцин сквозь пальцы смотрит на Чечню?», «Не снятся ли президенту «кровавые мальчики» после кровопролития в Чечне?» и «Где Ваша совесть, как Вы можете выдвигаться в президенты, если из-за Вас — война в Чечне?».

В преддверии мая 1996 г. более трети населения (39%) полагали, что их отношение к президенту улучшится, если он добьется мира в Чечне. Об этом заявляли не только сторонники Б. Ельцина, но и те, кто предполагал голосовать за других кандидатов. Достижение Б. Ельциным мира в Чечне улучшило бы отношение к нему более половины его потенциального электората (53%) и многих из тех, кто предполагал голосовать

за Г. Явлинского (43%), А. Лебеда (34%) и Г. Зюганова (26%). Даже в резко антиельцинском электорате В. Жириновского почти четверть (23%) изменила бы в лучшую сторону свое отношение к президенту, добейся он мира в Чечне.

В конце июня почти две трети потенциального электората Б. Ельцина (61%) считали установление мира в Чечне первоочередной проблемой, стоящей перед страной. Четверо из десяти сторонников Б. Ельцина (39%) полагали, что он найдет ее решение²⁵. Вместе с тем, мало кто (17%) допускал возможность наступления продолжительного перемирия. Более половины населения (55%) не верили в это²⁶.

Но Кремль не бездействовал, и в ночь с 11 на 12 августа по поручению президента А. Лебедь встретился в чеченском селе Старые Атаги с начальником штаба вооруженных формирований чеченской оппозиции А. Масхадовым и обсудил с ним план урегулирования ситуации в Чечне²⁷. Обе стороны высказались за принятие реальных и экстренных мер по прекращению войны в Чечне, и после разговора А. Масхадов не исключил того, что войну в республике можно будет остановить при полном сохранении интересов России. При этом было заявлено, что в случае реализации плана российского генерала он станет тем человеком, который впервые в истории России усмирит Кавказ мирным способом²⁸.

30 августа в дагестанском райцентре Хасавюрт начались переговоры А. Лебеда с А. Масхадовым. Перед началом встречи А. Лебедь сказал журналистам, что если не остановить войну в Чечне, то взорвется весь Северный Кавказ, и это угрожает стране самыми тяжелыми последствиями²⁹. 31 августа соглашение о прекращении военных действий на территории Чечни было подписано. В начале 90-х А. Лебедь смог остудить горячие головы в Приднестровье, теперь он сумел найти убедительные слова и в Чечне.

В начале октября Совет Федерального собрания Российской Федерации одобрил прекращение боевых действий на территории Чеченской Республики, признав Хасавюртское соглашение свидетельством готовности сторон к разрешению конфликта мирным путем. Одновременно большая группа видных политиков негативно отозвалась о документе, подписанном А. Лебедем и А. Масхадовым, отметив в нем существование ряда юридически не точных формулировок, а мэр Москвы Ю. Лужков

назвал его «громадной бомбой под Конституцию Российской Федерации»³⁰.

Со стороны общества отношение к Хасавюртскому соглашению также не было единодушным. Около половины россиян (45%) поддержали его, но почти треть (30%) не одобрили подписанный документ. Четверть населения (25%) не имела определенного мнения³¹.

В сентябре 1996 г. при обсуждении мер российских властей, направленных на нормализацию отношений с Чечней, почти половина населения (46%) высказалась за привлечение к ответственности лиц, виновных в развязывании военных действий.

По мнению большинства россиян (61%), основная заслуга в прекращении военных действий в Чечне принадлежала генералу А. Лебедю; 29% считали, что главную роль сыграли настойчивые антивоенные выступления общественности; 18% указывали, что определенную роль в окончании военных действий имели также военные неудачи российских войск. Относительно немногие (14%) считали, что достижение мира было прямым следствием усилий президента и правительства России. Примерно с той же частотой говорилось о стремлении к миру чеченских лидеров (13%) и давлении международных организаций (12%)³².

В конце 1996 г., когда россиянам предложено было назвать важнейшие события последних месяцев, они, по нашим данным, прежде всего отмечали прекращение войны в Чечне (51%) и уже затем и со значительно меньшим единодушием (26%) — состоявшиеся президентские выборы³³. Аналогичный вывод был сделан социологами РНИСиНП. Согласно их данным, преобладающее большинство граждан (80%) назвало главным благоприятным событием 1996 г. подписание мирного соглашения с Чечней. Отрицательно восприняла это решение в десять раз меньшая часть населения (8%)³⁴.

Подписание Хасавюртского соглашения и успешное участие в президентской выборной кампании сделали А. Лебеда «человеком года»: более трети «членов общенародного жюри» (37%) присвоили ему это почетное звание. Все остальные «номинанты» далеко отставали от него: Ю. Лужков (12%), Б. Ельцин (10%), Г. Зюганов (6%), В. Черномырдин (5%)³⁵.

Однако подписание соглашений в Хасавюрте не дало ответа на многие вопросы относительно будущего Чечни. В ноябре

1996 г. треть россиян (33%) поддерживала идею предоставления Чечне возможности самостоятельного решения накопившихся проблем; четверть (26%) была готова согласиться с независимостью республики, если чеченцы проголосуют за это на референдуме.

В январе 1997 г., когда действовало мирное соглашение, со всею остротой встали вопросы экономической помощи Чечне. По сути, население России поддерживало лишь два направления: оказание помощи пенсионерам и детям (44%) и финансирование мероприятий по восстановлению социальной сферы (18%). Но при этом треть россиян (36%) выступала против любых форм экономической помощи Чечне³⁶. Весной 1997 г. половина россиян (51%) была готова к предоставлению Чечне независимости и еще 20% — к тому, чтобы сохранить республику в составе России с особым политическим и экономическим статусом. На использовании любых мер, вплоть до применения военной силы, чтобы удержать Чечню в составе РФ на общих основаниях, настаивали 13%³⁷.

На пороге лета 1997 г. четверть граждан России (25%) рассматривала заключенный в Хасавюрте мир как иллюзию и полагала, что в любой момент в Чечне могут возобновиться боевые действия. Столько же россиян (24%) исходило из того, что соглашение не будет действовать, так как руководство Чечни не контролирует положение в республике. Существовало еще две равные по численности разделяющих их людей точки зрения. Одна (11%) состояла в том, что соглашение — это факт признания центром своего поражения в войне 1994—1996 гг. Граждане, придерживающиеся второй точки зрения (10%), были едины в том, что соглашение стало важным шагом в нормализации отношений России и Чечни. А по мнению трети населения страны (31%), только время могло показать истинное значение хасавюртских документов³⁸.

Участники осеннего опроса тоже склонялись к полному «расставанию» с Чечней (41%) или к подписанию с руководством республики специального двустороннего договора, предоставляющего ей полномочия, аналогичные предоставленным Татарстану (28%). Против подобных решений выступало значительное меньшинство (18%)³⁹. Лишь небольшая (13%) группа «ястребов» допускала в самом крайнем случае возобновление

военных действий; в пять раз большая доля россиян (67%) категорически высказывалась против новой войны⁴⁰.

Общественное мнение было уже достаточно грамотным и зрелым, оно не настаивало на быстром развязывании клубка российско-чеченских отношений. Свыше половины россиян (56%) считали, что приемлемые варианты разрешения острейших проблем, накопившихся за долгие годы, не будут найдены в обозримом будущем. Но четверть (24%) все-таки сохраняла оптимизм и надеялась на нормализацию российско-чеченских отношений⁴¹.

Вторая война в Чечне

Весной 1999 г. взгляд населения страны на реально сложившийся статус Чечни был ближе к официальной позиции Грозного, чем к точке зрения Москвы. Почти каждый второй россиянин (45%) считал Чечню независимым государством, и лишь каждый третий (34%) — частью России⁴². Соответственно, многие полагали, что «де-факто» должно стать «де-юре». В целом четверо из десяти граждан России (41%) были согласны с тем, чтобы Чечня вышла из состава федерации и стала независимым государством. Среди тех, кто де-факто уже признал независимость Чечни, таких было еще больше — 56%. Привыкание к существованию Чечни в качестве практически независимого государства способствовало признанию целесообразности ее официального отделения. Время явно работало на легитимизацию независимости Чечни общественным мнением.

Так или иначе, но к марту 1999 г. вырос пессимизм по поводу перспектив решения чеченской проблемы: лишь 20% россиян верили в то, что в обозримом будущем удастся нормализовать отношения с Чечней и будут найдены приемлемые варианты решения накопившихся острых проблем (в феврале 1998 г. оптимистов было 30%)⁴³.

В конце лета — начале осени 1999 г. в средствах массовой информации вновь стали появляться сообщения, упоминавшие дагестанское селение Хасавюрт, но в них речь шла уже не о мире. Начиналась новая, вторая российско-чеченская война.

7 августа произошло вторжение банд Ш. Басаева в селение Ансалта Бодлихского района Дагестана. Бандформирования

численностью около двух тысяч человек заняли круговую оборону в захваченных селах, и жители начали покидать свои дома и уходить в Махачкалу. Несмотря на усилия войск МВД, террористы получали подкрепления из Чечни. 10 августа, по данным разведки Северо-Кавказского военного округа, численность отрядов боевиков превышала 2 тыс. человек. В те же дни исламская шура Дагестана распространила «Декларацию о восстановлении исламского государства Дагестан» и «Постановление в связи с оккупацией государства Дагестан». Представители всех основных народностей Дагестана обратились к гражданам с призывом осудить провокации сепаратистов.

13 августа, по словам тогда еще и. о. премьер-министра В. Путина, «широкомасштабная операция федеральных сил по вытеснению боевиков с территории Дагестана» началась и развивалась в пользу правительства. Однако бывший министр обороны России генерал И. Родионов обратил внимание на плохую подготовку операции по уничтожению террористов, прорвавшихся из Чечни в Дагестан. По его мнению, многое из того, что там делалось, было безответственным и несерьезным. Генерал заявил: «Мы за один день потеряли больше, чем войска НАТО за три месяца бомбардировок Югославии», — и в качестве одной из причин случившегося назвал равнодушие общества, его «привыкание» к крови армии на Кавказе⁴⁴.

Видный российский политик и член правительства России дагестанец Р. Абдулатипов выразил недоумение отсутствием реакции федерального центра на поступавшую информацию о готовящемся вторжении чеченских боевиков. В частности, он сам 10 июля докладывал главе правительства о том, что на территории Чечни находится более 2,5 тысяч боевиков из числа дагестанцев, готовых с оружием в руках к захвату ряда высокогорных сел республики, — однако реакции не последовало. Чуть позже, 8 сентября, дагестанские диаспоры России обратились с открытым письмом к Б. Ельцину, в котором выразили недоумение действиями федеральных сил, допустивших вторжение на территорию Дагестана тысяч вооруженных людей.

16 августа на территории Чечни было введено военное положение, и началась частичная мобилизация резервистов и участников боевых действий против федеральных войск в 1994—1996 гг.

27 августа ставший уже премьером России В. Путин после состоявшейся в Махачкале встречи с правительством Дагестана сообщил по телефону Б. Ельцину, что Дагестан есть, был и будет составной частью Российской Федерации. Премьер-министр обещал жителям республики содействие военной силой и экономическую помощь. Одновременно В. Путин заявил о твердом желании России решать проблему Чечни за столом переговоров⁴⁵.

4 сентября взрывом в городке Буйнакске началась серия терактов, прогремевших в разных точках России и взорвавших общественное мнение. Взрывом в Буйнакске было убито более 60 человек и свыше 150 ранено. 9 сентября произошел взрыв в девятиэтажном жилом доме на улице Гурьянова в Москве. Погибли более 90 человек, и еще около 200 получили ранения различной степени тяжести. Указом президента 13 сентября в России был объявлен траур в связи с трагическими последствиями взрывов в Буйнакске и Москве. Но в тот же день в Москве прогремел новый взрыв, полностью уничтоживший девятиэтажный жилой дом на Каширском шоссе. На этом серия терактов не закончилась. 16 сентября произошел сильный взрыв в городе Волгодонске Ростовской области. Погибли 17 человек.

Силовые структуры России, многие политики, руководители регионов сразу возложили ответственность за взрывы на чеченских боевиков. Однако уже 14 сентября Басаев и Хаттаб, наиболее известные чеченские полевые командиры, заявили о непричастности их отрядов к произошедшему. Более того, по их мнению, правоохранные органы прекрасно знали, кто мог стоять за взрывами жилых домов в Москве, но пытались списать на лидеров боевиков свои неудачи в борьбе с террористами. Тогда же официальный Грозный выразил свою заинтересованность в том, чтобы правоохранные органы России нашли организаторов этих кровавых преступлений. Чеченская сторона назвала взрывы в столице следствием борьбы за власть в Москве и желанием определенных кругов сорвать предстоящие выборы в Госдуму⁴⁶.

1 октября в Чечне началась полномасштабная война, названная контртеррористической операцией с целью создания «санитарного кордона» между Чечней и соседними регионами. А в конце месяца правительство России в своем заявлении о ситуации в Чечне констатировало завершение первой части антитер-

рористической операции и освобождение от террористов одной трети территории республики. Правительство обещало и впредь действовать столь же решительно и жестко, подтвердив при этом, что все эти действия никак не должны быть направлены против народа Чечни⁴⁷.

Отметим, впрочем, что за несколько дней до начала контр-террористической операции президент Чечни А. Масхадов сказал в одном из интервью, что попытка силового решения не будет для чеченцев неожиданностью — народ готовится к трудностям. В то же время А. Масхадов заявил, что, по его сведениям, «чеченского следа» в московских событиях нет: «Чеченцы — просто разменная карта...»; истинные корни проблемы надо искать в Москве, где решается вопрос о преемнике президента России⁴⁸.

В 20-х числах сентября, по результатам опроса ВЦИОМ, около половины (48%) россиян допускали, что в террористических актах прежде всего могли быть заинтересованы чеченские боевики. Но, по мнению населения, это могли быть и иные структуры: ваххабиты (28%), криминальные группировки (25%), даже президент и его администрация (16%) и иностранные государства (13%). Подавляющее большинство жителей страны (86%) в различной мере опасалось того, что они или их родные могут стать жертвами террористов. Но вне зависимости от того, кто был заказчиком и исполнителем взрывов, направленных против мирных людей, главную вину за случившееся люди возлагали на Б. Ельцина (47%) и силовые структуры, в том числе ФСБ (14%)⁴⁹.

Осенью 1997-го и весной 1998 г. идея новой военной кампании в Чечне явно не была популярной. Лишь один человек из десяти считал допустимым подобное развитие событий, и то в крайнем случае; при этом семь человек из той же «десятки» оппонировали ему. События августа-сентября разделили общество на две равные части: четыре человека из десяти (40%) считали теперь возможным применить силу, а другие четыре (44%) активно противились этому. В сентябре 1999 г. доля сторонников введения войск на территорию Чечни, то есть, фактически, возобновления войны, резко возросла в сравнении с 1997 и 1998 гг., когда явное большинство россиян выступало за мирное решение чеченской проблемы. И все же силы сторонников и противников введения войск на территорию

республики были примерно равны, а это значит, что еще существовали возможности для обсуждения путей решения этой проблемы (табл. 31)⁵⁰.

Таблица 31
Мнения населения РФ о вводе войск в Чечню, %

Суждения	Сентябрь 1997	Февраль 1998	Сентябрь 1999
Если отношения с Чечней станут совсем враждебными, то Россия должна ввести туда войска и действовать силой	13	11	40
Как бы ни складывались отношения с Чечней, вводить туда войска нельзя ни в коем случае	67	70	44
Затрудняюсь ответить	20	19	16

Фактором, объединявшим сторонников и противников начала новой военной операции на Северном Кавказе, была установка на более жесткий политический курс России по отношению к Чечне. Весной 1998 и 1999 гг. на этом настаивали не более половины россиян (44% и 49% соответственно). Однако в начале октября 1999 г. — после серии взрывов — эта точка зрения стала разделяться заметным большинством (67%). С нею были согласны и две трети (64%) тех, кто не видел необходимости в проведении военных акций, считая их не адекватными ситуации⁵¹.

В относительно мирный 1998 г. Чечня продолжала держать большинство россиян в состоянии напряжения. Лишь незначительное меньшинство (4%) оставалось полностью равнодушным к «чеченскому вопросу», в подавляющем же большинстве (81%) люди следили за событиями в республике по прессе и электронным средствам массовой информации⁵². Поэтому закономерно, что в начале августа 1999 г. только 6% россиян не знали о начале боевых действий в Дагестане, в то время как три четверти (73%) были в курсе происходившего на Северном Кавказе, и еще около пятой части (19%) — что-то слышали о них. Почти две трети граждан (62%) полагали, что вооруженный конфликт в Дагестане перерастет в длительные боевые действия, как это было в Чечне, и только 18% были уверены в скором завершении конфликта. Мнения относительно использования в Дагестане регулярной армии, авиации и нанесения ракетно-бомбовых

ударов по расположениям боевиков разделились почти поровну: четверо из каждых десяти (42%) были уверены, что этого ни в коем случае не следует делать, а другие четверо (39%) считали бомбежку необходимой и оправданной⁵³.

В начале 1998 г. пятая часть россиян (21%) считала виновной в напряженности между Грозным и Москвой прежде всего Чечню, а треть (33%) возлагала равную ответственность за случившееся на обе стороны. После дагестанских событий и террористических актов в Москве и других городах общественное мнение в большей мере, чем раньше, стало винить в ухудшении отношений чеченскую сторону: так, в сентябре на Чечню возлагали вину 31% респондентов, а на Москву — 28%⁵⁴.

Обострение ситуации оказало довольно слабое влияние на позиции россиян в отношении статуса Чечни. В феврале 1998 г. треть россиян (32%) считала необходимым предоставление Чечне независимости. В мае следующего года доля сторонников подобного решения выросла до 41%, но и в сентябре 1999 г. — несмотря на кровавые события в Дагестане и Москве — она оставалась почти такой же (37%). Еще меньшие изменения произошли в численности тех, кто видел Чечню частью России, с таким же статусом, который был у других республик. В феврале 1998 г. сторонниками такого мнения были 28% населения, в сентябре 1999 г. — 30%. Следовательно, смысл силовой операции виделся россиянам прежде всего не в искоренении чеченского сепаратизма, а в возмездии террористам и ликвидации их военного потенциала⁵⁵.

Факт начала военных операций в Чечне не внес заметных изменений и в понимание населением иерархии целей российской политики в этой республике. И в мае 1998 г., и в мае 1999 г. около трети (31% и 29% соответственно) населения России считали важным защитить интересы русских, живущих в Чечне, и предотвратить разгорание большой войны на Северном Кавказе. В сентябре 1999 г. так полагали те же 30%. Вместе с тем, в течение рассматриваемого периода общественное мнение стало заметно активнее выступать в защиту населения приграничных с Чечней районов от набегов бандитов. В мае 1999 г. эта военно-политическая цель называлась в качестве одной из важнейших пятой частью россиян (19%), а осенью 1999 г. — более чем четвертью граждан страны (29%)⁵⁶.

В целом, несмотря на достаточно бурную и абсолютно обоснованную эмоциональную реакцию российских граждан на вторжение чеченских боевиков в Дагестан и террористические акты, в которых многим виделся «чеченский след», представления людей о причинах конфликта, приоритетах российской политики и будущем статусе Чечни не претерпели существенных изменений⁵⁷.

В конце сентября 1999 г. подавляющее большинство российских граждан (72%) не надеялось на скорое завершение войны в Дагестане — наши соотечественники считали, что события будут развиваться скорее по сценарию первой чеченской войны. Лишь 13% опрошенных полагали, что все скоро завершится⁵⁸.

Одни наши сограждане (32%) видели в происходящем в Дагестане «локальную» гражданскую войну, другие же (43%) трактовали случившееся как внешнюю агрессию. Соответственно, первым в основном (46%) казалось, что можно ограничиться выдворением боевиков с территории Дагестана, вторые же — и эта позиция безусловно доминировала (54%) — полагали необходимым перенести боевые действия на территорию Чечни и уничтожить боевиков окончательно⁵⁹. В конце сентября преобладающим (52%) было мнение об успешности проведения военных операций в Дагестане, однако 20% россиян не были удовлетворены действиями военных⁶⁰.

Хасавюртский мир несколько успокоил общественное мнение. События в Чечне из сферы высокой озабоченности и каждодневных тревог переместились в нижнюю часть листа самых острых общественных проблем. И все же в 1997 и 1998 гг. соответственно 9% и 6% россиян отмечали, что события в Чечне и других горячих точках России коснулись лично их или их близких. В октябре 1999 г., после прогремевших взрывов, этот показатель был заметно выше — 17%. Много это или мало? Для сравнения: в тот же год среди проблем личного характера 22% населения отмечали зависимость от последствий прошлогоднего финансового кризиса, 18% — невозможность найти работу, 12% — трудности с получением медицинской помощи⁶¹.

Выше говорилось, что в начале 1995 г. большинство россиян воспринимало Чечню как часть России, но после подписания Хасавюртских соглашений люди стали свыкаться с мыслью о независимости Чечни. В мае 1999 г. доли граждан, разделяющих

такую точку зрения, и тех, для кого Чечня оставалась частью России, сравнялись. С началом антитеррористических действий в Дагестане и затем в ходе боевых действий по уничтожению бандформирований на территории Чечни общественные настроения снова стали заметно меняться, и к концу 1999 г. подавляющее большинство российских граждан опять считало Чечню частью России (табл. 32)⁶².

Таблица 32
Мнения россиян о независимости Чечни, %

Суждения	Январь 1995	Январь 1997	Май 1999	Сентябрь 1999	Декабрь 1999
<i>Сегодня Чечня — это...</i>					
...часть России	67	51	41	47	72
...независимое государство	16	32	44	35	17

В конце сентября 1999 г. несколько менее половины россиян (44%) придерживались того мнения, что при всех сложностях отношений России и Чечни вводить туда войска нельзя ни в коем случае. Однако после перехода российскими войсками границы Чечни, когда россияне оказались перед свершившимся фактом, только 22% граждан не одобрили эти действия федеральных властей. Большинство (63%) согласилось с ними. Половина российского населения (51%) считала необходимым продвижение федеральных сил вглубь Чечни, за реку Терек, а противоположная точка зрения высказывалась почти вдвое реже (28%). Примерно так же распределялись мнения относительно необходимости немедленного начала переговоров центра с чеченским руководством: четверть (24%) граждан страны выступала за скорейшее начало переговоров, но половина (53%) полагала целесообразным приступить к ним лишь после укрепления позиций федеральных войск в Чечне⁶³.

В первые два месяца после начала нового вооруженного конфликта отношение к нему россиян менялось в двух следующих направлениях. Во-первых, росла (с 24% до 40%) уверенность в разгроме Чечни и ее возвращении в состав России. Во-вторых, все большему количеству людей (их число увеличилось с 7% до 22%) становилось ясно, что Россия вновь втягивается в длительный вооруженный конфликт, который может начать расползаться по Северному Кавказу⁶⁴.

В последнюю декаду ноября треть россиян (34%) считала, что действия военных в Чечне уже привели мирных жителей к «гуманитарной катастрофе», почти столько же (36%) не разделяли эту точку зрения, и последняя треть (30%) затруднялась сказать на эту тему что-либо конкретное. Более определенны в своих суждениях были те, кто имел четкое представление о том, что надо делать в Чечне. Среди считавших необходимым прекратить военные действия и начать переговоры половина (50%) констатировала наличие в Чечне признаков «гуманитарной катастрофы». С другой стороны, половина (51%) сторонников продолжения войны и противников мирных дипломатических шагов не находила жизнь населения республики катастрофической⁶⁵.

За несколько дней до завершения 1999 г. две трети граждан (64%) одобряли действия российских военных в Чечне и четверть (23%) характеризовала их негативно. Более половины (55%) считали ошибочным прекращение военных действий и проведение мирных переговоров. Однако каждый третий (32%) поддерживал и то, и другое. Далеко не все россияне, даже из числа одобрявших действия военных в Чечне, приветствовали продолжение боевых действий «до победы». Многие, видимо, понимали выгодность момента для перехода от применения силы к переговорному процессу⁶⁶. И все же у четверти населения (25%) ухудшилось отношение к Г. Явлинскому — против 12%, у которых оно улучшилось, — после его заявления о необходимости приостановить наступление федеральных войск в Чечне и приступить к мирным переговорам с А. Масхадовым⁶⁷.

Сильное эмоциональное воздействие на общественное мнение имели осенью 1999 г. высказывания В. Путина по «чеченскому вопросу», сделанные во время выступления в Астане (табл. 33). Две трети населения (66%) одобряли слова премьера, и очень немногие (7%) хотели бы ему возразить. Понятно, что жесткие высказывания В. Путина находили отклик в сознании преобладающего большинства (81%) сторонников войны, но к ним относилась одобрительно и половина ее противников (47%) и даже тех, кто не имел своего собственного мнения по поводу «войны или мира» в Чечне (48%)⁶⁸. Создается ощущение, что общество устало думать о Чечне и было готово все передать на усмотрение нового энергичного премьера, не надеясь на активное участие Б. Ельцина в решении чеченских проблем.

Таблица 33

Россияне о высказываниях В. Путина по «чеченскому вопросу», %

Группы мнений	Все	Отношение к прекращению военных действий в Чечне и началу мирных переговоров		
		сторонники	противники	не определившиеся
Ничего не знающие о высказываниях В. Путина	15	22	11	18
Одобрившие	66	47	81	48
Не одобряющие	7	13	3	6
Не определившиеся	12	17	6	28

Судя по всему, в эмоциональных словах В. Путина о том, что террористов будут уничтожать везде, где бы они ни находились («если найдем их в туалете, замочим и в сортире»), россияне увидели решительность, целеустремленность и эффективную агрессивность в достижении поставленной цели. Общественное мнение давало В. Путину шанс доказать оправданность его чеченской стратегии — оно как бы решило не ограничивать его инициативы, не связывать ему руки.

К началу последнего месяца 1999 г. общая оценка действий федеральных сил в Чечне сохранилась и даже стала более определенной. Доля населения, одобрявшего действия военных, несколько выросла (до 69%), а доля относившихся к ним негативно — слегка сократилась (до 21%). Если в ноябре половина (51%) россиян выступала за расширение федеральными силами их контроля над чеченской территорией, то к декабрю этот показатель существенно вырос (69%)⁶⁹.

И не видно конца войны

19 декабря 1999 г. состоялись выборы в Государственную Думу, в которых, при поддержке В. Путина, успешно приняло участие новое избирательное объединение «Единство», уступившее по числу мест в нижней палате российского парламента только коммунистам. 31 декабря Б. Ельцин ушел в отставку, возложив на В. Путина обязанности главы государства. Формально завершилась эпоха первого российского президента. 26 марта 2000 г. состоялись выборы, на которых В. Путин уже в первом туре одержал убедительную, многими прогнозирував-

шуюся победу, набрав более половины голосов избирателей. В начале мая состоялась инаугурация нового президента, и формально начался отсчет нового политического времени.

Но война в Чечне продолжалась.

В конце января — начале февраля две трети населения России (62%) настаивали на продолжении войны и отрицали возможность переговоров, а вектор движения армии направлялся общественным мнением «вглубь Чечни» (66%)⁷⁰. При этом четыре человека из десяти (42%) предполагали, что война закончится в течение года, треть россиян (31%) не надеялась на столь быстрое завершение, и более одной пятой воздерживались от прогноза⁷¹.

За неделю до президентских выборов примерно две трети россиян (66%) поддерживали действия федеральных сил в Чечне, но около четверти (24%) относились к операциям военных без одобрения. В целом одна пятая граждан страны (22%) заявляла, что ее отношение к В. Путину улучшится, если он пойдет на мирные переговоры с чеченской стороной. Среди не одобрявших войну подобная установка встречалась еще чаще (39%)⁷². Уже никто из россиян не верил в окончание военных действий в течение наступившей весны, и почти половина (45%) отодвигала срок окончания войны за границу 2000 г.⁷³

В разгар лета доля россиян, поддерживавших войну, впервые с ноября 1999 г. опустилась ниже 60%, а доля противников — перевалила за одну четверть (59% и 26% соответственно). Углубился пессимизм и в отношении сроков завершения войны. Лишь немногие (8%) надеялись увидеть конец войны до наступления нового года, и было мало (9%) тех, кто рассчитывал, что военные «уложатся» в два года, т. е. до осени 2001 г. Большинство россиян (59%) полагало, что война в Чечне продлится более двух лет⁷⁴.

Произошли и другие изменения: свыше трети граждан (37%) стали поддерживать идею прекращения войны и начала мирных переговоров, и возросла доля россиян (с 22% в марте до 30% в середине июля), считавших, что их отношение к новому президенту улучшится, если в ближайшее время он начнет переговоры с представителями Чечни. Более того, среди россиян стало меньше тех, кто полагал, что противниками федеральных войск являются вооруженные бандитские формирования (их доля снизилась с 80% в марте до 73% в июле), и выросла доля считавших, что война идет с вооружившимся чеченским народом (с 11% до 16%)⁷⁵.

Рейтинг В. Путина оставался очень высоким, но отсутствие хороших вестей с чеченского фронта начинало негативно сказываться на отношении россиян к президенту (табл. 34)⁷⁶.

Таблица 34

**Мнение населения России
о влиянии ситуации в Чечне на популярность В. Путина, %**

Суждения	Март 2000	Июль 2000
<i>Сегодняшнее положение дел в Чечне...</i>		
...повышает популярность В. Путина	39	24
...никак не влияет на популярность В. Путина	28	29
...снижает популярность В. Путина	15	32

В начале осени 2000 г. средства массовой информации начали сообщать о прекращении широкомасштабных военных действий в Чечне, об открытии школ, возвращении беженцев и о других признаках налаживания мирной жизни в республике. Но лишь очень немногие граждане (5%) верили этим сообщениям, верили в завершение войны. Основная часть населения (90%) придерживалась противоположной точки зрения⁷⁷.

Усилилось недоверие и к сообщениям о собственно военных операциях. Более половины россиян (58%) не обнаруживали в операциях федеральных сил наличия разработанного плана, но, напротив, видели в них преимущественно реакцию на действия боевиков. Больше других в тактической инициативе чеченской стороны были убеждены высокообразованные группы населения (72%)⁷⁸.

По истечении года с начала военных действий на Северном Кавказе каждый второй россиянин (50%) считал, что конца военным действиям и терактам не видно. Многие (41%) отметили тяжелые потери федеральных войск. Четверть — жертвы среди мирного населения (26%) и начало партизанской войны со стороны боевиков (24%). Одна пятая (22%) — разрушенные города, мосты, дороги.

* * *

Через год после начала второй чеченской войны, взвешивая достижения и потери, подавляющее большинство россиян (79%) признало ее безуспешной, и лишь менее одной пятой

граждан (17%) имели противоположное мнение. Четверть взрослого населения страны (26%) отметила успешность деятельности В. Путина в разрешении чеченских проблем, но более двух третей (67%) оценило ее в той или иной степени отрицательно⁷⁹.

В начале октября многие россияне (67%) называли все происходящее в Чечне войной: по мнению большинства (43%), это была партизанская война; втрое реже (15%) использовались такие определения, как «разгул бандитизма, хаос, неразбериха, анархия, бардак, беспредел». И лишь один человек из 100 (1%) считал боевые действия в Чечне борьбой с террористами. Каждый десятый (11%) подчеркивал экономические причины войны: чаще (7%) — «борьба за ресурсы, отмывание денег», реже (4%) — «борьба за власть, передел сфер влияния»⁸⁰.

Полгода спустя, в середине марта 2001 г., треть граждан России (29%) полагала, что ситуацию в Чечне можно нормализовать, запугав население республики, но свыше половины (56%) считали значительно более эффективными меры по завоеванию доверия людей⁸¹.

Давно завершилась эпоха Б. Ельцина, закончился первый год президентства В. Путина. В марте 2001 г. лишь два человека из десяти заявляли о возможности полной победы и возвращения Чечни в состав России.

И хотя начался вывод федеральных вооруженных сил с территории Чечни, война как бы замерла, но и мир не стал ближе.

¹ Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М., 1999. Гл. 5 (электронная версия — <http://pubs.carnegie.ru/russian/>).

² С. Шахрай — активный участник северокавказских событий с ноября 1992-го.

³ А. Куликов — осенью 1992 г. участник миротворческой миссии по ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта, с февраля по июль 1995 г. командовал объединенной войсковой группировкой в Чечне и позже был министром внутренних дел РФ и вице-премьером правительства России.

⁴ Войну в Чечне можно было предотвратить // Российская газета. 1999. 3 авг. (<http://www.nns.ru/interv/int205.html>).

⁵ Цит. по: Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М., 1999. Гл. 5 (электронная версия — <http://pubs.carnegie.ru/russian/>).

⁶ Окольцованная Чечня. Интервью с А. Масхадовым // МК. 1999. 27 сент. (<http://www.nns.ru/interv/int434.html>).

⁷ Горшков М. Российское общество в условиях трансформации. М., 2000. С. 102.

- ⁸ Никитина В. На круги своя? // *Мониторинг ОМ*. ВЦИОМ, 1999. № 6 (44). С. 54.
- ⁹ *Мониторинг ОМ*. ВЦИОМ, 1995. № 1. С. 7.
- ¹⁰ Никитина В. На круги своя? // *Мониторинг ОМ*. ВЦИОМ, 1999. № 6 (44). С. 54.
- ¹¹ Там же. С. 55.
- ¹² Там же. С. 54.
- ¹³ Шейнис Л. Выступление на внеочередном заседании Госдумы по вопросу «О сохранении российской государственности. О ситуации в Чеченской Республике и мерах выхода из кризиса». 11 января 1995 г. (<http://www.yabloko.ru/Themes/Chechnja/chech-42.html>).
- ¹⁴ Жириновский В. Политические взгляды, позиция (<http://www.nns.ru/Person/zhirin/5.html>).
- ¹⁵ Зюганов Г. Политические взгляды, позиция (<http://www.nns.ru/Person/zyugan/5.html>).
- ¹⁶ Никитина В. На круги своя? // *Мониторинг ОМ*. ВЦИОМ, 1999. № 6 (44). С. 55.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Опрос ВЦИОМ от 6-10 января 2000 г. (<http://www.polit.ru/documents/161766.html>).
- ²⁰ Фонд «Общественное мнение». Результаты социологических исследований (далее — *Результаты социологических исследований ФОМ*). 1996. № 16, 26 апр.
- ²¹ *Результаты социологических исследований ФОМ*. 1996. № 66, 4 июня.
- ²² Никитина В. На круги своя? // *Мониторинг ОМ*. ВЦИОМ, 1999. № 6 (44). С. 55.
- ²³ *Результаты социологических исследований ФОМ*. 1996. № 67, 5 июня.
- ²⁴ *Результаты социологических исследований ФОМ*. 1996. № 104, 23 июня.
- ²⁵ *Результаты социологических исследований ФОМ*. 1996. № 115, 27 июня.
- ²⁶ Никитина В. На круги своя? С. 56.
- ²⁷ А.И. Лебедь (<http://www.nns.ru/persons/lebed.html>).
- ²⁸ На встрече А. Лебеда с А. Масхадовым обсуждался новый план урегулирования конфликта в Чечне (<http://www.nns.ru/chronicle/archive/leb-mas.html>).
- ²⁹ На переговорах секретаря Совета безопасности с лидерами чеченской оппозиции обсуждаются политические вопросы урегулирования конфликта в Чечне (<http://www.nns.ru/chronicle/archive/lebb.html>).
- ³⁰ Постановление Совета Федерации Федерального собрания РФ «О ситуации в Чеченской Республике» (<http://www.nns.ru/chronicle/archive/sovfed3.html>); Совет Федерации занял четкую позицию в урегулировании чеченского кризиса (<http://www.nns.ru/chronicle/archive/sovfed4.html>).
- ³¹ Никитина В. На круги своя? // *Мониторинг ОМ*. ВЦИОМ, 1999. № 6 (44). С. 56.
- ³² Там же.
- ³³ А. Лебедь назван «человеком года» (<http://classic.fom.ru/fominfo/info145.htm#3>).
- ³⁴ Горшков М. Российское общество в условиях трансформации. М., 2000. С. 191.
- ³⁵ А. Лебедь назван «человеком года» (<http://classic.fom.ru/fominfo/info145.htm#3>).

- ³⁶ Никитина В. На круги своя? // *Мониторинг ОМ*. ВЦИОМ, 1999. № 6 (44). С. 56..
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Ослон А. Снова о Чечне (http://classic.fom.ru/obzor/old_1809.htm#2).
- ⁴⁰ Никитина В., Ким Н. На круги своя (Пять лет чеченского кризиса в опросах ВЦИОМ) (<http://www.polit.ru/documents/153982.html>).
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Статус Чечни: де-юре и де-факто (<http://classic.fom.ru/obzor/o1041.htm#2>).
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Хроника событий. Боевые действия 13 августа (http://www.nns.ru/dagestan/chr_dagestan.html).
- ⁴⁵ Хроника. События 27 августа (<http://www.nns.ru/press-file/dagestan/chron/1999/08/27.html>).
- ⁴⁶ Хроника событий. Боевые действия 15 сентября (<http://www.nns.ru/press-file/dagestan/chron/1999/09/15.html>).
- ⁴⁷ Заявление правительства РФ о ситуации в Чеченской Республике и мерах по ее урегулированию (<http://www.nns.ru/press-file/dagestan/zaiavl.html>).
- ⁴⁸ Окольцованная Чечня. Интервью с А. Масхадовым // МК. 1999. 27 сент. (<http://www.nns.ru/interv/int434.html>).
- ⁴⁹ Кто виноват в терактах и что делать с Чечней (<http://www.polit.ru/documents/112557.html>).
- ⁵⁰ Что делать с Чечней? (http://classic.fom.ru/obzor/o1068_1.htm).
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Еще раз о статусе Чечни (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-198.htm#2>).
- ⁵³ Россияне о боевых действиях в Дагестане 14 августа 1999 г. (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-279.htm#1>); Результаты опроса населения России 14-15 августа 1999 г. (http://classic.fom.ru/week/t1061_4.htm).
- ⁵⁴ Что делать с Чечней? (http://classic.fom.ru/obzor/o1068_1.htm).
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Война в Дагестане (http://classic.fom.ru/obzor/o1066_1.htm).
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Динамика проблем, тревожащих россиян (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-288.htm#5>).
- ⁶² Сегодня Чечня — это часть России (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-296.htm#1>). О Чечне (http://classic.fom.ru/week/t1078_2.htm).
- ⁶³ О военных действиях на территории Чечни (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-287.htm#1>).
- ⁶⁴ Как Вы оцениваете действия российских войск в Чечне? (<http://www.polit.ru/documents/135259.html>); Как Вы полагаете, чем завершится вооруженный конфликт в Чечне? (<http://www.polit.ru/documents/153660.html>).
- ⁶⁵ Раскол? (Война в Чечне и иллюзия национального единства) (http://classic.fom.ru/obzor/o1075_1.htm).
- ⁶⁶ О войне и мире в Чечне СМИ (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-292.htm#2>).
- ⁶⁷ Высказывания Г. Явлинского по Чечне в оценках россиян СМИ (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-292.htm#3>).

⁶⁸ Раскол? (Война в Чечне и иллюзия национального единства) (http://classic.fom.ru/obzor/o1075_1.htm).

⁶⁹ Россияне одобряют действия военных в Чечне (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-296.htm#2>).

⁷⁰ Россияне — за войну в Чечне до победного конца (<http://www.fom.ru/reports/frame/of000501.html>).

⁷¹ Быстрая победа в Чечне не ожидается (<http://www.fom.ru/reports/frame/of000502.html>).

⁷² О тех, кто не одобряет войну в Чечне (15 марта 2000 г.) (<http://www.fom.ru/reports/frames/of001404.html>).

⁷³ Быстрой победы в Чечне не будет (<http://www.fom.ru/reports/frame/of001403.html>).

⁷⁴ Поддержка военных действий в Чечне ослабевает (<http://www.fom.ru/reports/frames/of002804.html>).

⁷⁵ Странников мирных переговоров с Чечней становится все больше (<http://www.fom.ru/reports/frames/of002805.html>).

⁷⁶ Война в Чечне снижает рейтинг В. Путина (<http://www.fom.ru/reports/frames/of002806.html>).

⁷⁷ В Чечне идет война (<http://www.fom.ru/reports/frames/of003902.html>).

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Седов Л. Политическая жизнь России в июле 2000 года — глазами российских граждан (http://www.wciom.ru:5555/HOME_R.asp.); ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 29: 28 июля 2000 г. (http://www.wciom.ru:5555/HOME_R.asp).

⁸⁰ Война продолжается? (<http://www.fom.ru/reports/frames/of004002.html>).

⁸¹ Ситуация в Чечне и суд над Ю. Будановым (<http://www.fom.ru/reports/frames/d010911.html>).

Год 1995 Красная Дума

Отметины года

Весь год не прекращались военные действия в Чечне. В начале января — крупное военное поражение, неудачный штурм Грозного, во время которого погибло более 1800 российских солдат и офицеров. Военные действия продолжались в Грозном и в равнинной части Чечни, а в середине февраля Д. Дудаев заявил о переносе военных операций и за территорию республики.

14 июня — операция террористов в Буденновске. В город вошло около 100 человек под руководством Ш. Басаева. Погибли 144 жителя города.

Вторая половина года не принесла окончания войны. 1 декабря Б. Ельцин подписал указ «О правовых гарантиях участников незаконных вооруженных формирований в Чеченской Республике, добровольно прекративших вооруженные действия».

Рост инфляции вынуждает правительство увеличивать минимальную заработную плату. 1 апреля она была повышена с 25000 до 34400 руб., а через месяц — с 34400 до 43700 руб. Переход к рынку сопровождался появлением новых элементов в экономической жизни страны.

В конце апреля Думой был принят федеральный закон «О рынке ценных бумаг», а в начале июля правительство ввело «валютный коридор». На период с 6 июля по 1 октября 1995 г. был установлен обменный курс от 4300 до 4900 рублей за 1 доллар. В конце ноября «коридор» в рамках 4550—5150 руб. за 1 доллар США был продлен до 30 июня 1996 г.

24—25 августа волна взаимных неплатежей, задержки в поставке денежных средств некоторыми средними и крупными банками вызвали кризис на московском рынке межбанковских кредитов. Благодаря активной деятельности Центрального

банка России рынки валюты и государственных ценных бумаг удалось сохранить. «Черный четверг» не привел к общему финансовому кризису.

В конце августа в обращение была введена купюра достоинством в одну тысячу рублей.

15 ноября, по сути, был дан старт новым президентским выборам: Совет Федерации принял постановление о назначении выборов президента России на 16 июня 1996 г.

В целом год прошел под знаком очередных выборов в Думу. Уже в начале января состоялся Учредительный съезд объединения «Яблоко», а в конце того же месяца — образован Центральный комитет КПРФ, председателем которого был избран Г. Зюганов.

В феврале регистрируются Конгресс русских общин, общественное движение «Регионы России», закладываются организационные основы движения Б. Федорова «Вперед, Россия!». В марте по инициативе А. Руцкого образовано социал-патриотическое объединение «Держава», С. Федоров регистрирует «Партию самоуправления трудящихся», а в апреле М. Лапшин — Аграрную партию России. В начале мая И. Хакамада регистрирует движение «Общее дело». 12 мая состоялся Учредительный съезд новой политической проправительственной организации «Наш дом — Россия». Ее лидером стал В. Черномырдин.

В первых числах апреля началась официальная часть избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы. 9 июня Дума приняла, а 21 июня президент подписал закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации». Документ регламентировал процедуру образования 225 одномандатных избирательных округов и правила составления списков избирателей, определял понятие избирательных объединений и блоков, описывал порядок выдвижения кандидатов в депутаты Государственной Думы и образования федеральных списков.

По состоянию на 17 июня 1995 г. правом участия в выборах депутатов Государственной Думы обладали 258 общественных объединений и 15 профессиональных союзов. 111 общественных объединений воспользовались этим правом.

К 27 октября, завершающему дню регистрации кандидатов по одномандатным округам, было зарегистрировано 2684 кандидата, в том числе 1086 независимых, остальные — от избира-

тельных объединений и блоков. 10 ноября в Центральной избирательной комиссии состоялась жеребьевка — присвоение избирательным объединениям порядковых номеров для включения в бюллетени для голосования. В жеребьевке приняли участие 42 зарегистрированных объединения и блока. Позже, по решению Верховного суда, ЦИК был вынужден зарегистрировать еще одно объединение — «Союз работников жилищно-коммунального хозяйства России» и добавил его в бюллетень под номером 43.

25 декабря состоялись выборы. С большим перевесом победили коммунисты: они получили в Думе 99 депутатских мандатов. Кроме КПРФ только три избирательных объединения преодолели 5%-ный барьер: Либерально-демократическая партия (50 мест), «Наш дом — Россия» (45 мест) и «Яблоко» (31 место).

«Идеальный политик» — каков он?

В любой политической системе, особенно в преддверии избирательных кампаний, значима роль партийных лидеров, ибо основная часть электората знает не партию, а ее лидера, и потому чаще всего голосует не за программу, а за конкретного человека. Люди редко читают программные документы политических движений и не могут объяснить, что общего и в чем отличия в политических программах и тем более — каковы теоретические принципы партий. Но они каким-то образом фиксируют свою духовную, интеллектуальную, нравственную, социокультурную близость к тому или иному лидеру и затем принимают, поддерживают «его» партию.

В полной мере это относится и к России середины 90-х. В стране существовало — иногда только на бумаге — огромное число партий, объединений, избирательных блоков, но не было многопартийности в буквальном смысле этого слова. Партии-однодневки и избирательные блоки, не всегда создававшиеся в политических целях, явно не могли рассчитывать на привлечение внимания электората. Потенциальные избиратели не могли увидеть политического лица многих партий, потому что его не было, потому что сами создатели партий не могли сказать, в чем их идеология и каковы главные социальные ориентиры.

Распределение 43 участников парламентских выборов 1995 г. по доле набранных ими голосов наглядно иллюстрирует невыразительность программ, заявлений, лозунгов, названий преобладающего большинства партий и избирательных блоков (табл. 35).

Таблица 35

**Распределение участников парламентских выборов 1995 г.
по количеству набранных голосов**

Доля набранных голосов	Количество избирательных образований
5,00% и более	4
2,00%—4,99%	7
1,00%—1,99%	6
0,50%—0,99%	5
0,20%—0,49%	8
0,10%—0,19%	9
Менее 0,1%	4
Итого	43

26 из 43-х (или 60% всех участников выборов) избирательных объединений составляют группу политобразований, каждое из которых набрало менее 1%. Можно привести и иную статистику: 21 объединение (49% всех участников) набрало менее чем по полпроцента голосов избирателей.

Понимая невозможность завоевания избирателя достоинствами, своеобразием своих программных положений, многие избирательные объединения использовали простейший прием привлечения внимания электората: они включали в свои федеральные списки широко известных россиянам людей, полагая, что это принесет объединению дополнительные голоса. Среди них было много действительно популярных актеров театра, кино и эстрады: танцор Махмуд Эсамбаев (№ 1 в списке Союза мусульман России), актер кино и театра Александр Пороховщиков (№ 3 в Партии самоуправления трудящихся), киноактер и режиссер Никита Михалков и режиссер Галина Волчек (№ 2 и № 7 в партии «Наш дом — Россия»), телеведущий Леонид Якубович (№ 2 в Экологической партии России «Кедр»), актриса Элина Быстрицкая (№ 2 в движении «Стабильная Россия»), кинорежиссер Станислав Говорухин (№ 1 в «Блоке Станислава Говорухина»), киноактер Александр Панкратов-Чер-

ный (№ 3 в блоке «Джуна»), эстрадный певец Иосиф Кобзон (№ 3 в движении «Мое Отечество») и др.

И все же в глазах российских избирателей не программы и предвыборные платформы, не популярные и известные люди создавали образ избирательных движений, а их лидеры. Рассмотрим, каким представлялся общественному мнению «идеальный российский политик» и в какой мере реальные, действовавшие политические фигуры середины 90-х соответствовали существовавшему общественному эталону.

Безусловно, совокупность рассматриваемых характеристик не исчерпывает возможных критериев оценки политических лидеров, но все же анализ всех этих качеств позволяет выявить некоторые представления об «идеале» и установить общее и специфическое во взгляде на ведущих политиков 1995 г.

Таблица 36
Восприятие россиянами ведущих политиков, %*

Качества политиков	Идеал	А. Лебедь	Г. Явлинский	Г. Зюганов	В. Черномырдин	Е. Гайдар	Б. Ельцин	В. Жириновский
Ответственность за данные обещания	74	27	23	21	18	11	5	3
Авторитет человека, знающего, как решать проблемы страны	72	15	20	17	16	11	8	8
Учет нужд простых людей	71	20	23	30	16	9	6	6
Честность в политике	68	27	28	23	18	13	6	3
Умение говорить народу правду	68	32	23	28	14	11	6	16
Склонность к исключению применения силы	57	17	30	21	29	21	5	3
Признание своих ошибок	54	17	15	13	14	13	8	5
Опыт политического деятеля	51	5	18	26	24	21	34	14
Опыт хозяйственного руководителя	50	5	18	6	41	11	11	2
Непричастность к ошибкам прошлых властей	35	20	20	9	4	4	2	6
Способность к компромиссам	32	10	30	21	35	28	19	6
Осторожность	32	10	28	21	29	25	13	3
Непримиримость в политической борьбе	29	29	15	23	12	15	19	36

* Фамилии политиков расположены слева направо по убыванию наиболее популярного качества идеального политика — «ответственность за данные обещания».

Качества политиков	Идеал	А. Лебедь	Г. Явлинский	Г. Зюганов	В. Черномырдин	Е. Гайдар	Б. Ельцин	В. Жириновский
Готовность использовать силу	21	34	5	15	18	11	48	47
Готовность поступиться своей репутацией ради общества	17	12	10	11	12	11	13	16
Склонность к риску	16	29	10	13	12	15	26	50
Настойчивость в проведении своей политики	11	20	23	23	31	43	53	44
Умение умалчивать о трудностях	6	10	18	19	31	36	44	17
Умение сохранять авторитет, уходя от обсуждения ошибок	5	10	15	17	25	26	35	23
Готовность давать любые обещания	2	20	28	38	33	47	63	70

Наиболее близкими к «идеалу» оказались А. Лебедь, Г. Зюганов и Г. Явлинский. Менее всех соответствовали «эталону» действующий президент, а также В. Жириновский и Е. Гайдар.

Ответы участников опроса (табл. 36) задают так называемые профили идеального и реального политиков. Профилем мы будем именовать последовательность (или иерархию) характеристик политиков, которая в определенном смысле отражает восприятие этих политиков избирателями. Существует множество статистических методов, позволяющих сопоставить подобные иерархические структуры. Воспользуемся возможностями корреляционного анализа (табл. 37).

Таблица 37

Матрица коэффициентов корреляции профилей политиков

Политические лидеры	Е. Гайдар	Б. Ельцин	В. Жириновский	Г. Зюганов	А. Лебедь	В. Черномырдин	Г. Явлинский	Идеал
Е. Гайдар	1,00	0,78	0,51	0,50	-0,28	0,67	0,36	-0,63
Б. Ельцин	0,78	1,00	0,81	0,33	-0,03	0,42	-0,20	-0,76
В. Жириновский	0,51	0,81	1,00	0,32	0,40	0,04	-0,32	-0,68
Г. Зюганов	0,50	0,33	0,32	1,00	0,20	0,19	0,54	0,07

Политические лидеры	Е. Гайдар	Б. Ельцин	В. Жириновский	Г. Зюганов	А. Лебедь	В. Черномырдин	Г. Явлинский	Идеал
А. Лебедь	-0,28	-0,03	0,40	0,20	1,00	-0,56	-0,18	0,14
В. Черномырдин	0,67	0,42	0,04	0,19	-0,56	1,00	0,43	-0,25
Г. Явлинский	0,36	-0,20	-0,32	0,54	-0,18	0,43	1,00	0,32
Идеал	-0,63	-0,76	-0,68	0,07	0,14	-0,25	0,32	1,00

Ближе всех к «идеалу» среди действовавших политиков Г. Явлинский. В целом нейтральными или даже в какой-то степени позитивными, т. е. не противоречившими «идеалу», были также образы А. Лебеда и Г. Зюганова. Антиподами «идеального политика» были Б. Ельцин, В. Жириновский, Е. Гайдар и, в меньшей мере, В. Черномырдин.

Наиболее самобытным, непохожим на всех остальных, российскому электорату в то время представлялся А. Лебедь, лидер Конгресса русских общин (КРО). В целом, по набору всех качеств он резко контрастировал с В. Черномырдиным. Премьер, с точки зрения потенциального избирателя, в противовес генералу обладал огромным опытом хозяйственного руководителя, стремлением к компромиссу, осторожностью и склонностью к исключению применения силы. Он также отличался от А. Лебеда наличием опыта политического деятеля. А. Лебеда общественное мнение приписывало высокое чувство ответственности, умение говорить с народом прямо («резать правду-матку в глаза»), честность и непричастность к ошибкам руководства страны.

Несколько меньше, но тоже зримо, А. Лебедь отличался от Е. Гайдара и Г. Явлинского. Психологический портрет генерала не противопоставлялся общественным мнением образу президента, но был отличен от него.

Уникальность Г. Зюганова, как ни странно, заключалась в том, что в глазах общественного мнения его образ как политика не противопоставлялся образам других политических лидеров, «не конфликтовал» с ними. Г. Зюганов не воспринимался россиянами как антипод других обитателей политического Олимпа. Большинство населения видело в лидере коммунистов достаточно осторожного и наиболее «сбалансированного» политика.

В портрете Г. Явлинского общественное мнение находило черты политического стиля Г. Зюганова, но многое в поведении лидера «Яблока» напоминало россиянам стиль В. Черномырдина и Е. Гайдара. Одновременно электорат фиксировал несхожесть политического поведения лидера «Яблока» со стилем деятельности В. Жириновского, Б. Ельцина и А. Лебеда.

Образ президента в большей степени, чем все другие, отличался от образа идеального политика — и даже не просто отличался, а был противоположен ему.

Высокий отрицательный коэффициент корреляции (-0,76) между образом Б. Ельцина как политика и образом идеального политического лидера, отвечавшего представлениям россиян, характеризовал общественное мнение накануне думских выборов.

Это может показаться странным, но в 1995 г. существовавшие в общественном сознании образы Б. Ельцина и В. Жириновского были по многим характеристикам сходны, хотя первый был президентом и уже в течение четырех лет определял политику государства, а второй часто оппонировал ему и пытался сформировать в обществе представление о том, что следующим президентом станет именно он. Люди считали, что у Б. Ельцина и В. Жириновского нет чувства ответственности за данные обещания, что они не понимают проблем страны и не знают путей преодоления трудностей. Высказывания и некоторые аспекты деятельности этих двух видных политиков не убеждали население в том, что они понимают нужды простых людей.

В Е. Гайдаре многие видели не самостоятельного политического лидера, а политика, долгие годы работавшего с Б. Ельциным и под его «прикрытием», поэтому его образ соотносился с образом президента. Обнаруживается и определенное сходство образов Е. Гайдара и Г. Явлинского, что тоже объяснимо: оба были за рыночную экономику, оба отстаивали принципы демократии, оба в 1995 г. выступали против войны в Чечне и т. д.

Общественное мнение россиян мало различало «политические лица» Б. Ельцина и В. Черномырдина. Но это и объяснимо: ведь премьер-министр России претворял в жизнь реформы, являвшиеся по сути и называвшиеся в народе ельцинскими.

* * *

При анализе профилей политиков возникает вопрос: насколько образ «идеального» политика универсален? Здесь возможны два принципиально разных ответа.

Ответ первый: определенные группы населения выбирают свою партию и своего политика и объединяются в электораты, хотя в сознании представителей этих групп имеются различные эталоны политиков. В момент предвыборных кампаний они лишь отыскивают в существующем политическом предложении тех лидеров, которые максимально близки к их априори созданному идеалу.

Ответ второй: идеал политика — это нечто универсальное, отвечающее неким социокультурным нормам высшего порядка. Безусловно, политическое сознание населения включает в себя некоторые модификации идеального политика, но они — лишь разновидности, вариации главной мелодии. В этом случае приходится признать, что выбор людьми своей партии и своего политика происходит не путем соотнесения действующих политиков и некоего мифического эталона. Конечно, образ идеального политика необходим и здесь, но уже на втором этапе, после того, как человек почти что отыскал «своего» политика и предполагает именно его поддержать на выборах. Другими словами, когда человек идентифицировал себя с одной из партий и стал членом потенциального электората одного из политиков, тогда начинают действовать внутренние механизмы оправдания, объяснения своего — по сути уже сделанного — выбора. В процессе этих размышлений «свой» политик наделяется чертами «эталонного», т. е. сознание избирателя присваивает выбранному политику-человеку те или иные черты политика-«идеала».

Приводимые ниже данные скорее подтверждают гипотезу существования универсальной для россиян модели политического «божества», чем предположение о существовании множества идеалов политических лидеров. Насколько эти представления стабильны, как быстро они претерпевают изменения, что происходит с «эталонами», трудно сказать, но можно утверждать, что в 1995 г. электораты Е. Гайдара и А. Лебеда, В. Жириновского и В. Черномырдина, Г. Зюганова и Г. Явлинского имели схожие представления об идеальном партийном лидере (табл. 38)¹.

Таблица 38

**Профили идеальных политиков
для потенциальных электоратов партий и объединений, %**

Качества политиков	Идеал (электорат в целом)	Потенциальные электораты					
		ДВР	«Яблоко»	КПРФ	НДР	КРО	ЛДПР
Ответственность за данные обещания	74	83	82	80	79	79	75
Авторитет человека, знающего, как решать проблемы страны	72	80	80	78	80	78	74
Учет нужд простых людей	71	72	76	79	77	78	71
Честность в политике	68	75	77	74	75	75	65
Умение говорить народу правду	68	70	72	76	74	76	72
Склонность к исключению применения силы	57	70	68	62	66	59	46
Признание своих ошибок	54	66	64	60	62	65	54
Опыт политического деятеля	51	64	60	57	61	57	54
Опыт хозяйственного руководителя	50	55	54	55	59	53	47
Непричастность к ошибкам прошлых властей	35	36	42	39	36	42	36
Способность к компромиссам	32	46	43	31	41	33	24
Осторожность	32	38	37	35	37	35	25
Непримиримость в политической борьбе	29	29	26	33	32	35	43
Готовность использовать силу	17	21	22	18	22	22	22
Готовность поступиться своей репутацией ради общества	16	19	17	16	19	23	29
Склонность к риску	11	20	18	9	16	13	14
Настойчивость в проведении своей политики	6	9	9	6	10	6	7
Умение умалчивать о трудностях	5	6	5	5	6	4	8
Умение сохранять авторитет, уходя от обсуждения ошибок	2	2	2	2	2	2	5
Готовность давать любые обещания	2	2	2	2	2	2	5

Теперь рассмотрим вторую часть сделанного выше допущения и проверим, наделяет ли потенциальный электорат «своего» политика качествами идеального или этого не происходит.

Технически эта задача решалась следующим образом. Выше приведены эталонные профили политиков, построенные по

ответам потенциальных избирателей шести наиболее заметных участников избирательной кампании-95. Аналогичным образом были сконструированы профили семи ведущих российских политических фигур того времени — президента и политиков, имена которых общественное мнение связывало с рассматриваемыми избирательными объединениями. Затем рассчитывались коэффициенты корреляции между профилями «эталона» данной части электората и профилями реальных политиков.

Так, например, для потенциальных избирателей ДВР коэффициент корреляции между «эталон» и лидером этого политического объединения равен 0,60, а между профилем идеального политика и профилями В. Жириновского, Г. Зюганова, А. Лебеда — -0,75, -0,68, и 0,07 соответственно (табл. 39).

Таблица 39

**Матрица коэффициентов корреляции профилей
идеального политика и лидеров партий**

Политические лидеры	Потенциальные электораты					
	ДВР	ЛДПР	КПРФ	КРО	НДР	«Яблоко»
Лидер данного блока	0,60	0,15	0,85	0,66	0,61	0,86
Лидеры других избирательных блоков						
Е. Гайдар		-0,78	-0,76	-0,74	-0,38	-0,45
В. Жириновский	-0,75		-0,69	-0,69	-0,73	-0,75
Г. Зюганов	-0,68	0,21		0,28	-0,49	-0,44
А. Лебедь	0,07	0,46	0,29		0,14	0,16
В. Черномырдин	0,16	-0,57	-0,51	-0,42		-0,09
Г. Явлинский	0,71	-0,44	0,11	0,36	0,54	
Б. Ельцин	-0,61	-0,76	-0,81	-0,78	-0,67	-0,74

Приведенные коэффициенты корреляции подтверждают справедливость предположения о том, что, приняв решение голосовать за тот или иной блок, потенциальный избиратель затем наделяет его лидера чертами идеального политика.

В представлениях тех, кто предполагал голосовать за «Яблоко», В. Жириновский, Е. Гайдар и Г. Зюганов выглядели «анти-идеальными» политическими лидерами. В свою очередь, электорат коммунистов поместил своего лидера практически «вплотную» к идеалу (напомним, идеал един для всех электоратов), а его «негативным» отражением считал Е. Гайдара, В. Жириновского и В. Черномырдина.

Два случая требуют специального рассмотрения. Их возникновение не опровергает допущения о существовании механизмов «переноса», приписывания черт идеального политика реальным лидерам политических структур, но показывает, что в действительности процесс подобного переноса не однозначен.

Во-первых, результаты корреляционного анализа демонстрируют, что, с точки зрения электората ДВР, Г. Явлинский не менее похож на идеального лидера, чем реальный лидер блока — Е. Гайдар. Эту ситуацию можно объяснить тем, что, хотя на выборах эти политики выступали как противники, это не помешало достаточно образованным и интеллигентным избирателям увидеть их схожесть. При этом Е. Гайдар нес ответственность за освобождение цен и приватизацию, сильно ухудшившие материальное положение тех людей, которые в 1995 г. хотели бы дать его политическому объединению еще один шанс для продолжения демократических преобразований в России. Предполагая голосовать за блок Е. Гайдара, они при этом симпатизировали и Г. Явлинскому, приписывая и ему черты идеального лидера.

Отметим, что в данном случае этот перенос не является симметричным: «яблочный» электорат видел в стиле деятельности Е. Гайдара то, что никак не приближало его к идеалу политика. По многим параметрам сторонники Г. Явлинского не отличались от электората «Демократического выбора», но они не могли или не хотели простить Е. Гайдару резкого ухудшения своего материального положения. По-видимому, не была забыта и роль Е. Гайдара при выработке Беловежских соглашений. Напротив, Г. Явлинский всегда призывал к сохранению Союза и считал возможным проведение экономических реформ на территории всего бывшего СССР.

Второй особый случай связан с электоратом ЛДПР. Выяснилось, что в сознании сторонников ЛДПР степень корреляции политического профиля В. Жириновского с профилем «идеального» лидера достаточно низка (коэффициент корреляции равен 0,15). Ориентировавшиеся на голосование за либеральных демократов считали значительно лучшими политиками, чем В. Жириновский, А. Лебеда и Г. Зюганова. Почему же эти люди, видя лучших политических лидеров, все же предполагали поддержать — и поддержали — на выборах «худшего»? Скорее всего это объясняется тем, что они принимали держав-

ный патриотизм В. Жириновского и, может быть, им даже импонировала его внешняя агрессивность. Заметим, что нет никаких оснований полагать, что россияне стремятся голосовать на выборах — будь то президентские или парламентские выборы — именно за идеального политика. Скорее, как показали результаты многочисленных предвыборных зондажей общественного мнения, предпочтение отдается политику деятельному, способному «держать удар» и более всех остальных кандидатов соответствующему представлению о «своем», «нашем», «понимающем простых людей». И если в «идеал» В. Жириновский вписывался с трудом, то на роль «своего» он вполне подходил.

И еще один факт обращает на себя внимание. Потенциальные электораты всех анализируемых избирательных объединений рассматривали президента как политика, максимально удаленного от того, которого они считали бы эталоном политического лидера. Наиболее критичны по отношению к Б. Ельцину были сторонники КПРФ (коэффициент корреляции $-0,81$). Избиратели, ориентировавшиеся на поддержку Е. Гайдара, так же, как и их политические оппоненты, активно не принимали ельцинского стиля политики (коэффициент корреляции $-0,61$).

Говорим «лидер» — подразумеваем «партия», и наоборот

Выше были рассмотрены представления россиян (российского электората) об идеальном политическом лидере. Подчеркивалось, что этот идеал практически един для электоратов различных политических партий. Теперь рассмотрим отношение электоратов к «своим» лидерам.

Качеств, которые признавались особенно ценными для политического лидера (за них высказались как минимум 50% россиян — это показано жирным шрифтом в первом столбце расположенной ниже *таблицы 40*), оказалось девять. В профилях каждого из политиков, сконструированных по оценкам их электоратов, также выделены наиболее часто упоминаемые качества (их указали как минимум 30% сторонников соответствующего лидера). Очевидно, что чем больше этих «отмеченных» качеств находится в верхней части таблицы, тем — пока

без учета других обстоятельств — ближе этот политик в глазах его потенциального электората располагается к эталону политика.

Судя по приведенным данным, ближе всех к «эталону» ставили «своего» лидера сторонники Г. Явлинского и Г. Зюганова. Менее всех, по оценке собственного электората, оказался похож на идеального политика лидер ЛДПР.

Таблица 40
Профили ведущих политиков
по оценкам их потенциальных электоратов, %

Качества политиков	Идеал	Потенциальные электораты					
		А. Лебеда	Г. Зюганова	Г. Явлинского	В. Черномырдина	Е. Гайдара	В. Жириновского
Ответственность за данные обещания	74	48	42	38	36	35	19
Авторитет человека, знающего, как решать проблемы страны	72	30	31	37	28	34	28
Учет нужд простых людей	71	39	58	39	35	25	31
Честность в политике	68	49	45	47	36	42	19
Умение говорить народу правду	68	57	55	37	28	38	51
Склонность к исключению применения силы	57	29	35	42	47	44	6
Признание своих ошибок	54	31	26	25	27	37	24
Опыт политического деятеля	51	5	32	20	32	38	20
Опыт хозяйственного руководителя	50	5	10	23	53	18	4
Непричастность к ошибкам прошлых властей	35	33	16	29	9	8	18
Способность к компромиссам	32	11	25	34	47	41	6
Осторожность	32	16	29	33	40	30	6
Непримиримость в политической борьбе	29	41	26	20	17	25	48
Готовность использовать силу	21	36	12	5	16	10	56
Готовность поступиться своей репутацией ради общества	17	13	10	9	11	13	16
Склонность к риску	16	34	9	13	10	22	58
Настойчивость в проведении своей политики	11	14	12	18	23	43	36
Умение умалчивать о трудностях	6	4	9	13	23	22	6
Умение сохранять авторитет, уходя от обсуждения ошибок	5	5	8	9	17	14	14
Готовность давать любые обещания	2	7	12	11	15	19	35

Обратим внимание еще на одну особенность. Потенциальные избиратели коммунистов, КРО, НДР и «Яблока», оценивая своих лидеров, редко называли те признаки, которые негативно характеризуют эталонного политика. С другой стороны, потенциальный электорат В. Жириновского часто находил в поведении своего лидера элементы, которые, по мнению самого же электората, идеального лидера не красят.

Теперь сравним отношения различных электоратов к лидерам «чужих», конкурирующих избирательных структур. В принципе здесь не приходится ожидать особой теплоты, скорее, должно быть неприятие или отторжение. С другой стороны, определенная часть каждого электората в процессе всей избирательной кампании находится в поиске, постоянно раздумывая, кому же отдать свой голос. Вновь применим корреляционный анализ к профилям политиков (все клетки *таблицы 41*, содержащие положительные коэффициенты корреляции, слегка затемнены).

Таблица 41

Коэффициенты корреляции между отношением к своему лидеру и лидерам других избирательных блоков

Политические лидеры	Потенциальный электорат/лидер					
	ЛДПР (В. Жириновский)	КРО (А. Лебедь)	КПРФ (Г. Зюганов)	ДВР (Е. Гайдар)	НДР (В. Черномырдин)	«Яблоко» (Г. Явлинский)
В. Жириновский		-0,17	-0,49	-0,37	-0,65	-0,71
А. Лебедь	0,80		0,43	0,00	-0,36	0,13
Г. Зюганов	0,26	0,28		-0,16	-0,19	-0,27
Е. Гайдар	-0,15	-0,62	-0,52		0,19	-0,20
В. Черномырдин	-0,49	-0,71	-0,45	0,39		0,05
Г. Явлинский	-0,41	0,14	0,33	0,69	0,73	

Обратим внимание на то, что потенциальные избиратели ЛДПР, относясь негативно к стилю политического поведения Е. Гайдара, В. Черномырдина и Г. Явлинского, явно симпатизировали генералу А. Лебедю и, в известной мере, Г. Зюганову.

Причины этого лежат почти на поверхности: эти лидеры критически относились к ельцинским реформам, выступали за восстановление советского государства в его прежних границах или за принципиально иное территориально-политическое устройство России, считали себя антизападниками, явно акцентировали в своих избирательных лозунгах патриотизм. Понятно также, в силу каких причин А. Лебедь импонировал сторонникам В. Жириновского более, чем Г. Зюганов. Он был державником, патриотом, но не коммунистом.

Сторонники КРО были явно не готовы поддерживать политиков типа В. Черномырдина, Е. Гайдара и даже В. Жириновского. Это обстоятельство четко отражено в высоких негативных значениях соответствующих коэффициентов корреляции. В то же время потенциальные избиратели А. Лебеда в целом благожелательно относились ко многим лозунгам и КПРФ, и даже «Яблока».

Не противоречит логике всего вышесказанного и тот факт, что коммунистический электорат находил приемлемым многое в деятельности А. Лебеда. Результаты корреляционного анализа указывают и еще на одно свойство потенциального электората КПРФ. Речь идет о том, что сторонники КПРФ явно симпатизировали Г. Явлинскому. Весомых причин для этого было вполне достаточно. Назовем главные: несогласие Г. Зюганова и Г. Явлинского с экономическими реформами Б. Ельцина — Е. Гайдара — В. Черномырдина; жесткая критика обоими политиками чеченской войны, постоянное напоминание президенту о его решающем вкладе в развал СССР. Оба лидера сходились в неприятии сложившегося в стране социально-экономического положения и той политики, которая проводилась в России после 1991 г.

Что же различало Г. Зюганова и Г. Явлинского? Различия тоже были принципиальными. Первый, по сути, звал в прошлое, отрицая не только преобразования ельцинского периода, но и горбачевскую перестройку, которую он считал контрреволюцией. Второй — предлагал идти вперед, сохраняя принципы демократии, свободы и рыночной экономики. Скорее всего, та часть «красного» электората, которая симпатизировала одновременно и своему лидеру, и лидеру «яблочников», была не удовлетворена итогами пяти лет ельцинского руководства страной, но при этом ей было трудно согласиться с возвратом в прошлое.

Многие сторонники ДВР положительно относились к Г. Явлинскому и не отторгали В. Черномырдина, ибо он сохранял и продолжал гайдаровские экономические реформы. При этом «выбороссы» отрицательно относились как к лидеру ЛДПР, так и к руководителю российских коммунистов.

Потенциальный электорат премьера России был схож с потенциальным электоратом Е. Гайдара. Правда, за одним исключением — сторонники НДР явно не принимали А. Лебеда. Последнее находит объяснение в проправительственной сути НДР, а также в тесной многолетней связи лидера этого движения с российским директорским корпусом и губернской властной элитой. Естественно, что для электората этой партии А. Лебедь был совершенно неприемлемой фигурой.

И наконец, электорат «Яблока» менее остальных готов был рассматривать возможные альтернативы Г. Явлинскому. Судя по всему, в канун парламентских выборов электорат действительно консолидировался вокруг «своего» лидера.

Электоральная мотивация и электоральные намерения

За три с половиной месяца до дня выборов² чуть больше половины потенциальных избирателей (52%) заявляли о своем намерении участвовать в них, хотя 15% из этой группы говорили, что не уверены в своем решении. Главным аргументом в пользу участия в выборах была привычка (39%). Далее назывались гражданский долг (29%), желание противостоять тем, кому не доверяют (26%), и желание помочь тем, кому доверяют (26%). В то время предвыборная агитация практически еще не начиналась и не влияла на решения избирателей.

Более четверти потенциальных избирателей (28%) не знали, будут ли участвовать в выборах; при этом большинство из них (75%) откладывали принятие данного решения на последнюю неделю, последний день или последний час.

Твердое решение не голосовать высказали тогда 20% взрослых россиян. Не предполагали голосовать, но допускали, что могут передумать и прийти на избирательные участки, 23% наших сограждан. Почти половина не желавших участвовать в выборах (47%) объясняла это своей уверенностью в том, что от их голосования ничего не зависит. Далее выделялась группа

мотивов, отражавших разочарование и скепсис по отношению к политике и политикам: «не верю» (32%), «вообще надоела политика» (24%), «депутаты думают больше о себе, чем о стране» (20%). Нередко (19%) люди высказывали сомнения в честности всей процедуры выборов, допускали подтасовку голосов. Но были и объяснения, базировавшиеся на критическом отношении к политической системе страны и к политикам в целом: «нет достойных людей» (15%), «никто не выражает мои интересы» (10%), «Дума не влияет на положение в стране» (9%), «Дума не нужна» (7%).

В первой декаде сентября в лидирующую по числу сторонников группу партий, движений и избирательных блоков входили КПРФ (10%), «Женщины России» (7%), НДР (6%), «Яблоко» (6%) и ЛДПР (5%). Партию Е. Гайдара поддерживали 4% потенциального электората, а КРО — 2%.

Коммунисты имели максимальное влияние в небольших городах и сельской местности, а также среди людей старшего возраста. Приверженцами движения «Женщины России» были главным образом женщины, особенно служащие без высшего образования. Популярность НДР равномерно распределялась между разными социально-демографическими группами, но все же среди мужчин, пожилых людей и сельских жителей она была несколько выше, а среди москвичей и петербуржцев — несколько ниже, чем в среднем по России. «Яблоко» имело самые сильные позиции среди специалистов с высшим образованием и жителей столичных городов, самые слабые — в деревне. Популярность партии В. Жириновского была несколько выше среди мужской части населения, молодых людей (до 30 лет) и сельских жителей. В Москве и Санкт-Петербурге шансы этой партии оставались минимальными.

Информированность российского общества об участниках избирательной кампании была крайне низкой. Это видно из ответов на вопрос: «*О каких из перечисленных политических партий, блоков, движений Вы имеете представление, что-то слышали, знаете?*». Более половины населения что-то знали или слышали лишь о трех участниках предвыборной гонки: ЛДПР (66%), КПРФ (57%) и ДВР (53%). Немногим более одной трети граждан слышали еще о семи политических структурах.

Политический потенциал партий и блоков, их возможности в борьбе за голоса избирателей заметно различались уже в

начале кампании. Лучше всего было положение у «Женщин России»: одна пятая электората (22%) хотела бы видеть представительниц этого блока в Думе, а среди собиравшихся участвовать в выборах и уже решивших, кого они поддержат, таковых было еще больше — почти треть (30%). Рядом с блоком «Женщины России» располагались еще три партии: позиции коммунистов были близки 20% российского электората, НДР — 17% и «Яблока» — 16%. В списке партий, движений и блоков, которые россияне не хотели бы видеть в Думе, лидировали ЛДПР (41%), ДВР (25%), КПРФ (21%), НДР (16%) и аграрии (13%).

В целом в начале сентября 1995 г. мнения граждан о том, кто войдет в Думу (табл. 42), отличались от их собственных политических симпатий лишь тем, что многие прогнозировали новый успех партии В. Жириновского. «Определившиеся участники» активно прогнозировали успех коммунистов (34%), «неопределившиеся» чаще склонялись к мнению об успехе ЛДПР (21%) и блока В. Черномырдина (16%).

Таблица 42
Мнения россиян о потенциальных победителях
выборов в Госдуму, %

Партия, блок, движение	Все	Собираются участвовать			Не собираются участвовать	Не решили, участвовать или нет
		в целом	опреде- лившиеся	неопреде- лившиеся		
<i>Войдут в число победителей на выборах в Госдуму...</i>						
КПРФ	26	34	39	19	15	19
ЛДПР	21	24	26	17	12	21
НДР	18	24	24	22	8	16
«Женщины России»	16	21	24	15	6	15
«Яблоко»	14	17	19	12	6	13
АПР	12	17	19	11	5	8
ДВР	10	10	10	10	6	12

Роль аутсайдера на предстоящих выборах чаще всего отводилась ЛДПР и ДВР: предполагали, что партия В. Жириновского не будет представлена в Думе нового созыва, 23% наших сограждан; о блоке Е. Гайдара думали то же самое 21% россиян. При этом доли скептиков относительно будущего этих партий были примерно одинаковы во всех электоральных группах.

Электоральные ориентации россиян

Электорат в целом заметно (72%) ориентировался на поддержку политиков, выступавших в защиту прав всех россиян, независимо от их национальности. Доля граждан, предполагавших поддержать политиков, отстаивающих только права русских, была в шесть раз меньше (12%).

Сторонников ввода войск в Чечню предполагал поддержать один избиратель из десяти (10%), противников военных действий — две трети (65%).

Заявления о дальнейшем развитии демократии и рынка явно не пользовались успехом у россиян. За политиков этого направления готовы были проголосовать относительно немногие (12%), но свыше половины (58%) граждан приветствовали политических лидеров, настаивавших на поиске Россией своего экономического и политического пути.

Лишь одна пятая электората (21%) готова была согласиться с закреплением итогов приватизации, и вдвое большей части избирателей (43%) импонировали политики, говорившие о необходимости найти настоящего хозяина бывшей государственной собственности. 40% россиян были приверженцами политических сил, выступавших против курса ельцинских реформ, а круг их сторонников был значительно меньше (12%). Отношение к курсу правительства В. Черномырдина было помягче, но те же тенденции проявлялись и здесь: «за» было около четверти взрослого населения (23%), «против» — около одной пятой (18%).

Наибольшей определенностью политической ориентации отличались, естественно, те, кто уже решил, за кого голосовать, наименьшей — вообще отказывавшиеся голосовать. Дифференциация позиций, их разновекторность заметнее всего проявлялись в группе «определившихся».

Первые опросы потенциальных избирателей показали, что они будут отдавать предпочтение партиям и движениям, ассоциирующимся у них с порядком, безопасностью и социальной справедливостью.

Самый большой «спрос» на порядок высказывался теми (46%), кто к началу сентября не принял решения об участии в выборах; возможно, «беспорядок» в обществе был одной из причин их неопределенности.

На наименьшее количество голосов могли рассчитывать партии и движения, которые в сознании населения связывались с богатством, капитализмом, властью и неприятием демократии.

«Законность», «права человека», «справедливость» — ключевые слова, которые, по мнению россиян, более всего подходили для лозунга «их» партии.

Рассмотрим подробнее особенности отдельных электоратов³.

Среди *ориентированных на КПРФ* меньше, чем в других электоратах, была доля сторонников развития России по пути демократии и рынка западного типа, приверженцев экономического курса правительства В. Черномырдина и курса реформ Б. Ельцина, и выше всего процент тех, кто выступал за передачу трудящимся собственности, попавшей за последние годы в частные руки. Чаще всего сторонники КПРФ предпочитали называть ее «партией трудового народа», а в сравнении с электоратами других партий заметно выделялись своей склонностью видеть в ней «партию социализма». Первая тройка политически чуждых избирательных объединений для них состояла из ЛДПР, ДВР и НДР. Потенциальный электорат коммунистов более чем какой-либо другой совпадал с реальным: свыше половины заявивших, что им близки позиции КПРФ, были готовы в тот же день проголосовать за нее на выборах. Среди готовых проголосовать за коммунистов доля намеревавшихся прийти 17 декабря к избирательным урнам была больше, чем среди решивших голосовать за другие партии.

Среди *приверженцев движения «Женщины России»* была наименьшая доля сторонников быстрой, решительной смены политического режима в России и наибольшая доля противников ввода российских войск в Чечню. Чаще всего симпатизировавшие этому движению предпочитали называть его «партией социальной справедливости», и этим они заметно выделялись среди сторонников других партий.

Приверженцы НДР активнее других поддерживали реформы Б. Ельцина — В. Черномырдина, одобряли роспуск Верховного Совета и съезда депутатов 21 сентября 1993 г. и настаивали на постепенности изменения политического режима в России. Они называли свой блок «партией порядка и безопасности» и «партией власти». Среди избирательных структур, чьи политические позиции им близки, они чаще всего называли движение «Женщины России», «Яблоко» и блок ДВР. Первая тройка

политически чуждых — ЛДПР, коммунисты и гайдаровское движение. Но общий баланс отношений все же складывался в пользу симпатий к ДВР; ведь в формирующемся в ходе избирательной кампании электорате НДР доля голосовавших в декабре 1993 г. за «Выбор России» многократно превосходила доли голосовавших за любую другую партию, участвовавшую в тех выборах.

Собиравшиеся голосовать за «Яблоко» предпочитали называть его «партией порядка и безопасности» или «партией социальной справедливости». Близкими по политическим позициям они считали «Женщин России», НДР и блок Е. Гайдара. Далекими — ЛДПР и КПРФ. Заметная часть поддерживавших в декабре 1993 г. Е. Гайдара переориентировалась на «Яблоко».

Сторонники либеральных демократов реже, чем другие группы российского электората, выступали в защиту прав всех россиян — независимо от национальности. Не поддерживали они и экономический курс правительства В. Черномырдина — в этом отношении «жириновцы» ничем не отличались от избирателей компартии. В электорате ЛДПР была наибольшая доля людей, выступавших за особые права русских в России, настаивавших на необходимости наведения порядка в стране любой ценой, приветствовавших ввод российских войск в Чечню, приверженцев решительной смены политического режима. Сторонники ЛДПР предпочитали называть ее «партией порядка и безопасности», но в сравнении с электоратами других партий заметно выделялись склонностью видеть в ней «партию русских», а также «партию власти». Наиболее подходящими словами для лозунга ЛДПР ее избиратели считали «законность», «порядок», «права человека». Из партий, чьи политические позиции им близки, они чаще всего называли коммунистов, движение «Женщины России» и КРО. Среди готовых голосовать за партию В. Жириновского была велика доля ее стойких «поклонников»: почти половина из них голосовала за ЛДПР в декабре 1993 г.

Избиратели аграриев как никто связывали наведение порядка с неукоснительным соблюдением законов. Среди них выше всего был процент людей, склонных видеть Россию развивающейся по своему собственному пути. Чаще всего сторонники АПР предпочитали называть ее «партией трудового народа». В

электорате аграриев была достаточно велика доля тех, кто в декабре 1993 г. голосовал за ЛДПР.

Среди *собиравшихся голосовать за блок ДВР* была меньше, чем в каком-либо другом электорате, доля противников курса реформ Б. Ельцина, а также его решения о роспуске Верховного Совета и съезда депутатов 21 сентября 1993 г. Меньше всего здесь было тех, кто выступал за возврат трудящимся приватизированной собственности, и больше всего — людей, готовых поддержать сторонников развития России по пути демократии и рынка западного типа. Чаще всего сторонники блока Е. Гайдара предпочитали именовать его «партией сторонников демократии». Среди готовых проголосовать за блок гайдаровцев более половины поддерживали их в декабре 1993 г. По показателю стойкости и постоянства электоральное ядро блока «Демократический выбор России — объединенные демократы» не имело равных.

* * *

Осенние месяцы 1995 г. не внесли принципиальных изменений в общий расклад политических сил в стране. Тем не менее, мониторинг общественного мнения, политических настроений и электоральных намерений, включавший шесть представительных опросов россиян, позволил все же зафиксировать определенные изменения в ориентации российского общества⁴.

Прежде всего несколько увеличилась — с 52% до 62% — доля граждан, предполагавших участвовать в выборах в Думу 17 декабря 1995 г. Естественно, одновременно сократилась (с 28% до 20%) доля не принявших решение о своем участии в выборах.

По мере приближения выборов происходило определенное изменение политических ориентаций российского населения: заметно возросла доля противников экономического курса правительства В. Черномырдина (с 23% до 35%), увеличилось число сторонников экономического и политического развития России по своему собственному пути (с 58% до 66%).

Произошли и некоторые сдвиги в системе электоральных намерений россиян: заметно возросла доля предполагавших голосовать за КПРФ (с 10% до 17%). В рядах избирателей «рыночной ориентации» продолжала царить неопределенность: рейтинг блока Е. Гайдара снизился с 4% до 2% и блок начал

оттесняться движением Б. Федорова «Вперед, Россия!» и Партией самоуправления трудящихся С. Федорова, за которые в начале декабря были готовы проголосовать чуть более двух процентов россиян.

Прогнозирование итогов выборов

Опросы, проведенные в сентябре-декабре 1995 г., дали информацию для прогнозирования итогов выборов и стимулировали разработку соответствующих методик. В последующие годы общие принципы созданной технологии прогнозирования результатов выборов развивались дальше, и их использование оказалось весьма эффективным при анализе президентских и думских выборов в 1996—2000 гг.

В целом прогнозирование итогов выборов предполагает решение двух задач: первая — надежная фиксация электоральных установок различных групп населения и вторая — точное предсказание активности потенциальных избирателей в день выборов.

Понятно, что невозможно построить прогноз, не обладая информацией об отношении граждан к основным участникам выборов. Но даже если эти данные есть и они удовлетворяют всем критериям качества, прогноз может быть неточным, если исследователи основывают его на ошибочных предположениях об участии различных электоральных групп в выборах. Даже относительно небольшие погрешности в моделировании избирательной активности основных категорий избирателей могут привести к существенному снижению точности предсказаний. Ниже очень кратко будет описана схема сбора необходимой информации об электоральных предпочтениях россиян в 1995 г., и несколько подробнее — процедура электоральной сегментации, которая собственно и позволяет перейти к построению прогнозов.

Во всех восьми общероссийских опросах, проводившихся каждые две недели по репрезентативной общенациональной выборке и охватывавших 1500 респондентов, использовались одни и те же вопросы. Изучались следующие индикаторы электоральных установок⁵:

- намерение участвовать в выборах;

- отношение к партиям, движениям, блокам, борющимся за места в Думе;
- причины, в силу которых принимается то или иное решение об участии в выборах и о поддержке тех или иных политических сил;
- отношение к политическим лозунгам и позициям участвующих в кампании политических структур;
- ряд ценностных ориентаций граждан;
- отношение к политическим лидерам важнейших избирательных объединений.

Очевидно, что ответ на вопрос: «*За кого Вы будете голосовать?*» — лишь вербальная реакция на серию вопросов, заданных социологами. Этот ответ можно трактовать лишь как некую вероятность поведения человека, имеющего в руках избирательный бюллетень. Степень различия между заявлением респондента и его поведением зависит от степени уверенности в принятом решении, приверженности человека той или иной политической силе.

Признание неокончателности и неопределенности результатов опросов, что объективно обусловлено различием природы вербальных заявлений и реальных действий, — лишь первый шаг на пути повышения надежности будущих прогнозов. Второй шаг — разработка приемов устранения этой неопределенности. Это делалось разными способами и прежде всего — через использование серии контрольных вопросов. Например, тем, кто принял решение об участии в выборах и определился в своих предпочтениях, предлагались дополнительные вопросы: «*Вы думаете, что за эту партию проголосуют многие?*» и «*Вы думаете, что за эту партию проголосуют немногие?*», а также «*Как Вы думаете, к каким из перечисленных партий люди сегодня испытывают симпатии, но стесняются в этом признаться?*».

Вероятная форма поведения избирателей, которые на момент опроса не знали, за кого проголосуют, но могли назвать партии, близкие им по духу, определялась с помощью регрессионной модели.

Электоральная сегментация (табл. 43) — означающая разделение электората на достаточно узкие группы, применительно к которым и строятся прогнозные модели, — проводилась на основе следующих показателей:

- степени проявленности электоральных предпочтений;
- степени выраженности намерения участвовать в выборах.

Установка на участие в выборах замерялась с помощью вопросов:

— «За кого бы Вы проголосовали, если бы выборы состоялись сегодня?»;

— «Какие партии, блоки, движения Вам близки по своим позициям, кого из них Вы хотели бы видеть в Думе?»;

— «Собираетесь ли Вы участвовать в выборах?».

«Определившиеся» (48%) — это та категория, мнения которой учитываются при расчете рейтингов участников избирательной кампании, и в этом отношении она, безусловно, важнейшая. Но предсказывать итоги выборов лишь на базе анализа этого сегмента электората — прямая дорога к построению ложного прогноза. Ведь почти треть избирателей может прийти в день выборов на избирательные участки и проголосовать иначе, чем «определившиеся». В этом случае итоговый результат может значительно отличаться от того, который прогнозировали исследователи, фокусировавшие внимание лишь на самой активной части электората.

Таблица 43
Предвыборные установки электората, %

Сегменты электората	Объем сегмента в населении	Структура сегмента		
		собираются участвовать (актив)	не решили (пассив)	не будут участвовать (отказ)
«Определившиеся участники»: есть ответ на первый вопрос	48	38	8	2
«Слабо определившиеся»: нет ответа на первый, но есть утвердительный ответ на второй вопрос	21	11	6	4
«Неопределившиеся участники»: нет ответов на первый и второй, но есть утвердительный ответ на третий вопрос	9	9	-	-
«Потенциальные неучастники выборов»: нет ответов на первый и второй и нет утвердительного ответа на третий вопрос	22	-	9	13
Итого	100%	58	24	19

Но и часть из тех, кто на протяжении всего времени избирательной кампании стоял в стороне от предвыборных баталий (22%), в последний момент все же может решить участвовать в выборах. Таких тоже набиралось немало (9%): кто-то мог их уговорить, что-то могло произойти в их понимании сути политического момента, их могли «заманить» небольшим подарком. Так или иначе, но и их голоса также необходимо учитывать.

Разные электоральные сегменты имеют различную социально-демографическую структуру, и потому каждый из сегментов должен изучаться в отдельности, и только по результатам модельных расчетов может быть получен итоговый прогнозный вывод. Проиллюстрируем на одном примере различия демографического состава разных электоральных сегментов (табл. 44).

Таблица 44

Гендерный состав различных сегментов электората, % по строке

Группы		Мужчины	Женщины
Определившиеся	актив	46	54
	пассив	44	55
	отказ	56	44
Слабо определившиеся	актив	44	56
	пассив	45	55
	отказ	45	55
Не определившиеся	актив	39	61
	пассив	43	57
	отказ	49	51

В структуре населения доля женщин превышала долю мужчин примерно на 10 процентных пунктов (п.п.), в электоральных сегментах превышение всюду — за исключением определенно решивших не участвовать в выборах — сохранялось, но его величина заметно варьировалась: от минимального (в последней строке) до максимального (в третьей строке снизу) значения.

Есть еще один «маргинальный» электоральный сектор. Он объединяет россиян, обычно отказывающихся в ходе опросов обсуждать политические темы. Но отказ вовсе не означает, что эти люди ни при каких обстоятельствах не будут участвовать в выборах. Многие из них голосуют, и скорее всего их голосование — протестное. В 1995 г. можно было предположить, что их

решение будет в поддержку ЛДПР или партии В. Анпилова «Коммунисты за Советский Союз».

Есть также группы, недоступные для изучения в силу организационных и финансовых ограничений: в стране существует огромное количество удаленных и труднодоступных регионов. Многие из них уже на стадии планирования выборки не включались в нее. А это означает, что представители примерно 5% населения в принципе не могли быть опрошены.

Все эти и иные неопределенности затрудняют построение электоральных прогнозов и делают необходимым проведение первых специальных зондажей задолго до начала избирательных кампаний и изучение электорального поведения сразу после дня выборов. Ибо информация, собранная на предвыборной стадии, окажется полезной при формировании прогнозных моделей, а полученная после выборов — будет служить первым шагом к разработке исследований всех будущих избирательных кампаний.

Таблица 45

Сравнение результатов голосования и прогноза результатов выборов для четырех избирательных объединений, получивших наибольшее число голосов

Партия, блок, движение	Данные Центральной избирательной комиссии		Прогнозы Фонда «Общественное мнение»	
			4500 респондентов, три опроса, 1—16 декабря	1500 респондентов, 14—16 декабря
	Доля (%) среди принявших участие в голосовании	Доля (%) во взрослом населении	Доля (%) во взрослом населении	
КПРФ	22,3	14,4	14,2	12,8
ЛДПР	11,12	7,1	5,7	6,4
НДР	10,1	6,4	7,4	9,2
«Яблоко»	6,9	4,5	5,6	6,2

В таблице 45 приведены официальные данные итогов выборов и прогнозы, выполненные на основе проведенных опросов и описанной технологии. Прогнозы, выполнявшиеся позже, были более точными, но и те, которые были сделаны в 1995 г., в целом верно предсказали, какие партии пройдут в Думу.

Итог выборов не был неожиданностью для специалистов. Выборы отразили то, что они и должны были показать: высочайший уровень недоверия населения страны ко всему, что было связано с ельцинской политикой, повышенное внимание к державно-патриотическим лозунгам, усиление чувства ностальгии по Советскому Союзу и социализму, надежду на существование простых политических решений и отсутствие новых лидеров и новых социальных ориентиров, могущих объединить нацию.

Судя по всему, у движения Е. Гайдара вообще не было шансов на успех: и в силу длительной близости ДВР к президенту, и в силу крайне низкой популярности в народе самого «отца» экономических реформ.

В. Черномырдина общественное мнение россиян тоже не отделяло от Б. Ельцина, хотя его имя не ассоциировалось напрямую с «шоковой терапией» и приватизацией. Но в своей массе люди все равно не были готовы поддержать партию власти.

Меньший, чем в 1993 г., но все же заметный успех В. Жириновского показал, что многосегментность российского электората позволяла даже весьма далекому от идеала политическому лидеру найти своего избирателя, в красивой упаковке предложить ему то, что было созвучно его потребностям.

Г. Зюганов, оценивавшийся многими как почти «эталонный», был поддержан на выборах и привел своих сторонников к победе. Его критика ельцинских реформ, во всяком случае, не была более жесткой, чем оппонирование Г. Явлинского, значит, его успех основан не на этом. Главное, думается, в том, что Г. Зюганов выступал от лица партии, за ним была партия — единственная в стране действительно массовая политическая организация, за ним были люди, действовавшие в регионах и формировавшие прокоммунистическое общественное мнение.

Победа коммунистов на думских выборах была слишком оглушительной, чтобы новые социальные силы — прежде всего люди, сделавшие за считанные годы огромные состояния и начинавшие понимать вкус большой политики, — не задумались о своем будущем и о будущем страны. Была бы эта победа чуть поскромнее — и в 1996 г. Россия могла бы выбрать красного президента.

¹ Во всяком случае это утверждение справедливо для рассматриваемого достаточно «универсального» набора характеристик политического лидера. Весьма вероятно, что «единая конструкция» идеального лидера порождается универсалистскими характеристиками.

² *Ниже рассматриваются данные, опубликованные в выпуске* Общественное мнение накануне выборов-95. М.: ФОМ, 1995. Вып. 1.

³ *Ниже рассматриваются данные, опубликованные в выпуске* Общественное мнение накануне выборов-95. 1995. Вып. 3.

⁴ Общественное мнение накануне выборов-95. 1995. Вып. 6.

⁵ Ослон А. Опросы общественного мнения и проблема прогнозирования итогов выборов // Российский монитор. Архив современной политики. 1996. Вып. 7. С. 127-135.

Год 1996

Б. Ельцин — лучше Г. Зюганова

Отметины года

Возможно, что 1996 г. войдет в историю России как год последнего активного участия коммунистов в президентских выборах и начало постепенного снижения их роли в политической жизни страны. Он был также годом завершения первой чеченской войны.

Центральным событием года были президентские выборы. Уже 10 января VII съезд ЛДПР выдвинул В. Жириновского кандидатом в президенты, а через день съезд КРО поддержал кандидатуру А. Лебеда. Несмотря на явные неудачи в проведении экономической и социальной реформы, драматическое течение чеченской войны, два инфаркта, перенесенных Б. Ельциным в 1995 г., 15 февраля на встрече с земляками он объявил о своем намерении вновь баллотироваться в президенты. Одновременно в Москве конференция КПРФ выдвинула своего кандидата в президенты — Г. Зюганова.

Всего на должность Президента России избирательными объединениями и инициативными группами избирателей было выдвинуто 78 кандидатов. После соответствующей проверки всех документов Центральная избирательная комиссия зарегистрировала 11 кандидатов на пост главы государства. В середине июня А. Тулеев снял свою кандидатуру. Таким образом, в момент голосования россияне выбирали Президента из десяти кандидатур.

16 июня состоялся первый тур президентских выборов. Б. Ельцин с 35,3% и Г. Зюганов с 32% вышли в следующий тур (*табл. 46*)¹. Первый набрал относительное большинство голосов в 46 субъектах Российской Федерации из 89, второму удалось победить в 43.

Таблица 46

**Результаты выборов Президента Российской Федерации
16 июня 1996 г.**

Кандидаты	Число голосов	%
Ельцин Б.Н.	26 665 495	35,28
Зюганов Г.А.	24 211 686	32,03
Лебедь А.И.	10 974 736	14,52
Явлинский Г.А.	5 550 752	7,34
Жириновский В.В.	4 311 479	5,70
Фёдоров С.Н.	699 158	0,92
Горбачёв М.С.	386 069	0,51
Шаккум М.Л.	277 068	0,37
Власов Ю.П.	151 282	0,20
Брынцалов В.А.	123 065	0,16
Против всех кандидатов	1 163 921	1,54

При повторном голосовании, состоявшемся 3 июля, победу с 53,8% голосов одержал действовавший президент, опередив лидера коммунистов в 57 из 89 регионов². 9 августа Б. Ельцин принял президентскую присягу.

Важные события происходят в 1996 г. и на Северном Кавказе. 9 января около 500 чеченских террористов под руководством С. Радуева захватили родильный дом и еще несколько зданий в городе Кизляр в Дагестане. На границе с Чечней колонна боевиков была остановлена, и они укрепились в селе Первомайском. 15—18 января состоялся штурм села российскими войсками. Сразу после этого было объявлено о начале полномасштабных боевых действий против боевиков.

1 апреля Б. Ельцин подписал указ о прекращении боевых действий в Чечне. 21 апреля было официально объявлено о гибели Д. Дудаева. Но летом бои вновь активизировались, и 6 августа чеченские войска под общим руководством А. Масхадова взяли Грозный. В середине августа генералу А. Лебедю, назначенному секретарём Совета безопасности и помощником Президента РФ по национальной безопасности, были даны полномочия по координации деятельности федеральных органов власти в Чечне, по сути — полный карт-бланш на мирное урегулирование конфликта. 19 августа А. Лебедь получил от Б. Ельцина и официальное поручение урегулировать ситуацию в Чечне.

30 августа — день подписания Хасавюртского соглашения. В первый день декабря российские войска начали выходить из Чечни.

В начале ноября Б. Ельцину была сделана операция — аортокоронарное шунтирование сердца, и в конце декабря президент вернулся к нормальной политической деятельности.

Б. Ельцин решил выиграть выборы

В начале 1996 г. российская власть в целом и лично президент обладали фактически нулевым доверием со стороны населения. Лишь малая часть общества — и то преимущественно в крупных городах — признавала, что экономические реформы и приватизация улучшили их материальное положение и повысили качество их жизни. Люди видели, что война в Чечне затягивается, и никто не предпринимает действенных усилий к ее завершению и поиску принципов организации мирной жизни. Поражение в декабре на думских выборах партии Е. Гайдара и очень невыразительное участие в избирательной кампании партии власти подвели по-своему точный и однозначный итог первых лет ельцинского президентства: коммунисты, еще недавно, казалось бы, разгромленные «до основания», и их союзники — аграрии, группа «Народовластие», созданная патриотом-державником С. Бабуриным и бывшим советским премьером коммунистом Н. Рыжковым, — доминировали в парламенте. Коммунист Г. Селезнев был избран спикером Думы. Главой Совета Федерации стал Е. Строев, в тот момент глава администрации Орловской области и активный член НДР, а ранее — первый секретарь Орловского обкома КПСС, член Политбюро ЦК КПСС.

К 1996 г. регулярные опросы ВЦИОМа зафиксировали снижение качества жизни по всем наблюдавшимся 15 параметрам (табл. 47). Уже в 1991 г. россияне оценивали свою жизнь невысоко, но в 1996 г. оценка качества жизни в целом равнялась 86% от уровня пятилетней давности. Наиболее заметно снизились оценки материального положения семьи, уровня личной безопасности, общественного статуса и удовлетворенности работой — для работавшей части населения³.

Таблица 47

Динамика коэффициентов качества жизни (1991—1996)
(средний балл: максимальное значение — 4, минимальное — 1)

Критерии качества жизни	1991	1996	Δ1996/1991
Жизнь в целом	2,8	2,4	0,86
<i>По сферам жизнедеятельности</i>			
Питание семьи	2,3	2,3	1,00
Уверенность в будущем	2,0	1,9	0,95
Состояние здоровья	2,8	2,6	0,93
Отношения в семье	3,5	3,2	0,91
Экология	2,3	2,1	0,91
Уровень образования	3,0	2,7	0,90
Свободное время	2,8	2,5	0,89
Круг общения	3,6	3,2	0,89
Ощущение свободы	2,5	2,2	0,88
Жилищные условия	2,9	2,5	0,86
Работа в целом (для работающих)	3,2	2,7	0,84
Положение в обществе	3,2	2,6	0,81
Личная безопасность	2,5	2,0	0,80
Материальное положение семьи	2,3	1,7	0,74

В январе 1996 г. лишь 5% россиян доверяло Б. Ельцину. К марту этот показатель вырос до 9%. По уровню доверия населения президент уступал В. Черномырдину (12%) и трем из четырех его наиболее известных конкурентов в фактически начавшейся президентской кампании: А. Лебедю (17%), Г. Явлинскому (18%) и Г. Зюганову (20%). У В. Жириновского были те же 9%, что и у президента⁴.

В середине января 14% граждан России полагали, что президентом страны будет избран Б. Ельцин, и 18% прогнозировали победу лидера коммунистов. Россияне еженедельно отвечали на вопрос, за кого бы они проголосовали, если бы во втором туре им пришлось делать выбор между Б. Ельциным и Г. Зюгановым. В январе президент проигрывал лидеру коммунистов 15%, в феврале — 8%, в марте — 1%, но к началу апреля он стал первым с минимальным перевесом в 2%.

В январе лишь 14% электората ДВР и 11% поддержавших на думских выборах партию В. Черномырдина готовы были проголосовать за Б. Ельцина. Приверженцы других политических сил («красный» электорат и электорат В. Жириновского и А. Лебедя) фактически не собирались продлевать ельцинское президентство⁵.

Все это Б. Ельцин прекрасно понимал, и в своей книге, в которой он описывает годы второго президентского срока, он признается, как нелегко далось ему решение об участии в президентских выборах. Он пишет, что осознавал огромный груз моральной ответственности за все происходившее в стране, и в то же время мысль о том, что, не участвуя в выборах, он способствовал бы приходу к власти коммунистов, казалась ему нестерпимой. Вывод был прост: «Если я иду на выборы — выиграю их, вне всяких сомнений»⁶.

В начале января был создан предвыборный штаб Б. Ельцина, который возглавил вице-премьер российского правительства О. Сосковец. Работа этой команды, по признанию президента, напоминала ему «заседания бюро обкома партии — те же методы, слова, отношения, как будто из глубокого прошлого»⁷. В середине марта Б. Ельцин сам стал во главе своей предвыборной команды, а заместителем назначил В. Черномырдина.

Реализуя так называемый «Давосский пакт»⁸, группа ведущих банкиров и руководителей медиа-групп (Б. Березовский, В. Гусинский, В. Потанин, М. Фридман, М. Ходорковский и др.) инициировала встречу с Б. Ельциным, в ходе которой они жестко оценили проделанную избирательным штабом президента работу: «почти крах». По их мнению, при существовавшем положении дел и речи не могло быть о победе на выборах. Тогда же эти известные бизнесмены предложили использовать в предвыборной кампании их информационные, региональные, финансовые и интеллектуальные ресурсы. Предлагалось создать специальный «мозговой» центр, руководителем которого был единодушно назван А. Чубайс. Вскоре, отмечает в своей книге Б. Ельцин, и «появилась так называемая аналитическая группа, куда вошли И. Малашенко, С. Зверев, В. Шахновский, независимый социолог А. Ослон и другие молодые сильные аналитики»⁹.

В конце марта 1996 г. Фонд «Общественное мнение» приступил к сбору и анализу информации о настроениях россиян, которая непосредственно поступала в аналитическую структуру избирательного штаба президента и рассматривалась как основа для планирования всей деятельности по завоеванию голосов избирателей. Одновременно итоги опросов и основные аналитические выводы оформлялись в виде пресс-релизов

под названием «Результаты социологических исследований» и рассылались в редакции ведущих средств массовой информации; статистика опросов и комментарии к ним регулярно публиковались и обсуждались российскими и зарубежными журналистами и политологами. Бюллетени выпускались сразу же по мере получения новой информации, иногда несколько раз в день. Всего было выпущено 123 сообщения, в последнем из которых содержался прогноз итогов второго тура голосования.

Суммарный объем текстов выпущенных бюллетеней — около 500 страниц. Здесь мы постараемся дать как можно больше электоральной статистики и привести те выводы, которые делались в момент, когда работа шла в стремительном темпе избирательной гонки. О различных аспектах тех первых в новой России президентских выборов писалось много и в момент избирательной кампании, и после ее завершения. Они подробно анализировались историками, политологами, политтехнологами и социологами.

Первый тур президентских выборов

К началу марта 1996 г. Б. Ельцин (с 13% потенциального электората) вышел на второе место, обойдя Г. Явлинского и В. Жириновского. Г. Зюганов в тот момент имел 19%. В последующие две недели произошло заметное увеличение рейтинга президента, и он почти догнал лидировавшего долгое время Г. Зюганова¹⁰.

Если бы 31 марта состоялись выборы президента России, то одним туром все бы не обошлось: в повторном голосовании участвовали бы Г. Зюганов, набравший 21%, и Б. Ельцин с 19%. Третью и четвертую позиции разделили бы А. Лебедь и Г. Явлинский с 8% голосов, а В. Жириновский (7%) замкнул бы «призовую» пятерку. Кандидат от коммунистов несколько опережал действовавшего президента и по другим показателям, характеризовавшим электоральные установки россиян. По мнению одной пятой (19%) потенциальных избирателей, Г. Зюганов был достоин занять пост главы государства, о Б. Ельцине так думала несколько меньшая часть электората (15%). Если бы в тот момент состоялся второй тур президент-

ских выборов, в котором соревновались бы Г. Зюганов и Б. Ельцин, выиграл бы первый (35%), а второй немного уступил бы ему (33%)¹¹.

В конце марта о своем предполагаемом участии в выборах президента заявило почти три четверти участников опроса (73%), к тому моменту еще не приняли решение 14%, а вдвое меньше избирателей (7%) пока не собирались голосовать¹².

Направленный анализ различных секторов электората позволил выявить следующие принципы построения избирательной кампании. Первое — в предвыборной агитации должны были быть достаточно четко артикулированы гендерные линии. Второе — по отношению к высокообразованным слоям населения необходимо было найти две формы поведения, так как, несмотря на преобладание в их среде антикоммунистических настроений, одна часть этой группы ориентировалась на демократических кандидатов, другая — на центристских. Третье — позиции Б. Ельцина были сильнее в молодежной среде, Г. Зюганова активнее поддерживали старшие возрастные группы. Потому для победы президента необходим был вытесненный акцент на проблемах молодежи. Четвертое — перехватить у коммунистов поддержку малоимущих слоев населения было маловероятным, но их, конечно, следовало привлекать на свою сторону. Но основное внимание следовало сосредоточить на среднедоходных сегментах электората. Поскольку сельская местность и малые города относились к потенциальному коммунистическому электорату и там обнаруживался его устойчивый рост, то, чтобы победить в первом туре, требовалась адресная программа работы с населением российской провинции¹³.

По данным на 7 апреля можно было с уверенностью говорить о двух реальных претендентах на победу: за Г. Зюганова было готово голосовать 25% потенциального электората, Б. Ельцин мог ориентироваться на поддержку несколько меньшей доли россиян (21%). У всех других кандидатов фактически не было шансов победить. К тому моменту никто из них не имел поддержки даже одной десятой части электората: Г. Явлинский (9%), В. Жириновский (6%), А. Лебедь (6%), С. Федоров (3%), А. Тулеев (2%), М. Горбачев (1%).

При победе двух основных кандидатов в первом туре во втором раунде выиграл бы Г. Зюганов: за него — в этой пока

еще гипотетической ситуации — голосовало бы 36% электората, за Б. Ельцина — 33%¹⁴.

К середине апреля впервые с лета 1995 г. рейтинги Б. Ельцина и Г. Зюганова сравнялись (табл. 48). В приводимой таблице значение индекса, вычисляемого как отношение долей потенциальных избирателей Б. Ельцина и Г. Зюганова, равно единице. Хотя это был еще «арифметический», достаточно внешний результат, значение указанного индекса в целом начало стабильно расти.

Таблица 48
Динамика рейтингов Б. Ельцина и Г. Зюганова
(1-й тур выборов)

Дата	Среди всех опрошенных, %		Индекс соотношения рейтингов Б. Ельцина и Г. Зюганова							
	Б. Ельцин	Г. Зюганов	в целом	Москва и СПб	село	возраст		образование		пенсионеры
						18—25 лет	старше 55 лет	начальное	высшее	
1 марта	13	19	0,68	1,00	0,50	1,88	0,32			
31 марта	19	21	0,90	3,50	0,54	1,11	0,60	0,49	2,00	0,60
7 апреля	21	25	0,84	3,30	0,60	1,62	0,51	0,51	1,05	0,51
13 апреля	23	24	0,96	4,00	0,66	1,67	0,90	0,80	1,67	0,75
20 апреля	23	23	1,00	4,00	0,62	2,56	0,59	1,00	1,33	0,65
27 апреля	27	25	1,08	4,09	0,65	1,73	0,54	0,61	1,68	0,61
4 мая	25	25	1,00	3,42	0,85	3,00	0,62	0,54	1,50	0,63
11 мая	28	24	1,17	3,07	0,68	3,88	0,60	0,50	2,54	0,62
18 мая	34	23	1,48	5,90	1,00	5,71	1,00	1,24	1,80	1,00
25 мая	34	21	1,62	4,45	0,80	5,71	0,94	0,81	2,19	0,91
1 июня	36	20	1,80	14,25	1,07	6,00	1,17	1,00	3,36	1,18
8 июня	38	20	1,90	20,33	1,15	4,27	1,14	1,00	3,43	1,07
11 июня	36	19	1,89	12,00	1,60	5,44	1,17	1,00	3,67	1,21
14 июня	35	20	1,75	9,00	1,04	6,29	0,88	0,71	2,87	0,88

К концу апреля — началу мая стало ясно, что Б. Ельцин победит в Москве и Санкт-Петербурге, а также в городах-«миллионерах», что его активно поддержат люди в возрасте до 35 лет, высокообразованные россияне и высокодоходные слои населения¹⁵.

Еще через месяц проельцинский электорат расширился за счет новых сегментов. Наметилось некоторое количественное превосходство президента в областных центрах с численностью населения менее одного миллиона (33% «за Б. Ельцина» против 19% «за Г. Зюганова») и в малых городах (36% против 21% соответственно). Средневозрастные группы более явно стали симпатизировать действующему президенту: среди избирателей 36—45 лет его преимущество составляло 15 п.п., 46—55 лет — 10 п.п. В гендерных группах различий не было: Б. Ельцина готовы были поддержать 35% женщин и 36% мужчин, Г. Зюганова — по 20% соответствующих групп.

Кроме того, к людям с высшим образованием, давно решившим голосовать за действующего президента, присоединились обладатели среднего технического образования (в поддержку Б. Ельцина — 39%, за его основного конкурента — 16%) и общего среднего образования или закончившие ПТУ (35% этого сегмента собирались голосовать за Б. Ельцина, а 17% — за лидера коммунистов). Б. Ельцин склонил на свою сторону также специалистов, служащих и рабочих. В первом случае его преимущество выражалось в 33%, в двух других — в 16%.¹⁶ Фактически, Б. Ельцин объединил вокруг себя демократический электорат и все остальные антикоммунистические слои общества.

Одновременно с накоплением электорального преимущества на стороне Б. Ельцина в общественном мнении россиян росла уверенность в том, что именно он победит на грядущих президентских выборах.

В середине апреля (*табл. 49*) одна треть населения (33%) полагала, что победителем избирательной гонки станет Б. Ельцин, а другая (31%) — прогнозировала успех Г. Зюганова. Две трети сторонников президента (65%) были уверены в его победе, но 14% скорее допускали победу коммунистического кандидата.

Таблица 49
Мнения россиян о шансах Б. Ельцина и
Г. Зюганова на победу на выборах, %

Дата	В целом		Неопределившиеся		Сторонники Б. Ельцина		Сторонники Г. Зюганова	
	Б. Ельцин	Г. Зюганов	Б. Ельцин	Г. Зюганов	Б. Ельцин	Г. Зюганов	Б. Ельцин	Г. Зюганов
13 апреля	33	31	22	19	65	14	18	68
20 апреля	38	25	29	12	71	9	19	60
27 апреля	47	22	41	13	75	8	28	50
4 мая	42	25	40	13	78	10	22	57
11 мая	50	20	40	10	80	7	26	55
18 мая	55	18	47	8	83	4	30	49
25 мая	61	18	58	11	84	3	33	52
1 июня	61	16	48	7	85	4	31	52
8 июня	62	17	55	5	87	4	35	53

В «красном» электорате семь из каждых десяти человек (68%) предсказывали успех своего лидера и менее одной пятой (18%) полагали, что победа будет на стороне антикоммуниста Б. Ельцина.

В это время в общественном мнении существовало пять основных групп аргументов в пользу предположения о победе на выборах Б. Ельцина¹⁷. Треть россиян (31%) прежде всего указывала на его качества как человека и политика: «хороший политический имидж»; «в него верят люди»; «хитрый, непредсказуемый, подстраховывает себя на все возможные случаи»; «ошибается, но продвигается»; «имеет опыт ошибок, умеет побеждать». Главное, что называлось, — опыт Б. Ельцина, уже приобретенный на посту президента.

Одна пятая опрошенных (22%), говоря о победе действующего президента, отмечала наличие у него властного ресурса: «он бог и царь»; «у него в руках пресса»; «у него деньги и власть»; «власть свою Б. Ельцин никому не отдаст»; «все уже решено»; «многих заставят проголосовать».

Третья группа аргументов (их высказали 13% электората) апеллировала к общей социально-политической обстановке в

стране, например: «коней на переправе не меняют — лучше тот, кого знаем»; «народ не хочет перемен»; «если будет другой, то будет еще хуже»; «раз начал реформы, пусть доводит до конца»; «опасно что-то менять; он — гарант продолжения реформ».

Следующий довод в пользу победы Б. Ельцина — поддержка его кандидатуры самыми разными высокоресурсными слоями населения (11%): «его поддерживает вся Москва»; «за него «новые русские»»; «за него мафия»; «молодежь»; «торгаши, бизнесмены — за него»; «власть имущие поддержат Б. Ельцина»; «весь народ — за него».

Еще одна группа аргументов (7%) акцентировала особенности психологии людей: «перед опасностью народ одумается»; «сработает инстинкт самосохранения»; «должны выбрать по привычке»; «народ привык к нему»; «обратно к коммунизму возврата быть не может»; «из двух зол выберут меньшее».

К началу мая можно было говорить о четырех полюсах электоральных предпочтений населения. Первый полюс — Б. Ельцин и те преобразования, которые в обществе ассоциировались с его именем (четверть избирателей). Второй — Г. Зюганов и А. Тулеев, т. е. коммунистическая оппозиция (чуть более четверти населения). Далее — реформаторская оппозиция: Г. Явлинский, А. Лебедь и С. Федоров (примерно одна пятая избирателей). Четвертый полюс — «политические маргиналы»: В. Жириновский и малочисленные электоральные группы В. Брынцалова, Ю. Власова, М. Горбачева и др. Совокупный объем этой структуры — одна десятая общероссийского электората¹⁸.

Особенности этих четырех групп хорошо проявлялись при их рассмотрении сквозь призму отношения населения ко всей группе претендентов, начавших борьбу за пост президента России. Были выделены «поле симпатий» («Какие из перечисленных кандидатов для Вас лично являются наиболее подходящими, приемлемыми в качестве президента России?»), «поле антипатий» («Каких из перечисленных кандидатов Вы лично считаете неприемлемыми в качестве президента России ни при каких условиях?») и «поле интересов» («О ком из перечисленных кандидатов Вы могли бы сказать, что он лучше других выражает Ваши интересы и интересы таких людей, как Вы?»). Затем в системе координат этих «полей» были измерены электоральные установки указанных выше четырех избирательных групп (табл. 50).

Таблица 50

Интегральные характеристики четырех электоральных групп, %

Группы	Поле симпатий	Поле антипатий	Поле интересов	Прогноз победителей
Б. Ельцин	30	31	21	43
Коммунистическая оппозиция	34	24	24	25
Реформаторская оппозиция	32	10	24	3
Политические маргиналы	17	44	9	2

Картина весьма интересная. Первые три интегральные электоральные структуры за полтора месяца до дня выборов смогли мобилизовать примерно равные по численности группы поддержки. «Маргиналы» заметно отставали от них; при этом они же оказывались максимально неприемлемыми для россиян политическими силами. Позиция Б. Ельцина представлялась достаточно противоречивой. С одной стороны, антипатии к нему как лидеру были весьма велики (чуть менее трети электората) и лишь одна пятая населения полагала, что он выражает ее интересы. С другой — от него уже тогда чаще, чем от других (43%), ожидали победы на выборах. Несмотря на значительность электоратов коммунистической и реформаторской оппозиций (24%), уверенность сторонников коммунистов в победе была невысокой, а симпатизировавших Г. Явлинскому и другим реформаторам — очень низкой.

Накануне выборов уверенность в победе Б. Ельцина разделялась шестью потенциальными избирателями из каждых десяти (62%) и значительно меньшей была доля тех, кто прогнозировал победу Г. Зюганова. В антикоммунистическом стане преобладающее большинство (87%) готовилось к победе своего кандидата и лишь 4% считали более вероятным успех представителя коммунистической оппозиции. Наоборот, уверенность в успешности финиша Г. Зюганова сохраняла лишь половина (53%) его потенциального электората, треть (35%) видела победителем Б. Ельцина.

Мнение тех, кто еще не принял решение о том, какой кандидат им более близок, в преддверии первого тура было довольно противоречивым. Одна пятая (21%) считала наиболее приемлемым кандидатом Б. Ельцина, и 14% — Г. Зюганова. Но при этом лидера «красных» рассматривали в качестве неприемлемого 12%, а действовавшего президента — 20%. Однако в критической ситуации, если бы оба кандидата вышли во второй

тур, Б. Ельцин получил бы 29% голосов этого электорального сегмента, а Г. Зюганов — вдвое меньше (15%)¹⁹.

Наиболее распространенным мотивом участия в выборах — его называл каждый третий россиянин — было стремление поддержать своего кандидата. Второй по значимости причиной участия было стремление препятствовать победе неприемлемого кандидата. Один человек из десяти объяснял свое участие в выборах невозможностью стоять в стороне от выборов главы государства. Эти объяснения приводились примерно с равной частотой представителями различных возрастных групп. Но были мотивы, предпочтительность которых явно была связана с возрастом (*табл. 51*)²⁰.

Таблица 51

Мотивы участия в выборах трех возрастных групп, %

Мотивы участия	Распространенность мотивов в группах		
	от 18 до 24 лет	от 35 до 44 лет	55 лет и старше
Я обычно участвую в выборах	15	23	36
Я должен(-на) участвовать в этих выборах, потому что от их исхода зависит будущее России	16	32	23
Только таким образом я могу выразить свое отношение к происходящему в стране	22	20	14

«Старшие» прежде всего действовали по давно сложившейся советской традиции — голосовать следует обязательно. «Средние» более других возрастных групп ощущали свою ответственность за будущее страны. Молодежь в равной мере преследовала две цели: продемонстрировать свое отношение к происходящим в стране социально-экономическим преобразованиям и поддержать того из кандидатов, который, по ее мнению, определил бы верный путь России.

Анализ динамики рейтингов основных кандидатов и направленное изучение трендов внутри различных сегментов электората легли в основу формирования прогноза исхода первого тура. Существовавшие неопределенности делали невозможным «лобовое» использование рейтингов в качестве прогнозируемых итогов голосования. Конструирование прогнозной модели включало следующие допущения²¹.

При проведении еженедельных зондажей общественного мнения заметная часть потенциальных респондентов отказывалась от контакта с интервьюерами. Электоральное поведение «отказников» — по предположению, маргинальной аполитичной группы — моделировалось на основе двух допущений. Первое — четверть этого сегмента электората (25%) все же примет участие в выборах. Второе — половина из пришедших на выборы (50%) проголосует за Г. Зюганова, около трети (30%) поддержат В. Жириновского, и по 10% голосов будет отдано Б. Ельцину и А. Лебедю.

Определенная часть населения не отвечала искренне на вопросы о своем будущем голосовании. Такие люди, как показали специальные исследования, чаще всего указывали фамилию кандидата, которого, по их мнению, называло большинство. В 1996 г. это был Б. Ельцин. Была принята гипотеза о том, что 15% из тех, кто указал Б. Ельцина, были неискренни и что они проголосуют за других кандидатов. Казалось вероятным, что основная их часть (70%) поддержит Г. Зюганова, а оставшиеся (30%) — В. Жириновского.

В среднем около 16% респондентов уходили от ответа на вопрос о своих электоральных предпочтениях, но на вопрос о выборе между Б. Ельциным и Г. Зюгановым они ответ давали. Было принято допущение о том, что в первом туре они проголосуют так же, как предполагали голосовать во втором (если он состоится). По поводу возможного голосования этого электорального сегмента за других кандидатов никаких предположений не делалось, и, соответственно, такие варианты никак не учитывались в финальной модели прогноза.

Трудно было допустить, что все заявившие о своем обязательном участии в выборах действительно придут голосовать. В модель прогноза были введены следующие параметры участия представителей различных сегментов электората в выборах. Предполагалось, что 86% групп поддержки двух основных кандидатов действительно явятся на избирательные участки. Применительно к другим участникам избирательной кампании этот показатель был определен равным 82%. К тому же допускалось, что в день голосования на избирательные участки придут 42% тех, кто не был уверен в своем участии в выборах и при опросах говорил: «скорее приду».

С учетом перечисленных допущений и некоторых других неопределенностей были сделаны прогнозы, базировавшиеся на рейтингах конца мая — начала июня (табл. 52)²².

Таблица 52

Предвыборные прогнозы на выборах Президента РФ

Позиции	Прогнозы по результатам опросов*		Результаты первого тура
	25—26 мая, 1—2 июня	8—9 июня	
Процент россиян, участвовавших в выборах	68-70-71	72-74-75	
<i>Среди явившихся на выборы</i>			
Процент проголосовавших за Б. Ельцина	35-33-31	37-34-32	35
Процент проголосовавших за Г. Зюганова	28-30-31	28-30-32	32
Процент проголосовавших за Г. Явлинского	7-7-7	6-6-6	7
Процент проголосовавших за В. Жириновского	7-8-9	7-8-9	6
Процент проголосовавших за А. Лебеда	6-6-6	7-7-7	14,5

Прогноз, основанный на материалах опроса 8—9 июня, оказался очень близок к результату выборов по четырем основным кандидатам. Главная причина серьезной ошибки в прогнозе голосований за А. Лебеда произошла из-за неверного предположения о том, кому достанутся голоса отказывающихся отвечать и «неискренних» сторонников Б. Ельцина. В основном они были отданы лидеру КРО.

«Живой голос»

Социологический мониторинг общественного мнения по поводу предвыборных поездок президента в первую очередь был ориентирован на измерение эффекта посещения Б. Ельциным различных городов России, определяемого, естественно, величиной прироста локального электората действующего президента.

Соответственно делалось два зондажа, в каждом из которых опрашивалось по 500 человек. Сначала, за несколько дней до

* Ниже по каждой из позиций дан разброс значений с учетом статистической погрешности. Жирным шрифтом обозначены основные цифры соответствующего прогноза.

приезда президента, изучалась информированность населения о визите «высокого» гостя, измерялось отношение жителей города к основным участникам президентских выборов и анализировалось содержание вопросов, с которыми люди хотели бы обратиться к главе государства. Фактически по той же программе производился и второй опрос через день-два после отъезда Б. Ельцина.

Безусловно, эта информация использовалась организаторами поездок для планирования встреч президента с избирателями. Она позволяла уточнять позиции электората с целью коррекции основных положений предвыборной программы президента и текстов его выступлений. Но полученная информация имела не только оперативное назначение: было ясно, что изучение общественного мнения россиян в столь напряженный для страны момент, как президентские выборы, дает материалы для углубленного понимания отношения граждан России к итогам ельцинских преобразований, осуществленных в 1991—1995 гг.

Уровень информированности населения городов о визитах Б. Ельцина, сделанных до первого тура, явно зависел не от места поездки, а от количества дней, остававшихся до выборов. В апреле и мае, когда только начались встречи президента с населением, они были новинкой в политической жизни страны — обычно президент крайне редко покидал Москву — и вызывали интерес жителей городов. В Архангельске подавляющее большинство населения (90%) знало о приезде Б. Ельцина, но и в других городах уровень информированности не опускался ниже 70%. В июне показатель информированности варьировался от 64% до 57%, и его среднее значение равнялось 61%. По-видимому, это объясняется двумя факторами: во-первых, к поездкам президента по стране все привыкли, и сообщения о них становились менее значимыми; во-вторых, все более конкретизировалась, стабилизировалась структура электоральных предпочтений, и люди все менее интересовались новой информацией о кандидатах и их программах.

По ходу развития избирательной кампании росли и «географические» различия электоратов. Так, за две недели до выборов локальные ельцинские электораты варьировались от 25% в Орле до 63% в Екатеринбурге и в среднем составляли 39%. Рейтинг

Г. Зюганова изменялся в интервале от 23% до 5% в тех же городах, соответственно.

С приближением дня голосования снижался не только уровень информированности населения о визите Б. Ельцина — другими словами, интерес к этому мероприятию, — но в целом уменьшалась и доля приращения объемов его электората, замеренная до и после поездки. Но, во-первых, нет оснований утверждать, что наблюдаемые изменения зависели исключительно от приезда Б. Ельцина в тот или иной город и успешности его встреч с местными избирателями. Во-вторых, июньские поездки, выполненные за неделю-десять дней до выборов, в принципе не могли заметно воздействовать на изменение структуры электората (табл. 53) — значительная часть потенциальных избирателей к тому моменту уже определилась в своих предпочтениях. Но было ясно, что надо удерживать весь накопленный электоральный потенциал и, насколько это возможно, пусть даже на несколько процентов, прирастить его. На подходе ко дню голосования борьба между двумя лидерами избирательной кампании шла за «крохи». На финише все могло пригодиться.

Таблица 53
Электоральные рейтинги Б. Ельцина в регионах, %

Дата опроса	Город	Проголосовали бы за Б. Ельцина		Изменение рейтинга (Δ)
		до поездки	после поездки	
Май, 20—21	Красноярск	35	53	18
Май, 20—21	Омск	33	45	12
Июнь, 1—2	Уфа	35	44	9
Июнь, 1—2	Пермь	45	55	10
Июнь, 12—13	Казань	42	48	6
Июнь, 12—13	Новосибирск	32	34	2
Июнь, 12—13	Ростов-на-Дону	29	32	3
Июнь, 14—15	Санкт-Петербург	47	52	5
Июнь, 15—16	Екатеринбург	63	68	5

Как организаторы избирательной кампании президента оценивали эффект от поездок по стране? По-разному — больше было позитивных заключений, но были и нейтральные, и негативные.

Неудачным оказался «первый блин» — поездка на Кубань, в Краснодар и Ставрополь. Общий вывод звучал так: «В целом поездка на Кубань привела к отрицательным результатам. После визита его [президента] рейтинг у жителей Краснодара хоть и незначительно, но снизился, а у жителей Ставрополя — упал очень заметно»²³.

А вот что Б. Ельцин вспоминает по поводу той предвыборной поездки, после которой И. Малашенко, отвечавший в его избирательном штабе за работу с журналистами, положил перед ним фотографии двух предвыборных кампаний: «На первой фотографии, нынешней, 96-го года, толпа начальников и ожидающий их «за санитарным кордоном» испугавшийся люд (помоему, это было в Краснодаре). На второй, старой, 91-го года — огромная масса людей, оживленные лица, сияющие глаза. Впечатление было сильное. Ведь все это было всего пять лет назад!»²⁴.

Л. Шевцова со ссылкой на журналиста, освещавшего визит президента на Кубань, приводит некоторые детали той поездки Б. Ельцина. «Так, в апреле в ходе поездки по Кубани ему пришлось испытать неловкость. При общении с заранее подготовленным «народом» каким-то чудом в первых рядах очутились преклонного возраста недоброжелатели Б. Ельцина, которые вручили ему петицию с просьбой отказаться от власти. При этом между ними состоялся разговор, который потом передали все средства информации. В ответ на предложение уйти растерявшийся Б. Ельцин ответил: «Я не могу согласиться. А кого вы предлагаете?» — «Изберем кого помоложе», — ответили из толпы, окончательно испортив ему настроение»²⁵.

Но уже следующая поездка, в Хабаровск, по мнению сотрудников ельцинского штаба, «дала ощутимый положительный эффект». Не только рейтинг Б. Ельцина увеличился на 11 п.п., но на 5 п.п. понизился показатель доверия Г. Зюганову²⁶.

Во всяком случае, в конце апреля две трети россиян (65%) признавались в том, что поездки Б. Ельцина по стране произвели на них положительное впечатление. Отрицательно высказалось о его встречах с избирателями значительное меньшинство (8%). Все остальные кандидаты, которые к тому времени тоже начали борьбу за голоса электората, произвели не столь позитивное впечатление: о каждом из них значительно меньшая доля населения отзывалась положительно: об А. Лебеде —

24%, Г. Явлинском — 22%, В. Жириновском — 15%, Г. Зюганове — 13%.

Положительно были восприняты поездки в Волгоград, Астрахань и Красноярск. Все июньские встречи с избирателями, хотя они не отразились значимо на величине рейтинга Б. Ельцина, тоже были признаны успешными.

У Л. Шевцовой были основания назвать стиль поездок Б. Ельцина по стране «царским». Подарки сыпались на региональную администрацию и отдельных граждан; в одном месте он подарил средства на многоквартирный дом, в другом — комбайн, в третьем — микроавтобус, указ о казачестве был подписан прямо на улице. Торжествовали популярные в России традиции государственного патернализма. На общество хлынула лавина указов, многие из которых являлись выполнением требований оппозиции и были направлены на снижение уровня недовольства левой части избирателей. Что ни день — новые обещания, новые протекционистские меры²⁷.

Большинство россиян понимало, что основная часть ельцинских заверений — это лишь красивые слова; было ясно, что в лучшем случае только их малая часть будет реализована. Но наши сограждане понимали и иное: другие кандидаты — не лучше, они тоже забудут свои обещания через день после «вселения» в Кремль.

В опросе, проведенном в начале второй декады апреля в Хабаровске, жители города формулировали свои вопросы к Б. Ельцину. В целом «заданные» президенту вопросы отличались предельной остротой, многие из них отражали убежденность людей в том, что руководитель государства оторван от жизни страны, от обыденных забот простого человека. Обнаружилось, что рейтинги и оценки электоральной ситуации — это надводная часть айсберга общественного мнения: люди были вынуждены выбирать из того, что им предлагали, и действовали в соответствии со сложившимися стереотипами политического выбора и поведения. Ответы на открытый вопрос позволили подойти к рассмотрению подводной, скрытой части айсберга. Они проявили глубокие страдания, переживания, обиды людей на власть, перечеркнувшую их заслуженное боевое и трудовое прошлое, лишившую их важнейших социальных ориентиров и вынудившую миллионы людей жить в условиях, которые еще несколько лет назад казались почти социальным дном.

Вопросы хабаровчан можно было разделить на шесть групп. Первая (26%) объединила вопросы общего характера типа «Что происходит в России?», вторая (25%) — «Почему мне так плохо?». Следующими по частоте были вопросы, во-первых, касавшиеся непосредственно жизни и деятельности Б. Ельцина (17%), а во-вторых, затрагивавшие различные конкретные социальные сферы жизнедеятельности общества (17%). Проблемы Чечни вышли на пятое место (9%) — удивительно, но люди, жившие так далеко от Северного Кавказа, захотели спросить президента именно об этом, а не обсуждать с ним более близкие темы «своей» региональной политики (6%)²⁸.

Хабаровск был «первой ласточкой». При анализе мнений населения других городов обнаружилось, что типология вопросов, обращенных к президенту, оказалась такой же. Более того — наполненность этих типов тоже не очень различалась: тональность многих вопросов точнее всего можно было характеризовать как «крик души» (*Приложение 3*).

Россия проголосовала за Б. Ельцина

Президент настраивал свою аналитическую группу на необходимость достижения победы уже в первом туре, одновременно понимая неосуществимость этого. Выход во второй тур даже с минимальным перевесом был бы уже просто чудом.

26 июня у Б. Ельцина случился инфаркт, состояние его было крайне тяжелым, но россиянам ничего о болезни президента не сообщалось. О приостановке избирательной кампании и мысли не было, были отменены лишь планировавшиеся предвыборные поездки по стране.

Некоторые робкие надежды на победу во втором туре, если он будет проводиться и в нем будут участвовать Б. Ельцин и Г. Зюганов, появились еще в середине мая, примерно за месяц до первого голосования. Уже тогда четыре россиянина из десяти (41%) сказали, что в такой ситуации проголосуют за Б. Ельцина, в то время как поддержку Г. Зюганову обещали трое из десяти (31%). К Б. Ельцину могла перетечь половина голосов электоратов Г. Явлинского (48%) и С. Федорова (51%); за него также могла проголосовать почти треть избирателей А. Лебеда. Что касается Г. Зюганова, то он мог рассчитывать не более чем на

пятую часть голосов, принадлежащих сторонникам названных политиков²⁹.

Одновременно стало ясно, что итог второго тура во многом будет определяться активностью участия в нем молодежи и людей среднего возраста. Старший избиратель, более дисциплинированный и привыкший к обязательному участию в выборах, преимущественно ориентировался на лидера коммунистов (табл. 54)³⁰.

Таблица 54
Электоральные предпочтения россиян
во втором туре президентских выборов, %

Намерения голосовать во втором туре	Возраст, <i>годы</i>				
	18—24	25—34	35—44	45—54	старше 54 лет
За Б. Ельцина	45	55	42	38	32
За Г. Зюганова	15	16	28	37	46

На рубеже апреля—мая уже половина (51%) граждан готова была во втором туре отдать свои голоса Б. Ельцину, и несколько более четверти (29%) — Г. Зюганову. Лишь среди сторонников В. Жириновского заметнее была установка на поддержку при повторном голосовании лидера КПРФ (29%), а не антикоммуниста Б. Ельцина (25%). Электораты других главных кандидатов, несмотря на критику политики действовавшего президента, все же ориентировались на его поддержку. С победой во втором туре Б. Ельцина избиратели связывали расширение возможностей заниматься бизнесом (25%), сохранение демократических свобод, в том числе свободы выезда за границу (22%), восстановление мира в Чечне (21%), расширение перспектив хорошего заработка (15%), введение частной собственности на землю (15%), установление порядка в стране (14%). Предполагавшие голосовать во втором туре за Г. Зюганова связывали его победу со скорейшим установлением мира в Чечне (23%), с более успешной борьбой с коррупцией (20%), с нормализацией выплаты зарплат и пенсий (19%), с прекращением роста цен (17%) и усилением социальной защищенности (17%)³¹.

За несколько дней до первого тура выборов можно было говорить о трех группах избирателей. Первая — «потенциал Б. Ельцина» (55%), то есть те, кто в целом позитивно относился

к факту переизбрания Б. Ельцина на пост президента России. Вторая группа — «нейтралы» (20%): они не предполагали голосовать за Б. Ельцина ни в первом, ни во втором туре, но при этом, отвечая на серию других вопросов относительно перспектив ельцинского переизбрания, не демонстрировали антиельцинских установок. Третья группа — настроенные против Б. Ельцина (25%), сочетание антиельцинских установок с осознанным, четким нежеланием голосовать за него³².

За неделю до дня первого голосования, когда значительной части населения уже было ясно, что будет второй тур и в нем предстоит состязаться Б. Ельцину и Г. Зюганову, значительная часть сторонников этих кандидатов заявляла, что они будут участвовать и в повторном голосовании. Со стороны Г. Зюганова — почти все (92%), со стороны Б. Ельцина — три четверти (72%). Представители электоратов других кандидатов не были столь уверены, что они придут и на второй тур. Среди них лишь немногим более половины ориентировались на участие в нем.

Через три дня после первого голосования уверенность в успехе Б. Ельцина во втором раунде избирательной кампании стала еще выше (табл. 55)³³.

Таблица 55

Электоральные намерения во втором туре голосования, %

Намерения голосовать	Все участники первого тура	Голосовали в первом туре за ...					Не участвовал(-а) в первом туре
		Б. Ельцина	Г. Зюганова	А. Лебеда	Г. Явлинского	В. Жириновского	
<i>За кого Вы проголосуете во втором туре?</i>							
За Б. Ельцина	49	94	1	44	67	25	36
За Г. Зюганова	37	2	95	14	3	23	12
<i>Собираетесь ли Вы участвовать во втором туре?</i>							
Точно буду	73	77	79	67	67	43	23
Скорее буду	21	19	17	21	25	45	26
Скорее не буду	1	1	1	2	5	0	11
Точно не буду	2	2	1	2	1	4	27

<i>Кто, по Вашему мнению, победит во втором туре?</i>							
Б. Ельцин	59	82	26	70	69	57	60
Г. Зюганов	15	2	37	5	1	15	9
Не знаю	26	16	37	25	30	28	31
<i>Если Б. Ельцин и Г. Явлинский договорятся о том, что Г. Явлинский войдет в правительство, за кого Вы скорее всего проголосуете?</i>							
За Б. Ельцина	49	90	1	45	82	25	36
За Г. Зюганова	35	2	90	12	3	25	13
<i>Одобрите ли Вы назначение А. Лебеда на пост секретаря Совета безопасности и на пост помощника президента по национальной безопасности?</i>							
Одобрять	67	81	48	80	70	45	54
Не одобряю	18	7	30	13	16	38	10

Половина политически активной части населения (49%) — т. е. тех, кто голосовал в первом туре, — предполагала при повторном голосовании поддержать победителя первого раунда. Во-первых, Б. Ельцин сохранял почти весь (94%) свой электорат, во-вторых, о возможном переходе к нему «сигнализовали» две трети (62%) группы поддержки Г. Явлинского, чуть менее половины (44%) сторонников А. Лебеда и даже четверть (25%) избирателей В. Жириновского. Важно и то, что более трети (36%) не голосовавших в первом туре готовы были встать под знамена действующего президента во втором туре, намеченном на 3 июля.

Шансы Г. Зюганова были значительно ниже. За него готовы были проголосовать 37% избирателей, принимавших участие в первом голосовании. В основном это были его же сторонники (95%), к которым присоединилась четверть (23%) электората В. Жириновского.

Оптимистичной выглядела и картина участия населения во втором раунде избирательной кампании. Основная часть (94%) голосовавших в июне в целом готова была проголосовать и в начале июля; к тому же к ним с различной степенью вероятности предполагала присоединиться почти половина граждан, не участвовавших в первом голосовании. И здесь тоже особенно активными обещали быть электораты двух победителей: 79% сторонников Г. Зюганова и несколько меньшая (77%) часть электората Б. Ельцина.

В целом более половины (59%) россиян, голосовавших 16 июня, прогнозировали победу Б. Ельцина во втором раунде. Не удивительно, что в это верило преобладающее большинство

(82%) его сторонников, но это признавал и один из четырех (26%) избирателей, отдавших в первом голосовании свои голоса за лидера коммунистов.

Количество голосов, отданных Б. Ельцину во втором туре, могло бы несколько увеличиться за счет приверженцев «Яблока», если бы ему и Г. Явлинскому удалось договориться о вхождении последнего в правительство. Этого не произошло, что привело сторонников Г. Явлинского в некоторое замешательство. Во всяком случае, через неделю на голосование за Б. Ельцина ориентировались не 67% «яблочного» электората, а 53%, и уже не 3%, а 8% собиралось голосовать за Г. Зюганова³⁴.

Назначение А. Лебеда на ключевые посты в системе национальной безопасности было воспринято положительно большинством россиян, придерживавшихся различных политических взглядов, и в первую очередь, конечно же, сторонниками генерала. В результате в конце второй декады июня большая часть (44%) электората А. Лебеда предполагала во втором туре поддержать Б. Ельцина, вдвое меньшая доля (14%) — его конкурента. Но треть сторонников А. Лебеда к тому моменту еще не приняла решение, и за ее голоса продолжали сражаться оба претендента³⁵.

Предвыборная кампания продолжалась, и в начале 20-х чисел июня было зафиксировано три положительных для Б. Ельцина обстоятельства. Во-первых, ему удалось склонить в свою сторону избирателей с низкими доходами. Во-вторых, общий баланс электоральных установок избирателей в возрасте от 56 до 65 лет начал сдвигаться в его сторону. Наконец, молодежь в возрасте до 25 лет стала чаще заявлять о своей готовности участвовать в повторном голосовании³⁶.

Информация о том, когда участники первого тура голосования приняли свое решение о поддержке того или иного кандидата, давала основание для более четкого представления о том, как будет складываться второй тур выборов³⁷.

Хронология прихода избирателей к решению голосовать за двух лидеров избирательной кампании и за В. Жириновского — «старожила» президентских и думских выборов — была сходной. В значительной степени их электораты сложились задолго до начала избирательной кампании — люди знали этих политических лидеров. Так или иначе, но к концу мая 65% будущих избирателей Г. Зюганова и чуть меньшая доля (62%) электоров Б. Ельцина и В. Жириновского уже определились относи-

тельно своей политической позиции. Г. Явлинский к тому времени тоже имел половину (49%) своего финального электората, но он пополнялся более равномерно: одна четверть (24%) — до апреля и вторая (25%) — в течение апреля—мая (табл. 56). На ранних стадиях избирательной кампании мобилизация сторонников А. Лебеда проходила относительно медленно, и к концу мая его электорат сформировался лишь на 44%.

Таблица 56

Формирование электорального выбора россиян, %

Время принятия решения	Все участники первого тура	Голосовали в первом туре за ...				
		Б. Ельцина	Г. Зюганова	А. Лебеда	Г. Явлинского	В. Жириновского
<i>Припомните, пожалуйста, когда Вы приняли решение голосовать за этого кандидата на пост президента?</i>						
В день выборов, непосредственно на избирательном участке	4	5	3	3	1	2
В день выборов, перед тем как отправиться на избирательный участок	4	3	4	5	5	2
За один-два дня до выборов	4	4	2	7	7	6
За неделю до выборов	7	6	5	12	13	0
За две недели до выборов	8	6	3	20	14	11
В апреле-мае	18	21	15	17	25	13
До апреля 1996 г.	41	41	50	27	24	49
Не помню	14	14	18	9	11	17

Резкий рывок в избирательной гонке был сделан А. Лебедем уже в июне, за две недели до момента голосования, на этом отрезке он «двигался» быстрее всех.

Обратим внимание на тот факт, что процесс формирования электоратов основных участников выборов продолжался весьма активно и в самые последние дни и часы перед первым туром выборов.

Те, кто еще до апреля знал, за кого будет голосовать в первом туре, решительнее других заявляли о своем участии в повторном голосовании; большинство из них (81%) решительно сказали

«да». Эти люди в основном были верны своему давно принятому решению. Среди сделавших свой политический выбор лишь в июне более половины (59%) предполагали при повторном голосовании также поддержать Б. Ельцина. В целом, получалось, что основным резервом Б. Ельцина во втором туре были люди, определившие своего кандидата за одну-две недели до 16 июня; преимущественно это были те, кто голосовал в первом туре за А. Лебеда и Г. Явлинского. Трудно лишь было сказать, насколько вероятен будет их приход на избирательные участки 3 июля.

Электорат Б. Ельцина в первом туре был мобилизован уверенностью в его победе (32%), отсутствием среди его соперников достойной замены (25%) и стремлением к сохранению в обществе того нового, что ему все же удалось сделать (19%). Голосовавшие за А. Лебеда прежде всего связывали с его приходом к власти наведение порядка в стране (50%), многим (44%) импонировали некоторые черты личности генерала, 23% находили интересной его избирательную программу. Объединение этих двух политиков после первого тура давало многим надежду на некий поворот политики в желательную для них сторону.

Избиратели Г. Зюганова полагали, что, став президентом страны, лидер КПРФ улучшит их жизнь (42%), восстановит черты прошлого социального устройства (29%) и будет менее, чем Б. Ельцин и А. Лебедь, зависим от ближайшего окружения (10%).

Рейтинги двух участников второго тура президентской кампании, построенные на материалах опроса населения России 28-29 июня, стали базой для построения финального прогноза результатов избирательного марафона (табл. 57).

В модель прогноза закладывалось допущение, что на избирательные участки придут 95% участвовавших в первом туре и уверенных в своем участии во втором туре, а также 70% участников первого раунда голосования, только предполагавших проголосовать еще раз («скорее пойду на выборы»).

Одновременно модель учитывала следующие параметры: 10% заявивших о своей поддержке Б. Ельцина проголосуют за Г. Зюганова; 50% говоривших, что проголосуют против обоих, в действительности разделят свои голоса пополам между двумя кандидатами; 60% затруднявшихся в выборе своего кандидата остановятся на Г. Зюганове и 40% решатся на поддержку Б. Ельцина³⁸.

Таблица 57

Президентские выборы—1996: рейтинг, прогноз, итог

Кандидаты в президенты	Рейтинг (в % от опрошенных)	Прогноз (% потенциальных участников голосования)	Официальный итог выборов (% участников голосования)
Б. Ельцин	32	51,9	53,8
Г. Зюганов	21	44,9	40,3

Прогнозировавшееся преимущество Б. Ельцина было равно 7%, реальное оказалось почти вдвое большим — 13,5%. Произошла незначительная (1,9%) недооценка поддержки Б. Ельцина и заметная (4,6%) переоценка размера электората Г. Зюганова.

Россияне, принимавшие решение о своем участии в выборах и о своем кандидате в самый последний момент, т. е. уже в день голосования, несколько более активно, решительнее, чем предполагалось при построении прогноза, голосовали против возврата страны к прошлому.

Те из политических аналитиков, которые после завершения выборов писали, что в стране произошло ровно то, что и должно было случиться, безусловно, упрощали ситуацию и делали вывод, не соответствующий фактам. Борьба за победу на протяжении по крайней мере трех месяцев весны-лета 1996 г. была очень тяжелой, и исход этой борьбы заранее было сложно предсказать. К середине мая ситуация складывалась в пользу Б. Ельцина, но это еще не означало победу на выборах; у коммунистов были огромные возможности для более агрессивного ведения кампании и, по крайней мере, для сохранения своего электората.

В конце апреля было ясно лишь одно: выборы пройдут под знаком соперничества двух сил — проельцинских и прозюгановских. Первый сегмент включал в себя потенциальных избирателей Б. Ельцина и частично симпатизирующих ему сторонников Г. Явлинского и С. Федорова. Второй сегмент объединял прямых сторонников Г. Зюганова и многих из тех, чьи политические симпатии были отданы А. Лебедю и В. Жириновскому.

В конце мая анализ вопросов, которые избиратели хотели бы задать кандидату, за которого они предполагали проголосовать 16 июня, выявил такие аспекты отношения россиян к социальной среде:

- «мне плохо»;
- «мне одиноко, обо мне забыли»;
- «меня и мою семью некому защитить»;
- «кругом хаос»;
- «зло побеждает добро»;
- «произошел разрыв времен»³⁹.

В целом, если не брать во внимание относительно небольшую, порядка 10%, часть адаптированного населения, можно говорить о том, что основными эмоциями людей в то время были обида, растерянность, недоумение, возмущение, злоба. Судя по всему, главная ошибка Г. Зюганова заключалась в том, что он направлял свою избирательную программу на слабые в социальном и физическом отношении слои населения: пожилые, пенсионеры, малообразованные люди, жители села и малых городов. Если бы лидер КПРФ обращался к более широким слоям общества, итог выборов мог бы быть иным.

Неудачи проводимых реформ и война в Чечне с самого начала поставили Б. Ельцина в чрезвычайно трудные условия для старта избирательной кампании. Несмотря на жесткую и часто справедливую критику, направлявшуюся на него из разных уголков политического пространства, отсутствие своей партии, тяжелую болезнь, ему все же удалось в те месяцы проявить достаточно мудрости, выдержки и политической зрелости, чтобы предстать перед общественным мнением человеком, знающим дорогу в цивилизованное будущее.

¹ Результаты выборов Президента Российской Федерации 16 июня 1996 г. (<http://www.fci.ru/archive/vyb96-3.htm>).

² Результаты выборов Президента Российской Федерации 3 июля 1996 г. (<http://www.fci.ru/archive/vyb96-4.htm>).

³ Ковалева Н. Социальный барометр показывает «пасмурно» // *Мониторинг ОМ. ВЦИОМ*, 1997. № 3 (29). С. 23.

⁴ *Мониторинг ОМ. ВЦИОМ*, 1997. № 2 (28). С. 5.

⁵ Левада Ю. От мнений к пониманию. М., 2000. С. 258–263.

⁶ Ельцин Б. Президентский марафон. М.: АСТ, 2000. С. 24.

⁷ Там же. С. 27.

⁸ Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М., 1999. Гл. 8. (электронная версия — <http://pubs.carnegie.ru/russian/>).

⁹ Ельцин Б. Президентский марафон. М., 2000. С. 30.

¹⁰ *Результаты социологических исследований ФОМ*. 1996. № 2. С. 1.

¹¹ *Результаты социологических исследований ФОМ*. 1996. № 1. С. 2.

¹² Там же.

- ¹³ Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 2. С. 1-3.
- ¹⁴ Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 6. С.1-2.
- ¹⁵ Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 12. С. 1.
- ¹⁶ Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 92. С. 1-7.
- ¹⁷ Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 22. С. 1-4.
- ¹⁸ Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 36.
- ¹⁹ Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 39. С. 1-2.
- ²⁰ Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 81. С. 1-2.
- ²¹ Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 79.
- ²² Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 109.
- ²³ Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 7. С. 1.
- ²⁴ Ельцин Б. Президентский марафон. М., 2000. С. 34.
- ²⁵ Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М., 1999. Гл. 9. (электронная версия — <http://pubs.carnegie.ru/russian/>).
- ²⁶ Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 17. С. 1.
- ²⁷ Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М., 1999. Гл. 9. (электронная версия — <http://pubs.carnegie.ru/russian/>).
- ²⁸ Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 8. С. 1-12.
- ²⁹ Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 37.
- ³⁰ Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 47.
- ³¹ Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 61.
- ³² Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 84. С. 1-2.
- ³³ Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 88.
- ³⁴ Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 114.
- ³⁵ Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 113.
- ³⁶ Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 116.
- ³⁷ Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. №№ 105, 119.
- ³⁸ Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 123.
- ³⁹ Результаты социологических исследований ФОМ. 1996. № 29.

Год 1997 Россия в поисках себя

Отметины года

В течение 1997 г. развивались четыре процесса, оказавших влияние на ход развития страны в последующие годы. Первый — приход во власть «молодых реформаторов» и стремление сформировать «новое лицо» российской политики. Второй — продолжение поисков решений чеченского вопроса федеральным центром. Третий — продолжение экономической реформы. Четвертый — заметная активизация деятельности России и Белоруссии по выработке более тесных форм государственного сосуществования; обсуждение механизмов интеграции двух стран.

В середине января Государственная Дума не смогла отправить Б. Ельцина в отставку по болезни, и он приступил к решению кадровых вопросов. В середине марта были назначены два новых первых заместителя председателя правительства России: А. Чубайс, одновременно ставший министром финансов, и Б. Немцов. В конце лета дочь президента Т. Дьяченко назначается его советником по имиджу. Во второй половине ноября разразился скандал по поводу завышенного гонорара А. Чубайса и группы его ближайших соратников за книгу по истории российской приватизации, в подготовке которой они участвовали. Президент освободил А. Чубайса от должности министра финансов.

27 января, набрав 65% голосов избирателей, Аслан Масхадов становится президентом Чечни. Стабилизации положения в республике послужило и то, что с середины марта вступило в силу постановление Госдумы об амнистии участникам вооруженного конфликта в Чечне в период с 9 декабря 1994 г. по 31 декабря 1996 г. В мае во время визита А. Масхадова в Москву был заключен договор о мире и принципах взаимоотношений между РФ и Чеченской Республикой.

В 1997 г. были зафиксированы самые низкие темпы инфляции за минувшее десятилетие, индекс потребительских цен вырос только на 11%. С 1 октября повысился минимальный размер пенсии — он составил 76633 руб. Было принято решение об изменении с 1 января 1998 г. нарицательной стоимости российских денежных знаков и масштаба цен (деноминации).

Все попытки Б. Ельцина провести земельную реформу успеха не имели. 18 сентября в Орле президент заявил, что земля должна перейти в руки настоящих хозяев и решить этот вопрос должна Дума. Но уже через неделю Дума преодолела вето президента на Земельный кодекс, вновь выступив против частной собственности на землю. Все осталось без изменений: весной 1998 г. Ельцин не подписал Земельный кодекс, в котором право частной собственности на землю не предусматривалось.

Попытки выработать новые формы сотрудничества между бывшими республиками Союза предпринимались еще весной 1996 г., когда было принято соглашение об интеграции между Россией, Белоруссией, Казахстаном и Киргизией и было подписано соглашение об образовании содружества России и Белоруссии. 1997 г. прошел под знаком поиска механизмов интеграции этих двух стран. 14 марта на встрече с главными редакторами ряда центральных российских средств массовой информации в Кремле президент сказал, что в перспективе Россия и Белоруссия могут объединиться: *«Может быть, в конце концов, это будет одно государство»*, — заметил он.

Россия и мир: мозаика мнений

В целом, и все предыдущие очерки, и последующие — это ретроспектива мнений россиян о России, о ключевых событиях российской истории последнего десятилетия XX века. Особое место в этом ряду занимает отношение граждан к геополитическим и национальным проблемам.

Наличие евразийских традиций в культуре нашей страны, расположенной на территории и Европы, и Азии, — факт, существование которого жители России признают безусловно. Однако по большинству вопросов о сути этой культуры российское общественное мнение далеко от единодушия. Так, в январе

1999 г. большинство наших сограждан (60%) было уверено в том, что Россия — особая страна, не похожая ни на Европу, ни на Азию. Однако четверть опрошенных (23%) видела в российской культуре сочетание европейских и азиатских традиций. Эта точка зрения наиболее заметно была представлена во взглядах людей с высшим образованием (32%), хотя и среди них преобладало представление об особом историческом и культурном статусе России (59%). Но все же в целом россияне чаще признавали свою страну европейской (45%), нежели азиатской (16%). Большую близость к Европе особенно часто отмечали люди в возрасте до 35 лет (53%) и наиболее образованные слои общества (51%)¹.

Выявленное в начале 1998 г. распределение мнений населения относительно экономического положения России по сравнению с другими странами позволяло говорить о двух принципиально разных оценках имевшей место ситуации². Незначительное меньшинство (4%) включало Россию в небольшую группу десяти лидеров мирового уровня. Основная часть россиян полагала, что уровень экономического развития нашей страны более низкий. Но и это большинство не было единым — оно состояло из трех равных частей. Наиболее оптимистично настроенная группа (27%) размещала Россию между 10-м и 50-м местом. Люди, более критично оценивавшие экономическое положение страны (27%), видели Россию где-то во второй половине первой сотни стран мира. Самые глубокие пессимисты (28%) считали, что ее место еще ниже. Наиболее высоко оценивали уровень экономического развития России молодые граждане: к числу первых 50 стран мира ее относили 44% людей в возрасте до 30 лет и лишь одна пятая (21%) тех, кто был старше 55 лет. Треть (33%) мужчин включала страну в список 50 лидеров экономического развития, а среди женщин — лишь четверть (26%). Несколько более определенной была общая позиция россиян в отношении места страны в мировой таблице материального положения населения. Только два человека из ста видели ее в лидировавшей «десятке», лишь одна пятая (20%) — в интервале между 10-м и 50-м местом, а треть (35%) — за пределами первой сотни.

Неудивительно, что меньшая часть россиян (15%) допускала возможность подъема российской экономики до уровня ведущих западных стран в ближайшие 10 лет, почти треть (30%)

имела в виду более продолжительный период (10-20 лет), и четверть (24%) отводила России на это более 20 лет³.

В январе 1999 г., после кризиса 1998 г., почти половина взрослого населения страны отвела России место в числе наиболее отстающих стран мира. К началу 2000 г. люди почувствовали некоторое облегчение и потому стали считать, что их страна находится на несколько более высоком месте: большинство расположило Россию между 50-м и 100-м местом. К осени 2000 г. распределение мнений в целом вернулось к докризисному (табл. 58).

Таблица 58

Мнения населения России о ее месте среди других стран, %

Место России среди других стран по уровню экономического развития	Март 1998	Январь 1999	Январь 2000	Сентябрь 2000
В первой десятке	4	2	2	7
Между 11-м и 50-м местом	27	17	17	27
Между 51-м и 100-м местом	27	28	44	30
В числе наиболее отстающих стран	28	44	25	25

Летом 1998 г., незадолго до кризиса, при ответе на открытый вопрос о том, какая страна могла бы стать для России примером, к которому следовало бы стремиться, были названы 43 страны. Чаще всех назывались США (23%), Германия (20%) и Швеция (11%). На четвертое и пятое места вышли Япония (8%) и Китай (6%). Чуть реже вспоминали об СССР (4%). Интересны и комментарии людей, объяснявшие их решения относительно «стран-эталонов»: «где выше уровень жизни»; «где люди живут в достатке»; «Канада — сельское хозяйство, Германия — промышленность, Швеция — социальная среда»; «хороший пример — Америка: там старость не превращается в нищий образ жизни»; «любая более развитая страна»; «любое государство, где отлажен законодательный механизм»; «западные страны, которые социалистические»; «надо из всех брать самое ценное»; «страна с хорошей дисциплиной, где мощная, великая промышленность и армия»; «хорошее от всех взять, а главное — свое оставить»; «страна, где можно воплотить свои мечты»; «та страна, где хорошо живет простым людям»⁴.

Наивно было бы полагать, что более чем скромное по показателям уровня жизни место среди других ведущих стран

мира, отводимое России значительными группами населения, может являться фактором массовой эмиграции россиян на Запад. Вместе с тем, осенний опрос 1999 г. выявил, во-первых, некоторый рост стремления граждан страны жить на Западе, во-вторых — заметную дифференциацию выраженности этой установки в разных слоях населения.

С 1989 по 1993 гг. примерно 4% россиян заявляли, что испытывают желание уехать жить на Запад, в 1994-1996 гг. — 5-6%, в течение двух следующих лет — 7-8%, и в 1999 г. — 9%. Особенно заметным такое стремление стало в 1997-1999 гг. у людей от 18 до 35 лет (15-18%), людей с высшим образованием (12%), жителей мегаполисов и больших городов (10-12%).

В непростой дилемме — что важнее: обеспечить россиянам благополучную и достойную жизнь или построить сильное государство — более половины (54%) на первое место ставили благополучие и достойную жизнь граждан, но многие (39%) считали необходимым прежде всего создать сильное государство. Высокообразованная группа россиян оказалась единственной социально-демографической структурой, которая отдавала (хотя и в незначительной степени) приоритет построению сильного государства (46% против 44%)⁵.

* * *

Россия и мир — это первый, как бы глобальный геополитический масштаб; следующий — Россия и соседние страны, или ближнее зарубежье. В январе 1998 г. подавляющее большинство россиян (80%) утверждало, что Россия должна стремиться к укреплению СНГ. Однако добиваться сохранения этого союза при любых обстоятельствах считала необходимым значительно меньшая часть россиян (55%). При этом, по мнению каждого четвертого (25%), при определенных условиях можно было пойти на роспуск СНГ.

В целом же население видело смысл союза России с бывшими республиками СССР прежде всего в экономической выгоде и не считало важными идеологические мотивы. Например, менее одной пятой (18%) россиян полагали целесообразным, оправданным оказание помощи членам СНГ при любых обстоятельствах. Большинство же (71%) возражало против того, чтобы экономическое благополучие России страдало ради ока-

зания «братской помощи». Кроме того, приветствовались двусторонние контакты России с отдельными странами СНГ (53%) и прежде всего — те направления сотрудничества, которые обещали быть экономически выгодными для России (38%) или способствовали усилению ее безопасности (31%). Наиболее популярными мотивами укрепления сотрудничества России с бывшими союзными республиками в те годы были следующие: общность исторического развития (31%), национально-культурная близость народов России и этой страны (25%), одинаковое вероисповедание основной части населения России и другой страны (20%), сходство путей экономического развития, одинаковый ход реформ (18%).

Половина россиян называла в качестве первоочередных шагов необходимость укрепления сотрудничества с Украиной (50%) и Белоруссией (47%), четверть (26%) — с Казахстаном; далее назывались Молдавия (11%) и Грузия (7%). Каждая из остальных республик набирала менее 5% голосов. Свыше четверти граждан (27%) считали необходимым укрепление всех форм кооперации России со всеми бывшими республиками СССР (27%)⁶.

Этот вывод по-своему подтвердил результаты, полученные ранее в мае 1997 г., когда только начиналось обсуждение создания союза между Россией и Белоруссией. Тогда три четверти населения (75%) одобрили саму идею сближения этих двух стран, и еще большая часть россиян (81%) приветствовала присоединение к ним и других республик бывшего СССР. Наибольшее число голосов было подано за присоединение Украины (64%) и Казахстана (40%). Далее следовали еще три страны: Молдавия (14%), Грузия и Узбекистан (по 8%). Иными словами, о полном восстановлении СССР фактически уже никто не думал⁷.

По-видимому, слишком медленное развитие интеграционных процессов между Россией и бывшими республиками Союза объясняет тот факт, что население критически оценивало состояние СНГ и его деятельность: свыше половины граждан (53%) не могли сказать, что союз бывших советских республик выполнял свои задачи, тогда как позитивная точка зрения на эту проблему встречалась в три раза реже (17%).

Стремление преобладающего числа россиян к поиску новых, более энергичных форм сотрудничества с Украиной

вовсе не означало согласия населения с тем, чтобы ради этого сотрудничества закрыть глаза на многие проблемы, существовавшие между двумя странами. Одной из таких проблем была проблема Севастополя и статуса базировавшегося там Черноморского флота. Длительные переговоры по этому вопросу завершились в мае 1997 г. подписанием ряда документов, предусматривавших сохранение военно-морской базы в Севастополе за Украиной и раздел Черноморского флота. В начале июня в Киеве президентами двух стран был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной. Все это вызывало неоднозначную реакцию россиян.

В декабре 1996 г. и в июне 1997 г. 70% населения России полагали, что «город российской славы» — Севастополь — должен принадлежать России. Десятая часть россиян (11-13%) не возражала против особого статуса города — совместного управления им обоими государствами. И лишь совсем немногие (3-4%) готовы были согласиться с передачей Севастополя Украине. Напротив, неодобрение без малого двух третей опрошенных (59%) вызывала аренда Россией военных баз в Севастополе, которая как бы подвела черту под спором о статусе города: свое не арендуют, даже на выгодных условиях. Мнения россиян по поводу случившегося разделились: 39% полагали, что добрые отношения с Украиной — главное, и ради этого следует уступить Севастополь Украине. Примерно такая же часть россиян (35%) считала необходимым любой ценой отстаивать права России на эту морскую цитадель; остальные (26%) не имели четкого мнения по данному вопросу.

Что касается раздела Черноморского флота, то свыше половины граждан страны (56%) полагали, что большая его часть должна отойти России. В три раза меньше (17%) было сторонников совместного управления флотом. Еще более слабой (9%) была поддержка идеи разделения флота между Россией и Украиной, и лишь 2% соглашались с переходом флота во владение Украины. В целом большинство россиян (55%) не одобрили подписанного Россией и Украиной соглашения о разделе Черноморского флота, при котором он не перешел в полное владение России, но почти треть (30%) приняла это решение⁸.

В ноябре 1997 г. россиянам было предложено оценить важность улучшения российско-украинских отношений на фоне других проблем России. Три четверти населения (75%) отметили приоритетность этого направления в политике России: особенно активно выступали «за» жители мегаполисов (85%) и крупных российских городов (82%), а также люди с высшим образованием (82%)⁹.

В мае 1999 г. четверо из десяти россиян (41%) полагали, что достигнутый уровень отношений между Россией и Украиной в равной мере выгоден для обеих стран, но 29% считали Украину выигравшей стороной¹⁰. Через полгода¹¹ лишь четверть россиян (23%) были в целом удовлетворены отношениями двух стран, и вдвое большая доля (45%) относилась к достигнутому критически. Одни — потому, что Россия не смогла в полной мере отстаивать свои интересы, другие — так как, по их мнению, сближение стран происходило слишком медленно. Примерно такая же часть россиян (41%) характеризовала украинскую политику по отношению к России как недружественную. Противоположное мнение высказывалось заметно меньшей частью граждан (27%).

По-разному виделся россиянам и идеал отношений между Россией и Украиной. Небольшая часть населения (8%) полагала, что здесь должно быть все так же, как с другими государствами: с закрытыми границами, таможенными и визами. Треть (31%) предпочитала иной режим, а именно — отношения двух независимых государств, но с открытой границей, без виз и таможен. Половина же (51%) считала, что Россия и Украина должны объединиться в одно государство. Особенно горячо эта точка зрения отстаивалась старшим поколением: ее разделяли почти две трети людей в возрасте старше 50 лет (63%).

Геополитическая целостность России

Следующий уровень геополитических представлений — проблемы стабильности внутреннего устройства страны. Летом 1998 г. около половины россиян (44%) допускали вероятность распада страны на ряд независимых государств, треть (35%) такой ход событий отрицала. Но в любом случае преобладающая часть общества (72%) фиксировала усиление угрозы целостности России¹².

Отвечая на открытый вопрос: «Какие регионы России, на Ваш взгляд, вероятнее других могут выйти из состава России?», каждый третий (35%) назвал определенные республики и регионы; ответы распределились следующим образом (табл. 59).

Таблица 59
Мнения россиян о вероятном выходе регионов из состава России, %

Регионы, административные образования	Доля назвавших регион
Чечня	26
Кавказ	21
Татарстан	11
Дальний Восток, Приморье, Сахалин	8
Дагестан	7
Сибирь	6
Красноярский край	6

А вот каким образом люди комментировали свою позицию по этому поводу. Прежде всего, отмечались экономические и национально-религиозные обстоятельства возможного выхода регионов из России: «те республики, где есть национальная рознь»; «регионы, расположенные ближе к Китаю»; «мусульманские республики»; «анклавы, крайние регионы»; «Красноярский край должен выйти из состава России, так как его губернатор Лебедь — сильный политик»; «крупные промышленные центры»; «регионы, которые стоят на ногах самостоятельно»; «те, у которых хорошие губернаторы»; «регионы, у которых поднялась экономика»; «те, которые не пользуются ресурсами России»; «у кого больше богатств, тот не захочет дотацию посылать бедным регионам»; «у которых стабильная экономика и кто вошел в рынок».

Живая, а для многих — большая память о распаде Союза на национальные государства, война в Чечне, знание драматических событий в Югославии, информация о гражданских войнах на этнической основе во многих частях мира, безусловно, делали россиян весьма чувствительными к внутренним конфликтам в многонациональных странах.

Отсюда вполне закономерным кажется достаточное единодушие населения России в вопросе о создании на территории страны национальных государств, претендующих на полную самостоятельность и независимость.

В середине 1999 г. две трети (64%) граждан России считали недопустимым нарушение целостности страны из-за стремления тех или иных наций к созданию своего государства. Иную точку зрения, допускающую выход новых государств из состава России, разделяли 22% населения. Соответственно, половина россиян (53%) считала невозможным предоставление полной государственной самостоятельности автономным республикам, даже если их жители проголосуют на референдуме за отделение от России. Но более четверти (29%) населения страны были готовы в этом вопросе идти навстречу национальным автономиям¹³.

Несколько иной аспект этой проблемы — изменение отношения к целостности России на протяжении ельцинской эпохи — хорошо виден на примере отношения граждан к спору между Россией и Японией о принадлежности четырех островов Курильской гряды. Сложность проблемы заключалась, в частности, в том, что здесь пересекались интересы высшей международной политики и конкретных политиков, сталкивались разные системы ценностей, было трудно найти соответствие между требованиями истории и современности и т. д. Время от времени этот территориальный спор между двумя странами обострялся, но потом все как бы останавливалось и на какое-то время выходило из поля зрения широкой общественности, после чего «маятник» внимания начинал обратное движение.

Так или иначе, но уже с середины 1990-х гг. подавляющее большинство россиян (85—90%) знало о территориально-политическом споре между Россией и Японией. Хотя все последующие годы преобладающая часть населения страны высказывалась за сохранение спорных территорий за Россией, следует отметить, что доля россиян, считавших, что Япония должна отказаться от претензий на спорные острова, от года к году заметно уменьшалась: в 1996 г. категорически против передачи островов выступали три четверти населения (76%), в 1997 г. — 60%, весной 1999 г. — менее половины (47%).

И вот что примечательно. В 1999 г., когда В. Путин был назначен на пост премьер-министра и были успешно проведены первые боевые операции второй войны в Чечне, число россиян, возражавших против передачи островов Курильской гряды японцам, стало расти. В сентябре 1999 г. такую позицию заняли

уже более половины населения (52%), а к осени 2000 г. — 59%¹⁴. При этом отношение к компромиссным вариантам решения территориальной проблемы менялось мало (табл. 60).

Таблица 60

**Мнения населения России о компромиссных вариантах
решения спора с Японией о принадлежности
островов Курильской гряды, %**

Варианты решения	Ноябрь 1997	Март 1999	Сентябрь 1999	Сентябрь 2000
Спорные Курильские острова должны перейти в совместное управление России и Японии на длительный срок	10	18	18	15
Решение вопроса о спорных Курильских островах должно быть отложено на далекое будущее	8	9	7	8
Япония может выкупить спорные Курильские острова у России за очень большие деньги	8	5	6	5

Впрочем, наличие территориального спора между Японией и Россией не рассматривалось населением страны как препятствие на пути к нормализации отношений между странами. Когда осенью 1997 г. Б. Ельцин встречался в Красноярске с премьер-министром Японии Р. Хасимото и было решено до 2000 г. заключить мирный договор между Россией и Японией, основная часть россиян (68%) отнеслась к этому одобрительно¹⁵.

* * *

Стремление к неизменности нынешних российских границ, которое прослеживается в общественном мнении и по «курильскому», и по «чеченскому» вопросам, явно проступает и в опасениях значительного количества граждан по поводу возможности выхода ряда регионов из России. С другой стороны, эти опасения указывают на достаточно широкую распространенность в общественном сознании россиян представлений о высокой автономности, самостоятельности отдельных территорий страны, более того — о некотором противопоставлении страны в целом и своего региона. Первое — что-то большое, разнообразное, далекое, малознакомое. Второе —

достаточно компактное, однородное, близкое, практически освоенное.

Интересны в этом отношении ответы на вопрос о том, кем люди прежде всего себя ощущают: гражданами России или жителями своей области, республики. Статистика мнений неоднозначна: треть россиян (35%) в первую очередь ощущает себя жителями конкретной области (республики) и 29% — гражданами России. Еще 22% видят себя в двух ролях одновременно. Чаще других называли себя прежде всего гражданами России жители двух столиц (44%), а также жители мегаполисов — столиц республик и областных центров с населением свыше 1 млн. человек (35%). В селах же наиболее распространена ориентация на «малую родину»: 40% ощущают себя прежде всего жителями своей области, республики, 26% — в равной степени гражданами России и жителями своей области, республики и только 22% считают себя в первую очередь гражданами России¹⁶.

Полученное распределение мнений достаточно легко интерпретируемо. Жители больших городов, тем более столиц, и должны ощущать себя прежде всего гражданами России, страны в целом. Если не они, то кто еще? К тому же многие из них уже в силу своего статуса обязаны нести груз «общероссийской ответственности» и решать общенациональные задачи. Жители небольших провинциальных городков, сел, деревень зачастую живут в узком социальном пространстве своих поселений, с трудом представляя себе даже жизнь своего региона в целом. Безусловно, они видят себя прежде всего «гражданами» своей области, края, республики.

Выбор россиянами своего полюса на оси «государство — регион» в определенной степени объясняется и заметным изменением отношения населения страны к проблеме *государство и мы*. Это хорошо видно при сопоставлении итогов двух опросов ВЦИОМа, разделенных десятилетним интервалом¹⁷.

В 1989 г. лишь 7% жителей СССР считало, что «государство дает нам так мало, что мы ему ничем не обязаны». В то время доминировало следующее представление: «наше государство сейчас в таком положении, что мы должны ему помочь, даже идя на какие-то жертвы» (38%). В конце ельцинского периода соотношение между этими двумя позициями полярно поменялось. Теперь 38% россиян считали себя свободными от обязан-

ностей перед государством, и только 17% по-прежнему были готовы идти ради него на жертвы.

И еще одно замечание: можно допустить, что слова «гражданин России» звучали для многих очень громко, слишком ответственно, возможно, даже торжественно, тогда как понятие «житель области (республики)» не оглушало и возлагало на человека умеренные, посильные обязанности.

Представления об общественном укладе жизни

Каким образом россияне характеризовали социально-экономическую систему отношений — или уклад жизни, который создавался в стране с начала 90-х?

К середине 1997 г. экономические реформы шли уже более пяти лет, и люди могли выработать к ним свое отношение. В целом половина населения страны (52%) считала, что создававшаяся система — капитализм. Треть россиян относились к этому позитивно, около половины (47%) — критично, и одна пятая (22%) не имела однозначного отношения¹⁸.

Только немногие из россиян (6%) были уверены, что страна сделала правильный выбор, еще одна пятая (20%) сомневались в верности избранного страной пути. Но более половины (54%) с различной степенью уверенности говорили об ошибочности выбора основного направления социально-экономического развития.

Одна пятая (18%) считала, что, двигаясь по выбранному пути, Россия сможет выйти из кризиса и достичь процветания. По мнению одной трети (33%), страну ожидала стагнация, но еще большая часть россиян (40%) опасалась углубления кризисных явлений, дальнейшего обеднения народа, новых трудностей и потрясений.

Тем не менее, лишь треть россиян настаивала на смене курса. Более половины (57%) говорили о необходимости продолжать движение, но стараться исправлять недостатки и избегать новых ошибок. Треть (34%) надеялась на возможность возврата к прошлому, к продолжению строительства коммунистического общества. Однако половина (50%) более или менее убежденно выступала против движения вспять. Заметная часть (16%) граждан затруднялась с ответом¹⁹.

Летом 1998 г., подводя итог пройденного пути, две трети (65%) россиян полагали, что Россию нельзя определенно отнести к числу капиталистических или социалистических стран. Каждый пятый (21%) склонен был видеть свою страну капиталистической, и еще оставалась небольшая по численности группа населения (5%), продолжавшая считать, что все последние годы страна жила при социализме.

В 1999 г. очень немногие (6%) жили лучше по сравнению с тем, чего ожидали для себя десять лет назад. Основная часть людей (80%) не достигала по уровню жизни до своих прежних ожиданий²⁰. Однако, несмотря на обрушившиеся на россиян трудности, прежде всего, экономического, финансового характера, лишь пятая часть из них (21%) хотела бы возврата к социализму. Капиталистический путь развития пользовался еще меньшей поддержкой. За него голосовал лишь один человек из десяти (10%). В основном (57%) люди высказывались за поиск Россией своего пути, учитывавшего и прошлое страны, и многоукладность ее хозяйства, и опыт социально-экономического развития передовых стран мира.

Больше всего сторонников социалистического строя было среди сельских жителей (30%), лиц старше 60 лет (32%), тех, кто имел неполное среднее образование (34%).

Идею капиталистического устройства России чаще других поддерживали лица моложе 30 лет (18%) и имеющие высшее образование. Но все же во всех социально-демографических группах большинство высказывалось за движение России по своему особому пути²¹.

В 1990-е гг. в обществе возникла дискуссия о возможности и целесообразности восстановления монархии в России, однако не было оснований говорить о широком распространении монархических настроений. Большинство россиян демонстрировало устойчивое негативное отношение к перспективе восстановления монархии. Однако происходил незначительный рост доли граждан, считавших такую перспективу в принципе осуществимой (табл. 61)²².

Таблица 61

**Мнения россиян о возможности
и желательности восстановления монархии, %**

Суждения	Август 1994	Февраль 1997	Сентябрь 2000
<i>Насколько, по Вашему мнению, восстановление в России монархического правления возможно и желательно?</i>			
Невозможно и нежелательно	48	57	44
Возможно, но нежелательно	7	13	16
Невозможно, но желательно	10	5	10
Возможно и желательно	8	5	6
Затруднились ответить	27	20	24

За годы ельцинского правления структура отношения к введению монархического правления в России определенным образом деформировалась, хотя и не очень сильно. На 5 п.п. увеличилось количество россиян, не желающих установления такой формы правления. Еще больше (на 7 п.п.) выросло число людей, полагающих, что восстановление монархии в нашей стране вполне возможно. Такая структурная деформация — еще одно свидетельство роста отчуждения простых россиян от государства.

Опасения и страхи россиян

Еще один интегральный аспект отношения россиян к России, к тому, что происходит в стране, — это различные переживания, страхи людей. Ясно, что поводов и причин для беспокойства, напряженности, глубоких и драматических раздумий было предостаточно.

Летом 1997 г. почти половина населения (47%) допускала существование у страны внешних врагов, могущих начать войну против России. На другом полюсе была треть россиян, не видевших подобной угрозы (35%). Говоря об агрессорах, люди чаще всего называли США (32%) и Китай (17%). Следующая тройка стран включала Японию (9%), Афганистан (6%) и Германию (6%). В целом, большинство стран, со стороны которых, по мнению участников опроса, можно было ожидать нападения, расположены в Азии²³.

Говоря о бедах и опасностях, причины которых коренились в социальной неустроенности или имели личный характер, люди чаще всего называли ухудшение здоровья, болезни (44%), действия преступников (40%), а также бедность, нужду (40%). Далее отмечалась группа обстоятельств надличного, социального происхождения: произвол чиновников, местных начальников (34%), потеря работы (29%), произвол правоохранительных органов (24%) и начальства на работе (13%). Затем — группа причин, указывающих на общую беззащитность, ненужность, потерянность: одиночество, заброшенность (13%), безысходность, бесцельность жизни (12%), невозможность добиться своих целей, преодолеть препятствия (11%), бездомность (10%).

Москвичи и петербуржцы по сравнению с жителями других городов чаще опасались действий преступников (60%), произвола чиновников (54%) и правоохранительных органов (45%). Напряжение столичной жизни обостряло ощущение бессилия перед бедностью (49%) и невозможности добиться поставленных целей (21%). Спокойнее всего себя ощущали жители малых городов; они реже называли все перечисленные опасности — за исключением произвола чиновников и правоохранительных органов²⁴.

Использование многомерных статистических приемов позволило по-новому взглянуть на проблему страхов, опасений населения России. Как оказалось, одномерный анализ людских тревог, забот — не очень убедителен; отдельный страх — когда речь идет о социальных причинах переживаний, — слишком сильная абстракция; обычно страхи не единичны, а заявляют о себе как о синдроме, наборе взаимосвязанных страхов. Применение факторного анализа к набору из 13 признаков, измеряющих величину страха в отношении этих угроз, позволило найти шесть факторов, или латентных переменных²⁵.

Первый фактор может интерпретироваться как *опасения массового голода и безработицы*.

Второй фактор выявил синдром *страха перед военными действиями*. Тут доминируют опасения физического уничтожения в результате агрессии извне или гражданской войны.

Третий фактор отражает обеспокоенность россиян возможностью *утраты Россией экономической независимости и культурной самобытности*.

Четвертый фактор концентрирует страх *установления в стране диктатуры и фашизма*, он указывает на боязнь того, что общество может отказаться от демократических ценностей. Эти опасения сосуществуют в сознании многих с отрицанием ими угрозы преступности.

Пятый фактор зафиксировал присутствие в обществе *страха перед обнищанием*. Здесь преобладает страх тотальной бедности, нищеты.

Шестой фактор констатирует обеспокоенность перспективой *потери целостности России и ее полиэтнической общности*.

Указанные шесть факторов позволили с помощью кластерного анализа отыскать пять типологических групп, каждая из которых характеризуется своей определенной комбинацией страхов и опасений.

Если в целом в списке угроз, вызывающих повышенное беспокойство населения, на первых местах находятся повышение цен, обнищание людей (46%), рост преступности (32%), угроза массовой безработицы (24%), межнациональные конфликты (23%), угроза гражданской войны (23%), угроза массового голода (23%) и экономический кризис, спад производства (20%), то внутри каждой типологической группы факторы беспокойства имеют иную упорядоченность.

Первую типологическую группу составили люди, у которых страх прежде всего связан с проблемами обнищания, повышения цен и общими опасениями экономического кризиса. Их сильнее, чем другие группы, характеризует беспокойство по поводу утраты культурных традиций. Эта группа выделяется среди остальных наивысшим уровнем общей тревожности: здесь 42% (против 35% в среднем по России) отметили, что у них все вызывает тревогу и опасения. Совокупность страхов, характерных для этой группы, и ее сопоставление с другими позволяет классифицировать ее как *боящиеся потерять имеющееся*. Основная часть этой самой большой типологической общности (41% от общего числа опрошенных) смогла найти свой порядок жизни, как-то приспособилась и боялась новых резких потрясений, в первую очередь — социально-экономических.

Вторая группа (22% от общего числа опрошенных) значительно больше других беспокоится по поводу роста преступности, угрозы гражданской войны, сокращения рождаемости. При этом здесь мало волнуются по поводу межнациональных кон-

фликтов, экономического кризиса и борьбы политиков за власть. Уровень глобальной тревожности в этой группе был самым низким (24%). Возникает ощущение, что представители этой типологической группы были менее других озабочены существовавшими угрозами — с ними они могли как-то справиться, но их страхи проецировались *на будущее*, где они опасались возможных глобальных катастроф. В отличие от представителей первой группы, они сильнее ориентировались на будущее, у них было больше планов.

В *третью* группу (15% от общего числа опрошенных) вошли люди с сильнейшей доминантой страха перед межнациональными конфликтами (98%) и интервенцией. Уровень экономических страхов у них ниже среднего, а опасения преступности и гражданской войны — на среднем уровне. Иными словами, они прежде всего боялись *насилия и крови*.

Представителей *четвертой* типологической группы (14% от общего числа опрошенных) более других тревожил самый простой, первичный страх — им надо было физически выжить. Они боялись *нищеты*. Их объединял страх голода (73%), безработицы (71%), роста цен (64%). Все остальные «материи» их мало волновали.

В *пятую* группу (8% от общего числа опрошенных) объединены те, кто больше всего боялся *тоталитаризма*, прихода различных диктаторских, фашистских режимов (56%), возможно, в результате политической борьбы за власть (31%), а также — видимо, как следствие — диктатуры и массовых репрессий (46%).

* * *

Обилие и многообразие переживаний, проблем, обрушившихся на россиян в годы президентства Б. Ельцина, отражается и в ответах наших сограждан на вопросы о том, какие из пережитых ими лет были для них самыми лучшими и какие — самыми худшими.

Помнившие всю или большую часть послевоенной истории респонденты старше 50 лет назвали лучшим период с конца 60-х до первой половины 80-х или начала перестройки — так считали более половины граждан этого возраста. Немногие (7%) из людей старшего возраста вспомнили как лучшее время горбачевскую эпоху и лишь один человек из ста — ельцинскую.

Около 80% представителей среднего поколения (от 35 до 50 лет) посчитали лучшим начало 70-х — первую половину 80-х, пятая часть этой возрастной группы (19%) вспоминала перестройку, и лишь небольшая часть «средних» (5-6%) назвала наиболее благоприятным периодом своей жизни первое десятилетие новой России.

Молодые (от 18 до 35 лет) реально могли оценивать исторический интервал, начинавшийся после середины 70-х. Среди них 41% полагали, что наилучшим было десятилетие, предшествовавшее перестройке (1976-1985 гг.). Более четверти (29%) высказались «за» эпоху М. Горбачева, треть (32%) — «за» посткоммунистическое время.

Значительно единодушнее были люди в вопросе о самых трудных годах. Все группы населения — независимо от пола, возраста, места жительства, политических пристрастий, дохода и степени приспособленности к реформам ельцинской эпохи — наиболее трудным посчитали период 1991-1999 гг.: первую половину последнего десятилетия назвала примерно одна треть населения, вторую — почти две трети. Самыми сложными 1995-1999 гг. оказались для людей, не нашедших своего места в трансформировавшемся обществе, для россиян среднего (по всем правилам — наиболее дееспособного) возраста, для граждан с низким доходом: три четверти (75%) представителей этих слоев оценили последние годы завершающегося столетия как труднейшее время²⁶.

Мнения о «русском вопросе»

Анализируя общественное мнение россиян о своей стране, невозможно хотя бы кратко не остановиться на некоторых аспектах «русского вопроса», в общем случае касающегося таких тем, как формирование нации, идентификация и самоидентификация русских, положение русского большинства в стране, отношение русских к другим народностям, населяющим Россию, и т. д. Здесь существует множество действительно сложных исторических, философских, социокультурных, этических и этнических проблем. Но, с другой стороны, эта тема полна различного рода политико-идеологических спекуляций и мифов.

Саму по себе категорию «русскость» можно рассматривать двояко: как культурно-историческую и как этническую сущность. При эмпирическом изучении «русскость» обычно пытаются отыскать, выразить, зафиксировать через набор переменных, качеств, которые, по мнению аналитиков, должны были бы отличать русских от нерусских, выявить ту уникальность, специфичность русских, которой нет в других социокультурно-этнических группах. Традиционно в работах историко-философского и публицистического характера «русскость» отождествляется, соотносится с такими качествами, установками русского народа, как приоритетность духовного, вера в историческую миссию, особое предназначение России, стремление понять высший смысл существования, отстраненность от повседневности.

Однако при изучении общественного мнения важно понять, в какой мере само население страны соотносит себя с теми культурно-историческими и социально-психологическими атрибутами, которые рассматриваются в концептуальных исследованиях «русского вопроса». Ниже используются некоторые результаты исследования «Русский вопрос в России», проведенного в начале 1995 г.²⁷

Ответы на вопрос «*Можно ли считать, что какие-либо из перечисленных качеств отличают русский народ от других народов? Если да, то какие именно?*» дают возможность выделить три группы характеристик, отличающих, по мнению россиян, русских от нерусских. Структура мнений о важнейших качествах, отличающих русских от нерусских, была весьма устойчивой и фактически воспроизводилась во всех важнейших социодемографических и социопрофессиональных группах.

Первая группа характеристик — наиболее часто называемые отличия: готовность переносить трудности и испытания (65%), готовность к защите отечества любой ценой (52%), славное прошлое, героическая история (43%). Вторая группа — аспекты русскости, признаваемые почти третью общества: воля к свободе и независимости (32%) и великий язык (31%). Третья группа объединяет качества, названные не более чем четвертью жителей страны: готовность жертвовать личными интересами ради государства (23%), национальное единство, сплоченность (22%), стремление к поиску правды, высшего

смысла (21%), особое историческое предназначение, историческая миссия (13%).

Главным качеством русских большинство считало способность мужественно, героически переносить невзгоды жизни в периоды мирного и военного времени. Это было в прошлом, это помогало выжить, сохранить себя в тяжелейшие годы становления посткоммунистической России.

Иной — более определенной, цельной — выглядела система самоидентификации, выработанная участниками опроса. Вновь в соответствии с частотой упоминаемых признаков, обязательных для русских, были выделены три группы показателей.

В первую группу вошли показатели, важность которых для русских отмечалась подавляющим большинством. Таковыми оказались: «любит Россию, считает ее своей Родиной» (88%), «любит русскую культуру, обычаи, традиции» (87%), «сам считает себя русским» (82%) и «говорит на русском языке» (81%). В целом, это признаки социокультурной и территориальной идентификации.

Вторая группа — это признаки, называвшиеся не менее чем половиной населения. Часть этих признаков — внешние, формально-юридические: «имеет российское гражданство» (57%), «имеет в паспорте запись «русский» (52%). Другие — более существенные, социокультурные и социобиологические: «имеет русский характер» (53%), «имеет одного русского родителя» (52%), «придерживается православной веры» (46%).

Третья группа объединяет качества, на которые указали от четверти до трети россиян. В их представлении русский — это тот, кто живет в России (33%), участвует в патриотических движениях или сочувствует им (28%), имеет обоих русских родителей (25%), обладает русской внешностью (23%).

Рассмотренная структура мнений, система самоидентификации оказалась стабильной, по сути не детерминированной социально-демографическими показателями.

Вместе с тем, существовали аспекты, повороты «русской темы», по поводу которых разные группы населения придерживались различных точек зрения. Одна из таких тем — официальное признание «русского государства». В целом, около половины (47%) россиян соглашались (в большей или меньшей степени) с идеей создания государства, в котором русские официально признавались бы главной нацией. Треть населения (34%) не принимала такую постановку вопроса, и порядка

одной пятой (19%) не имели по этому поводу определенного мнения. При этом среди руководителей колхозов и совхозов, учащихся и студентов, колхозников, безработных, пенсионеров, городских рабочих доля согласных с идеей создания государства с особым статусом русских превышала долю несогласных. Соотношение было обратным среди предпринимателей, управленцев, директоров. Баланс мнений наблюдался среди фермеров, офицеров и работников бюджетной сферы.

Значимое различие в подходе к созданию государства, признающего русских главной нацией, просматривается в потенциальных электоратах ведущих политиков 1995 г. (табл. 62).

Таблица 62
Мнения электоратов пяти ведущих политиков
о статусе русских, %

Суждения	Потенциальные электораты				
	Б. Ельцина	В. Жириновского	Г. Зюганова	А. Лебеда	Г. Явлинского
<i>Насколько Вы согласны, что надо стремиться к созданию государства, в котором русские официально признаются главной нацией?</i>					
Безусловно согласен(-на)	20	42	25	24	18
Скорее согласен(-на)	19	19	19	26	24
Безразлично	10	7	6	8	11
Скорее не согласен(-на)	16	8	21	7	16
Безусловно не согласен(-на)	26	14	19	24	25
Затрудняюсь ответить	8	11	11	11	6
Δ согласия / несогласия	-3	+39	+4	+19	+1

Только сторонники Б. Ельцина отвергали идею создания государства подобного типа — хоть и незначительным числом голосов. В других же электоратах общее мнение было либо сбалансированным, либо явно склонялось к поддержке идеи придания русским статуса главной нации.

Не было в общественном мнении и консенсуса по вопросу о присоединении к России территорий бывших союзных республик, населенных преимущественно русскими. Треть населения страны (34%) полагала необходимым предпринять усилия

в этом направлении, но еще большая часть (44%) не считала, что Россия должна так действовать. В потенциальных электоратах Б. Ельцина и Г. Явлинского более половины (55%) выступили против такого присоединения, а в поддержку — 29%. Среди поддерживавших Г. Зюганова и А. Лебеда число сторонников и противников было сбалансированным: в первом случае «за» — 38%, «против» — 39%, во втором — 41% и 40% соответственно. Однако среди либерал-демократов 45% полагали, что Россия должна стремиться к присоединению соседних территорий, населенных русскими, и треть (35%) была против этого.

О направлениях и масштабах «политического национализма» в России позволяют судить результаты летнего опроса 1999 г.²⁸ Основная часть россиян (76%) придерживалась точки зрения, что «все люди в своей стране должны обладать равными правами», но одна пятая (18%) была согласна с утверждением: «люди коренной национальности должны иметь больше прав, чем люди других национальностей, живущие на той же территории». Более половины граждан (59%) соглашались с тем, что «за распространение идей, утверждающих превосходство одних наций над другими, нужно наказывать». С другой стороны, одна пятая (22%) высказывалась в поддержку тезиса: «идеи, утверждающие превосходство одних наций над другими, имеют право на свободное распространение». Более трети жителей России (38%) готовы были создать приоритетные условия для обустройства русских, если они приезжают из-за рубежа в Россию на постоянное жительство, но половина (50%) считала, что государство должно помогать в обустройстве всем приезжающим в Россию на постоянное жительство.

Многолетние исследования механизмов социальной самоидентификации позволили Е. Даниловой зафиксировать относительную устойчивость структуры идентификационных предпочтений²⁹. Лидирующие позиции с 1992 по 1998 г. занимали группы повседневного контакта: семья, друзья, родственники, представители своего поколения, товарищи по работе, учебе, люди той же профессии, обеспечивающие первостепенные, жизненно важные потребности в общении, защите и самоутверждении.

Близкими к этим базисным идентификационным показателям все эти годы были еще три критерия: национальный, локально-территориальный и гражданский. В 1992 г. 75% насе-

ления России идентифицировали себя по этническому признаку, такая же доля (73%) — по земляческой принадлежности и чуть реже (71%) — по критерию гражданства (граждане России). В течение всего периода мониторинга эти три направления самоидентификации сохраняли свое лидерство фактически в том же порядке. Правда, начиная с лета 1994 г., уровень самоидентификации по первым двум направлениям стал расти быстрее, чем по третьему критерию (табл. 63).

Таблица 63
Динамика национальных, гражданских
и локальных идентификаций, %

Доля опрошенных, указавших на чувство близости с ...	1992		1993			1994		1997	1998
	Май	Декабрь	Март	Июнь	Ноябрь	Июнь	Ноябрь	Январь	Май
...людьми той же национальности	75	76	74	72	77	78	76	85	91
...земляками (теми, кто живет в том же городе, поселке)	73	75	71	76	75	80	80	83	92
...россиянами	71	71	66	67	77	71	70	71	84
...гражданами СНГ	49	42	38	36	38	39	34	50	63
...общностью «советский народ»	47	46	44	39	49	49	44	54	52

Динамика изменения идентификации в 1992—1998 гг. открывает одно довольно интересное и крайне важное в социокультурном отношении обстоятельство. Практически все эти годы россияне воспринимали свою внутреннюю связь с распавшимся в 1991 г. СССР сильнее, чем с образованным в том же году СНГ. Таким образом, в социальном пространстве-времени люди постоянно ощущали себя ближе к объекту, существовавшему в постоянно удалявшемся прошлом, чем к объекту, развивавшемуся буквально на их глазах. Правда, для определенной части населения России СССР был не только прошлым, но и вероятным будущим. В частности, весной 2001 г. 16% россиян верили в возможность возрождения СССР³⁰.

Летом 1997 г. полутора тысячам россиян было предложено ответить на вопрос: «Как Вы думаете, что вероятнее всего произойдет в Вашей личной жизни за три года, оставшихся до конца XX века?» Выбирать наиболее подходящий ответ можно было из 17 вариантов прогнозов, касающихся различных сфер жизни человека (семья, образование, работа, экономическое положение, досуг и т.д.)³¹.

Повышения доходов своих семей в ближайшие годы ожидала одна пятая часть населения (20%), роста уровня благосостояния народа — вдвое меньшая часть (11%). Наиболее оптимистично были настроены москвичи и петербуржцы; почти треть из них (30%) ожидали улучшения своего материального положения, и около четверти (23%) надеялись найти хорошую работу.

Среди социально-демографических групп наибольшие надежды с будущим связывала молодежь. Около трети людей в возрасте до 30 лет (31%) считали возможным улучшить к 2000 г. свое экономическое положение, почти столько же предполагали, что будут иметь лучшую работу (32%). Эти два прогноза высказываются чаще других, опережая по частоте упоминаний даже такие, казалось бы, естественные для этого возраста события, как вступление в брак и рождение детей (25%).

Почти половина россиян (46%) не находила оснований прогнозировать к 2000 г. повышение уровня благосостояния народа и понижение уровня преступности (43%). Четвертая часть населения (24%) предвидела укрепление роли православной церкви и увеличение числа верующих. К началу следующего века, по мнению заметной части населения, должны были утратить свою популярность Б. Ельцин (40%) и В. Жириновский (27%). Четверть избирателей полагала, что в 2000 г. президентом России станет Б. Немцов³².

1990-е годы явно не располагали к тому, чтобы население России заявляло об ощущении народом своего мессианского предназначения, но терпение и надежды на более светлое будущее все же не оставляли людей. Во всяком случае, в начале 2000 г., т.е. сразу после формального завершения ельцинской эпохи, количество оптимистов в отношении ближайшего будущего России почти втрое превосходило численность пессимистов (45% против 16%). Среди людей старшего возраста эта разница была несколько меньшей (41% против 18%), а среди молодежи — более существенной (52% против 15%)³³.

**Союз России и Белоруссии:
область высокого единодушия россиян**

По воспоминаниям Б. Ельцина, после событий 1991 г. Россия сотрудничала с Белоруссией значительно теснее, чем с другими странами СНГ. И в 1996 г. главы этих двух стран решили подготовить документы, предусматривавшие дальнейшее развитие интеграционных процессов³⁴.

В середине января 1997 г. была обнародована идея о возможном референдуме по вопросу объединения России и Белоруссии в той или иной форме. Через несколько дней Государственная Дума отметила целесообразность проведения консультаций руководства парламентов двух стран об ускорении интеграционных процессов. В середине февраля делегация Совета Федерации приняла участие в работе Совета парламентского собрания России и Белоруссии в Минске.

В январе 1997 г. большинство россиян одобрительно относилось к идее развития сотрудничества с Белоруссией. Если бы тогда проводился референдум по вопросу объединения, большинство (71%) проголосовало бы «за» и лишь один человек из десяти (11%) — «против»³⁵. Хотя опрос, проведенный в апреле, обозначил определенный рост сомнений в целесообразности этого объединения, тенденция была явно той же: доля граждан России, готовых поддержать на референдуме (если бы он состоялся) союз с Белоруссией (62%), значительно превосходила долю противников объединения (16%)³⁶.

За стремлением россиян к объединению не стояли личные связи: в начале 1997 г. у большинства из них (82%) не было в Белоруссии ни родственников, ни друзей, и уж совсем немногие (4%) посещали Белоруссию в последние годы.

Представление о делах и жизни людей в Белоруссии подавляющее большинство россиян черпало из сообщений российских средств массовой информации, но эти сообщения не очень их интересовали. Например, почти половина граждан (45%) заявляла, что ничего не знают о демонстрациях оппозиции в Минске, хотя в СМИ это широко обсуждалось; 39% опрошенных полагали, что демократические права и свободы в Белоруссии не нарушались, а были только малочисленные группы сепаратистов, которых следовало призвать к порядку.

Обсуждение в российской прессе условий союза между Россией и Белоруссией привлекало внимание лишь пятой части россиян (20%). Остальные, выступая за объединение, не считали нужным и важным погружение в детали процесса интеграции.

Большинству россиян (59%) сближение двух государств представлялось первым шагом на пути восстановления СССР, за которым должно было последовать объединение других стран СНГ в единый Союз³⁷.

В общественном мнении идея объединения «двух братских республик» существовала как некая самостоятельная ценность, а не как императив к немедленным действиям. Четверо из десяти россиян (42%) полагали, что не следует объединяться с Белоруссией до тех пор, пока там нарушаются права человека. Но более четверти населения (28%) не видели в нарушениях демократии преграды для Союза³⁸.

1 апреля 1997 г. Парламентское собрание России и Белоруссии одобрило проект российско-белорусского Союзного договора, но парламентарии обоих государств выразили недовольство решением Б. Ельцина вынести договор на широкое обсуждение. В этом они увидели затягивание процесса интеграции двух стран. Тем не менее, на следующий день два президента скрепили своими подписями Договор о Союзе, углублявший важнейшие положения предыдущего договора — об образовании Содружества. В середине апреля был опубликован проект Устава Союза России и Белоруссии. Предполагалось добровольное объединение двух государств на основе свободного волеизъявления их народов. Высшим органом Союза должен был стать Высший Совет в составе глав государств и правительств, руководителей палат парламентов, а также председателя исполнительного комитета Союза. Союз задумывался открытым для присоединения к нему других государств. 23 мая в Кремле состоялось подписание Устава Союза России и Белоруссии, определявшего основные параметры интеграционного процесса двух стран.

Уже в начале июня преобладающее большинство депутатов Госдумы проголосовало в поддержку договора о Союзе России и Белоруссии и Устава этого союза, таким образом ратифицировав важнейшие документы относительно регламента процесса сближения двух стран.

Меньше чем за месяц до подписания президентами двух стран Устава Союза России и Белоруссии подавляющее большинство россиян не знало содержания этого документа (86%). Условия обсуждавшегося союза совершенно не волновали треть (33%) населения России — наши сограждане твердо высказывались за объединение в любом случае. Остальные полагали, что ознакомление с условиями объединения станет актуальным, если дело дойдет до референдума и придется ответственно высказываться «за» или «против». Отвечая на открытый вопрос: «При каких условиях объединения Вы обязательно проголосуете «против»?» большинство заявило, что объединение не должно ущемлять интересы страны, вести к обнищанию россиян, к «подкармливанию» Белоруссии. Иными словами, основная доля россиян (68%) не была согласна на объединение любой ценой: люди считали, что Союз должен принести пользу России³⁹.

Подписание 2 апреля договора о Союзе между Россией и Белоруссией было одобрено большинством россиян (59%), но далеко не единогласно.

Из двух возможных форм объединения России и Белоруссии приоритет (36%) отдавался союзу независимых государств, связанных тесными политическими и экономическими отношениями. Несколько меньше сторонников (30%) было у варианта объединения двух стран в одно государство с единым президентом, правительством, флагом, валютой. Идею простого членства России и Белоруссии в СНГ без более тесного сближения, без объединения в союз разделял каждый пятый россиянин (21%). Вообще против объединения в какой-либо форме выступали 10% граждан России⁴⁰.

В начале апреля за немедленное подписание договора об объединении в одно государство выступали 12% россиян, а за постепенное — до конца 1997 г. — вдвое больше (24%). Наибольшая часть населения (45%) склонялась к постепенному, в течение 3-10 лет и более, продолжительному объединительному процессу⁴¹. По-видимому, уже тогда сложилась установка россиян на постепенность в решении вопросов создания единого российско-белорусского государства, во всяком случае в пользу этой гипотезы говорят данные двух опросов, разделенных двумя годами (табл. 64)⁴².

Таблица 64

**Динамика мнений россиян о темпах объединения
России и Белоруссии, %**

Сроки возможного объединения	26—27 апреля 1997	1—2 мая 1999
<i>Как Вы лично считаете, объединение России и Белоруссии в единое государство должно произойти немедленно или постепенно, в течение какого-то срока?</i>		
Немедленно	18	15
Постепенно — до конца текущего года	22	25
Постепенно — в течение 3 — 5 лет	28	30
Постепенно — в течение 6 — 10 лет	4	3
Постепенно — более, чем за 10 лет	2	1
Я против объединения России и Белоруссии	11	11
Затрудняюсь ответить	15	15

Самый весомый для россиян аргумент в пользу объединения состоял в том, что русские и белорусы — один народ, и потому должны быть вместе (51%). На втором по частоте упоминаний месте — мнение, что России и Белоруссии вместе будет легче поднимать свою экономику (28%). Против целесообразности объединения выдвигались следующие основные аргументы: Белоруссия беднее России, и потому за объединение россиянам придется платить слишком дорого (28%); в Белоруссии нарушаются права человека и демократические свободы (18%); А. Лукашенко может оказаться в российском руководстве, влияя на ход преобразований в России (17%)⁴³.

Почти единогласно россиянами принимался постулат об общности русских и белорусов, их истории, языка, культуры (в апреле 1997 г. — 83%, а в январе 1999 г. — 89%)⁴⁴. Остальные суждения вызвали разноречивые оценки.

Например, в середине апреля 1997 г.⁴⁵ почти половина наших сограждан (48%) видела в схеме объединения по принципу «одна страна — один голос» ущемление интересов России, значительно превосходящей Белоруссию по численности населения, размерам территории, запасам естественных ресурсов и многим другим важнейшим параметрам. Но более трети (37%) исходили из того, что равноправный союз может базироваться лишь на подобном принципе.

Значительная часть россиян (45%) полагала, что А. Лукашенко желал блага и процветания белорусам и россиянам и искренне стремился к объединению двух братских народов. Но более

трети (36%) были убеждены, что в союзе стран белорусский президент прежде всего видел возможность укрепить свое политическое влияние и претендовать на высший пост в России.

Осенью 1996 г. у россиян не было определенного мнения о президенте Белоруссии, а события в соседнем государстве их мало интересовали. Половина (48%) участников октябрьского опроса ничего не знала о противостоянии парламента и президента Белоруссии, и еще 20% не смогли дать определенную оценку этой ситуации.

Когда в политических кругах и в прессе началось обсуждение путей объединения России и Белоруссии, внимание россиян к событиям в этой республике и к личности ее президента стало расти. Тема взаимоотношений с сопредельным государством стабильно занимала второе-третье место в рейтинге событий, пользовавшихся особым вниманием россиян. Так, в декабре 1996 г. четверо из десяти опрошенных (42%) затруднились оценить степень доверия президенту Белоруссии, а к осени 1997 г. этот показатель снизился до 25%. Одновременно почти в два раза выросла доля не доверявших А. Лукашенко (табл. 65)⁴⁶.

Таблица 65

Уровень доверия россиян Президенту Белоруссии, %

Группы мнений	Декабрь 1996	Сентябрь 1997
Доверяющие	17	9
Не доверяющие	23	54
Не определившиеся	42	25

Мнения россиян о том, стремится ли А. Лукашенко занять пост президента после объединения двух стран, разделились: треть (35%) была согласна с таким утверждением, 43% — нет. Подавляющее большинство (70%) россиян отрицательно отнеслись бы к намерению А. Лукашенко баллотироваться на пост президента России. Если бы президентские выборы в России состоялись в сентябре 1997 г. и А. Лукашенко принимал в них участие, он набрал бы лишь 1% голосов.

В течение 1997 г. российско-белорусские отношения постоянно находились в поле внимания политиков самого высокого уровня, средств массовой коммуникации, они были одним из фокусов политической жизни страны. Несмотря на это, нет оснований утверждать, что тема сближения России и Белорус-

сии по-настоящему волновала, притягивала внимание граждан страны. В конце 1997 г. 8% граждан России выделили в качестве важного события года празднование 850-летия Москвы, и 1% — все, что было связано с созданием российско-белорусского союза⁴⁷.

В 1998 г. не произошло заметных сдвигов в процессе сближения России и Белоруссии, что отражено в получивших широкую известность словах А. Лукашенко: *«Или мы занимаемся болтовней по поводу некоего аморфного союза, или мы действительно делаем капитальные шаги в направлении единения наших народов, которые принесут колоссальный успех для двух государств и народов»*, сказанных им во время его визита в Москву 16-18 декабря. Последовавший через неделю новый визит белорусского президента в Москву кардинально изменил ситуацию, обсуждение межгосударственного договора заметно активизировалось⁴⁸.

К началу 1999 г. идея объединения России и Белоруссии в целом была принята общественным мнением: если бы тогда состоялся референдум по этому вопросу, почти восемь из каждых десяти голосов было бы подано «за». Причем поддержку союзу выражали электораты различных политиков: наиболее единодушными были сторонники красных (88%), но и большинство «яблочного» электората (70%) выступало за объединение.

В январе 1999 г. подавляющему большинству (83%) сторонников союза двух независимых государств импонировала идея полного объединения России и Белоруссии. Более того, за объединение двух государств готовы были проголосовать даже 50% россиян, в принципе считавших, что отношения между Россией и Белоруссией должны строиться так же, как и с другими странами СНГ, и никакого особого союза быть не должно.

Безусловно, с точки зрения логики, приводимые данные в известной степени парадоксальны. Конечно, разные группы населения представляли себе разные механизмы сближения России и Белоруссии, но готовы были настаивать на своем понимании этого процесса ради решения более существенной политико-социальной, исторической задачи — союза России и Белоруссии (табл. 66)⁴⁹.

Таблица 66

**Отношение россиян к типам интеграции России
с другими республиками (СССР, СНГ,
Союз России и Белоруссии), %**

Суждения	Все	Тип союза России и Белоруссии		
		должны стать одним государством	это должен быть союз независимых государств	никакого особого союза быть не должно
<i>Вы лично сожалеете или не сожалеете о том, что Советский Союз распался?</i>				
Сожалею	85	93	88	70
Не сожалею	11	5	10	26
<i>Как Вы считаете, Россия должна или не должна стремиться к укреплению СНГ?</i>				
Должна	85	91	90	73
Не должна	7	4	5	19
<i>Голосовал(-а) бы на референдуме о Союзе России и Белоруссии...</i>				
За объединение	77	93	83	50
Против объединения	9	2	7	29

К началу 1999 г. россияне уже не столь категорично, как два года назад, оценивали экономические последствия создания единого российско-белорусского государства. В апреле 1997 г. 40% россиян считали, что следствием объединения с Белоруссией будет падение экономических показателей жизни россиян и потребуются несколько лет для достижения исходного уровня. Не испытывали подобной тревоги 43% граждан. Через два года, т. е. весной 1999 г., долгосрочные негативные экономические последствия предсказывала лишь четверть (26%) населения и почти половина (46%) полагала, что объединение не приведет к серьезному снижению уровня жизни. Кроме того, если в апреле 1997 г. чуть более половины россиян (54%) видели в сближении двух стран фактор повышения уровня жизни в России и Белоруссии, то в мае 1999 г. такой оптимистической точки зрения придерживались уже шесть человек из десяти (62%)⁵⁰.

Заметно изменилось и отношение россиян к белорусскому лидеру. Весной 1997 г. около половины граждан России (45%) соглашались с суждением: «А. Лукашенко желает блага и процветания белорусам и россиянам, искренне хочет помочь объединению двух братских народов», через два года — почти две трети (66%). Можно предположить, что перемены в отношении

российских граждан к А. Лукашенко были вызваны прежде всего нараставшим раздражением, которое вызывала у них российская политическая элита⁵¹.

В марте 1999 г. почти половина россиян (46%) полагала, что кризис 1998 г. затронул Россию сильнее, чем Белоруссию. При этом, по мнению российского населения, оно жило в целом богаче, обеспеченнее белорусов (33% против 26%, думавших иначе). Вместе с тем 43% респондентов заявили, что в Белоруссии более стабильная и спокойная политическая обстановка (противоположная точка зрения высказывалась реже — 17%). Эти обстоятельства укрепляли установку многих россиян на объединение России и Белоруссии в одно государство. Уже тогда почти одна пятая россиян (17%) воспринимала Россию и Белоруссию как единое государство, но большинство (73%) считало их самостоятельными государствами⁵².

Опрос, проведенный в конце весны 1999 г., вновь показал, что семь человек из каждых десяти (72%) готовы проголосовать за объединение России и Белоруссии в единое государство. Вместе с тем, он выявил, что разные политические структуры общества понимали это объединение по-разному.

Державно-патриотически настроенные сторонники А. Лебеда заметнее других электоральных сегментов ориентировались на сохранение независимости России, по сути заменяя объединение государств усилением их сотрудничества. Потенциальный избиратель коммунистов активнее других голосовал бы за «поглощение» Россией Белоруссии или за сильное конфедеративное устройство нового государственного образования.

Электорат Г. Явлинского в вопросе сближения двух стран занимал своего рода центристскую позицию. Отношение этой группы избирателей к обсуждавшимся в обществе формам российско-белорусской государственности не отличалось от позиции общественного мнения в целом (табл. 67)⁵³.

Таблица 67

**Мнения избирателей о формах
российско-белорусской государственности, %**

Суждения	Все	Электораты		
		Зюганова	Явлинского	Лебеда
Россия и Белоруссия должны оставаться суверенными государствами, более тесно сотрудничающими в области обороны и экономики	28	22	28	35
Белоруссия должна войти в состав России на правах субъекта Федерации, как, например, Татарстан	26	35	26	24
России и Белоруссии следует образовывать конфедерацию, управляемую надгосударственным советом, который возглавляется двумя президентами и принимает решения по принципу «одна сторона — один голос»	16	16	19	18
Я против объединения России и Белоруссии	11	8	17	7

Подписание Договора о создании Союзного российско-белорусского государства было назначено на 8 декабря 1999 г.: ровно восемь лет назад, 8 декабря 1991 г., лидерами трех союзных республик — России, Украины и Белоруссии — были заключены Беловежские соглашения, положившие начало окончательному развалу СССР. Приурочив торжественную церемонию к этой дате, президент России дал понять, что он заинтересован в реинтеграции бывших союзных республик. В намеченный день после трех лет обсуждений процесса сближения России и Белоруссии президенты двух стран подписали договор о создании союзного государства и двустороннюю программу действий по реализации этого документа. Через неделю главный документ был ратифицирован Государственной Думой и Белорусским парламентом.

Опрос, проведенный 11 декабря по горячим следам события, положившего начало новой форме отношений России и Белоруссии, зафиксировал очень низкий уровень информированности о содержании Союзного договора: почти две трети россиян (62%) его не знали. Однако большинство граждан России (69%) одобрило сам факт его подписания⁵⁴.

Но даже одобряя подписание ключевого документа о создании союзного государства, россияне были далеко не едины в

своих представлениях о вероятных последствиях этого шага. Чаще всего (28%) высказывалось мнение, что страны «останутся независимыми государствами, но будут теснее сотрудничать в экономической, политической и военной областях». Каждый пятый (20%) ожидал образования конфедерации двух государств. Немногим меньшая доля опрошенных (16%) была уверена, что Белоруссия «войдет в состав России на правах одного из субъектов Федерации». Наконец, по мнению 10% граждан, Союзный договор «ничего не изменит в отношениях России и Белоруссии». Но если среди поддержавших подписание договора лишь очень немногие (7%) сомневались в том, что намеченные в нем планы и программы будут реализованы, то среди не одобрявших сделанного шага треть (33%) предполагала, что ничего нового в отношениях между двумя странами не произойдет⁵⁵.

А 27 января 2000 г. и.о. президента России В. Путин и президент Белоруссии А. Лукашенко обменялись ратификационными грамотами о создании союзного государства. Таким образом, договор о создании Союза России и Белоруссии вступил в юридическую силу.

Эпоха перемен: есть ли связь между прошлым и будущим?

Все годы ельцинской эпохи и каждый год в отдельности порождали множество вопросов, ответы на которые должны были искать все — каждый россиянин, каждая российская семья и народ в целом. Каждый пытался ответить на триединый вопрос: «Кем я был, кто я сейчас, кем я буду?» Сложность этого вопроса обнаруживается уже при попытке сформулировать ответ на любой из трех его составных элементов, но основной драматизм вопроса заключается в переходах от прошлого к настоящему и будущему.

Обозначив для себя свое состояние в прошлом и перейдя к настоящему, человек, семья или народ в целом начинают сравнивать «былое» и «текущее», и такое сопоставление открывает в прошедшем то, что в свое время не было осмыслено и осознано, — нередко потому, что представлялось естественным, необсуждаемым. Происходит очень трудное переосмысление прошлого и зачастую болезненная переоценка себя в том про-

шлом, а это неожиданно открывшееся «новое прошлое» порождает в свою очередь необходимость пересмотра настоящего. Хорошо, если подобное путешествие во времени оказывается в целом успешным, но для многих, к сожалению, оно завершается печально. И тогда, по-видимому, простейший способ избежать грустного итога размышлений и сохранить свое «я» — по возможности «не путешествовать», не переосмысливать прошлое, не углубляться в настоящее и не заглядывать в грядущее.

Человек, задумавшийся о том, каким он будет или хотел бы быть в ближайшие или отдаленные годы, прежде всего пытается обозначить хотя бы контуры, выделить основные грани желаемого, эталонного будущего. Этот процесс обещает быть в той или иной степени оптимистичным, если человек видит множество вариантов будущего, способен комбинировать их и, более того, конструировать свои сценарии. Но ничего радостного в принципе не может дать поиск своего места в будущем, если в качестве идеала будущего сознание все время предлагает, подсказывает только прошлое. И наиболее глубокий пессимизм ощутит, по-видимому, тот, кто, предлагая в качестве будущего прошлое, одновременно понимает неосуществимость движения вспять.

И есть еще одна сложность при поиске ответа на поставленный выше вопрос — это неопределенность самого настоящего. Прошлое — вне зависимости от того, как оно оценивается, — все же было; будущее, как бы к нему ни относились, все равно наступит. Но настоящее — если речь идет о жизни человека, семьи, людей в целом, — не сводится к сумме мгновений, дней, недель, месяцев и даже лет. Настоящее — это некий достаточно продолжительный временной интервал с относительно стабильными макросоциальными условиями и в той или иной степени определившимися нормами жизни. В отсутствие стабильности вообще трудно говорить и думать о настоящем, во всяком случае о таком настоящем, которое может быть отправной точкой для рассмотрения прошлого и выработки стратегии на будущее. В этих обстоятельствах прошлое не осмысливается, будущее не планируется; общество вырабатывает лишь краткосрочные адаптивные рецепты выживания. Прошлое чаще всего идеализируется, обозримого будущего опасаются, а бесконечно удаленное будущее рассматривается как царство воплощения самых светлых надежд. При этом сам субъект осмысления про-

исходящего не может не испытывать растерянности, неуверенности и нерешительности, его оценки и самооценки преимущественно критичны и занижены, а его действия — слабо упорядочены и недостаточно планомерны.

Время правления Б. Ельцина — это период, когда власти, официальная идеология лишили массу людей прошлого, не смогли указать им будущего и, по сути дела, отобрали у них настоящее. Если этот вывод не имеет универсального значения, не распространяется на все сферы жизни, то он во всяком случае характеризует положение дел в области осознания россиянами собственного положения.

Общественное мнение россиян по отношению к России было рассмотрено выше под тремя углами зрения. Первый — отношение населения России к стране в целом, второй — восприятие россиянами «русского вопроса» и третий — взгляд на процесс создания нового государственного образования, базирующегося на союзе России и Белоруссии.

В рамках первого направления была обнаружена высокая неудовлетворенность положением России в мировом сообществе государств; низкая оценка внутренней ситуации; высокий уровень опасений по поводу распада страны; непонимание природы создававшейся в течение почти десяти лет социально-политической системы общества; множество страхов и беспокойств, вызванных осуществлявшимися экономическими и социальными преобразованиями. Препятствием — как говорили раньше, «оплотом мира и социализма», «первой среди равных» — уже не было; отсутствие четко обозначенных целей в области государственного строительства и социокультурного развития страны делало неясным будущее, а частая смена ориентиров текущего движения страны ослабляла связь россиян с настоящим.

Анализ второй темы высветил неоднозначность понимания россиянами роли, функций и внутреннего строения ключевой и самой большой по численности в России социокультурной и этнической общности — русских. С одной стороны, новые масштабы России как страны и как нового территориально-административного образования казались людям явно недостаточными, скромными в сравнении с теми, что были до 1991 г. С другой стороны, общественное мнение сигнализировало о существовании в российском обществе эмоций и умонастроений,

характерных для людей, которых обстоятельства вынудили сменить исходные жизненные цели.

Очевидно, что роль «старшего брата», исполнявшаяся Российской Федерацией и русским народом в многонациональном Советском Союзе, после распада СССР и стремительного освоения национальными автономиями своего нового статуса ушла в прошлое. Проблемы русских в ближнем зарубежье, возможно, впервые в современной истории заставили русских — эту огромную этническую общность — задуматься о положении национальных меньшинств в многонациональных государствах. Ведь в ряде пограничных стран русские стали меньшинствами. Война в Чечне, акты терроризма чеченских боевиков в разных частях России, в том числе в Москве, очень непростые отношения центра с национальными республиками внутри федерации, трудности в полувековом поиске решения территориальных вопросов с Японией, напряженность в отношениях с Украиной и Грузией — все это осложняло понимание россиянами своей государственности и путей ее развития. Вопросы о том, какой быть России в качестве многонационального государства и какова в ней роль русских, не получили должного официального освещения, и общественное мнение в этом направлении оставалось противоречивым.

Мнение населения относительно создания единого российско-белорусского государства — это важный, но все же, думается, ограниченный по своей семантике индикатор отношения россиян к себе и поисков Россией себя. Фактически единодушная поддержка процесса интеграции двух государств, наблюдавшаяся в 1997-1999 гг., отражала эмоции населения, его память о большой стране, но она не базировалась на серьезном обсуждении цены, которую российское общество готово заплатить за этот союз. Федеральная власть и основные политические силы страны акцентировали внимание на близости русской и белорусской культур, былой эффективности хозяйственно-экономических связей между двумя государствами, необходимости укрепления военного сотрудничества в целях защиты западных границ России. Но, анализируя динамику поддержки россиянами идеи объединения России и Белоруссии, можно увидеть, что все аргументы сторонников и противников союза двух государств были известны большинству населения еще в начале 1997 г. Отсутствие заметных изменений в позиции россиян по

отношению к сближению России и Белоруссии, вообще говоря, означает, что значительной частью граждан России деятельность властей, нацеленная на интеграцию двух стран, не рассматривалась как процесс, т. е. нечто протяженное во времени. Общество не выделяло во всем происходящем прошлого, настоящего и будущего. Хотя к концу 1999 г. существовало лишь рамочное соглашение о создании союзного государства и в действительности еще мало что было сделано для реализации задуманного, для многих россиян это объединение уже как бы осуществилось.

¹ Европа — Россия — Азия (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-250.htm#1>).

² Место России среди других стран мира (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-206.htm#3>).

³ Россияне о подъеме отечественной экономики (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-206.htm#3>).

⁴ Какая страна — пример для России? (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-221.htm#2>).

⁵ Сегодня Россия — слабое государство (<http://www.fom.ru/reports/frames/of002905.html>).

⁶ Россияне о СНГ (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-200.htm#1>).

⁷ Хотят ли россияне восстановления СССР? (<http://classic.fom.ru/fominfo/info169.htm#2>).

⁸ Россияне о Севастополе и разделе Черноморского флота (<http://classic.fom.ru/fominfo/info168.htm#3>).

⁹ Об отношениях с Украиной (http://classic.fom.ru/week/t304_2.htm).

¹⁰ О российско-украинских отношениях (http://classic.fom.ru/week/t1049_8.htm).

¹¹ Об отношениях между Россией и Украиной (http://classic.fom.ru/week/t1069_3.htm).

¹² Кто может отделиться от России? (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-221.htm#1>).

¹³ Национальное самоопределение или территориальная целостность (http://classic.fom.ru/obzor/o1057_2.htm).

¹⁴ Южные Курилы: торг здесь неуместен? (<http://www.fom.ru/reports/frames/of003702.html>).

¹⁵ Россия и Япония (http://classic.fom.ru/obzor/old_301.htm#3).

¹⁶ Гражданин страны или «гражданин области»? (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-222.htm#3>).

¹⁷ Левада Ю. «Человек советский» десять лет спустя: 1989-1999 // *Мониторинг ОМ. ВЦИОМ*, 1999. № 3 (41). С. 8.

¹⁸ Мы строим капитализм (<http://classic.fom.ru/fominfo/info186.htm#4>).

¹⁹ Россия идет не тем путем, но обратной дороги нет (<http://classic.fom.ru/fominfo/info185.htm#2>).

²⁰ Дубин Б. Время и люди: о массовом восприятии социальных перемен // *Мониторинг ОМ. ВЦИОМ*, 1999. № 3 (41). С. 17.

- ²¹ Россия на перепутье (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-221.htm#2>).
- ²² Восстановление монархии в России нежелательно (<http://www.fom.ru/reports/frames/of003705.html>).
- ²³ Почти каждый второй в России опасается военного нападения (<http://classic.fom.ru/fominfo/info181.htm#2>).
- ²⁴ Четвертая часть россиян боится тех, кто должен их защищать (<http://classic.fom.ru/fominfo/info186.htm#5>).
- ²⁵ Страхи за Россию (http://classic.fom.ru/obzor/o1063_3.htm).
- ²⁶ «Хорошие» и «плохие» времена (http://classic.fom.ru/week/t1064_5.htm).
- ²⁷ Клямкин И., Лапкин В. Русский вопрос в России. Отчет по данным опроса ФОМ. 1995, январь-февраль.
- ²⁸ Национальный вопрос (http://classic.fom.ru/obzor/o1053_1.htm).
- ²⁹ Данилова Е. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4 (<http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-00dan.html>).
- ³⁰ Monitoring.Ru. 16% россиян все еще верят в возможность возрождения СССР (http://www.monitoring.ru/press-center/facts/article_376.html).
- ³¹ Благосостояние россиян к концу века (<http://classic.fom.ru/fominfo/info174.htm#2>).
- ³² Какой будет Россия к 2000-му году? (<http://classic.fom.ru/fominfo/info174.htm#1>).
- ³³ Когда Вы думаете о ближайшем будущем России, какое чувство Вы испытываете? (<http://www.fom.ru/reports/frames/t001829.html>).
- ³⁴ Ельцин Б. Президентский марафон. М., 2000. С. 184.
- ³⁵ Число сторонников объединения России и Белоруссии уменьшается (<http://classic.fom.ru/fominfo/info157.htm#f13-1>).
- ³⁶ Россия и Белоруссия: перспективы объединения (<http://classic.fom.ru/obzor/o1010.htm#1>).
- ³⁷ Большинство россиян голосуют за союз с Белоруссией сердцем, а не рассудком (<http://classic.fom.ru/fominfo/info160.htm#1>).
- ³⁸ Число сторонников объединения России и Белоруссии уменьшается (<http://classic.fom.ru/fominfo/info157.htm#f13-1>).
- ³⁹ Еще раз о союзе с Белоруссией <http://classic.fom.ru/fominfo/info161.htm#1>).
- ⁴⁰ Плюсы и минусы объединения России и Белоруссии <http://classic.fom.ru/fominfo/info159.htm#1>).
- ⁴¹ Большинство россиян голосуют за союз с Белоруссией сердцем, а не рассудком <http://classic.fom.ru/fominfo/info160.htm#1>).
- ⁴² Белоруссия. Опрос населения (<http://www.fom.ru/reports/frames/t904608.html>).
- ⁴³ Плюсы и минусы объединения России и Белоруссии (<http://classic.fom.ru/fominfo/info159.htm#1>).
- ⁴⁴ Белоруссия. Опрос населения (<http://www.fom.ru/reports/frames/t8046307.html>).
- ⁴⁵ Еще раз о союзе с Белоруссией (<http://classic.fom.ru/fominfo/info161.htm#1>).
- ⁴⁶ Александр Лукашенко потерял доверие (<http://classic.fom.ru/fominfo/info182.htm#3>).
- ⁴⁷ Главное событие 1997 года в России (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-197.htm#2>).
- ⁴⁸ Андрусенко Л., Годин Ю. Союз России и Белоруссии становится реальностью // Независимая газета (сетевая версия). 1999. 8 дек. (http://www.ng.ru/cis/1999-12-08/1_union.html).

⁴⁹ Россия и Белоруссия: перспективы объединения (<http://classic.fom.ru/obzor/o1010.htm#1>).

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Россия и Белоруссия: где жизнь лучше? <http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-260.htm#7>).

⁵³ Объединение России и Белоруссии: идея и ее интерпретации (http://classic.fom.ru/obzor/o1047_1.htm).

⁵⁴ О Союзном договоре между Россией и Белоруссией (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-296.htm#3>).

⁵⁵ О будущем российско-белорусских отношений (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-296.htm#4>); Безусловный рефлекс (О Союзе с Белоруссией) (http://classic.fom.ru/obzor/o1079_1.htm).

Год 1998

Семнадцатое августа. Расставание с иллюзиями

Отметины года

Драматизм событий 1998 г. выделяется даже на фоне предыдущих нелегких лет российской истории. Августовский кризис оказался следствием политических, социальных и экономических решений, принимавшихся в течение всех предыдущих лет, и его краткосрочные и долгосрочные последствия для миллионов россиян, без сомнения, негативны.

В течение года выделяются три политико-экономических периода. Первый (январь-март) — завершение «золотого века» преобразований правительства В. Черномырдина — А. Чубайса. Затем (апрель-август) — начало ельцинских кадровых перестановок и наступление финансового кризиса. Итогом этих событий (сентябрь-декабрь) стало формирование левоцентристского правительства Е. Примакова, которому удалось стабилизировать политическую ситуацию в стране.

Вот основные вехи драматичного 1998 года.

23 марта Б. Ельцин отправил в отставку кабинет министров В. Черномырдина, назначив исполняющим обязанности председателя правительства Сергея Кириенко. Через месяц, 24 апреля, с третьего раза Государственная Дума утвердила это президентское решение («за» — 251, «против» — 25 депутатских голосов).

4 августа Банк России резко снизил официальный курс рубля. 14 августа президент, находившийся в отпуске на Валдае, сказал: *«Девальвации не будет, это я заявляю твердо и четко. И тут я не просто фантазирую — это все просчитано, каждые сутки проводится работа и контроль ситуации в этой сфере. Без контроля работа в этой сфере не пойдет»*. Однако через три дня правительство объявило дефолт. Коммерческим банкам было предложено остановить на 90 дней выплату внешних долгов,

предполагалось ввести плавающий курс рубля в пределах нового валютного коридора от 6 до 9,5 рубля за доллар.

К середине сентября страна потеряла и фондовый рынок, и большое количество серьезных инвесторов, цены выросли в три раза, а рубль упал в сравнении с долларом — в четыре.

23 августа Б. Ельцин распустил правительство С. Кириенко, возложив временное исполнение обязанностей председателя правительства на В. Черномырдина.

7 сентября Дума повторно отказалась утвердить В. Черномырдина, и в тот же день Г. Явлинский, выступая в Думе, обосновал критерии для выдвижения нового «политического премьера». Это должен был быть человек, не принадлежавший ни к одной партии, но имевший достаточный политический авторитет перед силовыми структурами, а также известный во всем мире, не собиравшийся баллотироваться в президенты и способный с первого раза пройти утверждение в Государственной Думе. Далее Г. Явлинский сказал: *«Такой человек есть. Это Евгений Примаков»*¹.

10 сентября президент направил в Думу предложение дать согласие на утверждение Е. Примакова в должности председателя правительства. На следующий день оно было получено: «за» проголосовало 315 депутатов, «против» — 63, воздержались — 15.

Еще в середине мая думской фракцией КПРФ было принято решение о начале процедуры импичмента президента, и чуть позже была создана соответствующая парламентская комиссия. 25 августа Госдума 245 голосами против 32 приняла постановление, рекомендовавшее Б. Ельцину добровольно уйти в отставку.

Начало многократных отставок правительства

В начале марта 1998 г. за 10 дней до отставки правительства В. Черномырдина и начала длительной смены правительств, завершившейся лишь осенью 1999 г., самым распространенным (25%) было мнение о том, что основная власть в стране была сосредоточена в руках президента. Почти две трети россиян (60%) не были уверены в самостоятельности премьер-министра — в его действиях видели строгое следование указаниям Б. Ельцина. С точки зрения трети наших сограждан (35%), от президента зависел даже Конституционный суд. Еще менее

самостоятельными представлялись законодательные органы страны².

По мнению россиян, в 1997 г. правительство в целом не справилось ни с одной из насущных задач, и вся его деятельность характеризовалась как «сплошные упущения». Ни по одному из тех направлений развития экономики, которые наиболее волновали людей, доля голосов «в пользу» правительства не превысила доли его «противников». Особенно ярко это обнаруживалось в том, как наши сограждане оценивали положение дел в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства, а также в области социально-экономической защищенности населения (табл. 68).

Таблица 68
**Мнения россиян о достижениях
и упущениях правительства за 1997 год, %**

Суждения	Достижение	Упущение	Δ (баланс оценок)
<i>Что из перечисленного можно считать главным достижением правительства за минувший год и что, по Вашему мнению, является главным упущением?</i>			
Рост промышленного производства	3	49	-46
Повышение социальной защищенности населения	3	43	-40
Развитие сельскохозяйственного производства	1	38	-37
Стабилизация экономики	7	41	-34
Борьба с коррупцией чиновников	6	37	-31
Борьба с преступностью	7	37	-30
Достижение согласия в высших эшелонах власти	2	29	-27
Защита границ России	3	19	-16
Усиление авторитета России в мире	8	20	-12
Выплата долгов по зарплатам и пенсиям	30	38	-8
Открытость в работе правительства	8	15	-7
Подготовка управленческих кадров	5	12	-7
Повышение собираемости налогов	16	22	-6
Развитие малого предпринимательства	11	14	-3

При столь критическом отношении к деятельности правительства сообщения средств массовой информации об успехах в его работе население воспринимало со значительной долей скептицизма. Каждый второй (50%) в той или иной степени не

доверял подобной информации, только один человек из пяти (21%) считал, что на нее можно полагаться³. В качестве первоочередных россияне называли следующие задачи: стимулировать подъем отечественного промышленного производства (48%), способствовать развитию экономики (45%), вовремя выплачивать зарплату бюджетникам (28%), обеспечить социальную защиту населения (26%), стимулировать сельскохозяйственное производство (23%) и бороться с преступностью (22%)⁴.

Подавляющее число россиян (70%) не верило в способность правительства преодолеть кризисные явления в экономике и добиться существенного улучшения жизни. Но оставались и такие (16%), кто сохранял надежду на экономический подъем в стране. Около половины граждан (46%) утверждали, что у России были все внутренние ресурсы для улучшения дел в экономике, однако каждый третий (36%) допускал необходимость обращения за помощью к внешним кредиторам⁵.

В начале апреля 1998 г. половина россиян (52%) признавала значимость вклада В. Черномырдина в реформирование России, но треть (35%) так не считала. По мнению четверти (27%), в деятельности премьер-министра было больше плохого, чем хорошего; 17% оценивали сделанное им скорее как хорошее, но большинство (42%) находило в результатах его деятельности сбалансированную «смесь» хорошего и плохого⁶.

Сразу после ухода В. Черномырдина с поста премьера отношение к нему как к главе российского правительства изменилось к лучшему. Сократилось число отрицательных оценок (с 38% до 27%), и выросла доля относившихся к нему нейтрально (с 28% до 42%). Становилось ясным, что длительное пребывание этого лидера во главе правительства в будущем станет восприниматься как своеобразная веха, точка отсчета, и именно с ним будут сравнивать следующих российских премьеров⁷.

Уход В. Черномырдина с премьерского поста грянул как гром среди ясного неба, ведь многие видели в нем политического наследника Б. Ельцина. Не менее неожиданным было и выдвижение на пост второго человека в стране, 36-летнего министра топлива и энергетики С. Кириенко. В первых числах апреля он был абсолютно не известен большинству россиян, но позитивное отношение к нему стало складываться достаточно быстро. К исходу первой недели после его назначения исполняющим обязанности премьера 22% граждан имели определен-

ные суждения по этому поводу, и только треть (35%) доверяла ему; но уже к концу второй недели доверие новому политику выражала почти половина населения (44%)⁸.

Выступления С. Кириенко, его интервью, поведение на публике производили на россиян благоприятное впечатление. В период с 4 по 11 апреля количество тех, у кого не сформировалось представление о С. Кириенко, сократилось с 55% до 39%, и фактически все определившиеся относились к нему положительно. Логичным представлялось и усиление поддержки его кандидатуры на пост премьер-министра. В начале апреля более трети опрошенных (36%) полагали, что утверждение Думой его кандидатуры было бы правильным, а к 11 апреля подобного мнения придерживалась почти половина (45%) россиян⁹.

И все же С. Кириенко воспринимался людьми не столько в качестве самостоятельной политической фигуры, сколько как карта в большой политической игре. Недоверие, выражаемое ему, в действительности адресовалось прежде всего президенту. Сомнения в целесообразности смены правительства оборачивались скептическим отношением ко всем инициаторам и участникам этой операции, включая, естественно, и кандидата в премьеры¹⁰.

Отношение общества к процессу формирования нового кабинета и к перспективе утверждения С. Кириенко на посту премьер-министра определялось, в первую очередь, стремлением избежать открытой политической конфронтации между ветвями власти¹¹.

В середине апреля лишь четверть (25%) граждан страны видела смысл в том, чтобы не утверждать кандидатуру С. Кириенко и пойти на роспуск парламента. Особенно активно эта точка зрения поддерживалась красным электоратом (38%), а также потенциальными избирателями В. Жириновского (30%) и Г. Явлинского (30%). Менее всего хотели «крови» сторонники В. Черномырдина (10%). Подавляющее большинство россиян не желали продления неопределенности: почти две трети (62%) были обеспокоены обострением политической борьбы в высших эшелонах власти, и еще больше (80%) — отрицательным влиянием политических событий на состояние экономики страны. Перед вторым голосованием Думы по кандидатуре С. Кириенко общественное мнение в целом высказывалось за утверждение его в должности премьера. Накануне третьего

голосования ситуация практически не изменилась; население надеялось на скорейшее преодоление кризиса и утверждение С. Кириенко. Еще совсем недавно более половины россиян (56%) ожидали, что президент предложит другую кандидатуру, но в преддверии третьего голосования число сторонников подобного шага сократилось до 39%. Такой же (37%) была и доля наших сограждан, не видевших необходимости внесения Б. Ельциным новой кандидатуры¹².

Политический капитал С. Кириенко быстро рос, и, что особенно важно, и.о. премьер-министра поддерживали приверженцы различных политических сил. За неделю до третьего обсуждения программы деятельности С. Кириенко в Думе четверть населения (24%) страны считала его наиболее подходящей кандидатурой для руководства правительством. Как ни странно, более всего он отвечал представлениям потенциального электората В. Черномырдина, отправленного в отставку (54%), а менее всего — ожиданиям сторонников Г. Зюганова (13%). Среди других политиков, могущих, по мнению людей, занять пост главы правительства, россияне чаще других называли Ю. Лужкова и Г. Явлинского (по 12%), А. Тулеева (8%) и Б. Немцова (6%). С. Кириенко имел такую стартовую позицию, какой не было ни у Е. Гайдара, ни у В. Черномырдина¹³.

На следующий день после решающего голосования в Думе по кандидатуре С. Кириенко и утверждения его на посту председателя правительства России более трети населения (38%) одобрили это решение; четверть (24%) была против, а остальные отнеслись к этому безразлично (15%) или затруднились определить свое мнение (24%)¹⁴.

В течение трех недель, пока Дума решала вопрос об утверждении С. Кириенко на посту премьер-министра, две трети россиян (66%) следили за развитием событий. Пребывая в неблагоприятной роли и.о. премьера, С. Кириенко сумел приобрести и удержать симпатии относительного большинства россиян, почти половина населения (45%) одобряла его деятельность и поведение в это сложное время. Тем не менее и в середине апреля, и в начале мая значительная часть россиян (39%) так и не смогла сформировать своего отношения к новому руководителю правительства. При этом 37—39% населения относились к нему положительно и втрое меньшее количество (11—13%) — отрицательно. Принимая во внимание почти тотальное недо-

рие российского общества к власти, представляется, что «заработанный» С. Кириенко уровень был близок к максимально возможному. Он был чрезвычайно щедро «авансирован» гражданами. Ведь около половины россиян (48%) не считали, что правительство С. Кириенко сможет улучшить экономическое положение в стране, и лишь каждый пятый (20%) допускал, что новый кабинет министров будет работать лучше старого¹⁵.

В начале апреля тема политической стабильности в стране волновала россиян сильнее, чем судьба кандидата на пост премьера правительства. Свыше половины (56%) населения полагали, что при трехкратном отклонении Думой кандидатуры С. Кириенко президент должен будет представить другую кандидатуру, но не распускать нижнюю палату парламента. Противоположная точка зрения, т. е. роспуск Думы и проведение новых выборов, разделялась значительно меньшей долей населения (20%), но довольно многие (24%) не имели однозначной позиции по этому вопросу¹⁶.

Спустя неделю после утверждения Думой кандидатуры С. Кириенко на пост премьер-министра, четверо из каждых десяти человек (40%) не ждали от правительства новых форм работы и новых подходов к решению назревших экономических проблем. Почти половина населения (48%) не верила в то, что команде С. Кириенко удастся справиться с накопившимися трудностями, но пятая часть (20%) смотрела в будущее с некоторым оптимизмом, полагаясь на способность «новичка» переломить ход событий. В целом же россияне были более сдержанны в своих прогнозах, чем весной 1997 г., когда в правительство В. Черномырдина вошли «молодые реформаторы» во главе с Б. Немцовым и А. Чубайсом. Тогда надежду испытывали без малого треть (29%) россиян¹⁷.

Мысль о том, что новое правительство должно продолжать прежний курс, поддерживалась явным меньшинством (4%), большее количество человек (38%) считало необходимой частичную смену направленности преобразований, проводившихся В. Черномырдиным, а наибольшая часть выступала за полную смену курса реформ (45%). Но при этом одни полагали, что изменения должны быть более четко ориентированы на развитие рыночных механизмов, другие ратовали за усиление позиций государства в экономике.

Отсутствие заметных ожиданий того, что деятельность правительства С. Кириенко ознаменуется сколь-нибудь существенными изменениями, обнаруживается и в отношении россиян к «знаковым» для того времени членам «старого» кабинета. В частности: 51% россиян (против 33%) выступали за продолжение работы в правительстве первого вице-премьера Б. Немцова. Активно было поддержано решение президента оставить в правительстве министра иностранных дел Е. Примакова (60%) и министра финансов М. Задорнова (43%)¹⁸.

Не успели россияне свыкнуться с С. Кириенко, как события августа 1998 г. вынудили Б. Ельцина отправить только что приступившее к работе правительство в отставку. Это политическое и кадровое решение президента было воспринято населением с меньшим энтузиазмом, чем первая отставка года. Отставку долго работавшего В. Черномырдина одобрила почти половина россиян (47%), и треть (34%) оценила ее отрицательно. Полярно противоположным оказалось отношение к правительству, работавшему всего пять месяцев: одобрили его отставку чуть более четверти наших сограждан (28%), а выступили против — немногим менее половины (47%). Даже те, кто небеспрдельно доверял С. Кириенко, симпатизировали ему и выступали за продолжение его политической карьеры: четыре человека из десяти (42%) были готовы видеть его депутатом Думы¹⁹. И через год после августовского кризиса (в июле 1999 г.) россияне не были склонны обвинять С. Кириенко в экономической катастрофе, ставшей поводом к его отставке. Более половины граждан (56%) не считали его виноватым, и только пятая часть (21%) возлагали основную ответственность за случившееся на бывшего премьера²⁰.

Расставшись с С. Кириенко, президент поручил временное исполнение обязанностей председателя правительства В. Черномырдину.

В начале июля 1998 г. основные достоинства В. Черномырдина виделись россиянам в его опыте государственного руководителя (22%), в умении договариваться и находить компромиссы (16%). Правда, лишь очень немногие (2%) обнаруживали в нем такое достоинство, как знание «куда вести Россию»²¹.

В сентябре 1998 г. 41% россиян полагали, что выдвижение Б. Ельциным кандидатуры В. Черномырдина на пост главы правительства было прежде всего обусловлено личной предан-

ностью последнего. В то же время почти четверть россиян (23%) объясняла это решение президента иным — отсутствием доверия другим возможным претендентам. Явно существовали сомнения в том, что В. Черномырдин выведет страну из кризиса: более половины населения страны (60%) считали, что утверждение Думой В. Черномырдина на пост премьера не поможет выходу страны из сложного экономического и социального положения. Только одна пятая россиян (21%) надеялась, что возвращение В. Черномырдина в большую политику будет иметь положительные последствия для экономики страны²².

Население России, очевидно, не поддерживало движения вспять. Через неделю после отставки правительства С. Кириенко решение президента добиваться повторного назначения В. Черномырдина главой кабинета министров одобряли менее трети взрослого населения (30%), а высказывались против — половина (49%). Но и встречных предложений было мало, к тому же «вносились» они не очень настойчиво: С. Кириенко (7%), Г. Явлинский, Ю. Лужков, А. Лебедь и А. Тулеев (не более 4% за каждого)²³. Поддерживая многоопытного и предсказуемого В. Черномырдина, люди считали его, по-видимому, «меньшим злом» в сравнении с иными претендентами на кресло премьера. В то же время ответственность за тяжелейшее финансовое положение в стране общественное мнение возлагало прежде всего на Б. Ельцина (67%) и прежнее правительство В. Черномырдина (34%). Далее люди называли Государственную Думу (17%) и давно отошедшего от управления экономикой страны Е. Гайдара (13%). И уже затем — недолго работавшего С. Кириенко (11%)²⁴.

В период правительственного кризиса В. Черномырдин активно выступал как публичный политик, однако это не улучшило отношения к нему большинства россиян. Уровень доверия В. Черномырдину в течение всего 1998 г. постоянно снижался (табл. 69).

Таблица 69

Динамика уровня доверия россиян В. Черномырдину в 1998 г., %

Группы мнений	Январь	Март	Май	Июль	Сентябрь
Доверяющие	17	16	14	12	9
Не доверяющие	53	55	61	65	74

Большинство граждан (70%) полагало, что у него не было шансов стать президентом страны, и лишь относительно немногие (17%) допускали такое развитие сценария²⁵.

Не было определенности и при обсуждении кандидатуры В. Черномырдина в Думе: накануне первого голосования 38% россиян высказывались в пользу утверждения его на пост премьера правительства, и почти столько же (34%) — против²⁶.

31 августа при первом голосовании в Думе В. Черномырдин получил в свою поддержку всего 94 голоса, против проголосовал 251 депутат. 7 сентября при повторном голосовании результат был несколько лучше: «за» — 138. Лишь четверть россиян (23%) не одобрила результаты повторного голосования, но преобладающее большинство (60%) было солидарно с депутатами Думы. В наибольшей степени позиция Думы была принята сторонниками Г. Явлинского (72%) и Г. Зюганова (67%)²⁷.

Коммунисты были готовы к тому, чтобы и при третьем обсуждении кандидатуры В. Черномырдина проголосовать против него. Стране грозил вакуум власти.

10 сентября президент направил в Думу предложение дать согласие на назначение главой правительства Евгения Примакова. На следующий день это предложение было одобрено подавляющим большинством парламентариев: 315 «за», 63 — «против» при 15 воздержавшихся. Правительственный кризис был преодолен.

Опрос, проведенный 12 сентября, показал: подавляющее большинство россиян (67%) высказалось в поддержку решения президента о выдвижении кандидатуры Е. Примакова. Скорее всего, в тот момент столь решительное согласие с президентским выбором было обусловлено не столько популярностью бывшего министра иностранных дел, сколько удовлетворением, которое вызвало у граждан страны известие о согласии Б. Ельцина уступить депутатскому корпусу и не настаивать на кандидатуре В. Черномырдина. За несколько дней до голосования в Думе треть (32%) россиян была готова одобрить назначение премьером правительства Е. Примакова, но ожидания связывались также с Ю. Лужковым (15%) и А. Лебедем (13%)²⁸.

В середине сентября 1998 г. Е. Примаков, конечно же, не был для россиян новой политической фигурой; три четверти

населения (75%) в той или иной степени были осведомлены о его деятельности до назначения главой правительства. Новый премьер-министр производил благоприятное впечатление на подавляющее большинство жителей страны (70%), и реакция населения на его утверждение Думой оказалась безусловно положительной: 64% (против 9%) поддержали это решение. Однако прогнозы о том, удастся ли новому премьер-министру сформировать действенное правительство, были не столь оптимистичны. Верили в это четыре человека из десяти (43%), а четверть населения (26%) испытывала сомнения. По мнению примерно половины россиян (45%), Е. Примаков мог вывести страну из экономического кризиса, но треть (33%) не возлагала на него таких надежд²⁹.

Популярность Е. Примакова заметно возростала, и уже к концу октября он занимал второе место в рейтинге потенциальных участников будущих президентских выборов (табл. 70)³⁰.

Таблица 70

Президентские рейтинги российских политиков в 1998 г., %

Лидеры	10 октября	17 октября	24 октября	31 октября
<i>Если бы очередные президентские выборы проводились в ближайшее воскресенье, за кого из перечисленных кандидатов Вы бы скорее всего проголосовали?</i>				
Г. Зюганов	17	19	18	18
Е. Примаков	9	11	13	15
Ю. Лужков	16	16	11	13
А. Лебедь	13	11	11	12
Г. Явлинский	9	7	9	10

Назначение Е. Примакова довольно быстро загасило протестные настроения в обществе. Так, в сентябре 1997 г. примерно четыре человека из каждых десяти (38%) предсказывали рост массовых выступлений, акций протеста и т. д. В начале сентября 1998 г. о возможности проявления различных форм массового недовольства политико-экономической ситуацией в стране заявляли почти восемь человек из десяти (76%). Однако к 12 сентября этот показатель почти вернулся к значению годичной давности (48%)³¹.

Уже в первых числах ноября обнаружилось, что россияне поддерживали первые начинания Е. Примакова. Вот наиболее характерные суждения о новом премьере: «вовремя стали пла-

тить пенсию», «выплачивает пенсии, зарплаты», «решает финансовые вопросы населения», «гасит задолженность перед студентами, армией», «уменьшил налоги для предприятий», «вводит государственный контроль в экономике», «произвел снижение цен на авиа- и железнодорожные билеты», «остановил падение рубля», «разрешил банковский кризис». Треть всех (31%) ответов свелась к описанию политического стиля Е. Примакова: особенно привлекала его взвешенная, ровная политика, неторопливость в принятии решений, спокойствие, уверенность в действиях, в публичных выступлениях, самообладание, выдержка. В частности, отмечалось: «ближе к людям», «более дипломатичный подход», «вдумчивое отношение к экономическим действиям», «ведет себя спокойно, рассудительно, объясняет свою программу», «внес определенную политическую стабильность», «у него хорошие идеи — о возрождении былой России», «всех объединяет», «не дает пустых обещаний». И как своеобразный вывод звучали слова: «Примаков — политик компромисса»³².

Претензий к Е. Примакову было относительно немного; по мнению каждого десятого (11%), премьер-министр был недостаточно деятелен и не делал того, чего многие от него ожидали. В частности отмечалось: «не борется с олигархами», «не регулирует рост цен», «не снижает налоги», «медлит с составлением антикризисной программы и осуществлением необходимых стабилизационных мер». Респонденты упрекали Е. Примакова в пассивности, нерешительности и скрытности: «мало оперативности в действиях», «все затягивает — надо быстрее», «долго создавал правительство», «топчется на месте, антикризисной программы еще нет», «нет никакой информации о его действиях», «мало выступает». Половина критических замечаний касалась не конкретных действий премьер-министра, а, напротив, отсутствия таковых. Также выражалось недовольство кадровой политикой Е. Примакова. Причем одни критиковали «коммунистический уклон» при формировании правительства, другие — готовность премьер-министра сотрудничать с демократами, а третьим не нравился состав правительства в целом: «в правительство набрал не тех людей», «заигрывает с Думой», «кабинет министров получился несколько несогласованным по своим убеждениям», «состав правительства неудачен», «собрал команду старых политиков», «коммунистов много в правительстве»³³.

Через 100 дней после начала работы нового правительства чуть более трети россиян (36%) считали, что за прошедшее время в его деятельности было больше положительного, чем отрицательного, а несколько менее трети (31%) придерживались противоположной точки зрения. Высокообразованные группы населения понимали глубину кризиса и не ждали быстрого изменения экономической ситуации в стране. Малообразованным и пожилым россиянам импонировал несколько консервативный, напоминающий о дореформенных временах, стиль поведения премьера и других ключевых членов кабинета: они явно принимали добродушно-патерналистскую тональность выступлений этих лидеров. На фоне А. Чубайса, Б. Немцова, С. Кириенко и других «молодых реформаторов» новое правительство представало неким олицетворением стабильности³⁴.

Осмысливая развитие экономических преобразований за все время ельцинских реформ, наблюдая сложившуюся в стране ситуацию и оценивая первые шаги правительства Е. Примакова, россияне делали предположения о том, что будет по силам новому кабинету министров, а чего не следует ожидать.

В вопросе о преодолении последствий экономического кризиса единства не обнаруживалось. По мнению трети населения страны (34%), правительство Е. Примакова было способно вывести Россию из кризиса, другая треть (30%) не верила в это, и еще одна треть (36%) воздерживалась от определенного суждения³⁵.

Большинство склонялось к тому, что правительство сможет рассчитаться с пенсионерами и договориться с зарубежными партнерами о нормализации отношений, нарушенных объявлением дефолта. Но общественное мнение было менее единодушным относительно способности правительства упорядочить сбор налогов и выплату заработной платы работникам государственных предприятий. И совсем слабо люди надеялись на то, что правительство Е. Примакова сможет решить кардинальные финансово-экономические вопросы: оздоровить банковскую систему, предотвратить рост цен и снижение курса рубля по отношению к доллару (*табл. 71*)³⁶.

Таблица 71

Прогнозы россиян о работе правительства Е. Примакова, %

Основные проблемы	Сумеет	Не сумеет	Δ (баланс оценок)
<i>Сумеет ли правительство Е. Примакова ...</i>			
выплатить долги пенсионерам?	46	25	+21
получить займы от международных фондов, кредитных организаций?	41	16	+25
уладить отношения с западными кредиторами?	40	16	+24
наладить регулярную выплату пенсий?	38	30	+8
выплатить долги бюджетникам?	33	35	-2
навести порядок со сбором налогов?	31	33	-2
наладить регулярную выплату зарплаты бюджетникам?	25	40	-15
оздоровить банковскую систему?	19	34	-15
удержать рубль от девальвации, не допустить инфляции?	12	57	-45

И все же кажется вполне закономерным и объяснимым, что по итогам года пятая часть россиян (19%) назвала Е. Примакова «человеком года». Общественное мнение номинировало в этом качестве 40 политиков и общественных деятелей. Занявшие второе и третье места Ю. Лужков и Г. Явлинский получили соответственно 10% и 6%. Б. Ельцин и В. Черномырдин были отмечены как лидеры года всего одним человеком из ста³⁷.

Августовский экономический кризис

В начале 1998 г. россияне испытывали некий «робкий» оптимизм в отношении экономической ситуации в стране: настоящее казалось чуть лучшим, чем ближайшее прошлое. В декабре 1996 г. свыше половины взрослого населения (55%) оценивали завершившийся год хуже, чем предыдущий, около трети (30%) не фиксировали никаких значимых изменений, а 13% обнаруживали улучшение. По завершении 1997 г. лишь треть наших сограждан (36%) стала жить хуже, чем в 1996 г., у четверых из десяти (41%) все было по-старому, и почти одна пятая россиян (18%) стала жить лучше³⁸.

Этот же «скромный» оптимизм проступал и в оценках ближайшего будущего как страны в целом, так и отдельного чело-

века. За три года — с 1994-го по 1997-й — почти вдвое сократилась доля респондентов, дававших мрачные прогнозы относительно будущего России. Пессимизм был более заметен среди людей пенсионного возраста (27%) и среди тех, кто имел относительно невысокое образование (25%); молодые (31%) и высокообразованные (34%), наоборот, отличались повышенным уровнем оптимизма (табл. 72)³⁹.

Таблица 72

Уровень оптимизма/пессимизма в общественном мнении, %

Суждения	1994	1996	1997
<i>Как Вы полагаете, наступающий год для страны будет в целом лучше, хуже или таким же, как уходящий?</i>			
Лучше	14	27	27
Таким же	22	29	25
Хуже	44	28	20
Затрудняюсь ответить	20	17	19
<i>Как Вы думаете, наступающий год лично для Вас будет в целом лучше, хуже или таким же, как уходящий?</i>			
Лучше	22	29	31
Таким же	28	30	28
Хуже	37	25	14
Затрудняюсь ответить	13	16	28

Та же динамика наблюдается и в оценках людьми изменений в их собственной жизни и ситуации в их семьях. Доля пессимистов, ожидавших от жизни неприятностей, уменьшилась за три года в 2,5 раза⁴⁰.

Весной 1998 г. почти три четверти россиян (71%) ощущали тревогу и постоянно следили за процессами, происходившими в стране. Наибольшую обеспокоенность испытывали малообразованные и пожилые люди, практически все (83%) граждане старше 60 лет все время с волнением думали о положении дел в России; среди молодежи (до 30 лет) таких переживаний было заметно меньше, но и там о них заявлял каждый второй (54%).

Прежде всего общественное мнение фиксировало рост безработицы (66%), регулярные задержки с выплатой зарплаты работникам государственных организаций (37%) и снижение покупательной способности рубля, его ослабление по сравнению с долларом (29%). Людей тревожила напряженность между различными ветвями власти (24%), взаимные неплатежи между

предприятиями (16%) и охватившие многие регионы страны шахтерские забастовки, в ходе которых нередко перекрывались железные дороги (15%)⁴¹.

Хотя в конце 1997 г. правительство В. Черномырдина объявило о полной выплате бюджетникам долгов по зарплате, в конце января 1998 г. многие еще не видели, не держали в руках своих денег. Менее половины россиян (47%), занятых в бюджетной сфере, получили заработную плату полностью за все месяцы, остальные ждали — и многие по несколько месяцев — заработанные деньги⁴². К лету задолженность государства работникам бюджетных отраслей постепенно погашалась, но все же задержки зарплаты оставались весьма значительными. Более половины «бюджетников» в начале месяца не получали деньги за предыдущий месяц⁴³.

В первой декаде марта три четверти россиян (74%) не видели признаков финансовой стабилизации в стране, остановки роста цен, снижения уровня инфляции. Наименее критически были настроены те группы населения, которые смогли как-то приспособиться к происходившим в России переменам (68—70%). Наиболее остро воспринимали ситуацию противники преобразований последних лет (76—83%). В пять раз меньшей (16%) была доля оптимистов, видевших вокруг себя некое социальное равновесие⁴⁴.

К середине года выяснилось, что даже робкий оптимизм по поводу улучшения жизни оказался лишь иллюзией. В начале июля более половины (54%) россиян констатировали, что материальное положение их семей стало хуже, чем год назад. Лишь треть (35%) смогла сохранить прошлогодний уровень жизни. Только один человек из десяти (11%) признавал улучшение. Оценки материального положения фактически не зависели от должности и служебного положения людей: снижение своего благосостояния отметили 50% руководителей, 52% служащих и 54% рабочих. Невелика была разница между ответами работников бюджетных отраслей и занятых во внебюджетной сфере; о трудностях говорили 57% бюджетников и 50% «внебюджетников». Наиболее стабильным было материальное положение москвичей и петербуржцев: у 49% из них оно не изменилось по сравнению с прошлым годом, у 31% ухудшилось, а почти пятая часть жителей двух столиц (19%) отмечала повышение своего жизненного уровня. Меньше всего экономические трудности,

переживаемые страной, отразились на материальном положении молодых; те, кому не исполнилось 30 лет, реже других говорили о снижении уровня жизни (46%) и заметно чаще — о его росте (23%)⁴⁵.

За год заметно уменьшилась доля семей, имевших накопления, и значительно увеличилась доля россиян, тративших все получаемые деньги на текущие нужды (табл. 73).

Таблица 73

Распределение доходов населения России, %

Группы опрошенных	Июль 1997	Июль 1998
<i>Распоряжение своими доходами в повседневной жизни</i>		
Тратят все деньги на текущие нужды, отложить ничего не удается	58	75
Тратят деньги на текущие нужды, а что остается — откладывают	28	16
Сначала откладывают что-то, а остальные деньги тратят на текущие нужды	11	6
<i>В семье сбережения, накопления...</i>		
Есть	24	15
Нет	70	81

Более трети имевших сбережения (36%) отмечали, что в последнее время им не удавалось ничего отложить. Чаще всего накопления образовывались по «остаточному» принципу: 45% обладателей сбережений откладывали то, что оставалось после всех текущих расходов. Только пятая часть владельцев сбережений (19%) позволяла себе противоположную тактику: сначала откладывали, а оставшееся — тратили⁴⁶. Чаще всего удавалось кое-что скопить москвичам (21%) и жителям мегаполисов (23%)⁴⁷.

В конце 1997 г. четверо из десяти россиян (43%) полагали, что покупка долларов — лучший способ сохранения денег. Заметно меньшая доля населения (32%) с этим не соглашалась. Две трети (68%) признавали, что в их окружении бытует мнение о выгодности хранения средств в долларах; в группах молодых (до 40 лет) и образованных (имеющих среднее специальное или высшее образование) эта точка зрения была распространена еще шире (74—76%). Не испытывали сомнений в том, что эта форма сбережения денег — оптимальная, жители больших городов (78%) и прежде всего — москвичи (83%)⁴⁸.

К лету 1998 г. доверие россиян к доллару стало еще заметнее. Две трети (64%) взрослых граждан страны считали, что деньги — если они есть — лучше хранить в долларах, а доля предпочитавших рубль американской валюте была в четыре раза ниже (15%). Во всех социально-демографических группах доллар рассматривался в качестве более надежного средства хранения сбережений, чем рубль. Наибольшее доверие к «зеленым» проявили люди моложе 30 лет (79%), а также жители Москвы и Санкт-Петербурга (82%)⁴⁹.

Отвечая на вопрос: «Если бы у Вас попросили совета, в какой форме надежнее хранить свои сбережения, то что бы Вы ответили?», россияне чаще всего давали следующие советы: переводить в доллары (43%), вкладывать в недвижимость, то есть приобретать дома, дачи, квартиры (37%), положить деньги в сбербанк (12%), покупать драгоценности и приобрести землю (по 10%). Наименее надежным представлялось вложение денежных средств в акции российских предприятий (2%), в покупку ГКО (государственных краткосрочных облигаций), когда они станут доступны физическим лицам (2%), а также открытие счетов в российских коммерческих банках (1%). Мужчины чаще женщин доверяли таким формам хранения сбережений, как покупка долларов (48% и 40% соответственно) и золотых слитков (12% и 6% соответственно). В отличие от мужчин женщины отдавали предпочтение сбербанку (14% и 8% соответственно). Представления о способах надежного вложения и сохранения денег практически не различались у тех, кто имел сбережения, и у тех, кто таковыми не обладал⁵⁰.

Скептическое отношение населения к приобретению акций российских предприятий объясняется достаточно просто: люди не находили соответствия между тем, что им представлялось важным при покупке ценных бумаг, и тем, что они обнаруживали в реальной жизни. По их мнению, главными критериями при покупке акций предприятий были: стабильность, устойчивость предприятия (40%), известность, репутация предприятия (17%), высокая прибыльность, высокие дивиденды (16%) и финансовая мощь (16%). Но они обнаруживали очень ограниченное число предприятий, отвечавших этим критериям.

Более половины (54%) россиян не могли ответить на проективный вопрос: «Если бы у Вас появилась возможность приобрести акции нижеперечисленных компаний и банков, то какие

из них Вы бы скорее всего выбрали?» Те, кто все же решил «поиграть» на рынке ценных бумаг, делали следующий выбор (в списке из 13 названий можно было назвать не более двух): РАО «Газпром» (50%), АО «Роснефть» (20%), АБ «Сбербанк» (18%), РАО «ЕЭС России» (13%), АБ «Инкомбанк» (10%) и АО «Московская городская телефонная сеть» (10%)⁵¹.

Россияне, решая куда вложить свои сбережения, — а для многих это тоже было лишь игрой, — не гнались за наживой; половина (48%) отдавала предпочтение банкам, предлагавшим относительно низкие проценты, но имевшим высокую надежность. Коммерческие банки средней надежности, но с более высокими процентами, привлекали 11% опрошенных. А склонность к финансовому риску (выбор банка, предлагавшего относительно высокие проценты, но имевшего низкую надежность) проявили совсем немногие (2%).

Четверо из десяти человек (39%) не могли назвать никаких критериев оценки коммерческих банков, в которые хотя бы гипотетически было бы предпочтительно вложить свои деньги. Среди имевших определенные накопления, сбережения свыше четверти (28%) затруднились в выборе банка. Они по старинке предпочитали хранить деньги «в чулке» или «под матрасом»⁵².

В разгар лета только два человека из ста (2%) полагали, что страна не переживала экономического кризиса, остальные признавали наличие кризисных явлений. При этом две трети россиян (63%) склонялись к тому, что к осени ситуация станет еще хуже, а 12% надеялись на некоторое улучшение.

Не осталось незамеченным падение курса акций российских предприятий: две трети населения (66%) знали о случившемся. Средства массовой информации приводили разные версии падения рынка акций российских предприятий. Россияне чаще всего называли следующие причины: общий экономический кризис в России (34%), ошибки предыдущего правительства во главе с В. Черномырдиным (25%), недоверие зарубежных инвесторов к российской экономике (23%), манипулирование российских и западных спекулянтов акциями (19% и 13% соответственно)⁵³.

Две трети населения (65%) в той или иной степени были информированы о разработке правительством С. Кириенко комплекса мер по преодолению экономического кризиса и стабилизации экономики. Однако большинство (61%) не верило

в способность правительства выправить положение дел в стране. Уверенность присутствовала в ответах одной пятой (19%) части россиян.

Участникам опроса, проведенного в конце июня 1998 г., был дан список 14 различных мер из числа намеченных правительством для преодоления экономического кризиса, и было предложено выбрать наиболее важные, эффективные из них. Наиболее высокую поддержку у россиян получили две меры: расследование экономических преступлений и арест виновных (40%), а также государственная поддержка отечественных товаропроизводителей (30%). Наименее популярными были: получение крупных кредитов от западных стран (2%) и введение 5%-ного налога с продаж (1%)⁵⁴.

В первой половине 90-х годов четверть россиян (24%) вкладывала деньги в различные финансовые компании, потерпевшие крах в 1994-1995 гг.: «МММ», «Хопер-инвест», «Гермес» и др. К лету 1998 г., по оценкам людей, доверивших свои деньги финансовым пирамидам, большинство (58%) потеряло на этом не очень много; около одной пятой (17%) остались при своем — не потеряли, но и не выиграли. Как финансовую катастрофу оценивал свои потери каждый седьмой вкладчик (15%), а каждый десятый (11%) был в выигрыше⁵⁵.

В середине августа рухнула государственная финансовая пирамида. Пострадавшими оказались все.

Решения, принятые правительством и Центральным банком России 17 августа 1998 г., включали в себя три элемента:

- расширение границ «валютного коридора» с центрального уровня 6,2 рубля за доллар (при отклонениях от 5,25 до 7,15 руб. /дол) до уровня 6,0-9,5 рубля за доллар;
- односторонний отказ от обслуживания ГКО с прекращением торговли ими и их последующей реструктуризацией;
- объявление 90-дневного моратория на обслуживание внешних долгов частными российскими юридическими лицами.

Этот день стал переломным, полностью обозначились нерешительность правительства, отсутствие взаимодействия между различными структурами власти, слабость, вялость реформ, разрушительный для экономики характер войны в Чечне, абсурдность системы опутавших все народное хозяйство взаимозачетов и неплатежей и, наконец, «обманчивость» системы ГКО. Страна на протяжении четырех-пяти лет жила в долг —

тратила больше, чем зарабатывала. За это рано или поздно надо было расплачиваться. Иллюзии по поводу созданного симбиоза старого и нового должны были когда-то разрушиться. Это и произошло. Президент и правительство назвали все случившееся кризисом.

В первую же неделю после объявления о расширении валютного коридора свыше половины россиян (62%) расценили это как шаг к девальвации рубля. Подавляющее большинство (91%) с уверенностью прогнозировало и следующий этап: изменение курса доллара приведет к росту цен на продукты питания и на промышленные товары. Восемь человек из десяти (83%) предсказывали грядущее повышение цен⁵⁶.

К началу сентября люди смогли уже лучше осмыслить случившееся и задуматься о последствиях разразившегося кризиса. Более всего они опасались повышения цен на все виды товаров и услуг (49%), голода (43%) и прекращения выплат зарплат и пенсий (38%). Часто назывались и другие негативные последствия кризиса: массовые бунты (29%), рост безработицы (24%) и возникновение давно забытого явления — дефицита (15%). Не столь часто, но все же отмечались: политический переворот, захват власти насильственным путем (13%), остановка производства (11%), введение чрезвычайного положения (10%), выход отдельных регионов из состава России (3%), ликвидация политических и гражданских свобод (3%), а также нападение на Россию зарубежных государств (5%)⁵⁷.

Возникновение дефицита продуктов и товаров вызывало опасения втрое реже, нежели рост цен, возникновение бунтов и усиление безработицы. За годы рыночных реформ у большинства российских граждан сформировалась довольно прочная привычка к товарному изобилию, и тотальное опустошение прилавков представлялось им менее вероятным, чем социальный взрыв. Возможность голода люди связывали прежде всего с безденежьем и уже затем — с исчезновением продуктов.

Однако обе причины — страх перед дефицитом и опасение роста инфляции, — по мнению опрошенных, вызывали панику на потребительском рынке. Примерно равные доли населения видели главную причину ажиотажа в стремлении людей «спасти рубли от инфляции» (26%) и в переживаниях граждан по поводу «возможного исчезновения товаров из продажи» (28%); при этом четверо из десяти (41%) придавали обеим причинам рав-

ный «вес». Большинство (58%) полагало правильным то, что «люди закупают товары впрок», но треть (33%) придерживалась противоположного мнения⁵⁸.

Возникшие в первые после кризиса дни паника на потребительском рынке, очереди в магазинах, исчезновение товаров первой необходимости из продажи и другие подобные обстоятельства напомнили людям начало 90-х. Они моментально вспомнили о вне рыночных формах распределения продуктов и товаров, но выбор в пользу «старого» или «нового» не был однозначно заявлен общественным мнением. Половина россиян предпочла бы рост цен при наличии в продаже товаров сохранению дефицита и введению карточек. За такую модель распределения высказывались прежде всего граждане до 35 лет и наиболее образованная часть населения. Но и за введение карточек проголосовала треть (32%) населения, прежде всего — люди старше 50 лет (42%) и те, кто имел относительно невысокое образование (40%). Женщины чаще (34%), чем мужчины (29%), были готовы поддержать введение элементов распределительной экономики⁵⁹.

По данным многих опросов, 8—10% населения имели реальный опыт участия в массовых выступлениях, акциях протеста, забастовках. Как правило, о своей готовности присоединиться к протестующим заявляла значительно большая доля россиян, чем это случалось на практике. Однако даже высказывавшаяся готовность участвовать в массовых акциях протеста свидетельствовала об усилении общественного недовольства (табл. 74).

Таблица 74
Протестные настроения среди россиян, %

Суждения	Сентябрь 1997	Сентябрь 1998
<i>Вы будете или не будете участвовать в акциях протеста, намечаемых на осень этого года?</i>		
Буду	17	27
Не буду	71	59
Затрудняюсь ответить	12	14

В сентябре 1997 г. четверть (26%) россиян ожидала нарастания массовых выступлений в своих городах, областях и республиках. В сентябре 1998 г. этот показатель был более чем в два раза выше (58%). Рост акций протеста в общероссийском мас-

штабе предсказывали три четверти граждан страны (76%), тогда как год назад их было вдвое меньше (38%)⁶⁰.

В 1997 г. до одной пятой россиян смотрели в свой завтрашний день с уверенностью и надеждой, а пессимистические настроения высказывались шестью гражданами из десяти (60—62%). В июле 1998 г. доля пессимистов стала расти, а доля оптимистов — соответственно, снижаться. Финансовый кризис существенно сократил число россиян, надеявшихся в ближайшие годы повысить уровень своей жизни (табл. 75)⁶¹.

Таблица 75

Россияне о возможности повысить свой уровень жизни, %

Суждения	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	5 сентября
<i>Повысить свой (своей семьи) жизненный уровень в ближайшие год-два...</i>									
смогу	21	20	21	20	19	19	16	15	10
не смогу	58	61	58	61	62	63	66	67	73

Обострение кризиса вынудило половину россиян (50%) сказать: «Стало настолько хуже, что непонятно, как жить». Особенно часто это признавали люди старше 50 лет (61%) и те, кто имел неполное среднее образование (66%). Об этом заявляла подавляющая часть сторонников Г. Зюганова (68%).

На другом полюсе оказалась значительно меньшая доля (8%) населения страны: к середине сентября кризис, по их словам, не коснулся их. Прежде всего это были люди с высшим образованием (10%) и молодые респонденты (12%).

Четверо из десяти (40%) стали жить хуже («несколько» — 10%, «намного» — 30%), но полагали, что вытерпят случившееся. Три четверти россиян (74%) ничего не собирались предпринимать для защиты от кризиса. Многие просто не знали, что можно и нужно делать, — особенно тяжело было сельским жителям (82%).

Самой распространенной реакцией было создание домашних запасов хозяйственных товаров и продуктов питания (15%). Наибольшую активность в этом отношении проявили жители

Москвы и Санкт-Петербурга (22%), наименьшую — жители сельской местности (9%). Заготовка продовольственных запасов впрямую всегда входила в их повседневную практику⁶².

В начале сентября — в разгар финансового кризиса — 17% населения, судя по ответам участников одного из опросов, имели вклады в каких-либо банках. Три четверти вкладчиков (74%) держали свои сбережения в Сбербанке, пятая часть (19%) — в коммерческих банках, а 4% вкладчиков имели счета и в Сбербанке, и в коммерческих банках. Двое из каждых пяти вкладчиков (41%) смогли забрать деньги из банков, но большинству тех, кто предпринял такую попытку (59%), это не удалось. В целом клиенты Сбербанка отнеслись к кризису спокойнее, чем клиенты коммерческих банков. В большинстве случаев они не выразили желания забрать свои вклады (табл. 76)⁶³.

Таблица 76

Намерения вкладчиков банков в разгар кризиса, %

Суждения	Вкладчики Сбербанка	Вкладчики коммерческих банков
<i>Хотели бы Вы сейчас забрать свои деньги из банка?</i>		
Хотел(-а) бы	33	66
Не хотел(-а) бы	57	31

В середине сентября две трети работающих (65%) заявляли, что их учреждение или предприятие уже пострадало от кризиса. Каждый четвертый (25%) не видел изменений, а немногие (5%) даже фиксировали позитивные перемены.

Треть работающих (33%) говорила о снижении реальной величины их заработка, но более половины (55%) еще не замечали изменений. Один человек из ста попал под сокращение, более четверти (29%) опасались потерять работу, и около половины (45%) не видели подобной угрозы. Еще 17%, хотя и допускали возможность увольнения, не испытывали боязни по этому поводу. Свыше трети работающих (37%) думали, что в случае увольнения им не удастся в течение двух-трех месяцев найти работу по специальности, но каждый четвертый (24%) надеялся достаточно быстро трудоустроиться там, где пригодятся его опыт и знания⁶⁴.

Ожидание денежной эмиссии и ее возможных последствий вызвало в стране дискуссию, в центре которой оказались две точки зрения: первая — необходимо напечатать дополнитель-

ные деньги, чтобы выплатить долги по зарплатам и пенсиям, вторая — нельзя печатать дополнительные деньги, так как это может вызвать инфляцию и рост цен. Большинство (57%) разделяло вторую точку зрения, то есть видело в денежной эмиссии угрозу инфляции. Другая позиция поддерживалась вдвое реже (25%). Противников денежной эмиссии было больше всего в Москве и Санкт-Петербурге (65% — при 20% согласных с необходимостью печатать дополнительные деньги), а сторонники таковой чаще всего обнаруживались среди сельских жителей (33%), однако и половина из них (52%) опасалась эмиссии⁶⁵.

В 1995 г. почти каждый третий россиянин (30%) заявлял о своем безразличии к курсу доллара, каждый десятый (10%) хотел, чтобы этот курс возрастал, и вдвое чаще (20%) высказывалось пожелание иметь стабильное соотношение доллар/рубли.

На пике кризиса равнодушных к стоимости американской валюты было относительно немного (12%). Также незначительная часть населения (15%) ориентировалась на неизменность курса доллара, доля сторонников укрепления доллара была минимальной (1%), но почти две трети (63%) наиболее выгодным для себя считали снижение курса доллара. Неизменность стоимости доллара значительно чаще других привлекала жителей Москвы и Санкт-Петербурга (31%), лиц с высшим образованием (24%) и людей в возрасте до 30 лет (21%). Однако во всех без исключения социально-демографических группах предпочтительным считалось снижение курса американской валюты⁶⁶.

Почему за три года произошло столь резкое — в десять раз — снижение числа приверженцев сильного доллара, и более чем вдвое возросла доля сторонников укрепления рубля? В экономическом образовании россиян произошли существенные перемены: подавляющее большинство начало осознавать взаимосвязь между рублем и свободно конвертируемой валютой и видело большие преимущества в относительной стабильности этого соотношения⁶⁷.

Доля россиян, пессимистически оценивавших будущее России, долгое время была высокой, но все же пессимисты составляли меньше половины жителей. В сентябре 1998 г. большая часть взрослого населения страны (60%) готовилась к худшему.

Четверть (26%) полагала, что наступивший кризис и был тем самым бедствием, которое уже давно ожидалось. Лишь очень немногие (2%) находили в прошлом страны еще более трудные в экономическом отношении времена (табл. 77).

Таблица 77

Оценка населением состояния экономики России, %

Суждения	Июнь 1993	Февраль 1997	Сентябрь 1998
<i>Самое тяжелое время для экономики России...</i>			
уже позади	9	6	2
переживается сегодня	41	36	26
еще впереди	37	49	60
затрудняюсь ответить	13	9	12

Если в начале 1997 г. ухудшения экономического положения в стране чаще всего ожидали малообразованные и пожилые люди, а также сторонники Г. Зюганова, то после кризиса это в первую очередь были столичные жители (72% москвичей и петербуржцев), люди с высшим образованием и 30-45-летние (по 66% в той и другой группе)⁶⁸.

Регулярные опросы на протяжении долгого времени фиксировали относительно стабильную иерархию проблем, которые наиболее серьезно волновали россиян. К октябрю эта иерархия претерпела заметные изменения. Если средства массовой информации и многие политики уже давно говорили о финансовом кризисе, то многие россияне всерьез ощутили его как личную проблему только в начале осени (табл. 78)⁶⁹.

Таблица 78

Россияне о наиболее острых проблемах, %

Проблемы	Июнь 1998	Октябрь 1998
<i>Какие из перечисленных проблем за последний месяц коснулись лично Вас или Ваших близких, более всего расстроили Вас?</i>		
Задержка зарплаты, пенсии, стипендии	52	67
Нехватка денег на предметы первой необходимости	58	64
Финансовый кризис в стране	10	32
Невозможность найти работу	20	18
Нехватка денег на предметы долговременного пользования	25	17

Финансовый кризис непосредственно коснулся жизни каждого третьего жителя страны (32%). Сильнее всего он сказался на относительно благополучных слоях населения, которым было что терять. Так, о том, что последствия дефолта затронули их лично или их близких, заявили 44% жителей Москвы и Санкт-Петербурга, 41% респондентов с высшим образованием и столько же тех, кто надеялся на повышение качества своей жизни. Из-за сокращения рабочих мест и невозможности найти работу вследствие кризиса также сильнее других пострадали жители обеих столиц и, кроме того, люди в возрасте от 18 до 30 лет (по 27%).

В конце года четверть (23%) россиян относила себя к группе людей со средним достатком, четверо из каждых десяти (43%) полагали, что их достаток был ниже среднего, и треть граждан (33%) называли себя бедными.

Весной 1998 г. 12% россиян смогли сделать какие-либо сбережения, а осенью, после кризиса — только 3%. Естественно, что и до августа 1998 г., и после него чаще других накопления делали те, чье материальное положение было более прочным. По мнению каждого второго россиянина (50%), в результате финансового краха сильнее всего пострадала бедная часть населения⁷⁰. Однако кризис никого не пощадил. Весной смогли что-то отложить на будущее 23% семей со средним достатком, 11% имевших достаток ниже среднего и 6% бедных. Осенью эти показатели были 8%, 2% и 1% соответственно⁷¹.

Большинство тех, кто по уровню достатка относил себя к бедным, вынуждены были отказывать себе в покупке обуви, одежды (82%), экономить на питании (78%) и лекарствах (75%).

Гражданам, классифицировавшим свой доход как «ниже среднего», пришлось прежде всего ограничивать себя в приобретении обуви, одежды (70%), товаров длительного пользования (66%) и пищи (58%). Семьи со средним достатком были вынуждены отложить на будущее приобретение мебели, электробытовой техники и других товаров длительного пользования (53%), изменить свои планы относительно проведения отпусков, отказаться от путешествий (49%), а также подумать об экономии при покупке обуви и одежды (41%). Даже среди обладающих средним достатком каждый третий (33%) должен был ограничивать себя при покупке продуктов питания.

Кризис заставил большинство москвичей и петербуржцев отказывать себе в первую очередь в приобретении товаров длительного пользования (62%), в отдыхе, в путешествиях (61%), ограничивать себя в покупке продуктов питания (57%) и развлечениях — посещениях музеев, театров, кафе и т. д. (50%).

Ожидая приближения зимы, половина жителей страны рассчитывала на овощи и фрукты, выращенные на огородах или садовых участках. Чуть менее половины (47%) предполагали, что смогут получать зарплату по основному месту работы, четыре человека из десяти ориентировались на пенсии, стипендии и социальные пособия, четверть — на продуктовые запасы, сделанные летом, чуть меньше людей (20%) — на возможность найти дополнительную работу. На собственный бизнес надеялись немногие — 4%, некоторые (3%) собирались сдать внаем жилье, дачи, гаражи, кто-то (2%) думал продать что-либо из своего имущества⁷².

На исходе года почти две трети россиян (63%) вынуждены были констатировать, что в результате кризиса материальное положение их семей стало катастрофическим. Треть (33%) признавала негативные последствия кризиса, но не оценивала случившееся как катастрофу⁷³.

В ноябре 1998 г. почти две трети россиян (62%) предполагали, что уход Б. Ельцина с поста президента страны и проведение новых выборов были бы лучшим выходом для страны. Еще пятая часть граждан (21%) готова была согласиться с тем, чтобы Б. Ельцин сохранял за собою свой пост, но предпочла бы, чтобы его полномочия были ограничены и он не имел бы возможности вмешиваться в работу Думы и правительства. Лишь один человек из десяти (10%) соглашался с тем, чтобы в этой сфере жизни страны все оставалось без изменения⁷⁴.

В преддверии Нового года в рамках очередного еженедельного опроса россиянам был задан вопрос: «Если рассматривать в целом, то какая, по Вашему мнению, экономическая ситуация сложилась в России в уходящем 1998 году — нормальная (спокойная) или кризисная (напряженная)?»⁷⁵. Ответ был жестким и однозначным: 94% участников опроса сказали — «кризисная» и лишь 1% — «нормальная». Максимально строгой была оценка случившегося жителями двух столиц и мегаполисов: 99% их населения назвали пережитое кризисом. Лишь немногие россияне (14%) предполагали, что новый, 1999 г. будет лучше. По

мнению одной четверти наших сограждан (24%), новый год не должен был принести никаких изменений, а почти половина жителей страны (45%) допускала дальнейшее развитие кризисных явлений и готовилась к худшим временам.

В августе 1999 г. менее трети населения России (30%) полагают, что страна вышла из кризиса или постепенно преодолевала его последствия. Большинство наших сограждан (61%) были уверены: для залечивания всех ран и выхода страны из кризиса потребуются годы.

В начале 2000 г. основная часть москвичей (81%) не находила в своей жизни и в жизни своих близких признаков того, что страна преодолевает последствия экономического кризиса⁷⁶. К августу 2000 г. в оценках развития экономики наметились позитивные тенденции. Начало выхода из кризиса фиксировали 5% населения, движение к улучшению — еще 46%. Вместе с тем, пессимизм относительно возможности изживания негативных последствий присутствовал в суждениях четырех человек из десяти (40%)⁷⁷.

Выводы исследований, проведенных после августа 1998 г. специалистами различной политической ориентации, оказались сходными в двух отношениях. Во-первых, обнаружилось, что кризис был неизбежным результатом проводившейся долгие годы экономической политики. Во-вторых, было признано, что последствия кризиса самым драматичным образом повлияли на развитие важнейших социально-экономических процессов и привели к резкому снижению уровня жизни подавляющей части россиян. В частности, отмечалось следующее: реальные доходы населения упали минимум на четверть, и прежде всего потеряли те, кто получал фиксированные доходы в рублях и имел вклады в частных банках. Практически рухнула банковская система; после кризиса с ГКО Россия в значительной степени утратила возможности привлечения внешних кредитов, что осложнило проблему возврата старых долгов; серьезно сократились иностранные инвестиции, и усилился отток капитала.

Люди, верившие в реформы и ждавшие улучшений после относительно благополучного 1997 г., потеряли надежду. 17 августа рынок рухнул, и с иллюзиями вскоре пришлось расстаться. Кризис стал горьким моментом истины, он заставил и государство, и общество вернуться к реальности.

После того как было сформировано правительство Е. Примакова, делались крайне тревожные, драматические прогнозы относительно нарастания инфляции, развала рынков, возвращения к эпохе всеобщего дефицита. Этого не произошло, но за обретение бюджетного равновесия была заплачена очень высокая цена. К середине 1999 г. на прежнюю зарплату стало возможным купить примерно в два раза меньше товаров, при этом падение доходов населения тормозило развитие реального сектора экономики⁷⁸.

Одновременно с этим кризис послужил импульсом для развития российской экономики. Девальвация рубля привела к сокращению импорта, а экспорт начал увеличиваться. Ожило производство, у предприятий появилось больше возможностей, наряду с укреплением финансового положения стала снижаться доля бартера и неплатежей. Рост инфляции после девальвации рубля привел к увеличению номинальных доходов бюджета и улучшению практики сбора налогов. Поэтому стало возможным вовремя платить зарплаты бюджетникам, пенсии и приступить к погашению долгов. Конечно, это относительное благополучие бюджета и сокращение долгов большей частью было оплачено самим же обедневшим населением.

Осенью 2000 г. правительство М. Касьянова заявляло о преодолении последствий кризиса 1998 г. и возникновении предпосылок для оздоровления экономической ситуации в стране.

Через два с половиной года после августа 1998 г. эмоциональная составляющая отношения к произошедшему потеряла значительную часть своей остроты. Восприятие тех событий и их последствий стало более рациональным, а потому, возможно, более жестким.

В суждениях россиян, высказанных ими через два с половиной года после кризиса (март 2001 г.), видно, что все случившееся глубоко укоренилось в сознании населения и что последствия кризиса постоянно ощущаются россиянами в их жизни. Люди не только глубоко переживали потерю своих небольших, с огромным трудом накопленных сбережений и вынужденный отказ от своих планов и задумок, но серьезно тревожились по поводу будущего страны⁷⁹.

Вот некоторые из типичных высказываний: *«Я не очень точно представляю себе, что произошло, но то, что сегодня могу себе позволить меньше, чем до кризиса, кроме как упадком благосо-*

стояния не назовешь»; «Этот кризис всех подорвал. И так жили худо — а так совсем нищие. Цены поднялись, денег мало»; «Кризис тогда многим людям жизнь испортил. Если простые люди пострадали, то экономика целой страны, наверное, лучше не станет»; «В августе 1998 г. российская государственность была поставлена на край гибели, и только чудо спасло народ от разложения и страну от разгула преступности».

Многообразие суждений граждан о том, что, по их мнению, произошло в августе 1998 г., можно свести к нескольким основным позициям: банкротство государства; некомпетентная экономическая политика руководства страны; искусственный характер обвала рубля, махинации в целях обогащения узкого слоя людей; массовое обнищание населения; дальнейший развал экономики страны. Проиллюстрируем сказанное несколькими цитатами: *«Доллар был поднят искусственно. Сразу резко ничего быть не может. Значит, в этом были заинтересованы руководители Центробанка и другие»; «Кризис 1998 г. привел к обесцениванию денег, доказал некомпетентность нашего руководства. Снизилась покупательная способность населения»; «Народ ограбили, цены подняли. Люди в очередной раз остались в дураках. Все это привело к упадку страны и к дестабилизации экономики»; «Страну разворовали, образовались долги, и поэтому государство стало банкротом»; «В августе 1998 г. в России была реализована преступная программа по обогащению мизерной части населения за счет всех остальных людей».*

Начиная с середины 2000 г. правительство и эксперты говорили о позитивных тенденциях в экономическом развитии страны и связывали их с кризисом 1998 г. Значительная часть россиян не ощущала экономического роста, и многие не видели связи между экономическим настоящим и событиями августа 98-го. Люди утверждали: *«Не вижу между ними никакой связи»; «Никакой связи нет и быть не может», «Кризис не способствовал экономическому росту, а притормозил»; «Так как я считаю, что экономического роста нет, то и связи кризиса августа 1998 г. с происходящим в стране не вижу».*

Однако определенная часть населения прослеживала связь между драматическими событиями августа 98-го и тем, как развивалась экономика России в последующие два с половиной года. Аргументируя подобные выводы, люди отмечали следующее. Резкий рост курса доллара привел к столь же резкому

удорожанию импорта и тем самым стимулировал частичную переориентацию нашей экономики на отечественного товаропроизводителя. Изменение соотношения рубля и доллара создало выгодные условия для отраслей, ориентированных на экспорт и приносящих государству значительную часть его доходов. В августе 1998 г. была достигнута низшая точка падения экономики, после чего движение в другую сторону стало необходимым условием самосохранения страны. Вновь обратимся к цитатам: *«Отчасти возможно, что кризис 1998 г. подстегнул отечественного производителя, так как зарубежный товар стал дорог и нужно стало возобновлять производство своего товара»; «Кризис повлиял на экономический рост положительно: появился рост экспортной выручки, вырос бакс»; «Да, считаю, что кризис повлиял на экономический рост. Ведь с ростом курса доллара после августа 1998 г. предприятиям стало невыгодно закупать товары и сырье за границей, поэтому они поневоле стали развиваться сами».*

Слова одного из участников опроса разъясняют многое в отношении россиян и к самому событию, и к тому, что за ним последовало: *«Кризис, наверное, повлиял: с точки зрения физики, не было бы кризиса — не было бы роста. Не упали бы — не стали бы подниматься. Только с этой точки зрения могу оценить эту концепцию, но не верю в нее. Связь здесь инерционная: упали до дна, ударились и вынуждены подниматься, подпрыгивать».*

¹ Фракция «Яблоко» предлагает на пост премьеры кандидатуру главы российского МИД Е. Примакова (<http://www.yabloko.ru/Press/9809074.html>).

² Кто правит Россией? (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-207.htm#1>).

³ Россияне недовольны работой правительства в минувшем году (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-203.htm#2>).

⁴ Главная задача правительства — подъем отечественного производства (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-203.htm#1>).

⁵ Россияне о подъеме отечественной экономики (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-206.htm#4>).

⁶ В. Черномырдин в оценках россиян (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-211.htm#1>).

⁷ Виктор Черномырдин: между прошлым и будущим (http://classic.fom.ru/obzor/o348_4.htm).

⁸ Сергей Кириенко: первые впечатления (http://classic.fom.ru/obzor/o348_1.htm).

⁹ Россияне знакомятся с Сергеем Кириенко (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-210.htm#1>); О С. Кириенко (http://classic.fom.ru/week/t347_1.htm#obzor).

- ¹⁰ Сергей Кириенко: первые впечатления (http://classic.fom.ru/obzor/o348_1.htm).
- ¹¹ Приоритет — мирное сосуществование ветвей власти (http://classic.fom.ru/obzor/o348_2.htm).
- ¹² Вердикт избирателей — в пользу Сергея Кириенко (http://classic.fom.ru/obzor/o351_1.htm).
- ¹³ И. о. мессии? (http://classic.fom.ru/obzor/o351_2.htm).
- ¹⁴ Россияне приветствуют решение Думы (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-213.htm#1>).
- ¹⁵ Кредит доверия нового правительства (<http://classic.fom.ru/obzor/o359.htm#2>).
- ¹⁶ Население против роспуска Государственной Думы (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-210.htm#3>).
- ¹⁷ Новое правительство не вызывает у россиян особых надежд (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-214.htm#1>).
- ¹⁸ «Наказы» новому правительству (http://classic.fom.ru/obzor/o348_3.htm).
- ¹⁹ С. Кириенко: возвращение в публичную политику (http://classic.fom.ru/obzor/o1056_2.htm).
- ²⁰ Отношение россиян к отставке С. Кириенко (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-230.htm#2>).
- ²¹ О положительных качествах В. Черномырдина (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-226.htm#4>).
- ²² Почему Б. Ельцин выбрал В. Черномырдина (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-231.htm#1>).
- ²³ Кого хотели бы видеть премьер-министром противники В. Черномырдина (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-231.htm#2>).
- ²⁴ Возвращение В. Черномырдина (<http://classic.fom.ru/obzor/o402.htm#1>).
- ²⁵ Отношение россиян к В. Черномырдину (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-234.htm#2>).
- ²⁶ Возвращение В. Черномырдина (<http://classic.fom.ru/obzor/o402.htm#1>).
- ²⁷ Е. Примаков: триумфатор волей обстоятельств (<http://classic.fom.ru/obzor/o406.htm#1>).
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Е. Примаков: оценки и ожидания (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-233.htm#1>).
- ³⁰ Отношение россиян к Е. Примакову (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-239.htm#2>).
- ³¹ Назначение Е. Примакова уменьшило протестные настроения в обществе (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-232.htm#2>).
- ³² Россиянам нравится политический стиль Е. Примакова (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-242.htm#2>).
- ³³ Претензий к Е. Примакову пока немного (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-245.htm#1>).
- ³⁴ Кабинет Е. Примакова: сто дней. Кредит доверия (<http://classic.fom.ru/obzor/o452.htm#1>).
- ³⁵ Экономический кризис (<http://www.fom.ru/reports/frames/t8040710.html>).
- ³⁶ Кабинет Е. Примакова: сто дней. Кредит доверия (<http://classic.fom.ru/obzor/o452.htm#1>).
- ³⁷ Е. Примаков — самый популярный российский политик 1998 года (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-246.htm#1>).

- ³⁸ Есть повод для оптимизма (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-196.htm#4>).
- ³⁹ Россияне о России в наступающем году (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-197.htm#4>).
- ⁴⁰ Россияне о своем будущем (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-197.htm#5>).
- ⁴¹ Для россиян безработица — самое болезненное проявление кризиса (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-218.htm#1>).
- ⁴² Долги по зарплате за 1997 год все еще не выплачены (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-200.htm#3>).
- ⁴³ Вновь о долгах по зарплате (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-219.htm#5>).
- ⁴⁴ Экономическая ситуация (<http://www.fom.ru/reports/frames/t8033508.html>).
- ⁴⁵ Россияне отмечают снижение уровня жизни (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-225.htm#3>).
- ⁴⁶ Число граждан, имеющих накопления, уменьшается (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-226.htm#6>).
- ⁴⁷ О денежных накоплениях населения (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-225.htm#4>).
- ⁴⁸ Россияне одобряют покупку долларов (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-199.htm#4>).
- ⁴⁹ Россияне больше доверяют доллару, чем рублю (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-225.htm#5>).
- ⁵⁰ Доллары и недвижимость — самые надежные формы сбережения средств (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-226.htm#7>).
- ⁵¹ Почему россияне не хотят покупать акции? (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-226.htm#8>).
- ⁵² Россияне выбирают надежные банки (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-226.htm#9>).
- ⁵³ Кто виноват в падении курса акций? (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-220.htm#3>).
- ⁵⁴ О правительственной программе стабилизации экономики (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-222.htm#1>).
- ⁵⁵ О финансовых пирамидах (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-226.htm#10>).
- ⁵⁶ Расширение валютного коридора — предвестие финансового кризиса (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-230.htm#3>).
- ⁵⁷ Обзор опроса 5-6 сентября 1998 г. Кризис: страхи и приоритеты (<http://classic.fom.ru/obzor/o404.htm#1>).
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Готовность участвовать в акциях протеста резко выросла (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-231.htm#7>).
- ⁶¹ Россияне теряют надежду на повышение уровня жизни (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-232.htm#5>).
- ⁶² Кризис обошел стороной только 8% россиян (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-232.htm#4>).
- ⁶³ Поведение вкладчиков в период финансового кризиса (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-232.htm#6>).
- ⁶⁴ Работа и безработица: тревоги и надежды россиян (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-234.htm#3>).
- ⁶⁵ Россияне против эмиссии, если она повлечет за собой рост цен (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-234.htm#4>).

- ⁶⁶ О курсе доллара (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-235.htm#2>); Экономический кризис (<http://classic.fom.ru/obzor/o410.htm#2>).
- ⁶⁷ Экономический кризис (<http://classic.fom.ru/obzor/o410.htm#2>).
- ⁶⁸ С каждым годом население все больше опасается ухудшения экономической ситуации (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-235.htm#4>).
- ⁶⁹ Для каждого третьего россиянина финансовый кризис — это личная проблема (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-237.htm#4>).
- ⁷⁰ Влияние кризиса на повседневную жизнь россиян (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-245.htm#3>).
- ⁷¹ О сбережениях россиян (<http://classic.fom.ru/fominfo/98/info-244.htm#5>).
- ⁷² Российские семьи в условиях экономического кризиса (<http://www.intellectualcapital.ru/iss2-41/icchart41.htm>).
- ⁷³ Экономический кризис (<http://classic.fom.ru/obzor/o410.htm#2>).
- ⁷⁴ Как Вы полагаете, что сейчас было бы лучше для страны? ([http://www.polit.ru/comments.html?vciom_polit\(0010vciom\)](http://www.polit.ru/comments.html?vciom_polit(0010vciom))).
- ⁷⁵ Экономическая ситуация (<http://www.fom.ru/reports/frames/t8045307.html>).
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Пресс-выпуск: 17 августа 2000 г. <http://www.wciom.ru/vciom/new/press/press000817.htm> 2521WCIOM.
- ⁷⁸ Мау В. Нежданное наследство // Итоги (электронная версия). 1999. 1 июня (<http://www.nns.ru/krizis1/expert/kr83.html>).
- ⁷⁹ Экономический рост (<http://www.fom.ru/reports/frames/pa0002.html>).

Год 1999

Выбор преемника и выборы в Думу

Отметины года

1999 год был насыщен драматическими политическими и социальными событиями и завершился ожидавшимся многими, но все равно неожиданным для большинства добровольным уходом Б. Ельцина с поста президента России.

12 мая Б. Ельцин отправил в отставку премьер-министра Е. Примакова и выдвинул на этот пост С. Степашина. Вопреки прогнозам многих экспертов, 19 мая Госдума с первого раза поддержала кандидатуру нового главы кабинета. Однако уже 9 августа президент принял решение об отставке правительства С. Степашина и обратился в Думу с просьбой утвердить В. Путина в должности председателя правительства. 16 августа это свершилось: «за» проголосовали 233 депутата, «против» — 84, воздержались — 17.

В начале августа после вторжения большой группы чеченских боевиков под командованием Ш. Басаева в Дагестан началась вторая чеченская война. После серии взрывов в Буйнакске, Москве и Волгодонске 4-13 сентября федеральный центр начал крупномасштабные военные действия.

Вторая половина года прошла под знаком подготовки к выборам в Государственную Думу. 22 августа был учрежден предвыборный блок «Коммунисты России». Через неделю усилиями Ю. Лужкова и Е. Примакова было завершено создание избирательного объединения «Отечество — Вся Россия» (ОВР). В начале сентября был зарегистрирован «Союз правых сил», а в середине октября — Межрегиональное движение «Единство» («Медведь»).

19 декабря состоялись выборы в Государственную Думу. Больше всех голосов набрали коммунисты — 24,3%, немного отстало от них «Единство» — 23,3%. В январе 2000 г. коммунист Геннадий Селезнев вновь был избран спикером Думы.

15 мая в Думе состоялось голосование по импичменту президента. Ни один из пяти пунктов обвинения не набрал необходимых 300 голосов. Все шло к тому, что Б. Ельцин завершит свой второй президентский срок, а может быть, даже примет участие в президентских выборах 2000 г.

Однако в последний день года президент подписал указ о своей отставке. В обращении к россиянам Б. Ельцин сказал: «Я уйду. Я сделал все, что мог», — и отметил, что ему на смену приходят новые люди: поколение тех, кто может сделать больше и лучше. 31 декабря 1999 г. в соответствии с Конституцией России к исполнению обязанностей президента приступил В. Путин.

И вот пришел В. Путин

По мнению подавляющей части населения страны, 1998 г. оказался одним из наиболее драматичных в новейшей истории России. Намечившаяся было тенденция к росту положительных оценок при подведении итогов прожитых лет резко оборвалась: сравнивая 1998 г. с предыдущим, 81% россиян признали, что для страны уходящий год был более тяжелым, и только 3% отметили улучшение. В крайне критическом отношении к завершившемуся году были едины все социально-демографические группы¹.

Чуть менее пессимистически оценивали россияне и изменения в жизни своих семей. Две трети семей (66%) стали жить хуже, чем в 1997 г. Еще около четверти (23%) не улучшили своего материального положения. Позитивные изменения уловила лишь одна семья из десяти (9%) — что вдвое меньше, чем в докризисном 1997 г. (тогда этот показатель был равен 18%)².

Не обнаруживали опросы оптимизма и в отношении будущего России. В конце 1996 г., завершившегося переизбранием Б. Ельцина, 27% россиян верили в то, что жизнь страны улучшится, а 28% предполагали, что она ухудшится. В 1997 г. ожидания позитивных изменений стали заметнее: 27% опрошенных надеялись на улучшение и 20% прогнозировали ухудшение. Но в декабре 1998 г. группа оптимистов составляла лишь 16% взрослого населения, а пессимистов было в три раза

больше — 45%. Все хорошее, что вошло в жизнь россиян за несколько лет, оказалось перечеркнуто кризисом³. В целом, более грустными виделись не только завтрашние дни страны, но и семейные будни. В то, что завтра будет лучше, чем сегодня, в начале 1999 г. верили две семьи из десяти (21%), а четыре (38%) — готовили себя к худшему (табл. 79)⁴.

Таблица 79

Оценки уходящего года и прогноз на наступающий год, %

Суждения	Декабрь 1994	Декабрь 1996	Декабрь 1997	Декабрь 1998
<i>Каким был для России уходящий год в сравнении с прошедшим?</i>				
Лучше	-	10	21	3
Таким же	-	28	37	11
Хуже	-	55	35	81
<i>Каким для Вас лично был уходящий год в сравнении с прошедшим?</i>				
Лучше	-	13	18	9
Таким же	-	30	41	23
Хуже	-	55	36	66
<i>Как Вы полагаете, каким наступающий год будет для России в целом в сравнении с уходящим?</i>				
Лучше	14	27	27	16
Таким же	22	29	25	21
Хуже	44	28	20	45
<i>Как Вы полагаете, каким наступающий год лично для Вас будет в сравнении с уходящим?</i>				
Лучше	22	29	31	21
Таким же	28	30	28	23
Хуже	37	25	14	38

Такие настроения россиян были вполне обоснованными. Свыше половины населения (53%) при ответе на открытый вопрос «*Какое из плохих событий, происшедших в России 1998 г., Вы назвали бы событием года?*» упомянули экономический кризис и его проявления (инфляция, безработица, рост курса доллара, массовое обнищание). Многие конкретизировали свои ответы: «*рост преступности*», «*заказные убийства происходят*», «*наркомания*», «*большое количество катастроф*», «*люди гибнут без войны, мрут, как мухи*», «*похищения, убийства людей*», «*рост терроризма*», но были и такие, кто заявлял: «*все плохо, выбрать трудно*». Свыше четверти россиян (27%) не находили в завершившемся 1998 г. ничего хорошего, и лишь одно позитивное

событие называлось относительно часто: 7% граждан страны рассматривали в качестве такого события назначение Е. Примакова главой правительства России⁵.

В конце 1998 г. многие политики и экономисты прогнозировали рост цен и изменение курса доллара в течение 1999 г. Неутешительные прогнозы делали и рядовые россияне. Только 16% из них считали, что цены к концу наступившего года не будут значительно отличаться от «нынешних». У большинства же были тревожные инфляционные ожидания: один из десяти респондентов (10%) допускал рост цен примерно в два раза, свыше половины опрошенных (57%) прогнозировали их рост в 2-4 раза, а 13% опасались более чем четырехкратного повышения цен. Наиболее спокойные прогнозы по поводу темпов инфляции давала молодежь (не старше 35 лет), люди с высшим образованием и жители Москвы и Санкт-Петербурга. Примерно четверть из них была уверена в стабильности цен⁶.

Жизнь научила россиян не очень-то верить в сохранность своих накоплений в рублях и в надежность банков, особенно коммерческих. Кризис еще раз подтвердил справедливость этих житейских выводов, но одновременно он показал, что и доллар — не панацея. Россияне начали отдавать предпочтение вложению денег — речь, конечно же, идет о сохранности достаточно серьезных накоплений — в недвижимость: дома, квартиры, дачи (табл. 80)⁷.

Таблица 80

Представления о надежных способах хранения накоплений, %

Суждения	Июль 1998	Январь 1999
<i>Если бы у Вас попросили совета, в какой форме сегодня надежнее хранить свои сбережения, что бы Вы ответили?</i>		
Вкладывать в покупку недвижимости (дома, дачи, квартиры)	37	42
Держать в наличных долларах	43	37
Держать в Сбербанке	12	13
Вкладывать в покупку земли	10	11
Держать в наличных рублях	8	9

Все происходящее в стране не давало россиянам оснований доверять планам и обещаниям правительства. В июне 1997 г. только десятая часть населения страны (11%) доверяла команде

В. Черномырдина. Летом 1998 г. ровно такая же доля населения выражала доверие кабинету С. Кириенко. Поэтому доверие одной пятой граждан России (22%) правительству Е. Примакова, зафиксированное в феврале 1999 г., можно рассматривать как весьма значительное политическое достижение кабинета министров. Наибольшее доверие правительству оказывали электорат лидера КПРФ (35%), люди старше 50 лет (34%) и сельские жители (30%)⁸.

С еще большим доверием граждане России относились лично к премьеру. В ноябре 1998 г. Е. Примакову верили 41% наших сограждан, в январе 1999 г. — уже 45%, а в феврале — 47%⁹.

Тем не менее, когда в конце зимы в средствах массовой информации стали появляться сообщения о коррупции в правительстве Е. Примакова, оказалось, что две трети россиян (69%) рассматривали эти сообщения как достоверные. Скептически отнеслись к подобной информации немногие (10%), а свыше трети опрошенных (39%) полагали, что действующее правительство даже более коррумпировано, чем предыдущее. Около трети граждан (30%) считали, что коррупция в высших эшелонах власти — дело обычное, и не видели в этом отношении разницы между правительствами В. Черномырдина и Е. Примакова¹⁰.

Средства массовой информации часто рассказывали о коррумпированности московской властной элиты. Люди видели и постоянно обсуждали между собой аналогичную ситуацию в своих регионах, областях, городах.

Преобладающее большинство россиян (81%) было уверено в том, что местные чиновники коррумпированы, злоупотребляют служебным положением и используют его в личных целях. И только очень немногие (7%) отрицали распространенность коррупции среди «своего» чиновничества. Треть взрослых граждан страны (33%) в течение года лично сталкивалась с фактами злоупотребления чиновниками своим служебным положением или слышала об этом от родственников, друзей, знакомых. Свыше четверти россиян (28%) не сомневались в том, что в других городах страны злоупотребление служебным положением среди чиновников встречается даже чаще, чем в их городе, области. Около половины (45%) — допускали, что уровень коррупции во всех регионах страны одинаков¹¹.

Однако Москва, по мнению россиян, безусловно была на первом месте по уровню коррупции — так считали 38% опрошенных. За нею — правда, со значительным отставанием — следовал Санкт-Петербург (12%). Большинство столичных жителей также уверенно указывали на нелестное первенство своего города (55%), и только 14% полагали, что в других регионах России коррупция цветет еще пышнее¹².

Наблюдая все происходящее и в центре, и на местах, около двух третей россиян (61%) приходили к мысли о невозможности искоренения коррупции в России. Противоположная точка зрения высказывалась вдвое реже (29%). Наиболее коррумпированными россияне считали работников милиции, таможни и правоохранительных органов (48%), служащих высших государственных органов управления (34%), а также сотрудников ГИБДД (32%)¹³.

В конце зимы 1999 г. наши сограждане продолжали остро ощущать нехватку денег на товары первой необходимости, болезненно воспринимали задержки в выплате зарплат, пенсий и стипендий, отмечали сложности в трудоустройстве, но россияне стали несколько меньше волновать финансовый кризис как таковой (*табл. 81*)¹⁴. Видимо, все большей части населения становилось ясно, что кризис лишь обострил, сделал более явными проблемы, существовавшие и раньше.

Таблица 81
Мнения россиян об острых проблемах страны, %

Основные проблемы	Июнь 1998	Октябрь 1998	Февраль 1999
Нехватка денег на предметы первой необходимости	58	64	63
Задержка зарплаты, пенсии, стипендии	52	67	47
Финансовый кризис в стране	10	32	26
Невозможность найти работу	20	18	21
Нехватка денег на предметы долговременного пользования	25	17	20

К весне 1999 г. четверть россиян (27%) не замечали признаков улучшения жизни, стабилизации экономики и политической ситуации. И все же большая часть общества связывала с именем Е. Примакова наступление относительной стабильности и возникновение некоей социально-психологической успоко-

енности, даже уверенности относительно развития страны в ближайшем будущем. По мнению 61% россиян, правительству Е. Примакова удалось стабилизировать экономическую ситуацию в стране, и 52% опрошенных отмечали тенденцию к стабилизации политических процессов¹⁵.

Поэтому становится понятным, что реакция на отставку Е. Примакова, выявленная через три дня после оглашения президентского решения, у подавляющего большинства россиян (81%) была негативной. Лишь явное меньшинство (8%) одобрило новую смену правительства¹⁶.

По данным опросов, во второй половине 1999 г. Е. Примаков был ближе всех других заметных российских политиков к образу «идеального президента». Он представлялся россиянам наиболее честным и добросовестным, хотя и не самым твердым и решительным (табл. 82)¹⁷.

Таблица 82
Оценки качеств российских политиков, %

Лидеры	Честность, порядочность			Ответственность, добросовестность			Твердость, решительность		
	+	-	Δ (баланс оценок)	+	-	Δ (баланс оценок)	+	-	Δ (баланс оценок)
В. Жириновский	3	26	-23	2	29	-27	7	3	+4
Г. Зюганов	11	5	+6	9	3	+6	8	4	+4
А. Лебедь	3	3	0	4	3	+1	21	1	+20
Ю. Лужков	5	1	+4	9	1	+8	7	1	+6
Е. Примаков	26	0	+26	28	1	+27	9	4	+5
В. Путин	1	0	+1	1	0	+1	3	1	+2
С. Степашин	6	0	+6	7	1	+6	6	5	+1
В. Черномырдин	1	17	-16	2	10	-8	1	5	-4
Г. Явлинский	7	2	+5	5	1	+4	2	15	-13

Положительные характеристики преобладали над отрицательными также у А. Лебеда, Ю. Лужкова, Г. Зюганова, С. Степашина и В. Путина. Перевес отрицательных суждений над положительными наблюдался в оценках Г. Явлинского, В. Черномырдина и — особенно — В. Жириновского.

Первая реакция населения на назначение С. Степашина и.о. председателя правительства оказалась откровенно негативной: с этим назначением согласились только 12% россиян. Половина

граждан (49%) не одобрила его. Треть (35%) высказалась против утверждения Думой кандидатуры С. Степашина, однако более четверти (29%) ждали от нижней палаты парламента позитивного голосования¹⁸.

Негативную реакцию вызвала, вероятно, не столько сама личность С. Степашина, сколько отставка его предшественника Е. Примакова. Занимая в течение нескольких лет ответственные должности в высших эшелонах власти, С. Степашин тем не менее оставался для россиян малознакомой фигурой: 33% наших сограждан затруднялись оценить успешность его деятельности на прежних высоких постах и 32% вообще ничего о его работе не знали. Два человека из десяти (21%) не считали прежнюю деятельность С. Степашина успешной, и лишь 14% оценивали ее позитивно. В целом же С. Степашин производил положительное впечатление на 50% респондентов, отрицательное — на 15%¹⁹.

Когда Государственная Дума утвердила кандидатуру С. Степашина на пост председателя правительства, 43% россиян одобрили этот политический акт и вдвое меньше (23%) — не согласились с этим решением²⁰.

Уровень доверия населения С. Степашину поначалу был невысок, но начал быстро расти. Сразу после его назначения и.о. премьера лишь единицы (6%) выражали ему доверие и более трети (37%) — не доверяли. Но уже через неделю после утверждения его кандидатуры в Думе уровень доверия новому премьер-министру вырос втрое и достиг 19%, а доля не доверявших сократилась до 26%²¹.

В середине мая значительная часть населения (70%) предполагала, что в связи с отставкой Е. Примакова экономическая ситуация в стране может ухудшиться. Чаще всего такой прогноз делали люди с высшим образованием (80%), москвичи, петербуржцы и жители других городов-миллионеров (75—76%). С новым (на момент проведения опроса еще не сформированным) правительством россияне не связывали особых надежд: 54% считали будущий кабинет С. Степашина слабым, не способным вывести страну из экономического кризиса, 39% затруднялись определить перспективы и только 6% ожидали от нового правительства улучшения. Около половины россиян (46%) прогнозировали дальнейшее ухудшение в сфере эконо-

мики к концу года, и еще 29% не надеялись на улучшение в этой сфере²².

Новая смена правительства еще раз показала, что отношение россиян к политическим деятелям было заметно детерминировано тем, какое место во властной структуре занимал тот или иной лидер. Так, политик в ранге премьер-министра «автоматически» увеличивал свою популярность даже в условиях недовольства значительной части населения страны социально-экономической политикой, в ситуации хронического недоверия людей представителям власти и т. д. Лишаясь же социально значимой позиции, политик терял общественную поддержку и доверие — даже если это был тот, кто, по признанию общественного мнения, смягчил социально-политический климат в стране после серьезнейшего кризиса.

Отставка Е. Примакова, воспринятая россиянами крайне негативно и болезненно, немедленно сказалась на его популярности. Впрочем, всплеск народной любви оказался непродолжительным — он длился всего неделю. После утверждения Государственной Думой кандидатуры нового председателя правительства показатели популярности бывшего премьера вернулись на прежний уровень. Так, 8 мая 48% россиян доверяли Е. Примакову, и 18% проголосовали бы за него, если бы в тот день состоялись президентские выборы. Через три дня после отставки, 15 мая, рейтинг доверия Е. Примакову составил 67% и около четверти потенциальных избирателей (22%) были готовы отдать ему свои голоса. Е. Примаков мог бы оказаться победителем, опередив на 5 п.п. Г. Зюганова, постоянно лидировавшего в перечне претендентов на пост президента России. Однако уже через неделю рейтинг доверия экс-премьеру составил 54%, а свою поддержку на президентских выборах обещали ему лишь 17% российского электората²³.

В конце мая более половины россиян (58%) были уверены: у С. Степашина сложатся нормальные отношения с президентом и его администрацией. Столь же оптимистичным было общественное мнение относительно перспектив сотрудничества нового руководителя кабинета министров с Государственной Думой и вероятности принятия парламентариями необходимых правительству законов — в это верил почти каждый второй опрошенный (46%). Относительное большинство (43%) допускало, что правительство С. Степашина сможет улучшить поло-

жение в экономике страны. Однако лишь пятая часть россиян верила в то, что правительство С. Степашина сможет поднять промышленность (20%) и добиться усиления роли России в мире (21%)²⁴.

В конце первого месяца работы на посту председателя правительства С. Степашин входил в число наиболее популярных российских политиков. Критически относились к деятельности премьера не более десятой части от числа всех опрошенных. Уровень доверия к премьеру вырос за месяц в четыре раза (табл. 83)²⁵.

Таблица 83
Отношение населения России к С. Степашину, %

Суждения	Май 1999	Июнь 1999
<i>Практически каждый день телевидение, радио, пресса сообщают о действиях С. Степашина. Если взять последние две-три недели, то в целом какое у Вас сложилось впечатление о нем — хорошее или плохое?</i>		
Впечатление еще не сложилось	47	33
Хорошее	30	39
Плохое	10	11
Затрудняюсь ответить	13	17
<i>Доверяете ли Вы С. Степашину?</i>		
Доверяю	6	24
Не доверяю	37	29
Отношение нейтральное, не знаю	57	47

Имя С. Степашина стало упоминаться и среди тех, кого, по опросам общественного мнения, россияне готовы были выдвинуть на пост президента. Премьер шел в рейтинге пятым — после Г. Зюганова, Е. Примакова, Ю. Лужкова и Г. Явлинского (его называли 7% россиян). Такая же часть электората (7%) проголосовала бы за С. Степашина, «если бы президентские выборы проводились в ближайшее воскресенье». Кроме того, у действующего премьера, как и у его предшественника, было наименьшее число противников среди российских избирателей. Так, за Г. Зюганова на президентских выборах не стали бы голосовать ни при каких обстоятельствах 32% граждан, за С. Степашина — 9%, за Е. Примакова — 8%.

Еще более отчетливо обнаруживалась популярность С. Степашина при ответе на вопрос о выборе одного из двух политиков в гипотетическом втором туре президентских выборов. В

конце июня в этом гипотетическом голосовании С. Степашин победил бы всех своих соперников (Г. Зюганова, Ю. Лужкова и Г. Явлинского), кроме Е. Примакова. До смены правительства фаворитом гипотетического второго тура президентских выборов наряду с Е. Примаковым был Ю. Лужков²⁶.

Б. Ельцин в своих мемуарах пишет: «Да, уже внося кандидатуру Степашина, я знал, что сниму его»²⁷. И это произошло 9 августа: не проработав и 100 дней, С. Степашин был отправлен в отставку. В апреле 1998 г. решение президента об отставке В. Черномырдина было одобрено почти половиной россиян (47%), в августе 1998 г. остановка деятельности кабинета С. Кириенко была поддержана четвертью граждан страны (28%), освобождение от должности популярного Е. Примакова в мае 1999 г. было воспринято позитивно лишь 8% населения. Но и этот «рекорд» был побит: отставка С. Степашина была одобрена вдвое меньшим количеством россиян (4%)²⁸. Очевидно, это было не следствием особого доверия С. Степашину или признания его заслуг, а скорее — показателем безразличия населения к ходам Кремля и проявлением человеческого сочувствия политику, которому, казалось бы, поручили большое и ответственное дело, а в действительности просто дали немножко поиграть в премьера.

9 августа президент выступил с телеобращением к нации, в котором объявил об отставке С. Степашина и о назначении на пост председателя правительства России В. Путина, до того работавшего директором Федеральной службы безопасности. Однако в этом обращении было и большее: фактически Б. Ельцин называл своего преемника, человека, которому предстоит сменить его на посту президента. Б. Ельцин произнес необычные слова: «Я в нем уверен. Но хочу, чтобы в нем были также уверены все, кто в июле 2000 г. придет на избирательные участки и сделает свой выбор. Думаю, у него достаточно времени себя проявить. ...Руководить правительством — это тяжелая ноша и серьезное испытание. Справится — в этом я уверен, — и россияне окажут ему поддержку»²⁹.

Опрос, проведенный 14 августа — практически сразу после назначения В. Путина и.о. председателя правительства, — показал, что три четверти россиян (74%) раньше ничего о нем не знали, и лишь одна четверть (24%) что-то слышала. Через неделю после назначения В. Путина на новый пост три четверти

респондентов (77%) заявили, что впечатление о новом премьер-министре у них еще не сложилось. Относительно немногие (14%) считали, что уже определили свое отношение к нему, — в основном (10%) оно было положительным. Соотношение доверявших/не доверявших В. Путину (5% к 29%) свидетельствует, по всей видимости, не столько о негативном, сколько о выжидательном или настороженном отношении населения к новому публичному деятелю. Однако хорошее впечатление о В. Путине росло стремительно. В конце августа позитивное мнение о новом руководителе правительства разделяла четверть россиян (25%), в середине сентября — четыре человека из десяти (42%), а в конце того же месяца — уже половина населения (51%) (табл. 84)³⁰.

Таблица 84
Динамика восприятия россиянами В. Путина, %

Суждения	Август			Сентябрь			
	14-е	21-е	28-е	4-е	11-е	18-е	25-е
<i>Впечатление о В. Путине</i>							
Хорошее	10	21	25	25	27	42	51
Плохое	4	8	7	10	14	9	7

Половина россиян (52%) посчитала утверждение Думой В. Путина на посту главы правительства верным. С. Кириенко и В. Путин до момента назначения на пост премьер-министра не выступали в качестве публичных политиков и были незнакомы большинству россиян. Тем не менее, на сей раз решение нижней палаты было встречено с гораздо большим одобрением, чем весной 1998 г. (тогда утверждение кандидатуры С. Кириенко поддержали 36% наших сограждан). Возможно, здесь проявился «эффект привыкания» к частой и неожиданной смене глав правительства. А может быть, все объясняется сомнениями большинства опрошенных в устойчивости нового кабинета и потому — безразличием к перестановкам. Ведь свыше четверти россиян (27%) были склонны думать, что правительство В. Путина проработает меньше трех месяцев, и столько же (28%) отводили ему от трех до шести месяцев. В более продолжительный срок существования нового правительства верили менее одной пятой населения (19%)³¹.

Середина сентября принесла В. Путину заметный политический успех: по уровню популярности он стал «героем недели». До 18 сентября В. Путин своими действиями и высказываниями привлекал внимание 14-17% населения, к концу месяца — 36%. Даже выступления Е. Примакова, при всем доверии населения к нему, никогда не вызывали такой реакции³².

Прежде всего в новом главе правительства россиян привлекали воля, выдержка и решительность (32%). Многие отмечали в нем логичность мышления (22%), открытость и прямоту (20%). Людям импонировали честность и порядочность В. Путина (16%), самостоятельность (15%). Были и те, кто особо выделял жесткость, суровость премьера (11%)³³.

Позитивное отношение к В. Путину население связывало с надеждами на решение проблем экономического и политического устройства страны. Прежде всего люди ожидали подъема промышленности (46%) и сельского хозяйства (44%), улучшения материального положения беднейшей части общества (42%) и в частности — налаживания регулярных выплат пенсий, пособий, стипендий и заработной платы работникам бюджетных организаций (40%). Замыкала перечень дел, требующих особого внимания и неотложного решения, проблема активизации борьбы с преступностью (37%). В целом же ожидания населения связывались с преодолением последствий кризиса³⁴.

Общественное мнение не демонстрировало оптимизма или высокой уверенности в успехе В. Путина в решении названных проблем. Впрочем, пятая часть россиян (21%) верила в то, что новому правительству удастся успешно бороться с преступностью, но 14% скептически относились к перспективе такого успеха. Превышение доли оптимистов над пессимистами обнаружилось еще по двум направлениям: своевременные выплаты пенсий, пособий и зарплат бюджетникам (+7 п.п.) и разрешение конфликтов на Северном Кавказе (+6 п.п.). Пессимизм преобладал в оценках деятельности правительства по таким линиям, как улучшение материального положения бедных в России (—15 п.п.), подъем промышленности (—12 п.п.) и обеспечение честных выборов в Госдуму (—7 п.п.)³⁵.

Позитивное отношение к новому главе кабинета министров стало проявляться и в оценках населением его перспектив стать президентом. В конце первой половины августа на

вопрос о шансах В. Путина стать президентом России пятая часть респондентов (22%) ответила: «никаких», и более трети опрошенных (39%) считали вероятность такого развития событий очень низкой. Лишь 10% граждан уже тогда с высокой вероятностью прогнозировали успех В. Путина на президентских выборах. Таким образом, соотношение предполагавших, что В. Путин будет президентом, и уверенных в обратном численно выражалось как 49% против 22%. Через две недели эта формула уже равнялась 58% против 15%, а к середине сентября она выглядела еще более благоприятно для В. Путина — 60% против 13%³⁶.

Росло доверие В. Путину, и постоянно увеличивался его президентский рейтинг. К концу августа новому премьеру доверяла десятая часть населения (12%), в середине сентября — четверть (23%), в начале октября — более трети (39%), в конце октября — уже половина россиян (49%), а в конце года — почти две трети (63%). Таким образом, В. Путин еженедельно расширял свою социальную (электоральную) базу примерно на 4–5 п.п. (табл. 85)³⁷

Таблица 85

**Доверие населения В. Путину и готовность
голосовать за него на президентских выборах, %**

Группы мнений	28–29 августа	25–26 сентября	23–24 октября	27–28 ноября	20–21 декабря
Выдвигающие	3	9	25	43	45
Голосующие	2	10	26	43	49
Доверяющие	12	31	49	64	63

К 25 сентября с рейтингом 10% В. Путин вошел в тройку потенциальных претендентов на президентский пост — он уступал лишь Е. Примакову (21%) и Г. Зюганову (17%). При этом новому премьеру уже проигрывали политики, давно известные электорату: Ю. Лужков (7%), Г. Явлинский (7%), С. Степашин (5%) и В. Жириновский (5%)³⁸.

Затем электоральный сектор В. Путина начал быстро расширяться. На границе октября и ноября премьер мгновенно преодолел два значимых рубежа, завоевав сначала четверть, а затем и треть совокупного российского электората. К концу года рейтинг достиг 50%-ной отметки.

Уже к середине ноября В. Путин стал безусловным победителем и в «парных голосованиях», то есть при ответах на вопрос о том, за кого проголосовали бы респонденты во втором туре президентских выборов. Двух своих ближайших соперников — Г. Зюганова и Е. Примакова — он опережал уже заметно (63% против 20% и 64% против 18% соответственно)³⁹.

Во второй половине ноября истекли первые 100 дней работы нового правительства. Не только В. Путин как глава кабинета практически не имел отрицательных оценок, но и деятельность возглавлявшегося им правительства оценивалась весьма позитивно (табл. 86)⁴⁰.

Таблица 86
Оценки деятельности премьер-министра
В. Путина и правительства России, %

Оценки	Деятельность:	
	В. Путина	Правительства
Хорошо	43	32
Удовлетворительно	41	42
Плохо	4	14
Затрудняюсь ответить	12	12

Рейтинг В. Путина стал стремительно расти с сентября 1999 г., когда начались широкомасштабные военные действия в Чечне. В начале февраля 2000 г. половина россиян (54%) объясняла популярность В. Путина «чеченским фактором», а треть (27%) не связывала рост доверия к главе государства только с этим фактором. По мнению преобладающей части граждан (55—65%), В. Путин как политик действовал исключительно в интересах государства, а не в целях повышения собственной популярности. Люди видели это, ценили и, как следствие, популярность премьера росла. В то же время около четверти опрошенных (23—29%) усматривали в действиях В. Путина прежде всего заботу о своей популярности, а в чеченской кампании видели лишь средство достижения этой цели.

Высокая популярность В. Путина, доверие ему, стремление поддержать его на президентских выборах, определенное отождествление стиля его деятельности с представлениями о действиях многих известных политиков прошлого не означа-

ют, что россияне твердо знали, в каком направлении В. Путин поведет страну, если станет президентом России. Скорее, наоборот: большая часть населения не имела представлений о том, куда и как страна пойдет в начале нового тысячелетия (табл. 87).

Таблица 87
Представления россиян о политике
В. Путина в роли президента РФ, %

Направления политики В. Путина	Имеют представление	Не имеют представления
По какому пути поведет Россию В. Путин	38	46
В каком направлении при В. Путине будет развиваться экономика	32	49
Как при В. Путине будет обстоять дело с демократическими свободами и правами человека	37	43
Как В. Путин будет строить отношения со странами бывшего СССР	42	41
Как В. Путин будет строить отношения со странами Запада	36	47

Однако это несколько не влияло на популярность нового премьера. По всей видимости, большей части населения страны нравилось, как он себя ведет, что говорит, и они вполне резонно полагали, что человек, который им столь симпатичен, просто не может повести страну «не туда».

Коммунисты — первые, но победил «Медведь»

За год до парламентских выборов группу фаворитов образовывали партии и движения, возглавлявшиеся политиками, считавшимися в то время претендентами на президентский пост. Причем рейтинги этих политических объединений были близки к президентским рейтингам их лидеров. В конце 1998 г. первым шел Г. Зюганов (18%), а за ним следовали Г. Явлинский (13%), Ю. Лужков (12%) и А. Лебедь (10%)⁴¹.

Анализ показывал, что основной частью электоратов КПРФ, «Яблока» и «Отечества» (до 70%) были избиратели, предполагавшие на президентских выборах поддерживать соответственно Г. Зюганова, Г. Явлинского и Ю. Лужкова. Электорат партии

А. Лебеда в еще большей мере создавался группой его «президентской» поддержки (76%). До тех пор пока В. Черномырдин воспринимался многими как сильный участник будущей президентской гонки, заметная часть электората поддерживала НДР, однако потеря бывшим премьером политического потенциала немедленно привела к падению престижа возглавлявшегося им движения: люди, ранее симпатизировавшие В. Черномырдину, начали присматриваться к Ю. Лужкову (табл. 88)⁴².

Таблица 88

**Динамика электоральных настроений россиян
в 1998 — начале 1999 г., %**

Партии и движения	1998				1999
	18—19 апреля	29—30 августа	31 октября — 1 ноября	5—6 декабря	30—31 января
<i>Если бы выборы в Государственную Думу состоялись в ближайшее воскресенье, за какую партию, движение Вы бы скорее всего проголосовали?</i>					
Коммунистическая партия РФ (Г. Зюганов)	23	26	23	21	22
Движение «Яблоко» (Г. Явлинский)	13	11	13	13	15
Движение «Отечество» (Ю. Лужков)	-	-	9	10	15
Народно-республиканская партия (А. Лебедь)	5	10	11	7	7
Либерально-демократическая партия России (В. Жириновский)	5	5	4	2	5
«Наш дом — Россия» (В. Черномырдин)	8	8	3	1	2

Зимой 1999 г. «Отечество» и «Яблоко» укрепили свои лидерские позиции. Разрыв между тройкой фаворитов и остальными потенциальными участниками избирательной кампании возрос, и более 50% электората заявляло о намерении проголосовать за политические силы, возглавлявшиеся Г. Зюгановым, Ю. Лужковым и Г. Явлинским⁴³.

Явно обозначился второй эшелон участников борьбы за думские кресла: две партии имели возможности преодолеть заветный 5%-ный барьер. К таковым прежде всего относилась НРП А. Лебеда, несмотря на то, что опросы общественного мнения указывали на явные симптомы ослабления политичес-

ких позиций партии красноярского губернатора. Неплохие шансы на получение мест в парламенте обозначились также у партии В. Жириновского. В силу близости электоратов двух этих партий победителем могла быть только одна из них, и в этом случае предпочтительнее были шансы ЛДПР, лидер которой много раз доказывал способность мобилизации своего электората накануне голосования.

В начале декабря 1998 г. позиции либерального лагеря были крайне слабы — это являлось одним из последствий финансового и экономического кризиса. Если бы тогда в выборах участвовали четыре правые партии, возглавлявшиеся Е. Гайдаром, С. Кириенко, Б. Немцовым и А. Чубайсом, они могли бы рассчитывать в совокупности на 2,5% голосов. В конце января 1999 г. правые партии получили 4,5% голосов, и это было заметным успехом в сравнении с показателем двухмесячной давности. Однако их шансы на преодоление 5%-ного барьера все еще выглядели весьма эфемерно.

В конце 1998 — начале 1999 гг. произошли заметные изменения партийных ориентаций «президентского электората» Е. Примакова. В октябре приверженцы премьер-министра фактически не отличались в своих политических установках от общероссийского электората, но к концу первого месяца 1999 г. «примаковцы» явно ослабили поддержку Г. Зюганова и стали более активно симпатизировать Ю. Лужкову и Г. Явлинскому⁴⁴.

В первой половине года структура электоральных предпочтений в целом оставалась стабильной. С марта по июль первую строчку в листе рейтингов занимала КПРФ, вторую — «Отечество» и на третьем месте устойчиво располагалось «Яблоко». Ближайшие к ним ЛДПР и НРП — заметно уступали (табл. 89)⁴⁵.

Таблица 89

Электоральные намерения россиян весной и летом 1999 г., %

Партии и движения	Март	Май	Июль
<i>Если бы выборы в Госдуму состоялись в ближайшее воскресенье, за какую партию (блок, движение) Вы бы скорее всего проголосовали?</i>			
КПРФ	24	24	23
«Отечество»	13	16	15
«Яблоко»	14	13	11
ЛДПР	5	7	6
НРП	5	5	5

Все это время значительная часть россиян (43—49%) не сомневалась в том, что КПРФ наберет на выборах более 5% голосов и будет представлена в Думе. По поводу шансов «Отечества» подобную уверенность выражала треть избирателей (33—35%), а относительно «Яблока» — около трети (29—33%)⁴⁶.

В конце весны 1999 г. стало ясно, что популярность генерала А. Лебеда резко снизилась в сравнении с 1998 г., и, таким образом, принципиально уменьшились шансы возглавляемой им партии на победу — вхождение ее членов в парламент. В мае 1998 г. за А. Лебеда были готовы отдать свои голоса 12% электората (большее число голосов набирал тогда только Г. Зюганов), а в мае 1999 г. — лишь 5%, что соответствовало шестому месту в списке кандидатов на президентский пост⁴⁷.

Весной 1999 г. два видных региональных политика — президент Татарстана М. Шаймиев и самарский губернатор К. Титов возглавили новые партии: «Вся Россия» и «Голос России». Однако к концу мая эти партии, согласно социологическим данным, не привлекали к себе большого внимания избирателей и заметно отставали от лужковского движения «Отечество», тоже появившегося на политической сцене сравнительно недавно. Так, треть россиян (32%) хотела бы видеть в Думе представителей «Отечества», и только 4% и 3% соответственно высказали такое же желание относительно «Всей России» и «Голоса России». За движение московского мэра были готовы отдать свои голоса 16% электората (второе место после КПРФ), а за упомянутые выше две новые партии — по 1%. Среди партий и движений, которые сумеют преодолеть 5%-ный барьер на парламентских выборах, наиболее уверенно называлось — вслед за КПРФ — «Отечество» (35%), тогда как относительно «Всей России» и «Голоса России» такой прогноз делался крайне редко (4% и 2% соответственно)⁴⁸.

Один из весенних опросов показал, что россияне весьма негативно оценивали стиль деятельности депутатов Думы. Согласно общественному мнению, интересы избирателей и государства волновали депутатов очень слабо, а они ставили превыше всего личные интересы (*табл. 90*)⁴⁹.

Таблица 90

Мнения россиян о депутатах Госдумы, %

Суждения	Интересы, которыми депутаты	
	руководствуются на самом деле	должны руководствоваться
<i>При разработке и принятии законов депутаты руководствуются/должны руководствоваться...</i>		
интересами избирателей	3	50
государственными интересами	4	39
интересами руководства своей области, края	3	5
интересами определенных министерств, банков, финансовых групп, поддержи- вающих депутатов	12	1
интересами своей партии, партийной фракции в Думе	17	1
личными интересами	50	0

Тем не менее предварительный анализ показывал, что выборы в Государственную Думу пройдут достаточно активно. В мае две трети потенциальных избирателей (66%) заявили о готовности принять участие в выборах; пятая часть (21%) не собиралась голосовать и 13% еще не приняли окончательного решения. Конечно же, намерение голосовать и реальная явка на выборы — вещи разные, однако по приведенной статистике все же можно было судить о будущей электоральной активности отдельных слоев населения. Наибольшую готовность участвовать в выборах проявляли сторонники Г. Зюганова (83%), Г. Явлинского и Е. Примакова (по 79%), а также люди с высшим образованием (76%), жители Москвы и Санкт-Петербурга (75%) и представители старших поколений (73%). Россияне до 35 лет, напротив, чаще других (27%) заявляли о своем нежелании участвовать в выборах⁵⁰.

Конец июля был временем подведения предварительных итогов участия партий в парламентских выборах. Приближалась осень — горячее время избирательной кампании. Согласно регулярным опросам общественного мнения, лучшие перспективы имела компартия: ее готово было поддержать значительное количество россиян. При этом в течение длительного времени электорат Г. Зюганова оставался стабильно большим. В июле 1999 г. 15% граждан страны готовы были выдвинуть лидера

коммунистов на пост президента, а за год до того — 16%. Осенью 1998 г. пятая часть (20%) взрослого населения не возражала против избрания Г. Зюганова на высший руководящий пост в России, в июле 1999 г. этот показатель был тем же (21%). В течение всего времени мониторинга доля доверия лидеру коммунистов колебалась в интервале 18—25%. При этом количество категорических противников Г. Зюганова также оставалось стабильным: в ноябре 1998 г. оно равнялось 30% электората, а в июле 1999-го — 31%. За все это время доля противников лидера КПРФ составляла не менее 28% и не более 33%⁵¹.

Движение «Отечество» уступало лишь коммунистам, и специалисты обсуждали, с кем будет солидаризироваться, вступать в коалицию Ю. Лужков для расширения своего электорального поля. Высказывались и активно обсуждались различные точки зрения; разные «советы» давало Ю. Лужкову и общественное мнение. Более всего приветствовался союз «Отечества» и «Яблока»: в группе поддержки московского мэра эту идею разделял каждый пятый (22%), а среди населения в целом — 14%. Также достаточно часто обществом вносились предложения о создании коалиции с очевидно теряющим свои позиции движением «Наш дом — Россия» и постепенно усиливавшейся партией «Вся Россия». Оба эти варианта рассматривались как равноценные и в электорате Ю. Лужкова, и в целом по России, но в первом случае им придавался значительный вес (по 15%), а во втором — меньший (6—7%). Кроме того, достаточно представительными по численности группами избирателей серьезно рассматривался вариант сближения «Отечества» с политическим движением «Новая сила», возглавлявшимся С. Кириенко. Этот сценарий предлагали 10% сторонников Ю. Лужкова и 6% совокупного российского электората. Одновременно значительная часть избирателей по сути выступала против поиска «Отечеством» союзников для борьбы за места в Думе. Подобного мнения придерживались треть населения (31%) и пятая часть сторонников «Отечества» (19%)⁵².

Достигнув в январе-апреле 1999 г. наивысшего значения (15%), электоральная поддержка «Яблока» начала быстро ослабевать; в июле рейтинг движения упал до 11%, а к середине августа он стал еще ниже — 8%⁵³. Вопрос о поиске союзников

в борьбе за места в парламенте становился в высшей степени актуальным, а ответ на него — сложным и неоднозначным. В начале третьей декады июля и населением в целом, и — в еще большей степени — электоратом Г. Явлинского идея союза «Яблока» с другими партиями и движениями рассматривалась вполне позитивно. Прежде всего в качестве союзников называлось «Отечество» (29% среди группы поддержки «Яблока» и 14% в электорате в целом), а также две правые политические структуры — «Новая сила» (25% и 7% соответственно) и «Правое дело» (20% и 5%). Избиратели явно усматривали близость идейных позиций этих новых политических образований и уже давно участвующего в большой политике «Яблока». Давнее и устойчивое нежелание Г. Явлинского вступать в политические союзы было не вполне созвучно как настроениям его непосредственных сторонников, так и настроениям более широкого круга российских избирателей⁵⁴.

В периоды относительного политического спокойствия общество не очень интересуется тем, какие образы партий, политических движений и прочих общественных структур существуют в общественном сознании и доминируют в общественном мнении. Партии живут своей жизнью, население решает свои проблемы. Однако в моменты обострения политических интересов и политической борьбы центральным становится не тот образ партии, который она хотела бы иметь, и не тот, который создается идеологами и информационными каналами. Важнейшим оказывается «третий образ» партии или политической силы — тот, который присутствует в сознании населения. Именно он становится «мотором» электорального поведения.

Отношение россиян к пяти политическим партиям и движениям, лидировавшим в середине лета 1999 г. в борьбе за места в Думе, изучалось с помощью одной из модификаций метода семантического дифференциала, зондирующего глубинные, достаточно стабильные пласты массового сознания. Использовалось 20 критериев. Каждую из оценивавшихся партий участники опроса размещали на шкале между двумя полюсами («своя — чужая», «скандальная — скромная» и т. д.). При анализе собранной информации левому полюсу шкалы присваивался балл «1», а правому «9» (табл. 91)⁵⁵.

По некоторым из использованных характеристик партии заметно различаются, по некоторым — достаточно близки. Например, на шкале «скандальная — скромная» партия В. Жириновского явно расположена «впритык» к левому полюсу (т.е. «скандальная»), а движения Ю. Лужкова и Г. Явлинского — скорее тяготеют к правому («скромная») ⁵⁶.

Таблица 91

**Образы партий, лидировавших в июле 1999 г.
в борьбе за места в Госдуме, баллы**

Левый полюс шкалы (балл 1)	КПРФ	ЛДПР	«Отечество»	«Яблоко»	НРП	Индекс	Правый полюс шкалы (балл 9)
Сильно различающие шкалы							
Скандальная	4,63	1,51	6,13	6,09	5,28	0,75	Скромная
Воинствующая	4,59	2,12	6,31	6,41	4,76	0,67	Миротлюбивая
Традиционная	2,30	6,41	4,65	4,82	4,74	0,64	Оригинальная
Неперспективная	4,74	3,29	6,16	5,62	5,15	0,47	Перспективная
Терпимая	4,49	7,01	3,94	4,11	4,69	0,44	Нетерпимая
Дипломатичная	5,56	6,89	4,08	3,93	5,65	0,43	Прямая
Консервативная	3,41	5,66	5,45	5,58	5,29	0,40	Радикальная
Нравится	5,44	7,21	4,39	4,86	5,06	0,39	Не нравится
Своя	5,09	7,16	4,41	4,92	5,06	0,38	Чужая
Непреклонная	3,60	5,78	4,48	4,45	4,25	0,38	Поддающаяся влиянию
Стабильная	3,36	5,41	3,92	3,96	4,43	0,38	Нестабильная
Неподкупная	4,41	6,67	4,41	4,41	4,52	0,34	Продажная
Ориентируется на Запад	7,50	5,45	5,95	5,44	6,48	0,27	Считает, что у России свой путь
Слабо различающие шкалы							
Заботится о государстве	4,76	4,14	5,44	4,95	4,79	0,24	Заботится о людях
Пассивная	6,82	7,26	6,51	6,01	5,59	0,23	Активная
Имеет яркого лидера	2,88	2,40	2,51	3,07	2,91	0,22	Не имеет яркого лидера
Принципиальная	2,64	2,76	2,32	2,50	2,51	0,16	Беспринципная
Уклончивая	5,88	5,36	5,53	5,23	5,99	0,13	Прямолинейная
Трусливая	6,10	5,86	6,24	5,91	6,42	0,09	Смелая
Неформальная	6,19	5,63	6,13	5,88	5,98	0,09	Формальная

Коммунисты как целостная политическая структура представлялись наиболее традиционным, консервативным, непреклонным и стабильным образованием. Сами по себе черты партий и политических лидеров не могут классифицироваться как негативные. Однако «неподвижность», стабильность «красных» с их акцентированием уникальности российской истории и путей развития страны оценивалась значительными по численности группами населения как отсутствие движения.

Даже если не обращаться к сложным математическим построениям, ясно, что образ ЛДПР принципиально отличается от образов других партий. Политическая организация, созданная и руководимая В. Жириновским, наименее импонировала потенциальному электорату и рассматривалась им как самая чуждая, наименее терпимая, как продажная и максимально несхожая с другими партийными структурами, наиболее радикальная и непреклонная. Одновременно эта партия в сознании электората представляла как самая скандальная и воинствующая, как партия без будущего.

Политологи, журналисты, политики и политизированная часть общества судят о партии по ее программным документам и деятельности ее представителей в исполнительных и законодательных органах. Население же создает образ партии иначе: оно наделяет лицо партии чертами ее лидеров: массовое сознание «антропологизирует» партию. Это общее правило в полной мере распространяется и на представления россиян об ЛДПР — «партии одного лидера». Воинствующее, агрессивное и грубое поведение В. Жириновского, его зачастую безапелляционные и эпатажные заявления создали соответствующий имидж возглавляемой им партии⁵⁷.

Электорат либеральных демократов длительное время оставался стабильным, колеблясь вокруг 5% от общего числа избирателей. Одновременно ЛДПР устойчиво возглавляла список партий, которые избиратели не хотели бы видеть в Думе. Этот показатель в период с февраля до августа варьировался в пределах 33—38%.

Вместе с тем, до четверти россиян (23%) полагали, что представители партии В. Жириновского пройдут в будущую Думу. Скорее всего, их прогноз объяснялся успешной историей этой «старейшей» партии в постсоветской России⁵⁸.

И действительно, в начале лета прогноз общественного мнения стал сбываться: электоральные позиции ЛДПР усилились, и у партии появились реальные шансы преодолеть 5%-ный барьер⁵⁹.

Полученные РОМИРОм профили трех партий — «Отечество», «Яблоко», НРП — очень близки. По выделенным тринадцати различающим шкалам организации Ю. Лужкова и Г. Явлинского практически совпадали, а политическое движение А. Лебеда виделось лишь немного более воинственным и скандальным, слегка менее перспективным и не столь дипломатичным. Возможно, поэтому партия красноярского губернатора чуть менее импонировала общественному мнению, чем политические организации, руководимые московским мэром и одним из думских лидеров.

Конец лета 1999 г. привнес в развитие избирательной кампании новые сюжеты, и это отразилось на динамике электоральной статистики. В начале августа «Отечество» и «Вся Россия» подписали совместное постановление о формировании единого избирательного блока «Отечество — Вся Россия» (ОВР), а 17 августа Е. Примаков согласился возглавить эту новую политическую структуру. Тогда этот политик обладал самым высоким рейтингом общественного признания, да и Ю. Лужков входил в число явных лидеров. Бывшему председателю правительства России доверяло более половины населения страны (54%)⁶⁰, а мэру Москвы — свыше четверти (28%)⁶¹. Ни один из российских политиков не обладал в конце лета столь заметной поддержкой населения.

Появление Е. Примакова во главе избирательного списка резко изменило соотношение сил среди фаворитов предвыборной гонки: после официального старта кампании политическое новообразование уверенно вышло вперед, оттеснив КПрФ на вторую позицию (табл. 92). Многим казалось, что, хотя завершавшееся формирование избирательных блоков могло повлиять на распределение электоральных предпочтений российских граждан, лидерство ОВР сохранится, по крайней мере, до начала активных агитационно-пропагандистских акций⁶².

Таблица 92

Электоральные предпочтения россиян летом 1999 г., %

Партии, движения	Намерения: голосовать за партию		Симпатии: хотели бы видеть партию в Думе		Прогнозы: партия пройдет в Думу	
	июль	август	июль	август	июль	август
ОВР	15	27	28	43	33	47
КПРФ	23	21	30	30	43	46
«Яблоко»	11	8	22	19	29	29
ЛДПР	6	5	11	10	16	20
НRP	5	4	13	12	8	12

Более того, существовали определенные основания полагать, что в сентябре-октябре это лидерство укрепитя. Во-первых, блок ОВР весьма заметно опережал всех конкурентов по доле «симпатизировавших»: 43% потенциальных избирателей хотели бы видеть его представителей в новой Думе, и этот избирательный блок мог рассчитывать на привлечение к себе сравнительно большой доли колеблющихся. Во-вторых, усилению позиций ОВР могло способствовать включение в его избирательные списки лидеров тех движений, которые могли отказаться от самостоятельной борьбы за места в Думе и переориентироваться на союз с политической силой Е. Примакова. Но наиболее существенным фактором, способным определить мощь ОВР, могло стать привлечение «президентского» электората Е. Примакова, то есть тех, кто видел в нем будущего президента. Ведь 79% его приверженцев уверяли, что будут голосовать за возглавляемый Е. Примаковым блок⁶³. Правда, оставался открытым вопрос о том, в какой мере Е. Примаков сумеет убедить тяготеющую к левым часть своего электората отдать предпочтение ОВР. Излишне жесткая антикоммунистическая позиция могла бы оттолкнуть от лидера ОВР немалую часть его сторонников, однако слишком мягкий тон в отношении красных тоже мог вызвать определенные электоральные потери из-за серьезного недовольства такой позицией сторонников Ю. Лужкова⁶⁴.

Еще один сюжет политической жизни осени — приход другого российского экс-премьера, С. Степашина, в «Яблоко». К августу рейтинг движения Г. Явлинского снизился до 8%, но появление в нем еще недавно популярного политика уве-

лично долю сторонников этого избирательного объединения в полтора раза (12%)⁶⁵. В августе С. Степашин уступал лишь Е. Примакову по величине рейтинга доверия (33%)⁶⁶, и в этом отношении он значительно опережал Г. Явлинского (18%)⁶⁷. Если бы половина «президентского» электората С. Степашина одобрила его союз с Г. Явлинским, то рейтинг «Яблока» мог бы подняться как минимум до уровня весны 1999 г. (13—14%). Складывалось впечатление, что сложившаяся тройка фаворитов (ОВР, КПРФ, «Яблоко») вступит в следующую стадию избирательной кампании со значительным отрывом от преследователей⁶⁸.

Однако проблема совместимости электоратов С. Степашина и Г. Явлинского, не казавшаяся на первых порах сложной, не была решена, и объединение двух политиков не привело к суммированию их электоральных сегментов. Так или иначе, в октябре рейтинг «Яблока» колебался в пределах 9—11%, но к началу ноября вернулся к 8%⁶⁹.

Президентский рейтинг А. Лебеда продолжал снижаться, и уже во второй половине октября доверие к нему испытывали лишь 11% россиян, а голосовали бы за него на президентских выборах совсем немногие (3%). По уровню популярности А. Лебедь занимал восьмое место среди наиболее заметных политических фигур России. Этот факт говорил о крайне низких шансах его партии войти в число победителей парламентских выборов⁷⁰.

В середине сентября за места в Думе начал борьбу «Союз правых сил» (СПС), объединивший движение «Новая сила» во главе с С. Кириенко и коалицию «Правое дело», возглавляющуюся Б. Немцовым, Б. Федоровым и И. Хакамадой. В тот момент общественное мнение было явно не на их стороне, и СПС вполне мог не набрать необходимые 5% голосов. 9% населения хотело бы видеть правых в Госдуме, 12% — не хотело. Но голосовать за них предполагали лишь два избирателя из ста (2%). Уровень доверия лидерам СПС был чрезвычайно низким: С. Кириенко пользовался доверием 11% россиян, а все остальные лидеры вызвали еще меньшее расположение избирателей: Б. Немцов — 8%, А. Чубайс — 3% и Е. Гайдар — 2%⁷¹.

Позиции КПРФ летом и в первую половину осени были вполне благополучными. В середине октября треть россиян

(35%) не исключала для себя вероятности поддержать на выборах партию Г. Зюганова, и одна пятая (20%) уже решила голосовать именно за нее⁷². Казалось, что никто не сможет приблизиться к коммунистам и что первое место на финише они займут с большим отрывом от всех участников выборной гонки. Но такое мнение было ошибочным: главные события в борьбе за думские кресла только начинались.

На рубеже лета и осени Кремль, опираясь на Общественное российское телевидение и ряд других средств массовой информации, начал мощную предвыборную акцию по созданию и «раскрутке» нового избирательного блока — Межрегионального движения «Единство» (другое название, образованное как сокращение «официального имени» блока, — «Медведь»). 20 сентября 39 губернаторов и глав местных законодательных собраний выступили с «Обращением к гражданам России», в котором осуждались «демагогия» и «сомнительные игры», сопровождавшие, по их мнению, предвыборную кампанию. Одновременно они заявили о невозможности стоять в стороне от выборного процесса и о создании нового блока «Единство». Руководство новым блоком было предложено опытному организатору — министру по чрезвычайным ситуациям Сергею Шойгу, до того не имевшему опыта публичной политической деятельности. В 20-х числах сентября он принял предложение. Результаты этой политической акции проявились очень скоро.

В середине октября более пятой части электората (22%) вообще ничего не знали о «Единстве», и это могло быть катастрофой — на фоне того, что обо всех других участниках предвыборного марафона фактически все избиратели (95%—99%) были информированы. Но уже через месяц население было достаточно хорошо знакомо с новым блоком: в середине ноября о нем не знали 17%, а в конце ноября — лишь 10%⁷³.

В октябре позиции блока «Единство» в борьбе за места в Думе были достаточно слабыми. Доля предполагавших голосовать за него устойчиво держалась на уровне 7%, и еще от 15% до 22% не возражали против работы представителей нового политического образования в российском парламенте. Правда, и протестующих против присутствия «медведей» в Думе было немного (5%). Уже тогда «Единство» рассматривалось как движение, близкое к В. Путину, и симпатизировавшие новому премьеру активнее других ориентировались на голосование за

новый блок, уступавший тогда по популярности КПРФ, ОВР и «Яблоку»⁷⁴.

Доля россиян, готовых в день выборов отдать свои голоса «Единству», росла как на дрожжах, и к концу ноября «новичок» вышел по числу сторонников на второе место среди партий. Объем электоратов КПРФ и «Яблока» не изменялся, но заметно падала поддержка ОВР. Часть электората Ю. Лужкова — Е. Примакова переходила под знамена С. Шойгу (табл. 93)⁷⁵.

Таблица 93
Электоральные предпочтения россиян
накануне выборов в Думу, %

Партии, движения	6 ноября	13 ноября	20 ноября	27 ноября	4 декабря
<i>Намерены голосовать за...</i>					
КПРФ	20	22	21	21	21
«Единство»	8	9	8	14	17
ОВР	16	14	11	10	9
«Яблоко»	9	8	8	8	7

Октябрьские позиции коммунистов были вполне благополучными: треть россиян (35%) не исключала для себя вероятность поддержать на выборах партию Г. Зюганова и одна пятая (20%) твердо решила за них голосовать⁷⁶.

В конце второй декады ноября к лидерам приблизился СПС. Впервые можно было говорить о возможности движения преодолеть 5%-ный барьер. Кроме того, «зона симпатий» к «Союзу правых сил» оказалась значительно шире его электората: 13% избирателей не возражали бы против представительства этого избирательного объединения в Государственной Думе. Более того, свыше четверти россиян (28%) в принципе допускали для себя возможность проголосовать за правых, то есть проявляли к ним вполне лояльное отношение. Чаще всего это были люди с высшим образованием. С симпатией относилась к команде молодых политиков и молодежь: треть граждан, не достигших 35 лет, допускала возможность голосования за СПС⁷⁷.

За неделю до выборов были просуммированы наблюдения за ходом важнейшей политической кампании года. Итоги выглядели следующим образом⁷⁸.

Отношение к КПРФ отличалось удивительной устойчивостью: по данным семи опросов ноября-декабря 1999 г., доля россиян, заявлявших о своем намерении голосовать за КПРФ, колебалась в диапазоне 20—22%. На выборах 1996 г. доля всех избирателей, проголосовавших за Г. Зюганова в первом туре, составила 22,3%, а во втором, мобилизовавшем всех приверженцев лидера КПРФ, результат был 27,8% от общего числа избирателей страны. Эти цифры оказались очень близкими к результатам завершающих предвыборных замеров установок электората. В ноябре-декабре 1999 г. при ответе на вопрос о вероятном голосовании на президентских выборах называли Г. Зюганова как «своего» кандидата 15—17% всех респондентов. Вполне можно было предположить, что состав электората КПРФ остался неизменным с 1996 г., и результат голосования будет зависеть в основном от явки сторонников коммунистов на выборы. Но и здесь больших сомнений не было.

Блок «Единство» рекрутировал своих сторонников исключительно из числа тех избирателей, которые осенью 1999 г. были готовы поддержать на президентских выборах В. Путина. Эта группа в последние месяцы избирательной кампании росла необычайно быстро: на начало декабря ее численность достигала 43—45% от всего взрослого населения. Поэтому изменение отношения к «медведям» рассматривалось в связке с динамикой отношения россиян к В. Путину и с учетом прямой или косвенной агитации премьера за блок С. Шойгу.

Между 21 и 28 ноября В. Путин заявил, что «как гражданин» он намерен голосовать за «Единство». Выразив однозначную поддержку этому блоку, и только ему, премьер открыто заявил, кто, по его мнению, будет играть роль новой партии власти. Тем самым он подал своим сторонникам сигнал, кого надо поддерживать. Рейтинг «Единства» в электорате В. Путина вырос с 21% до 37% и вскоре достиг 41%. В электоратах других политических лидеров обнаружено «не сработало»: в них рейтинг блока С. Шойгу был и остался близким к нулю.

В конце ноября блок «Единство» вышел на устойчивое второе место после КПРФ, и возникало предположение, что 19 декабря в день выборов он наберет столько же голосов, сколько коммунисты.

Размывание электората ОВР было связано с разочарованием избирателей в лидерах этого блока и одновременно с резким ростом симпатий к В. Путину. На фоне действий и выступлений премьера рассыпался еще недавно казавшийся позитивным образ Ю. Лужкова — хозяйственника и строителя, а также явно прослеживалось разочарование в Е. Примакове. Всплеск интереса и симпатий к блоку ОВР был максимальным в момент его образования, ибо обычно консолидационные шаги вызывают позитивную реакцию в массовом сознании. Кроме того, присутствие в ОВР значительного числа губернаторов и других знаковых для россиян политических фигур позволяло определенной части электората рассматривать этот блок в качестве новой послеельцинской партии. Как результат, в середине сентября от четверти до трети избирателей (29%) были готовы голосовать за ОВР.

Однако обличительная, агрессивная предвыборная риторика ОВР стала вторым после роста популярности В. Путина фактором, вызвавшим уменьшение симпатий к ОВР и его лидерам. Также сыграли свою роль и два главных телевизионных федеральных канала, сфокусировавших внимание на жесткой критике лидеров ОВР. Но представляется, что более существенное влияние на электоральные оценки оказали те реакции, которые продемонстрировали блок ОВР и его лидеры. Была выбрана линия защиты, основанная на громких, противоречивых, конфронтационных и в целом нервных заявлениях. Массовым сознанием такая позиция обычно интерпретируется как признак слабости, и это ведет к снижению уровня электоральных симпатий.

Средства массовой информации сообщали, что в середине ноября лидеры ОВР делали попытки сблизиться с В. Путиным, выражая ему свою поддержку. Однако он не назвал блок Ю. Лужкова — Е. Примакова в числе конструктивных политических сил, и это тоже было однозначно воспринято избирателями, симпатизировавшими новому премьеру, но к тому времени не решившими, кому отдать на выборах свой голос: ОВР или «Единству».

Говоря о сдаче ОВР своих позиций под натиском «Медведя», следует иметь в виду еще один фактор — геополитический. Несмотря на то, что в составе блока Ю. Лужкова — Е. Примакова и в его названии присутствовала «Вся Россия», значитель-

ной частью населения он рассматривался как московский. Это не давало блоку ОВР дополнительных преимуществ, но сдерживало приток к нему провинциального избирателя. Заметные антицентристские и антимосковские установки населения многих регионов самым серьезным образом сказывались на электоральных предпочтениях. Исследование фонда «Русский проект» однозначно показывает, что негативное отношение к Москве вело жителей огромного числа средних и малых городов, сел и деревень под знамена С. Шойгу и В. Жириновского. ОВР получал поддержку преимущественно от промосковски настроенной части россиян (табл. 94)⁷⁹.

Таблица 94

Отношение к Москве в электоратах шести партий, % по строке

Электораты	Согласен(-на) с суждением, что ...	
	«Москва паразитирует на России»	«Мы гордимся Москвой»
КПРФ	49	32
«Единство»	75	11
ОВР	12	80
СПС	27	57
ЛДПР	53	20
«Яблоко»	44	46

Электорат «Яблока» всегда отличался преданностью своему лидеру: в 1995 г. партия получила 4,5% голосов от общего числа избирателей, в 1996 г. в первом туре президентских выборов Г. Явлинский собрал фактически те же голоса (5,1%). В декабре желание голосовать за «Яблоко» выражали 7% россиян. Наблюдалось медленное сужение электората, вызывавшееся определенным разочарованием в политических декларациях и действиях этого движения и, как следствие, оттоком симпатий к более энергичному «Единству». На вопрос к уже определившимся в своих электоральных намерениях о том, за какую партию они собирались голосовать раньше, среди сторонников блока «Единство» 8% называют «Яблоко» и столько же — ОВР. В первой половине 1999 г. намерение голосовать за Г. Явлинского устойчиво выражали 10—13% россиян, а осенью 1999 г. этот диапазон составлял 4—6%.

По мере приближения дня выборов доля россиян, намеревавшихся участвовать в голосовании, постоянно возрастала. Во

второй декаде ноября уже половина потенциального электората (53%) твердо решила выполнить свой гражданский долг и проголосовать за одну из партий, и четверть (24%) — склонялась к тому, чтобы не остаться в стороне от выборов. Еще одна четверть (23%) взрослого населения приняла решение не участвовать в этом политическом мероприятии (табл. 95).

Таблица 95

Намерения россиян участвовать в голосовании, %

Группы респондентов	Ноябрь		Декабрь						
	20–21	27–28	1	4–5	7–8	9–10	11–12	14–15	16–17
«Твердые» участники (безусловно буду)	53	54	57	56	60	63	61	63	63
«Мягкие» участники (скорее буду)	24	24	21	25	21	20	22	21	21
Неучастники	23	22	22	18	19	17	17	17	17

За несколько дней до выборов доля «твердых» участников голосования составила почти две трети совокупного электората (63%), количество сомневавшихся в своем участии сократилось до 21%, и значительно меньшей стала доля граждан, бойкотировавших выборы (17%). Однако даже к середине декабря отношение к участию в выборах не оформилось, и вопрос об уровне активности россиян в думских выборах еще не мог иметь окончательного ответа.

Среди «твердых» участников выборов наибольшей поддержкой обладали коммунисты. Сказывался фактор стабильности их электората и его многолетней — еще с советских времен — привычки участвовать в выборах. Четверть (25%) голосов тех, кто точно собирался голосовать, партия Г. Зюганова почти гарантированно имела в течение всего декабря. «Мягкие» участники выборов, сомневавшиеся относительно своей явки на избирательные участки, не столь активно ориентировались на поддержку КПРФ, и во второй декаде декабря их политические симпатии заметно изменялись: от старой партии Г. Зюганова к новому движению С. Шойгу.

«Медведи» постоянно и быстрыми темпами увеличивали объем своего электората, приближаясь к КПРФ. В группе тех,

кто вероятнее всего примет участие в голосовании, в начале декабря коммунисты имели преимущество в 14%, а за несколько дней до выборов — лишь в 5%. Зато в «мягкой» части электората лидировало «Единство»: оно постоянно опережало красных на 2—3%, а к 16 декабря отрыв возрос до 6% (табл. 96).

Таблица 96
Электоральные предпочтения
потенциальных участников выборов, %

Партии, движения, блоки	«Твердые» участники						«Мягкие» участники							
	Декабрь 1999 г.													
	1	4—5	7—8	9—10	11—12	14—15	16—17	1	4—5	7—8	9—10	11—12	14—15	16—17
<i>Если бы выборы в Госдуму состоялись в ближайшее воскресенье, за какую партию /политический блок/ движение Вы бы скорее всего проголосовали?</i>														
КПРФ	27	26	25	23	25	25	25	12	19	17	16	19	17	13
«Единство»	13	18	22	19	17	20	20	15	20	15	18	17	20	19
ОВР	10	10	11	13	12	11	11	6	11	9	6	9	8	12
СПС	4	7	6	6	7	7	8	5	4	6	9	9	7	8
«Яблоко»	8	8	7	8	6	6	6	10	7	8	6	6	6	7
Блок Жириновского	6	5	5	6	5	4	4	10	6	9	7	6	7	9

Среди остальных партий, имевших шансы на преодоление 5%-ного барьера, несколько более благоприятное положение — если принимать во внимание лишь голоса россиян, предполагавших участвовать в выборах, — имел блок ОВР. Он мог рассчитывать на каждый десятый голос и «твердого», и «мягкого» сегмента общероссийского электората. Положение СПС, «Яблока» и политических сил, возглавлявшихся В. Жириновским, оставалось неопределенным.

Активность процесса принятия решения о поддержке той или иной партии, конкретного блока или движения не затухала, а, наоборот, возрастала. За несколько дней до голосования одна пятая (21%) потенциального электората заявляла, что определилась с голосованием всего одну-три недели назад, то есть в конце ноября — начале декабря. Четверть (26%) избирателей приняла решение относительно давно, от месяца до полугода назад. Почти столько же избирателей (23%), по-видимому,

никогда и не сомневалось — их решение было принято не позже весны 1999 г.

Около половины (44%) принявших решение о поддержке конкретной партии считали это решение окончательным, около одной пятой (19%) — почти окончательным. Но некоторые (до 7%), казалось бы, имевшие время определить свои политические пристрастия и даже определившие их, все же оставляли за собою право пересмотреть решение.

Большинство (44%) из тех, кто давно принял свое решение о поддержке определенной партии и был в нем абсолютно уверен, ориентировалось на КПРФ. Далее следовали: ОВР (15%), «Яблоко» (13%) и блок В. Жириновского (12%). Понятно, что в этой электоральной структуре («давние уверенные») не могло быть большого числа приверженцев новых политических образований. Однако таковые были в том сегменте, который сделал свой выбор относительно недавно, но также не сомневался в его обоснованности. Свыше трети (39%) «новых уверенных» ориентировались на голосование за движение С. Шойгу, и вдвое меньшее количество (15%) — за СПС. Все другие партии-лидеры выборной кампании по этому показателю занимали более низкие места.

В течение первых двух недель декабря отношение россиян к шести партиям, претендовавшим на места в Думе, изменялось следующим образом. Коммунисты лидировали все время, но накануне дня выборов «Медведь» их почти догнал. Движение Е. Примакова так и не смогло найти резервы для расширения своего электората и занимало третью ступеньку среди партий-лидеров.

Очень мощно заключительную фазу предвыборной кампании провел СПС. За две недели партия правых удвоила численность своего электората и вплотную подошла к ОВР. Удачным оказался один из лозунгов правых: «Молодых надо!», привлечший внимание не только молодой части электората, но всех, кто ориентировался на приход в политику новых людей. Такой финиш СПС фактически не прогнозировался.

Партии В. Жириновского и Г. Явлинского, если иметь в виду значения рейтингов, приближались к финишу одновременно, и победа могла достаться тому, кто сможет быстрее пробежать самые последние метры дистанции. Однако было естественно предположить, что «Яблоку» финишировать будет сложнее: его

электорат продолжал присматриваться к СПС и ОВР, еще могли быть «измены». На завершающей стадии избирательной кампании все яснее обнаруживались стратегические ошибки руководства «Яблока», которые невозможно было исправить даже суперактивной агитационной работой. После лета Г. Явлинский побывал более чем в 30 городах, столь же интенсивной была и деятельность С. Степашина. Активность выступлений Г. Явлинского по телевидению даже вызывала протесты других участников избирательной кампании.

С другой стороны, за В. Жириновского могли проголосовать те, кто вообще не собирался участвовать в выборах, но в последний момент все же принял бы решение поддержать лидера ЛДПР.

По итогам всей серии проведенных опросов и анализа различных моделей поведения избирателей ФОМ опубликовал ряд прогнозов исхода выборов в Думу⁸⁰. Во-первых, утверждалось, что реальные шансы преодолеть 5%-ный барьер имеют лишь шесть партий и блоков; во-вторых, приводилось вероятное распределение исхода голосований по партийным спискам. Официальный прогноз ФОМа и результаты выборов, обнаруженные Центральной избирательной комиссией России⁸¹, оказались достаточно близкими (табл. 97).

Таблица 97

Распределение голосов за партии и блоки, %

Партии, движения, блоки	Официальный прогноз ФОМа	Данные Избиркома	Ошибка прогноза, Δ
КПРФ	28	24,3	+3,7
«Единство»	20	23,3	-3,3
ОВР	16	13,3	+2,7
СПС	10	8,5	+1,5
Блок Жириновского	9	6,0	+3,0
«Яблоко»	7	5,9	+1,1

Коммунисты лидировали в процессе всей выборной кампании и, получив наивысшую поддержку от россиян, повторили свой успех 1995 г. Их электорат был самым стабильным и голосовал на основе заранее принятого политического решения. С одной стороны, политический выбор этой части российского электората прежде всего базировался на тех принципах органи-

зации народного хозяйства и формах отношений между различными социальными группами, которые манифестировались лидерами КПРФ. С другой стороны, поддержка коммунистов была проявлением протеста против проводившихся Б. Ельциным реформ, а если точнее — против последствий этих реформ. В частности эти выводы говорят и о невосприимчивости сторонников Г. Зюганова к основным потокам массовой социально-политической информации.

В сравнении с 1995 г. «красные» увеличили свой результат не только в процентах, но и в абсолютных цифрах: с 15,4 млн до 16,2 млн — при том что, по мнению многих аналитиков, электорат коммунистов должен был «сжаться» за счет более быстрого, чем в других партиях, естественного сокращения числа их сторонников. Этого не произошло, цифры говорят о противоположной тенденции: годы второго президентского срока Б. Ельцина дали заметный толчок воспроизводству коммунистического электората за счет притока более молодых избирателей. При этом часть «новых красных» рассматривала партию Г. Зюганова как оппортунистов, предавших большевизм и скатившихся к социал-демократии, но голосовала за нее, не видя шансов для получения мест в Думе более радикальными левыми.

И хотя первыми на выборах были коммунисты, но настоящим победителем стало «Единство» («Медведь»). Его небольшой арифметический проигрыш коммунистам в полной мере компенсировался близостью к власти, явно обозначенным союзом с В. Путиным. Созданное буквально накануне голосования объединение, не имевшее ни программы, ни по-настоящему популярных в стране лидеров, смогло победить в силу следующих обстоятельств. Широким массам населения нужна была партия власти. Это отвечало общим политическим и социокультурным представлениям об организации власти в стране, это вытекало из недавней и новейшей истории России. В то же время люди разуверились в черномырдинской партии «Наш дом — Россия» и не захотели или не смогли признать партией власти ОВР. Движение Ю. Лужкова — Е. Примакова сразу предстало как московское, чиновничье и во многом виновное за ситуацию в России.

Факт получения лишь 13,3% голосов российского электората был однозначно проинтерпретирован как полный провал ОВР,

как доказательство абсолютной неспособности движения вести избирательную кампанию в жестких условиях реальной борьбы за власть. И это при том, что ОВР обладал огромными политическими, информационными, финансовыми, человеческими и многими другими ресурсами. Правда, кроме одного — поддержки Кремля.

В преддверии выборов во многом именно в силу деятельности Ю. Лужкова партия В. Черномырдина фактически прекратила свое существование. Но мэру Москвы не удалось собрать новую партию власти только из представителей региональной элиты без опоры на возможности завершавшего свое президентство Б. Ельцина и без помощи нового премьера В. Путина. Приглашение Е. Примакова на роль руководителя блока не принесло ожидаемого эффекта. Общественное мнение принимало Е. Примакова премьер-министра, но оно так и не увидело в нем самостоятельного публичного политика. На фоне быстро набравшего политический вес и завоевывавшего симпатии населения В. Путина бывший премьер быстро терял интерес и доверие россиян.

Положение правых в преддверии выборов 1999 г. было крайне сложным. Помимо непопулярности экономических реформ, однозначно связывавшихся населением с именами «молодых реформаторов», помимо незажившей глубокой раны, нанесенной кризисом 1998 г., помимо близости молодых политиков к непопулярному президенту, общество не могло не помнить вялое участие партии Е. Гайдара в парламентских выборах 1993 г. и полный провал правых в 1995 г.

И все же они добились успеха, который объясняется двумя факторами, один из которых можно назвать стратегическим, а второй — тактическим. В первом случае имеется в виду точный выбор целевых электоральных групп: молодежь, люди, ориентированные на развитие рыночной экономики, интеллектуалы, разуверившиеся в многолетних, оказавшихся бесплодными обещаниях Г. Явлинского, группы населения разного возраста и разного социально-экономического положения, не желавшие голосовать ни за партию власти, как бы она ни называлась, ни за коммунистов, ни за агрессивного В. Жириновского. Но поддержка только этих групп, скорее всего, не позволила бы правым преодолеть 5%-ный барьер.

Второй тактический фактор — это поддержка правыми жесткой политики В. Путина на Северном Кавказе. Государственная идеология правых без конкретной позиции по Чечне выглядела абстрактно, иллюстративно, но, заявив о своей поддержке действий В. Путина в антитеррористической операции, лидеры СПС смогли не только выглядеть политиками, отстаивавшими целостность России, но и политическими лидерами, готовыми к сотрудничеству с новым и быстро становящимся популярным в народе премьером. В чем-то СПС был независимой политической силой, в чем-то — и для многих в тот момент это оказалось крайне важным — правые были рядом с В. Путиным.

В. Жириновский, можно сказать, собрал остатки электората, поддерживавшего его во всех предыдущих более успешных выборных кампаниях. Большинство отказало этому политику в доверии: одни не могли принять его политических взглядов, другие резко негативно относились к его риторике, третьи соглашались с ним в критике Беловежских решений, но при этом не понимали восхвалений Саддама Хусейна, четвертые поддерживали выступления лидера ЛДПР по поводу необходимости использования силы в Чечне, но одновременно пугались его антиамериканизма. Основная часть общества давно поняла, что России для выхода из тяжелейшего экономического кризиса потребуются годы, а В. Жириновский продолжал настаивать на существовании известных только ему простых, быстрых решений. Вместе с тем, характер обращения лидера ЛДПР к избирателю был таков, что он был способен собрать голоса всех, кого обходили большие партии и кому была непонятна сложная аргументация С. Кириенко, Е. Гайдара или Г. Явлинского. В. Жириновский осознанно противопоставлял себя всем остальным политикам, и его поддержали маргиналы.

«Яблоко» заняло «почетное» шестое место и замкнуло список партий, избранных в Думу. Так неудачно это движение никогда ранее не выступало. В политической платформе «яблочников», в логике и форме их обращения к потенциальному избирателю, в критике ельцинского режима люди не находили ничего такого, чего они за долгие годы еще не слышали от Г. Явлинского. Даже появление в рядах «Яблока» сильного и известного политика С. Степашина не смогло оживить лица этого движения и модернизировать его образ.

Тенденции изменения популярности партий

При обсуждении отношения россиян к распаду СССР и созданию СНГ, при анализе мнения населения относительно приватизации, при рассмотрении взглядов, точек зрения людей на чеченскую войну и союз с Белоруссией, а также во многих других случаях мы не ограничивались изучением результатов опросов, проведенных в «точках кульминации» соответствующих процессов. По возможности, динамика мнений в отношении событий, затрагивавших интересы подавляющего числа россиян, прослеживалась на максимально длительном промежутке времени, фактически — до завершения ельцинской эпохи.

Не будем нарушать этот принцип. Имеющаяся информация позволяет охарактеризовать отношение людей к тем основным политическим решениям, которые они приняли во второй половине 1999 г.

Первое из таких решений — выбор партийного состава новой Думы — в дальнейшем подверглось некоторой ревизии. Отношение населения к Думе и как к институту власти в целом, и как к структуре, отразившей итоги выборов 1999 г., лучше всего можно охарактеризовать словами «безразличие», «незаинтересованность», «непонятность», а иногда и «ненужность».

В конце декабря 1999 г. россияне доверили шести партиям и ряду политиков представлять свои интересы в парламенте страны; казалось бы, по крайней мере в течение нескольких последующих месяцев, население должно было бы интересоваться событиями, происходящими в новой Государственной Думе. Опрос, проведенный через месяц, то есть в конце января 2000 г., показал, что две трети граждан России (65%) следили за началом работы вновь избранного парламента, но почти треть (30%) не имела интереса к этим «московским» событиям⁸². Один человек из десяти (12%) — среди которых были как участники выборов, так и игнорировавшие их — доверял Думе, почти четверть населения (24%) относилась к ней нейтрально, но почти половина (47%) не испытывала доверия к этой властной структуре⁸³.

В январе 2000 г. член фракции КПРФ Геннадий Селезнев был выбран спикером новой Думы. Треть россиян (30%) не имела по этому поводу никакого мнения, четверть (24%) не одобрила это решение Думы, а 44% отнеслись к избранию Г. Селезнева председателем Думы позитивно. Чаще других одобрение высказывали

сторонники КПРФ (74%), а наиболее сдержанные реакции были у «яблочников» (26%) и сторонников СПС (33%)⁸⁴.

В течение всего 2000 г. спикер Думы оставался одним из наименее популярных российских политиков. Постоянно лидировавшему В. Путину доверие высказывали 37—40% россиян, занимавшему вторую строчку Г. Зюганову доверяли около 15% населения, каждому из трех следовавших за ними лидеров (В. Жириновскому, А. Тулееву и С. Шойгу) — около 6%. Стабильный же рейтинг доверия Г. Селезневу в течение года составлял 2%. Правда, в этом спикер не был одинок: рейтинги доверия Б. Немцову, С. Кириенко, В. Матвиенко, Ю. Лужкову и И. Хакамаде были такими же⁸⁵.

Низкое доверие населения Думе в начале 2000 г. не было вызвано тем, что в то время люди лишь присматривались к своим избранникам и не хотели авансировать их сверх того, что уже было сделано: избиратели открыли перед депутатами шлагбаум на пути в парламент страны. Прошел год, но мало что изменилось. Доверие к Думе осталось столь же низким, даже еще несколько ослабло, а уровень недоверия стабильно держался на отметке 33—38%. К тому же обнаружилось, что Госдума обладала наименьшим доверием по сравнению не только с центральными властными институтами, но и с региональными управленческими и законодательными структурами (*табл. 98*).

В конце сентября 2000 г. три четверти граждан страны (74%) ничего не знали о работе в Госдуме депутатов от их территориальных округов, которых они выбирали в декабре 1999 г.⁸⁶

Не столько наблюдения за работой депутатов в Думе, сколько социальные макрообстоятельства, трансформировали электоральные установки населения. Политическое сознание россиян было таково, что в период между выборами большинство людей как бы забывало о существовании относительно небольших партий и становилось двухполюсным. Красный электорат сохранял верность КПРФ, а не желавшие голосовать за левых в основном склонялись к поддержке партии власти, ассоциируемой с именем В. Путина. Самые значительные потери в области общественного внимания и доверия за год, прошедший после выборов, понес блок Ю. Лужкова — Е. Примакова: электорат этих политиков уменьшился почти в три раза. Принимая во внимание программную и кадровую близость ОВР и «Единства», можно сказать, что блок «выдохся», он остался без будущего (*табл. 99*).

Таблица 98

**Динамика доверия/недоверия россиян
органам государственной власти, %**

Органы власти	Органы власти, вызывающие положительное отношение, доверие				Органы власти, вызывающие отрицательное отношение, недоверие			
	2000 г.			I кв. 2001 г.	2000 г.			I кв. 2001 г.
	II кв.	III кв.	IV кв.		II кв.	III кв.	IV кв.	
Администрация президента	25	24	23	25	19	20	22	21
Администрация вашего города, поселка, села	16	16	17	17	28	27	28	28
Администрация вашей области, края	12	12	13	15	20	20	22	22
Правительство РФ	17	13	13	13	18	19	22	24
Совет Федерации РФ	9	6	6	6	15	17	19	19
Государственная Дума РФ	9	7	6	6	34	33	35	38
Законодательное собрание, Дума вашей области (края, республики)	4	4	5	4	16	17	20	21

Таблица 99

**Электоральные предпочтения россиян
спустя год после выборов Госдумы, %**

Электораты партий, движений, блоков	Официальные результаты голосования на выборах в Думу (декабрь 1999 г.)	Если бы парламентские выборы состоялись в ближайшее воскресенье, то за какую партию (избирательное объединение) Вы бы проголосовали? (декабрь 2000 г.)
КПРФ	15,2	17
«Единство» («Медведь»)	14,6	16
ОВР	8,3	3
СПС	5,3	5
Блок Жириновского (ЛДПР)	3,7	3
«Яблоко»	3,7	5
Не участвовали в выборах	38,8	27

Чуть позже ситуация стала еще более простой. Если бы выборы в Государственную Думу состоялись в марте 2001 г., то около четверти россиян, возможно, не участвовали бы в них. Явное меньшинство (10%) голосовало бы за партии правой ориентации, и четверть (25%) выступила бы на стороне левых политических сил. Но большая часть граждан (35%) поддержала бы на выборах партию власти — партию президента В. Путина.

Выбор, в котором россияне не разочаровались

Одно из кардинальных политических решений, которое россияне приняли осенью последнего года эпохи Б. Ельцина, — это высочайшая поддержка В. Путина, фактически не оставлявшая ни у кого сомнений в том, что граждане России отдадут ему свои голоса на президентских выборах 2000 г., если он выставит свою кандидатуру. Более того, по сути, в конце 1999 г. они выдвинули его на пост президента страны.

В середине января 2000 г. три четверти россиян (76%) не исключали для себя возможности проголосовать за В. Путина на президентских выборах и свыше половины (53%) заявили, что отдали бы за него свой голос, если бы выборы проводились в ближайшее воскресенье. В победе В. Путина на выборах не сомневались 70% опрошенных⁸⁷.

Последовала короткая избирательная кампания, результат которой был прогнозируем общественным мнением, журналистами, политическими обозревателями. 26 марта 2000 г. В. Путин стал президентом России. Он победил в первом туре, набрав почти 53% голосов избирателей и заметно опередив Г. Зюганова (29%), пришедшего к финишу вторым. 7 мая состоялась инаугурация нового президента.

Не рассматривая отношения россиян к различным действиям В. Путина и политико-экономическим событиям, составлявшим содержание первого года его президентства, отметим главное: мнение большинства населения о президенте оставалось в течение этого времени на редкость стабильным и доброжелательным. Начиная с весны 2000 г. и до конца марта 2001 г. доля россиян, заявлявших о своем доверии президенту, варьировалась в интервале от 63% до 69%. При этом не более чем один

человек из десяти (5—9%) характеризовал свое отношение к В. Путину как негативное.

Каждую неделю россияне оценивали работу В. Путина на посту президента, и чаще всего ими использовалась оценка «удовлетворительно». В первом квартале 2000 г. в среднем 40% населения прибегало к этой оценке, к концу года частота использования этого балла постепенно выросла почти до 50% и оставалась фактически неизменной до конца марта 2001 г. Частота оценок «хорошо» и «отлично» колебалась в интервале от 8% до 10% весной 2000 г. и от 3% до 5% — год спустя. Доля оценок «плохо», как правило, превышала долю «хороших» оценок на 1-2 п.п., а доля оценок «очень плохо» была на 1-2 п.п. ниже доли «отличных» баллов.

Таким образом, ожидания основной части избирателей, голосовавших за В. Путина, в целом сбылись: он оказался именно тем президентом, который был нужен россиянам, уставшим за почти десять лет ельцинского руководства страной и ожидавшим стабильности в политике и улучшения дел в экономике и социальной сфере.

Безусловно, определенная часть общества ожидала большего, более заметных успехов, но их ожидания не сбылись. Однако анализ структуры оценок деятельности президента позволяет сделать вывод о том, что далеко не все люди, рассчитывавшие на несостоявшееся «чудо», стали негативно относиться к В. Путину. Часть из них просто стала рациональнее воспринимать реальность и глубже осознавать проблемы России и проблемы, решавшиеся президентом. Видимо, разобравшись в своих мыслях и чувствах, многие поняли и приняли путинскую тактику неспешного и, по возможности, безошибочного движения вперед.

Многие эксперты критиковали В. Путина за то, что его решения излишне часто готовились узким кругом кремлевских чиновников, но массы населения относились к этому факту достаточно безразлично. Болевой точкой сознания оставалась Чечня. И хотя война не была остановлена, и в марте 2000 г. не было видно ее конца, люди осознавали, что театр военных действий локализован и действия федеральных войск не оборачиваются позором для всей страны (*табл. 100*).

Таблица 100

Отношение к В. Путину после первого года его президентства, %

Оценки деятельности В. Путина			Баланс оценок (Δ)
<i>Вы ожидаете или не ожидаете, что в работе В. Путина произойдут изменения, и если да, то каких изменений Вы ждете — положительных или отрицательных</i>			
положительных	не ожидаю	отрицательных	+66
71	24	5	
<i>На Ваш взгляд, за год пребывания на посту президента В. Путин сделал больше положительного или больше отрицательного?</i>			
положительного	затрудняюсь ответить	отрицательного	+58
66	26	8	
<i>Год назад В. Путин был избран президентом России. Если говорить в целом, в деятельности В. Путина на посту президента было больше достижений или неудач?</i>			
достижений	затрудняюсь ответить	неудач	+46
60	26	14	
<i>Как Вам кажется, за последний год в жизни России произошли перемены к лучшему, к худшему или никаких перемен не произошло</i>			
к лучшему	никаких перемен не произошло	к худшему	+34
47	40	13	
<i>Скажите, пожалуйста, деятельность В. Путина на посту президента в целом соответствует или не соответствует тому, что лично Вы от него ожидали?</i>			
соответствует	затрудняюсь ответить	не соответствует	+20
53	17	30	
<i>Вы лично сегодня относитесь к В. Путину лучше, чем год назад, хуже или так же, как год назад?</i>			
лучше	так же	хуже	+14
25	63	9	

Опросы, проведенные в марте 2001 г., через год после избрания В. Путина президентом, показали, что более половины россиян (60%) видели в его деятельности больше достижений, чем неудач, а четверть (26%) имела по этому поводу неопределенное мнение. Половина населения (53%), наблюдая в течение года за деятельностью президента, считала, что она соответствует их ожиданиям. Очевидно, что сам по себе этот факт не характеризует действия президента ни с негативной, ни с позитивной стороны, но он свидетельствует о прогнозируемости его действий.

Около трети избирателей (30%) изменило свое отношение к В. Путину, стало думать о нем иначе, чем раньше. Ясно, что эти изменения были и в лучшую, и в худшую сторону. Одни избиратели, в период президентской кампании не считавшие В. Путина лучшей кандидатурой на пост главы государства, нашли в его словах и делах некие достаточно значимые позитивные элементы и изменили свои оценки в лучшую сторону. Другие, ожидавшие быстрого и заметного улучшения жизни страны, не увидели его, и потому отношение этих групп населения к президенту стало более скептическим. Статистика показывает, что первая группа (то есть улучшившие свое отношение к президенту) оказалась более многочисленной, чем вторая. За год почти две трети россиян (63%) не изменили своего отношения к В. Путину, у четверти (25%) оно стало лучшим, и лишь у одного человека из десяти (9%) ухудшилось.

Основания для перемены отношения к В. Путину обнаруживаются в распределении мнений населения по поводу итогов работы за год. Две трети (66%) граждан увидели в них больше положительного, чем отрицательного. Еще одна четверть (26%) затруднилась в оценке баланса позитивных и негативных результатов работы главы государства, и лишь немногие (8%) вывели негативную суммарную оценку. Почти половина россиян (47%) признала, что перемены в стране принесли некоторое улучшение жизни, четверо из десяти (40%) никаких изменений не обнаружили — по их мнению, все было как при Б. Ельцине, и 13% оценили годовые перемены в жизни России негативно.

Отвечая на открытый вопрос: *«В чем, по Вашему мнению, состоит главное, самое существенное достижение В. Путина за время его работы на посту президента России?»* — около четверти респондентов (23%) выделили положительные итоги социальной политики, проводившейся президентом. Среди них — повышение пенсий (*«пенсию увеличил пенсионерам», «Ельцин-то не больно пенсии прибавлял, а Путин все-таки не забывает стариков — делает прибавки», «для пенсионеров сделали доброе дело — повысили пенсию», «дважды повышал пенсии»*); своевременность выплат пенсий и заработной платы бюджетникам (*«входят в колею с зарплатой», «вовремя получаем пенсии», «более стабильно стали выдавать зарплату»*); забота о людях (*«для людей стараются, чтобы они жили хорошо», «молодец, думает о народе», «вникает в народные нужды»*).

Следующее по интенсивности упоминаний (6%) направление улучшения жизни в стране — это внутренняя политика, укрепление власти. Общественное мнение отметило кадровую политику президента («замена руководителей силовых структур», «навел порядок в министерствах», «близко подошел к сокращению чиновничьего аппарата»); усиление влияния в регионах («назначил главами регионов своих представителей»; «ограничение полномочий местной администрации», «деление России на округа стабилизирует ситуацию», «строит вертикаль власти»); наведение порядка («больше порядка», «встряхнул страну — появился порядок», «дисциплина во власти») и усиление армии («серьезное затыкание с ВПК», «поднимает престиж армии»).

Несмотря на затянувшуюся войну в Чечне и нерешенность вопросов будущего республики, некоторая часть россиян — 6% — признала успехи В. Путина и в этой сфере («Чечня хоть немного налаживается», «Чечня — взялся за нее», «Чечня — есть какие-то позитивные сдвиги», «прикрыл черную дыру, которой является Чечня»).

Отмечали люди и стабилизацию, некое упорядочение жизни, обращая при этом внимание на общий социально-политический климат в стране, на более устойчивую экономику и менее взвинченную политическую атмосферу. В частности, они говорили: «добился стабильности», «обстановка нормализуется», «дергаться перестали из стороны в сторону», «стабилизация экономической обстановки в стране», «стабильное политическое положение в стране».

Указывая на позитивные сдвиги в экономике и определенный рост оптимизма, люди говорили: «инфляция стала меньше, раздали долги», «заработали производства», «доллар не подорожал сильно», «отказываемся от западных кредитов», «поднял дух народа», «заставил поверить людей во что-то лучшее», «веру в Россию поднял», «сумел примирить старшее поколение и молодежь», «пошли немного вперед, и люди немного повеселели», «мы поверили в него».

Среди важнейших неудач В. Путина, допущенных им в первый год его руководства страной, общественное мнение прежде всего (14%) фиксировало продолжавшийся военный конфликт в Чечне: «война в Чечне не может закончиться», «войну не может остановить», «война в Чечне не окончена». Второе (5%) — это поведение В. Путина непосредственно после гибели атомной подводной лодки «Курск»: «его действия во время гибели «Кур-

ска» не очень понятные для народа», «в момент гибели подводной лодки он должен быть с народом», «отдыхал, возмнил о себе», «лодка утонула — ему по барабану: отдыхал, загорал». Некоторые (4%) отмечали не нравящиеся им черты личности президента и его стиля работы: «мягко ведет себя в правительстве», «не принимает никаких решений, слабый, безвольный человек», «не хватает смелости, миндальничает», «нерешителен», «ему надо быть жестче с очевидными недоброжелателями страны», «ничего до конца не довел, за все берется сразу, а толку мало», «нет серьезных видимых улучшений в жизни России», «нет конкретных действий — одни разговоры».

Массовая поддержка В. Путина в значительной степени определялась не столько заметными успехами в развитии страны, сколько тем, что для подавляющего числа россиян президент выступал как «свой». Многие находили в нем, в его биографии, в его словах и поступках нечто понятное им и потому одобряемое, вызывавшее доверие к Путину человеку, а затем и к Путину политику. Сохранялось его, скажем так, «тефлоновое покрытие», то есть в глазах населения к образу В. Путина ничего негативного не приставало. Более того, его действия воспринимались как подтверждение правильности позитивного отношения к нему. Существует множество механизмов социального «растопывания», растворения популярности, но с В. Путиным в течение первого года его президентства этого не произошло.

Отсюда — и очень высокий оптимизм общественного мнения в отношении деятельности В. Путина. Лишь 5% наших сограждан в марте 2001 г. ожидали отрицательных изменений в работе президента. Четверть (24%) полагала, что никаких серьезных трансформаций в его деятельности не произойдет. Однако подавляющее большинство россиян (71%) считало, что позитивный потенциал В. Путина далеко не исчерпан и потому в его деятельности появятся новые положительные грани.

¹ Россияне убеждены: для страны 1998 год был неудачным (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-247.htm#1>).

² Россияне недовольны прошедшим годом (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-247.htm#2>).

³ Что ждет Россию в наступающем году? (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-247.htm#3>).

⁴ Что ждет россиян в наступающем году? (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-247.htm#4>).

- ⁵ Кризис — главное событие в России 1998 года (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-247.htm#5>).
- ⁶ Об инфляционных ожиданиях россиян (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-251.htm#4>).
- ⁷ Как сохранить сбережения? (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-252.htm#3>).
- ⁸ Доверяют ли россияне правительству и его главе? (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-253.htm#3>).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ О коррупции в правительстве Е. Примакова (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-256.htm#5>).
- ¹¹ Коррупция процветает повсеместно (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-271.htm#4>).
- ¹² Москва — столица российской коррупции: миф или реальность? (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-270.htm#3>).
- ¹³ Коррупция в России неискоренима (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-257.htm#3>).
- ¹⁴ О проблемах россиян (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-254.htm#3>).
- ¹⁵ С Е. Примаковым россияне чувствовали себя спокойно (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-266.htm#2>).
- ¹⁶ Отстранение Е. Примакова не поддержано россиянами (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-265.htm#2>).
- ¹⁷ Е. Примаков ближе всех к образу «идеального президента» (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-282.htm#2>).
- ¹⁸ Россияне о С. Степашине (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-266.htm#1>).
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Смена правительства вызвала пессимистические настроения (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-266.htm#3>).
- ²³ Отношение к Е. Примакову после отставки (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-266.htm#4>).
- ²⁴ В чем сможет преуспеть правительство С. Степашина? (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-268.htm#1>).
- ²⁵ Популярность С. Степашина растет (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-272.htm#1>). С. Степашин завоевывает симпатии населения (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-274.htm#1>).
- ²⁶ Популярность С. Степашина растет (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-272.htm#1>).
- ²⁷ Ельцин Б. Президентский марафон. М., 2000. С. 314.
- ²⁸ Население не одобряет частой смены главы правительства (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-278.htm#2>).
- ²⁹ Ельцин Б. Президентский марафон. М., 2000. С. 384.
- ³⁰ В. Путин завоевывает симпатии населения (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-281.htm#1>). Популярность В. Путина стремительно растет (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-284.htm#1>).
- ³¹ Правительство В. Путина: прогнозы россиян (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-279.htm#1>).
- ³² Популярность В. Путина стремительно растет (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-284.htm#1>).

- ³³ Основные качества В. Путина в представлениях россиян (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-284.htm#2>).
- ³⁴ Залог успеха премьера — преодоление хозяйственного кризиса (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-282.htm#1>).
- ³⁵ Чего россияне ждут от В. Путина (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-286.htm#1>).
- ³⁶ Популярность В. Путина стремительно растет (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-284.htm#1>).
- ³⁷ Путин (http://classic.fom.ru/week/wd_03.htm).
- ³⁸ Популярность В. Путина стремительно растет (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-284.htm#1>).
- ³⁹ Рейтинг В. Путина вновь вырос (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-292.htm#1>).
- ⁴⁰ 100 дней правительства В. Путина (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-293.htm#1>).
- ⁴¹ Парламентские выборы: расстановка сил (<http://classic.fom.ru/obzor/o448.htm#1>).
- ⁴² Обзор опроса 30-31 января 1999 г. Парламентские выборы: новые нюансы (<http://classic.fom.ru/obzor/o1021.htm#1>).
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Парламентские выборы: новые нюансы (<http://classic.fom.ru/obzor/o1021.htm#3>).
- ⁴⁵ О предстоящих парламентских выборах: кто победит? (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-276.htm#1>).
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ За последний год число сторонников А. Лебеда уменьшилось вдвое (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-268.htm#3>).
- ⁴⁸ «Отечество» и партии региональных политиков: кто популярнее? (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-268.htm#4>).
- ⁴⁹ Что думают россияне о депутатах Госдумы (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-259.htm#3>).
- ⁵⁰ Об очередных выборах в Госдуму (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-265.htm#4>).
- ⁵¹ О сторонниках Г. Зюганова (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-276.htm#2>).
- ⁵² О возможных политических коалициях «Отечества» (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-276.htm#3>).
- ⁵³ Об электорате «Яблока» (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-291.htm#2>).
- ⁵⁴ «Яблоко»: идти на выборы вместе или отдельно? (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-277.htm#1>).
- ⁵⁵ Опрос проведен РОМИРом в начале августа 1999 г. Данные любезно предоставлены генеральным директором РОМИРа Е. Башкировой и сотрудницей этого центра С. Стройкиной.
- ⁵⁶ Все шкалы ранжированы по величине индекса, замеряющего их различающую способность (отношение разности между максимальной и минимальной величиной средних, деленной на максимальное значение средней). Первые 13 шкал являются «различающими» характеристиками, а оставшиеся семь — слабо различающими.
- ⁵⁷ В. Жириновский — «антигерой»? (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-257.htm#2>).

- ⁵⁸ О В. Жириновском и его партии (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-280.htm#3>).
- ⁵⁹ Парламентские выборы: прогнозы и предпочтения избирателей (http://classic.fom.ru/obzor/o1051_3.htm).
- ⁶⁰ Е. Примаков (http://classic.fom.ru/week/wd_04.htm).
- ⁶¹ Ю. Лужков (http://classic.fom.ru/week/wd_08.htm).
- ⁶² Избирательная кампания: смена лидера (http://classic.fom.ru/obzor/o1063_2.htm).
- ⁶³ Избирательная кампания: смена лидера (http://classic.fom.ru/obzor/o1063_2.htm).
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Об электорате «Яблока» (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-291.htm#2>).
- ⁶⁶ С. Степашин (http://classic.fom.ru/week/wd_10.htm).
- ⁶⁷ Г. Явлинский (http://classic.fom.ru/week/wd_06.htm).
- ⁶⁸ Избирательная кампания: смена лидера (http://classic.fom.ru/obzor/o1063_2.htm).
- ⁶⁹ Об электорате «Яблока» (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-291.htm#2>).
- ⁷⁰ Подъемы и спады популярности А. Лебеда (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-289.htm#2>).
- ⁷¹ О «Союзе правых сил» и его лидерах (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-284.htm#3>).
- ⁷² Электоральный потенциал КППФ (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-288.htm#2>).
- ⁷³ Отношение к предвыборным блокам (http://classic.fom.ru/week/wd_22.htm).
- ⁷⁴ Блок С. Шойгу: стартовые позиции (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-288.htm#1>).
- ⁷⁵ «Медведь» набирает силу (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-294.htm#2>).
- ⁷⁶ Электоральный потенциал КППФ (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-288.htm#2>).
- ⁷⁷ О «Союзе правых сил» и его электорате (<http://classic.fom.ru/fominfo/99/info-292.htm#4>).
- ⁷⁸ Экспресс-бюллетень от 17 декабря. (http://classic.fom.ru/other/expr_9.htm).
- ⁷⁹ Бызов Л. Парламентские выборы как этап в формировании консенсусного общества (анализ электоральных предпочтений) // Россия в избирательном цикле 1999-2000 годов (электронная версия: (<http://pubs.carnegie.ru/books/2000/09np/pics/tbl38.asp>)).
- ⁸⁰ Официальный прогноз фонда «Общественное мнение» (<http://classic.fom.ru/other/o1078.htm>).
- ⁸¹ Итоги голосования по федеральному округу (http://www.fci.ru/gd99/vb99_int/default.htm).
- ⁸² Государственная Дума РФ (<http://www.fom.ru/reports/frames/t000330.html>).
- ⁸³ Государственная Дума РФ (<http://www.fom.ru/reports/frames/tm000107.html>).
- ⁸⁴ Селезнев Г.Н. (<http://www.fom.ru/reports/frames/t000433.html>).
- ⁸⁵ Рейтинги доверия/недоверия политикам (<http://www.fom.ru/reports/frames/d012403.html>).
- ⁸⁶ Государственная Дума РФ (<http://www.fom.ru/reports/frames/t906709.html>).
- ⁸⁷ В. Путин: кредит доверия (<http://www.fom.ru/reports/frame/of000602.html>).

Вместо заключения

Власть и общественное мнение*

Все предыдущие очерки имеют единую организацию текста. Прежде всего перечисляются важнейшие события соответствующего периода. Вместе они образуют, точнее сказать, намечают общий социальный контекст, на фоне которого развивается то или иное кульминационное событие рассматриваемого отрезка истории страны, и далее анализируется мнение россиян по поводу этого важнейшего события.

Специфика заключительного очерка принципиально отличает его от всех хронологически упорядоченных разделов книги. В нем обсуждается не отношение россиян к тем или иным социально-политическим реалиям ельцинской эпохи, а некие новые реалии в отношении высшего руководства страны к общественному мнению.

Политические, социально-исторические и социально-психологические обстоятельства проведения президентской кампании 1996 г. стали импульсом для возникновения принципиально нового научно-политического феномена, который, очевидно, ранее возникнуть не мог, но мог родиться значительно позже. Речь идет об организации мониторинга общественного мнения населения России, являющегося частью информационной системы обслуживания одновременно общества и президента страны.

Иными словами, 1996 г. можно рассматривать в качестве точки кульминации почти сорокалетнего процесса развития исследований общественного мнения в СССР и позже — в России. У нас нет сейчас возможности даже для беглого анализа отечественной истории изучения общественного мнения, но все

* Автор очерка Б.З. Докторов.

же попытаемся хотя бы кратко прокомментировать основные вехи.

В 1960—1980 годах многие социологи в различных научных центрах занимались исследованием теоретических вопросов функционирования общественного мнения в советском обществе. Еще большее число специалистов достаточно регулярно проводили зондажи мнений по множеству аспектов жизни трудовых коллективов, а также измеряли отношение населения к социальным проблемам регионов и — иногда — страны в целом. Общий результат всех этих теоретико-методологических и методико-организационных разработок можно представить как кабель, сплетенный из множества проводов различного цвета, каждый из которых выполняет разную функцию и пропускает ток различной силы. Однако есть в этом кабеле провод, выдерживающий самую высокую нагрузку и потому во многом определяющий его рабочие характеристики. Назовем его «линией Грушина».

В нашей работе невозможно подробно рассказать о других «линиях» исследования общественного мнения в советской социологии 70-х — конца 80-х годов. Укажем лишь две из них: изучение общественного мнения производственных коллективов и анализ предпочтений аудитории средств массовой информации.

Обратимся теперь к тому подходу к анализу общественного мнения, который мы назвали «линией Грушина». Опуская множество деталей, подчеркнем, на наш взгляд, главное: Б. Грушин первым среди советских социологов доказал теоретически и проиллюстрировал на материалах опросов многослойность общественного мнения как культурного феномена. При этом многоаспектностью и многокачественностью, или «сложностью», он наделял не только общественное мнение как некое социологическое и социально-психологическое образование, но и ту его модификацию, которая исторически сложилась и функционировала в СССР к началу 1960-х годов. Еще тогда Б. Грушин определил общественное мнение как *«общественное сознание со сломанными внутри него перегородками»*¹, таким образом указав, что в общественном мнении перемешаны отголоски многих форм социальной рефлексии по поводу разных аспектов действительности. Получалось, что общественное мнение не одномерно, не стабильно, не гомогенно, не локально, не

монотонно, не одноцветно, не логично, не рационально, не гармонично, не практично.

Но одновременно — в определенных исторических обстоятельствах и конкретных ареалах социального организма — общественное мнение может быть в порядке первого приближения рассмотрено как одномерное, достаточно устойчивое, относительно однородное и даже монистичное, пространственно ограниченное, однонаправленно изменяющееся, одноцветное, могущее аргументировать особенности своего строения, вырабатывающее механизмы взаимоотношений между разными его элементами и предлагающее властным структурам определенные конструктивные рекомендации.

Из грушинского определения общественного мнения вытекает абсурдность допущения о логической, а значит, и технологической простоте его изучения. Следовательно, вопрос о технологии исследования общественного мнения превращается из инструментального в сущностный. Ибо используемые технологии в конечном счете детерминируют не только получаемые социологами результаты, но и место общественного мнения в системе функционирования всех важнейших институтов общества. Посему общественное мнение невозможно изучать только здесь и сейчас, с помощью одного неизвестно кем и как настроенного измерительного инструмента. Его необходимо изучать всегда и везде и применять при этом разные измерительные приборы с тщательно калиброванными шкалами.

Теперь уточним, в силу каких причин серьезное участие исследователей общественного мнения в организации избирательной программы Б. Ельцина в 1996 г. следует рассматривать: а) в качестве кульминационной точки процесса развития методологии и технологии исследования общественного мнения в СССР и постсоветской России и б) в качестве события, расположенного именно на «линии Грушина».

На наш взгляд, признание того, что то или иное событие является точкой кульминации («точкой сгущения») в процессе развития советско-российских исследований общественного мнения, автоматически привязывает его к «линии Грушина», а не к какой-либо иной траектории в истории исследования общественного мнения в нашей стране.

Обозначим основные события, которые наверняка при любых обстоятельствах признаются научным сообществом как «точки сгущения» в истории становления отечественных исследований общественного мнения.

Всему начало — Институт общественного мнения «Комсомольской правды» (ИОМ «КП»), возникший в мае 1960 г.; его организатором был Б. Грушин, и первый опрос был проведен 10-14 мая². Он состоялся через две недели после первомайского инцидента, когда сбили американский самолет-разведчик и на Урале был пленен летчик Пауэрс. Тема зондажа «Удастся ли человечеству предотвратить мировую войну?» была в тот момент весьма актуальной, но, заметим, напрямую не связанной с этим событием. Хотя опрос проводился под эгидой газеты, это было анкетирование 1000 человек, живших в 10 населенных пунктах России, Белоруссии, Украины и Молдавии, расположенных на 30-м, Пулковском меридиане. Самой северной точкой был город Никель, вблизи границы с Норвегией, самой южной — воинская часть под Тирасполем. В каждом населенном пункте опрашивалось по 100 человек, и хотя совокупная выборка не представляла все население СССР, разработчики все же контролировали ее состав по пяти параметрам: район места жительства, тип поселения, род занятий, пол и возраст.

Результаты опроса были опубликованы в «Комсомолке» 19 мая 1960 г. Почти через 40 лет Б. Грушин вспоминает: «Помню, мы просидели всю ночь в кабинете главного редактора, ожидая, как новшество будет принято ЦК КПСС. Рано утром Воронову позвонили от «первого» и сообщили: «Никита Сергеевич, которому показали свежий номер, сказал: «Прекрасно». Поздравляем с большим успехом». На следующий же день газета «Правда» (получить похвалу от которой было совершенно невозможно) в коротенькой заметке «Из последней почты» оказала нам полную поддержку, и мы торжествовали победу. Эта победа стала еще большей после того, как началось просто буйство в западной прессе по поводу того, что в Советском Союзе открыт Институт общественного мнения»³.

ИОМ создавался редакцией «КП» на свой страх и риск, но западные специалисты, да и некоторые люди в СССР, рассматривали его как детище ЦК КПСС или даже КГБ. Очевидно, что Институт не мог действовать, нарушая правила Отдела пропаганды ЦК, но все равно оставались достаточно широкие воз-

возможности для его деятельности. Во всяком случае, Б. Грушин говорил, что за все годы к ним не поступало «сверху» указаний о тематике опросов и о том, как следовало бы интерпретировать получаемую информацию⁴. Но наступили другие времена, и в конце 1967 г. ИОМ «КП» закрыли: тогдашнему руководству ЦК ВЛКСМ пришлось не по душе выводы опроса «Молодежь о комсомоле», утверждавшие, что новое поколение граждан страны разочаровано в комсомоле⁵.

Вторая важная точка в становлении советской социологии общественного мнения, в частности в области методики и технологии массовых опросов, — это проведенный Б. Грушиным проект «Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов». Он справедливо считается самым крупным проектом в истории советской социологии и одним из крупнейших в мировой социологической науке. Работа была начата в 1966-м, завершилась — в 1974 г. Результаты проекта отражены в сотнях публикаций, по ним защищено более 20 диссертаций. Но главная книга по материалам исследования⁶, содержащая анализ лишь небольшой части собранной информации, вышла в свет только в 1980 г. Даже сухая статистика проекта, проведенного в Таганроге, и через три десятилетия впечатляет своими масштабами: 76 тесно связанных друг с другом и одновременно относительно самостоятельных исследований, 23 анкетных опроса, 17 опросов с применением интервью (почти 11 тысяч личных интервью), 18 исследований на базе контент-анализа; в проекте было 85 полевых документов общим объемом почти 60 печатных листов⁷.

Инициатором Таганрогского проекта был отдел пропаганды ЦК КПСС, во главе которого стоял А.Н. Яковлев, будущий «архитектор перестройки». Кроме того, в судьбе исследования ключевую роль сыграли видный партийный функционер тех лет, а позже директор Института философии АН СССР Г.Л. Смирнов и консультант отдела пропаганды ЦК КПСС Л.А. Оников — человек, очень много сделавший для развития социологии в стране. В его воспоминаниях приведены весьма любопытные примеры, как приходилось действовать высокопоставленному партийному работнику, чтобы в рамках существовавших правил, — мягко говоря, не поощряв-

ших проведение социологических исследований, — завершить проект⁸.

И все же, хотя КПСС сама породила проект, она же позже и погубила его. Без поддержки на самом высшем партийно-государственном уровне проект невозможно было начать, но даже при той же поддержке его уже нельзя было завершить. «Формально, — пишет Б. Грушин, — у нас был очень сильный заказчик — ЦК КПСС. Однако с первого дня мы осознавали, что вся эта информация никому не нужна»⁹. И было ясно, почему: ведь исследование показывало, что власти бездействовали, а работа средств массовой информации была сплошной кампанейщиной.

До появления следующей точки кульминации в процессе создания теории и совершенствования практики изучения общественного мнения в Советском Союзе прошло много времени. Она датируется 7 декабря 1987 г. В тот день было подписано Постановление Президиума Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов и Госкомтруда СССР «О создании Всесоюзного центра изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам» (ВЦИОМ), и тем самым реализовано решение ЦК КПСС и Совмина СССР, принятое в апреле того же года. Руководить Центром было предложено академику Т. Заславской — одному из, как тогда говорили, «прорабов перестройки», имевшей огромный научный и моральный авторитет не только среди обществоведов, но и в среде интеллигенции.

В силу многих причин ВЦИОМ сразу стал флагманом исследований общественного мнения в СССР. Он сохраняет лидерские позиции более десяти лет. Прежде всего, это произошло потому, что его первому директору удалось собрать удивительно мощный научный коллектив. Теоретическим отделом руководил признанный специалист в области социологии культуры и общественного сознания Ю. Левада, который с 1992 г. является директором ВЦИОМа. Вместе с ним в Центр пришла очень сильная команда культурологов. Известный экономист и социальный исследователь В. Рутгайзер возглавил работу по анализу отношения общества к горбачевским экономическим нововведениям.

Вместе с тем, и сам факт возникновения ВЦИОМа, и то, каким образом сложилась технология его деятельности, во

многим определяются личной ролью и исследовательским багажом Б. Грушина. Через десять лет после открытия ВЦИОМа Т. Заславская отметила, что у нее не было собственного опыта изучения общественного мнения — сфера ее научных интересов охватывала прежде всего экономическую социологию и социологию села. Потому, когда ей предложили организовать первую в стране специализированную систему по измерению общественного мнения, она согласилась на это, «но при обязательном условии — чтобы заместителем был Борис Грушин». Он проработал во ВЦИОМе недолго, всего два года, но, по словам Т. Заславской, «сделал очень многое, он действительно в основном поставил работу по изучению общественного мнения»¹⁰. Ю. Левада вспоминает, что при создании ВЦИОМа приходилось долго и упорно убеждать высокие инстанции в том, что новая организация не только не окажется опасной, но принесет им пользу, — «что и сумели сделать Б.А. Грушин и Т.И. Заславская»¹¹.

Представляется, что рассмотренные три «точки» позволяют достаточно четко прочертить «линию Грушина» в сорокалетней истории советских и российских исследований общественного мнения.

Выше отмечалось, что авторы этой серии очерков в конце 1980-х — начале 1990-х работали во ВЦИОМе: А. Ослон руководил отделом компьютерной обработки информации и был заместителем директора, Е. Петренко была ученым секретарем Центра, Б. Докторов возглавлял ленинградский (позже петербургский) филиал, являвшийся элементом периферийной сети ВЦИОМа по сбору первичной информации. Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), созданный в 1992 г. двумя авторами этой книги — А.А. Ослоном и Е.С. Петренко, зародился в структуре ВЦИОМа и, естественно, опирался в своей работе на те принципы и ту систему сбора и анализа данных об общественном мнении, которые были сформулированы и сконструированы Б. Грушиным.

Факт зарождения ФОМа в недрах ВЦИОМа важен в историко-научном плане, ибо он обозначает существование внутренней связи между технологиями — в широком смысле слова — измерения общественного мнения, используемыми этими двумя исследовательскими организациями. Но, с другой стороны, этот факт, конечно же, не объясняет в полной мере,

почему включенность Фонда в систему информационного обеспечения избирательной кампании Б. Ельцина может быть рассмотрена как событие, расположенное именно на «линии Грушина». Необходимые аргументы лежат в ином, более общем политико-научном пространстве.

Даже в конце 80-х в СССР продолжала действовать вся система общественных макроотношений, которая, декларируя важность учета общественного мнения населения — «все для народа», фактически препятствовала его изучению. В стране не существовало ни одной организации, в функции которой входило бы регулярное изучение мнения советского народа. Более того, несмотря на уже долгий период проведения опросов общественного мнения, высокие властные структуры оставляли без внимания результаты опросов. Давались исчерпывающие объяснения: «КПСС знает ситуацию в стране».

В начале 1960-х Б. Грушину пришлось «заниматься вполне серьезно общественным мнением в безгласной стране»¹². Исследователи начала 90-х работали уже в ином информационном контексте. Гласность приучила людей к свободному и открытому обсуждению многих тем и проблем, которые ранее обсуждались только на кухнях. Это принципиально расширило границы «мира мнений» и позволило исследователям ельцинской эпохи, во-первых, зафиксировать те свойства общественного мнения, которые в качестве важнейших назывались Б. Грушиным в начале 60-х годов (в частности, плюрализм, дискуссионность, ограниченная компетентность и др.), и, во-вторых, приступить к анализу отношения населения к тем проблемам, изучение которых даже в конце 80-х было «непозволительным». Так, Ю. Левада вспоминает, что в первые годы существования ВЦИОМа разрешалось изучение общественного мнения лишь по социально-экономическим вопросам — «и никаким иным»¹³. Но это ограничение очень скоро было отменено социально-политической практикой жизни, и, например, отношение россиян к политике и политикам стало одной из важнейших тем опросов.

Изменение «вширь» и «вглубь» степени внимания населения страны к социальному миру и, следовательно, принципиальное расширение объекта общественного мнения стало первым значимым фактором необходимости пересмотра сложившейся инструментально-организационной базы изучения мнений росси-

ян. Уход с политической арены коммунистов автоматически сделал ненужным согласование предмета и деталей зондажа мнений с сотрудниками соответствующих партийных структур. Приватизация в корне изменила роль трудовых коллективов в обществе и принципиально трансформировала место даже крупнейших предприятий в создании и культивации территориальной инфраструктуры. Как следствие, существенно изменилась роль опросов на предприятиях — их количество резко пошло на убыль. Поскольку владелец предприятий не заинтересован в выделении сотрудников для сбора первичной социологической информации и никто не может его принудить к этому, задача сбора данных стала решаться с помощью профессиональных интервьюеров. Уйдя с производства, социологи вместо суперактивного использования производственных выборок для изучения мнений перешли к более цивилизованным приемам выборочного анализа — к территориальным выборочным схемам.

Само по себе создание ФОМа было достаточно обыденным, рядовым явлением для начала 90-х. В то время во многих городах открывалось множество независимых организаций, занимавшихся изучением общественного мнения и проведением маркетинговых исследований. Когда в 1996 г. ФОМ был включен в систему анализа общественного мнения для планирования и проведения избирательной кампании Б. Ельцина, в Москве уже успешно работали ВЦИОМ, VP (руководитель Б. Грушин), РОМИР (руководитель Е. Башкирова) и другие центры, имевшие не меньший, чем ФОМ, и опыт проведения опросов населения, и авторитет в российской профессиональной среде.

Но почему выбор пал на ФОМ? Ответ на этот вопрос будет дан несколько ниже, однако для истории исследований общественного мнения в стране более важным является не то, что из многих организаций был выбран ФОМ, а то, что высшим руководством России была, наконец, осознана необходимость теснейшего сотрудничества со специалистами по сбору и анализу мнений населения. Наступил момент, когда обращение к ним стало естественным в ряду других мер в борьбе за высший властный пост в России. Отказ же от сотрудничества мог обернуться крахом всех планов избирательной кампании.

Б. Ельцин ориентировался только на победу, а его предвыборный штаб понимал, что она неосуществима без надежной информации об установках электората и о том, как следует взаимодействовать с населением в целях максимального расширения крайне узкого на тот момент ельцинского электорального сегмента. К тому моменту Б. Ельцин уже «обжегся», поручив ведение предвыборной кампании О. Сосковцу, представлявшему сильный корпус политиков от ВПК, в совершенстве владевших старыми, проверенными в советское время приемами агитации. Но эти приемы не работали — их время кончилось.

От старого пришлось отказываться, а новое автоматически включало в себя изучение общественного мнения. Однако и это не все. Даже при наличии этих благоприятных для электоральных исследований предпосылок, мониторинг мнений мог и не состояться, если бы не личные качества Б. Ельцина. В конечном счете все зависело от него.

Б. Ельцин оказался готовым к восприятию резко негативной информации о себе. Что сильнее всего проявилось при этом: психологическая устойчивость к персональной критике, рациональное постижение сложившейся ситуации или способность взглянуть правде в глаза? Наверно, и то, и другое, и третье.

А ведь меньше чем за десять лет до описываемых событий газета «Аргументы и факты» опубликовала итоги одного из исследований ВЦИОМа, согласно которому среди читателей газеты наибольшим авторитетом пользовался А. Сахаров, а М. Горбачев заметно ему уступал. Генсек был обижен, сам звонил Т. Заславской (не застал, она была в больнице), а во ВЦИОМе ожидали санкций.¹⁴

Вернемся к вопросу, почему выбор пал на ФОМ? Если ответить кратко, ФОМ оказался в нужный момент в нужном месте.

К началу 1996 г. ФОМ стал самостоятельным сильным профессиональным коллективом, владевшим всем комплексом приемов изучения общественного мнения, составлявшим суть «линии Грушина». Его сотрудники имели представление о феноменологии общественного мнения и, как следствие, помимо «жестких» социологических приемов пытались разрабатывать и применять «мягкие» социолингвистические методы (см. *Прило-*

жение 3). Наконец, прогноз ФОМа в 1995 г., при мониторинге думских выборов, оказался достаточно успешным.

Кроме того, собственная аналитическая команда Б. Ельцина состояла из менеджеров, обладавших огромным опытом деятельности на общенациональном уровне и привыкших к принятию ответственных решений. Это были люди нового поколения, в основном тридцати-, сорокалетние. Естественно, в своей работе они ориентировались на сотрудничество с людьми, разделявшими их политические взгляды и говорившими с ними на одном языке. Руководитель ФОМа, с которым им пришлось вплотную работать, «проходил» по этим критериям.

В целом, руководство аналитической группой избирательного штаба президента и люди, отвечавшие за информационное обеспечение соответствующей деятельности, полагали, что ФОМ справится с решением подобной задачи.

Более детальные сведения о деятельности аналитической группы, о том, каким образом использовалась информация об общественном мнении, как к ней относился Б. Ельцин и т.д., содержатся в двух интервью с участниками этой работы, приведенных ниже.

Оба интервью были проведены автором настоящего очерка. Первое из них — с Георгием Сатаровым (*см. Приложение 1*). В 1993 г. указом президента РФ он был назначен директором Российского общественно-политического центра, а с февраля 1994-го по сентябрь 1997 г. был помощником президента по политическим вопросам. Интервью было проведено 27 июня 2000 г. На следующий день, 28 июня, состоялось интервью с Александром Ослоном, президентом Фонда «Общественное мнение», одним из авторов этой книги (*см. Приложение 2*).

В заключение отметим одно важное следствие успешного участия ФОМа в проведении президентской кампании 1996 г. Тогда Б. Ельцин впервые почувствовал потребность в регулярном ознакомлении с итогами опросов и материалами социологических исследований, и это стало элементом его повседневной деятельности. Он пишет: «До начала моих рабочих встреч и телефонных звонков я обязательно должен просмотреть газеты, журналы, дайджесты прессы и итоги социологических опросов. Без этого не могу представить себе начало своего рабочего дня»¹⁵. Потребовалось почти полвека, чтобы простейшая хрущевская реакция — «Прекрасно!» — по поводу первого оп-

роса Б. Грушина сменилась столь развернутым заявлением главы государства о важности для него информации об общественном мнении населения.

Принципиально, что деятельность ФОМа по информированию президентских структур не завершилась с окончанием ельцинской избирательной кампании 1996 г. Будь это так, имело бы смысл говорить не о новой точке отсчета в истории российских исследований общественного мнения, а скорее о памятном эпизоде. Но в интервью Г. Сатарова и А. Ослона названо множество имен высокопоставленных сотрудников администрации президента и представителей средств массовой информации, участвовавших в заседаниях аналитической группы в момент избирательной кампании Б. Ельцина и позже, когда велась подготовка к думским выборам 1999 г. С 1998 г. на заседания аналитической группы приходил В. Путин, а когда он стал премьер-министром и пришло время его президентской избирательной кампании 2000 г., в этих заседаниях начали участвовать и сотрудники его аппарата. Таким образом, материалы опросов общественного мнения (проводимых не только ФОМом) стали одним из важнейших компонентов информационного мира высших российских чиновников и ведущих журналистов крупнейших СМИ.

Итак, беглый анализ развития исследований общественного мнения в СССР и России выявил существование в нем четырех «точек сгущения», которые, на наш взгляд, являются по-своему переломными (*табл. 101*).

Таблица 101
**Основные события
в развитии исследований общественного мнения**

Период	Событие
Время Н. Хрущева; май 1960 г.	Создание Института общественного мнения «Комсомольской правды»; первый опрос
Время Л. Брежнева; 1966 — 1974 г.	Проект Б. Грушина «Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов»
Время М. Горбачева; декабрь 1987 г.	Создание ВЦИОМа
Время Б. Ельцина; март 1996 г.	Включение ФОМа в состав аналитической группы по проведению избирательной кампании по переизбранию Б. Ельцина на пост президента

До Н. Хрущева ни о каких исследованиях общественного мнения населения СССР и речи не могло быть. Возникновение ИОМ «КП» знаменовало начало эмпирических исследований общественного мнения в стране.

Одним из элементов эпохи Л. Брежнева было стремление к грандиозным проектам в различных сферах жизни общества. Брежневский режим еще мог поддержать проведение очень большого серьезного социологического проекта в период затухания волны социального оптимизма, порожденного «оттепелью»; чуть позже он уже был абсолютно не нужен. И все-таки Таганрогский проект состоялся и дал мощный импульс и для развития социологических исследований массового сознания и общественного мнения, и для деятельности средств массовой информации, и для собственно методико-методологических поисков.

Перестройка, породив ВЦИОМ, по сути придала изучению общественного мнения индустриальный характер и породила социальный заказ на мониторинг мнений практически по всему спектру социальных проблем.

Б. Ельцин осознал, что изучение общественного мнения — это не только мощнейший фактор политики самого высокого уровня, но и ее инструмент. Оказалось, что российское общественное мнение может не совпадать с мнением президента России и даже противоречить ему. Но в критический момент оно может поддержать власть.

¹ Грушин Б. Мнение о мире и мир мнений. М.: Политиздат, 1967. С. 61.

² Грушин Б. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. М., 2001. С. 69.

³ Грушин Б. Горький вкус невостребованности // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Под ред. Г. Батыгина, С. Ярмолюк. М.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 209.

⁴ Грушин Б. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. М., 2001. С. 49.

⁵ Грушин Б. Горький вкус невостребованности // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. М., 1999. С. 210.

⁶ Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования / Под ред. Б. Грушина и Л. Оникова. М.: Политиздат, 1980.

⁷ Грушин Б. Горький вкус невостребованности // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. М., 1999. С. 218-219.

⁸ Оников Л.А. «Я выполнял свой человеческий и партийный долг» // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. М., 1999. С. 229-235.

⁹ Грушин Б. Горький вкус неостребованности // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. М., 1999. С. 221.

¹⁰ Заславская Т. К десятилетию ВЦИОМ. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1998. Вып. 1 (33). С. 9.

¹¹ Левада Ю. От мнений к пониманию. М., 2000. С. 551.

¹² Грушин Б. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. М., 2001. С. 16.

¹³ Левада Ю. От мнений к пониманию. М., 2000. С. 551.

¹⁴ Там же. С. 552.

¹⁵ Ельцин Б. Президентский марафон. М., 2000. С. 177.

Приложения

Приложение 1

Георгий Сатаров: «Уважающие себя фирмы не будут врать, им это профессионально невыгодно...»

Борис Докторов: Я бы в самом общем виде сформулировал вопрос так: можно ли сказать, что высшими властными структурами в ходе разработки политических решений в какой-то мере учитывается общественное мнение россиян?

Георгий Сатаров: Можно. Скажем, во время президентской кампании 1996 г. общественное мнение учитывалось очень существенно, поскольку тогда все работало на один параметр — число потенциальных голосов у Бориса Николаевича. Причем там работа шла очень плотная, использовалась информация из большого числа центров. В основном работал Саша Ослон (он был членом Аналитической группы), и основная социологическая информация, на которую мы опирались, была ФОМовская. И тактические решения не принимались без учета социологической информации. Если президент ехал в какой-то регион, то мы замеряли общественное мнение в регионе — до поездки и после поездки и смотрели на соотношение прироста. Но был такой эпизод: когда Ельцин поехал на юг — Краснодар, Ставрополь, — по результатам замеров получился очень существенный минус.

Д.: То есть его появление привело к падению рейтинга?

С.: Да. Причина была очень проста: вся эта поездка была оформлена в таком штатном режиме классического появления президента в регионе: вокруг него дикое кольцо охраны, народ где-то далеко, помпезные, идиотские мероприятия, которые раздражают людей. Мы все измерили, и потом Чубайс¹ положил на стол президенту, во-первых, данные социологические, а во-вторых, две фотографии. Первая — президент во время кампании 91-го года: он в толпе, такой летящий, вокруг восхищенные лица, которые на него смотрят. Вторая фотография из Ставропольского края — поездка нынешняя: стоит президент такой

статусеобразный, вокруг него «гаврилы» эти самые, и где-то далеко — хмурый народ. Президент на это дело посмотрел — а это было на заседании такого маленького штаба (там Черномырдин, Илюшин², Чубайс, Филатов³ и др.) — и Коржакову говорит: «Чтобы я вас ближе, чем за полкилометра, не видел во время моих поездок!». И дальше поездки шли уже по совершенно другому сценарию, и замеры показывали устойчивый прирост. То есть социология очень существенно использовалась.

Теперь — за пределами избирательной кампании. Социологическая информация шла постоянно. Естественно, мы сотрудничали с самыми разными центрами — нам просто приносили информацию. Но кроме того, мы получали все от ФОМа. Грушин больше сотрудничал со службой помощников — с ним постоянно контактировала Людмила Пихоя⁴. В принципе Ельцин с большим пиететом к Грушину относился, не случайно ввел его в состав президентского совета.

Теперь — влияние на принятие решений. Может быть, самый яркий эпизод, когда эта информация влияла на принятие решений, это 97-й год. ...Тогда был очень высокий градус социальной напряженности — и это все постоянно мерилось. Мы не только социологическую информацию получали — мы получали информацию из регионов о формах протестной активности. Она вся обобщалась в президентском ситуационном центре, и все это превращалось в какие-то «удобоемые» выводы. И тогда (в том числе с учетом этой информации) президент фактически обновил очень сильно правительство черномырдинское, и вот появилась команда молодых реформаторов: Чубайс, Немцов и т. д. Ельцин фактически разогнал то правительство, которое Черномырдин формировал после президентских выборов.

Да, и еще очень важный сюжет. После выборов произошла вот какая интересная история: когда Чубайс стал руководителем Администрации...

Д.: Это уже 1996 год?

С.: После выборов, август 1996-го. Дальше произошла такая интересная вещь. Чубайс — человек, который очень плохо решает многокритериальные задачи. Он чрезвычайно эффективен, когда есть задача одномерная, с ясным критерием типа — число приватизированных предприятий или число набранных голосов. Как только задача многокритериальная, с конфликту-

ющими критериями, он работает по простому алгоритму: он сводит задачу к одномерной и начинает ее решать. Вот в точности так произошло, когда он стал руководителем Администрации. Он свел задачу к одномерной и в качестве критерия эффективности работы Администрации выбрал один — популярность президента, причем после выборов. И фактически все время, пока Чубайс был руководителем (и в какой-то мере — когда стал Юмашев, потом Волошин), это было одним из ведущих критериев работы Администрации. То есть Администрация начала работать как президентское PR-агентство, и поэтому, естественно, социологическая информация для них была очень существенна... Они как бы продолжили технологию выборной работы уже, так сказать, в мирное время.

Д.: И что — можно сказать, что Ельцина знакомили не только с общей идеей или состоянием общественным, градусом, но даже и с цифрами?

С.: Я могу сказать, насколько он был в курсе дела — я сейчас как раз поднимаю материалы того времени. Вот у меня лежит архив документов к выборам 1996 года: 8 сентября 1995 года — большая пресс-конференция Ельцина с отечественными и иностранными журналистами. Его спрашивают: «Борис Николаевич, сколько Вы отводите НДР?» Он говорит: «Ну, я так думаю, процентов 8-12 — в этом интервале. Но уж никак не 30-40, как они говорят». Я напому: они набрали 10,12%. То есть он своим интервалом накрыл в точности их результат — естественно, он опирался на данные, которые регулярно получал.

Д.: Теперь, если смотреть 1995 год — действительно ключевой во многих отношениях. Как же все-таки случилось, что к началу выборов у Ельцина был такой низкий рейтинг? Почему это произошло? Почему тогда имидж президента не поддерживался: не было пиаровских акций или каких-то других направлений, чтобы держать рейтинг на, скажем, приличном уровне?

С.: Мы ведь получали не только данные общих социологических исследований. Мы получали и высокопрофессиональный анализ по фокус-группам, где обсуждались его телевизионные выступления, и т.д. Мы писали аналитические записки по результатам этого: «Борис Николаевич, состояние общественного мнения такое-то, ваш образ такой-то и такой-то, нужно было бы сделать то-то и то-то...». Естественно, мы все это

пытались делать. Но пока, что называется, петух не клюнул в 96-м году, Ельцин на это очень вяло реагировал.

Д.: Еще меня интересует эпизод с назначением и быстрым освобождением Лебеда. Сыграло ли здесь свою роль общественное мнение: рост популярности генерала, его харизматичность, умение общаться с населением?

С.: Лебедь — это был чистый счет. В том числе и социологический. Мы моделировали, прогнозировали приращение во втором туре в зависимости от разного рода альянсов.

Контакты с Лебедем начались задолго до первого тура, и 15%, которые он получил, — это тоже наш общий результат, потому что, начиная с того момента, как он сказал «да», ему были переброшены колоссальные ресурсы — в первую очередь информационные. Можно просто взять статистику появления Лебеда на телевидении и посмотреть: момент договоренности — и резко подскакивает его присутствие на экране и качество этого присутствия. Потому что были брошены ресурсы, были брошены профессионалы.

Д.: То есть это просчитанный вариант на первом этапе — тандем «Б. Ельцин — А. Лебедь»?

С.: Считалось много вариантов. Это был один из возможных. Естественно, как только Лебедь сказал «да», команда наша была заинтересована, чтобы он получил как можно больше голосов...

Д.: Теперь взглянем более широко. Если рассматривать высшие эшелоны власти, можно ли заметить какую-либо тенденцию в отношении к общественности: скажем, более серьезное отношение или, скажем, более сильное манипулирование, или — «раз она есть, пускай и существует»? Просматриваются ли какие-то тенденции социального характера по отношению к роли общественного мнения или к его качеству?

С.: Можно сказать, что просматриваются. Но здесь две стороны. На верхнем уровне в целом, я думаю, социологический профессионализм растет. Растет индустрия влияния на общественное мнение, растут усилия, направленные в эту сторону. Это свидетельство того, что общественное мнение для политики вообще становится важнее. Это совершенно бесспорно. Если же говорить о конкретных политиках, то, с одной стороны, они вроде бы понимают важность этого, но объем предрассудков по поводу общественного мнения — он, пожалуй, не уменьшается.

Д.: Теперь вопрос такой: можно ли припомнить яркий пример — помимо электоральных сюжетов, — когда при принятии и реализации какого-нибудь важного политического решения в качестве составной части этого плана было предусмотрено то или иное взаимодействие с общественным мнением через массовую коммуникацию?

С.: Одна из наиболее эффективных PR-акций Кремля — март 1996 года. Государственная Дума принимает постановление о денонсации Беловежских соглашений. Взрыв! Буквально через несколько часов после этого у нас были готовы всякие аналитические, правовые и прочие разработки. Собрали журналистов (это было легко сделать, потому что они Думу не любили), раздали им материалы, на основании которых они могли готовить публикации... И пошел такой мощный поток антидумских публикаций на эту тему, что было ясно, что они проигрывают. Такую волну мощную подняли — можно просто посмотреть по прессе того времени и увидеть, как в разных публикациях раскручивались одни и те же мотивы, которые мы распространяли. Для думцев это была большая предвыборная ошибка. Это была очень эффективная антидумская PR-акция. Но за все время моего существования в Кремле таких организованных, консолидированных с журналистами акций было очень мало — по пальцам одной руки можно пересчитать.

Д.: Если их сейчас будет больше, то это будет одна из тенденций — можно так сказать? Если их тогда было мало в силу ряда причин: «нераскрученности», или непонимания, или отсутствия денег, или еще чего-то...

С.: Понимаешь, Чапек по этому поводу дал исчерпывающее определение: «я воспеваю ту собаку, которая послушно выполняет любой приказ хозяина, когда он совпадает с ее желанием». В этом смысле взаимоотношения между прессой и властью — примерно такие же. СМИ с удовольствием что-то выполняют, если это совпадает с их интересами — сильно уговаривать не надо. Выборы 96-го года — как раз тот случай.

Д.: Я понял так, что, скажем, подготовки общественного мнения к войне в Чечне фактически не было...

Хорошо, а если немножечко прокрутить назад: вы тогда какие-нибудь советы давали?.. Вообще, обсуждался ли вопрос, как готовить — как сделать, чтобы людям были более ясны цели, задачи?

С.: Если бы была такая задача, если бы Ельцин позвал трех-четыре человек и сказал, что «я собираюсь принимать тяжелое решение, обстоятельства таковы, что я вынужден его принять, и нужно подготовить общественное мнение к принятию такого решения», — то это можно было сделать. Бесспорно.

Д.: Теперь насчет ряда шагов в экономике. Я так понял, что Ельцин осознавал, что это крест. И он пошел на принятие непопулярных решений. А в последующие годы было какое-то, в старом понимании — «идеологическое», обеспечение экономической реформы: направленное объяснение, разъяснение, какое-то пропагандистское оформление экономической реформы? Или на эту тему не задумывались: пошло как пошло?

С.: Ну конечно, задумывались! Ему писали, говорили: «Борис Николаевич, вам нужно регулярно выступать с заданной периодичностью по радио, по телевидению...» Я только что поднимал материалы одного президентского совета (или какая-то встреча с экспертами у него была): ему там говорят: «Борис Николаевич, вам нужно раз в неделю выступать по радио». Он говорит: «Ну можно раз в полмесяца?». Принимается решение — все, ладно, давайте. Было одно выступление — и все, на этом цикл заканчивается.

Д.: Это непонимание или недооценка?

С.: Недооценка. Потому что после 1996 года он на это пошел — он регулярно выступал по радио, даже несмотря на то, что был в гораздо худшей форме, чем в 1994—1995 годах. Потому что для него президентские выборы — когда из трех процентов у него получилось то, что получилось — были неким серьезным уроком, насколько это важно, что нужно общаться с народом. Но было уже поздно.

Приложение 2

Александр Ослон: «Это был настоящий мозговой штурм, интеллектуальная атака...»

Борис Докторов: Прежде всего я хотел бы спросить тебя: в России, в Москве в частности, существует несколько исследовательских центров. Как сложились обстоятельства, как это все произошло, что ФОМ стал работать напрямую на высший эшелон власти, на президентские структуры?

Александр Ослон: Тут, наверное, дело случая. Это произошло в 1996 году. В начале года были совершенно пессимистические настроения, поэтому и интерес к исследованиям, и заказы — все это исчезло. Была такая пустыня — тревожное ожидание предстоящих президентских выборов. Перспективы Зюганова расценивались как совершенно однозначные, ну и все последующее рассматривалось в самом мрачном свете. Как раз в то время и произошел закулисный «дворцовый переворот», когда группа так называемых олигархов (будущих олигархов), собравшись в Давосе, решила все взять в свои руки и подойти к предвыборной президентской кампании совершенно иначе, по-новому, вытеснив чиновников, которые все это вели к неминуемому поражению Б. Ельцина.

В тот момент я пытался, как обычно перед выборами, делать какие-то предложения о проведении опросов... Об этом были всякие разговоры — в том числе и с Юрой Сатаровым. В конечном счете Юра мне устроил возможность выступить пять минут перед группой, которая занималась выборами, — одной из противоборствующих групп, которую возглавлял первый помощник президента В. Илюшин. Там сидели известные люди (в том числе Б. Грушин). Это было 21 марта 1996 года. Я пришел, у меня было пять минут, я рассказал, они покивали головами. И я ушел, понимая, что предвыборный пирог жирный, желающих много, и совершенно не предполагая, что это будет иметь продолжение.

В этот же день был один семинар, и меня на этом семинаре отыскивали и вызвали еще раз туда же, в Кремль, в ту же комнату. Я пришел, там сидели уже другие люди, часть из тех, кто был утром (но Б. Грушина не было): Ю. Сатаров, С. Шахрай⁵... В. Илюшина тоже не было. Потом вошел А. Чубайс, снял пиджак, сел во главе стола, открыл ноутбук — там такой длинный стол — и сказал: «Давайте работать». А я случайно сел совсем недалеко от него. Минут через пятнадцать я спросил, куда я попал, что здесь происходит, что это все означает и при чем тут я. Он сказал: «Потом поймете». Вот так начала работать Аналитическая группа Чубайса.

В следующий раз (или через раз — через день) заседание уже проходило не в Кремле, а в здании мэрии. И постепенно стало ясно, что группа должна, собственно, стать мотором всей работы. За кулисами уже произошло позиционирование этой группы, хотя еще по-прежнему действовали и штаб Сосковца с большим количеством людей, техники, мебели и прочее, и штаб Филатова, и еще какая-то структура, которая уже была на издыхании. Но решение уже состоялось, хотя еще не было ресурсов, поэтому до какого-то времени все оставалось в стадии «проектов».

Примерно через десять дней пришел Чубайс и сказал: «Деньги есть». Вот с этого момента все и стало реальностью. В результате очень интенсивной работы был выработан основной, концептуальный план, как можно победить, как можно переломить отношение к Ельцину... Были выдвинуты тезисы типа «он должен быть иным» (с другими словами, с другой лексикой, с обращением к разным конкретным группам), «он должен все время удивлять» (в его поведении должна быть необычность), «он должен много ездить»... Отдельно была предусмотрена антикоммунистическая линия... Ну, в общем, работа началась не с дележа ресурсов и влияния, как это бывает обычно, не с «оргвопросов», а с концептуального, содержательного прорыва. Это был настоящий мозговой штурм, интеллектуальная атака. С участием действительно неординарных умов. Вот — посмотри на фотографию в кабинете Бориса Николаевича наутро после победы. Дело было 17 июля 1996 года — часов 10 утра, но уже с шампанским. Сатаров, Шахрай, Шахновский, Дьяченко, Чубайс, Илюшин, Зверев, Малашенко. Ну, и я... Но в процессе

активно участвовали еще много людей: Лесин, Шабдурасулов, Павловский, Никонов... Так что есть что вспомнить.

Потом я спросил у Сатарова, как это со мной произошло. Он сказал: «Ну как... Меня спросили: кого? Я сказал: тебя». Так что, в общем, я и не знаю, как это произошло. Больше того: поначалу мне казалось, что моя роль там — опросов «наловить» и выдавать результаты. Я пытался найти какие-то форматы... Ну, ты знаешь, наши бюллетени предвыборные (иногда их было по несколько штук в день, но в каждом — одна мысль, максимум две), два-три листочка — конкретный тезис, который раскрывается коротко, ясно, лаконично. Но было интересно все, и по своей привычке я стал совать нос во все дела.

Д.: У меня теперь такой самый общий вопрос. Как бы ты оценил, учитывает ли в своей работе Кремль (я по-простому скажу: имеются в виду высшие эшелоны власти) состояние общественного мнения? Или это рассматривается как фактор, который существует сам по себе, и Бог с ним.

О.: Ситуация 1996 г. была настолько поразительна, что не учитывать ее как фактор было нельзя. Так или иначе, она осталась в памяти всех участников.

Д.: То есть это своего рода переломный момент во взгляде структур на...

О.: Абсолютно переломный момент. Никогда люди, имевшие отношение к власти, особенно не разбирались в деталях общественного мнения, массовых настроений. То есть народ представлялся некой массой, с которой было более-менее все понятно. Достаточно было сослаться на мнение жены, тещи, знакомых или, посмотрев телевизор, достаточно было услышать какие-то высказывания, и составлялось мнение о том, что думают люди... Этого было вполне достаточно. Ситуация 1996 года, когда со стороны населения было реальное отторжение Ельцина, фактически за два месяца была кардинально изменена — благодаря очень большому учету той специфики, которую имеют разные группы населения. В группе Чубайса обычно разговор на социологические темы (а пару-тройку раз в неделю там были специальные разговоры о том, что же думают люди) начинался всегда с обсуждения того, где у нас сейчас хуже всего и с какой группой планировать работу. Была отдельная программа, отражающая интересы женщин (и, кстати, указ президента о профессиональной армии с 2000 г., который ввос-

ледствии был отменен, — это исключительно предвыборный шаг, ориентированный на женщин). Обсуждалось, какие есть проблемы с малыми городами, какие — с молодежью. Определялись адресные группы и решалось, какие специальные усилия направить...

Предвыборный прецедент оставил очень сильный след в умах людей власти, и поэтому с сентября 1996 года в Кремле был запущен уникальный для России (и не только для России) проект постоянного мониторинга информационного поля (этим занимались Глеб Павловский и его Фонд эффективной политики) и ментального поля (этим занимался Фонд «Общественное мнение»). И этот проект состоялся не просто для проформы: мол, предприняты действия, и всегда можно сослаться, что мы тоже не лыком шиты... Нет. Это было еженедельное совещание, оно существовало в течение четырех лет как одно из основных совещаний в Администрации президента. На нем в едином блоке обсуждались события недели, их отзвук в информационном поле и, соответственно, реакции на них. Обсуждались события «в головах людей» — на основе опросов, и одновременно в ходе разговоров руководитель Администрации высказывал свои взгляды, фактически давая сотрудникам политические установки или приоткрывая свою «кухню». Волей-неволей, разговаривая на эти темы, нужно было вникать в какие-то детали, и поэтому для сотрудников Администрации это совещание было чрезвычайно важным — они фактически получали некое понимание взглядов и позиций руководителей, которые обычно ничего не расшифровывают. Это первое.

Второе. Там (особенно в первые год-два) очень много времени посвящалось обсуждению методологических и даже методических деталей коммуникационных и социологических исследований, как интерпретировать их результаты, какие процессы они отражают, что из них следует, и т.д. Это был некий ликбез для верхнего звена Администрации, и для тех, кто его прошел, в дальнейшем уже чтение цифр, получаемых и от нас, и из средств массовой информации, и от других центров, стало вполне понятным. Стал ясен сам механизм. Этот проект, как я считаю, был совершенно уникальным как в плане исследовательском, так и в плане реального консультирования.

Так что информация была, внимание к ней было, умение прочитывать более-менее налаживалось, со всем вниманием

выслушивались не только собственно интерпретации, но и рассуждения о том, как эти интерпретации рождаются... Остается последний вопрос — в какой мере это учитывалось? Учитывалось, особенно в начале — 1996, 1997 годы — очень значительно. Тогда эта информация фактически влияла на принятие решений. А были как раз очень острые ситуации, связанные и с болезнью Ельцина, и его операцией на сердце ... с застоем в начале 1997 года, с появлением молодых реформаторов... Кстати, проект «Молодые реформаторы» был частью мониторинга, включая знаменитые «Семь главных дел». Послание президента 1997 года и последующие — там везде учитывались результаты исследований общественного мнения. Какие-то решения принимались из иных соображений, но, по крайней мере, при этом люди осознавали, что это противоречит какому-то общему вектору. Есть масса примеров, которые можно посмотреть по тематике наших вопросов (тематических — не регулярных, рейтинговых, а именно тематических), потому что мы всегда фактически следовали за событиями: это и захоронение останков царской семьи, и протестные действия, и отношения институтов власти между собой (исполнительная власть, Дума, Совет Федерации, губернаторы). Все это следовало за событиями. И плюс к этому вопросы, которые создавали некий фон: например долги по зарплате. На самом деле в Кремле осознали важность этой проблемы не из-за Госкомстата, а именно из-за опросов. Начиная с осени 1997 года, когда долги по зарплатам и пенсиям стали нарастать, эта проблема (особенно по пенсиям) вышла на первое место. Население расценивало ее как самую важную, поскольку это было совсем в новинку и воспринималось как некое оскорбление со стороны власти, не выполняющей свой долг.

Д.: У меня вопрос — чтобы некоторые вещи немножечко пораньше были яснее. Ты начал работать в таком тесном контакте с кремлевскими структурами в 96-м году, но ведь опыт исследований у ФОМа более давний. Почему так случилось, что Ельцин к началу своей избирательной кампании имел такой низкий рейтинг?

О.: Главный фактор этого, конечно, чеченская война, которая была вне логики, вне понимания. То, что там происходило, было запредельным абсурдом, и это ощущали люди, даже не

имевшие никакого отношения к этому, не столкнувшиеся с этим даже косвенно.

Подчеркиваю: непосредственное отношение к этому событию имели немногие, и тем не менее, благодаря телевидению все население было полностью заряжено и заражено таким отношением к этой войне. Тогда телевидение впервые, может быть, повело себя самым ярким образом — прежде всего НТВ. Фактически это были ежедневные многоразовые сообщения в одном и том же ключе: происходит нечто абсурдное, бредовое...

С начала 1995 года, после этого неудачного новогоднего штурма Грозного, эта тематика стала абсолютно доминирующей. Абсолютно. То есть все ушло: и реформы и экономика — абсолютно все было вытеснено из поля внимания событиями в Чечне. Это был как некий пресс. То, что там происходило, постоянно подтверждало, что все происходящее необъяснимо и неприятно. Ну и, конечно, к 96-му году накопился такой груз разочарований и несбывшихся надежд, что КПРФ победила на думских выборах, а президент почти полностью потерял поддержку. Кроме того, до кампании 96-го года никто на политическом Олимпе по-настоящему не был озабочен общественным мнением, а проще говоря — народом. Политики жили своей жизнью, не отдавая себе отчета, что людям их жизнь обычно непонятна, неинтересна и чужда.

Д.: Что же все-таки произошло весной 96-го? Стало ясно, что без опросов нельзя, что власть без них неадекватна. А что еще?

О.: Действительно, эффективность социологического инструмента оставила в Аналитической группе сильный след. Я сказал бы даже, что сформировался своего рода стереотип: «Без опросов нельзя». И в дальнейшем члены этой группы на самых разных высоких позициях стали как бы «разносчиками» этой «бациллы» — понимания высокого значения опросов. Это один результат 1996 года.

Второй момент — это вера во всемогущество средств массовой информации. Когда кампания закончилась, многие вещи забылись, а какие-то остались как самые главные. Среди важнейших был новый образ действительно нового Ельцина — с новой лексикой, с совершенно новыми посланиями для разных групп населения. Это осталось в памяти: Ельцин, танцующий на

концерте, его разговоры с людьми, которые ежедневно воспроизводились в телевизоре. Некоторые казусы остались — прошедшее, скажем, в Казани, где он, как и положено на Сабантуе, с завязанными глазами разбил горшок здоровенной дубиной. В Кемерове в шахту он очень смешно въехал в вагончике... А в Новосибирске он, имея в кармане жетончик, вошел в метро: вся свита полагала, что турникеты не работают, а оказалось... А у них, естественно, жетончиков не было (это было спланировано — уже вошли во вкус, придумывая всякие приколы). Он поворачивается и перед телекамерой говорит: «Бесплатный проезд никому не позволен». Ему стало нравиться играть. Он вошел в этот ритм игры.

Там было много таких вещей, которые забылись, а осталась — и очень часто сейчас вспоминается — эта кампания. Возник образ «всесильности СМИ». Хотя тогда журналисты сами стремились помочь. Но, тем не менее, была сильная координация и эффективное использование «четвертой власти». В Аналитической группе Малашенко⁶ координировал работу журналистов, абсолютно не заставляя и не напрягая их. Они сами так хотели.

К чему я это все говорю — к тому, что в итоге возник совершенно новый жанр во властных структурах — информационное планирование.

Д.: А каким образом это реализуется — через средства массовой информации государственные или?..

О.: Средства массовой информации делятся на «свои» и «не свои». «Не свои» жили своей жизнью, на них нельзя было повлиять. В середине 90-х это разделение было четким и очень жестким. Но я сейчас хотел бы поговорить по поводу идеи о том, что средства массовой информации всесильны. К сожалению, эта идея приобрела гипертрофированный масштаб и привела к засилью PR-а. Иногда PR-компонент по делу срабатывал (например, в проектах «Молодые реформаторы», «Кириенко»), но чаще он был суррогатом реальной политики и источником иллюзий. Все должно быть органично — ведь никто же не питается одними конфетами, хотя они и очень вкусные.

В конце 1998 г. ушел Юмашев⁷. Пришел Бордюжа⁸. Юмашев после 96-го года был одним из главных энтузиастов информационных технологий, включающих как составную часть социологические исследования... Бордюжа все это продолжал по

инерции: он не очень-то понимал, но чувствовал, что за этим что-то есть. И он очень внимательно пытался разобраться...

Д.: Он был недолго?

О.: Да, он был недолго, до 19 марта. А потом был назначен Волошин⁹. Он в бытность свою экономическим советником Ельцина принимал участие в процессе социологического анализа и информационного планирования. Для него это был знакомый и необходимый инструмент. Но его отношение к нему было здравым и не как к панацее. Так что традиция продолжалась вплоть до сентября 99-го. И кстати, в 98-м году — уже при Бордюже, а потом и при Волошине — в этих совещаниях иногда участвовал Путин. Он приходил, молчал, слушал, но ему было очень интересно — это было видно.

Так вот, в сентябре 99-го информационное планирование плавно перетекло в проект «Путин». Этот проект, естественно, стал главным и очень скоро вошел в режим регулярной и разнообразной работы. В том числе более глубокими стали и наши исследования. Тогда было развернуто регулярное проведение фокус-групп, электронного тестирования телепотока, была сформирована панель экспертов... Именно в этот момент разворачивалась наша САТИ¹⁰ для экспертных опросов...

Д.: Это решение было принято, когда Путин был еще премьер-министром? Но это уже было решение президентской структуры сделать такой проект «Путин», да?

О.: Ельцин, когда был назначен Путин, сказал ясно: «Путин — мой преемник». Вот в этот момент была публично обозначена роль Путина, которая была ему уготована. Над этим просто все смеялись: какой из Путина преемник — кто это такой? И почему это Ельцин распоряжается?

Избирательная кампания — это естественная консолидация сил, ресурсов, потому что есть срок, цель... Любой другой проект — будь то реформы или что-то, — если нет четкого планируемого результата, превращается в «манную кашу»... Но с августа 1999 года, как это ни странно, хотя и не было выборов, в группе была достаточно четкая цель: есть Путин как будущий кандидат, но вместе с тем еще не кандидат. Его должны были еще признать кандидатом. В такой ситуации наработки и сконцентрировались в едином по-настоящему большом проекте, хотя и связанном с подготовкой к выборам, но все же находившемся вне выборных дел. Так было всю осень 99-го.

А потом сразу началась президентская кампания... Никто не знал, что выборы будут в марте, поэтому были планы в январе отдохнуть, а с февраля уже развернуть президентскую кампанию. И уже было ясно, что этим будет заниматься примерно тот же состав, с какими-то подвижками. Но когда Ельцин огорошил всех 31 числа заявлением о своем уходе, все это сконденсировалось и переросло в бурную работу.

Д.: Хорошо. Все-таки в твоём представлении, если можно было бы кратко охарактеризовать отношение конкретно Ельцина к общественному мнению, как ты бы сказал?

О.: Ну, это опять-таки надо делить: до 1996 года — и после. Как я уже сказал, до 1996 года Ельцин относился к тем людям, которые не просто пренебрегали этим институтом, — они просто не отдавали себе отчет в том, что он хотя бы зачем-то нужен.

Впрочем, если бы он лучше понимал факторы общественного мнения, разбирался бы в нем, придавал бы ему значение и учитывал его, то, наверняка, это было бы тормозом для его деятельности. Может быть, тот факт, что он пренебрегал общественным мнением, способствовал тому, что он все-таки шел на непопулярные, резкие шаги. До 1996 года для Ельцина это было не просто пренебрежение («я знаю, но делаю, действую иначе»), а абсолютная уверенность в непогрешимости собственной интуиции («я знаю, что нужно»). И надо сказать, что эти заблуждения и помогали ему действовать, и вели к его ошибкам. Если бы он понимал, как будет встречена война в Чечне в общественном мнении, если бы он обращал на это внимание! А это было известно уже до начала штурма: первые наши опросы, связанные с Чечней, начались еще летом 1995 года: отпустить — не отпустить, вводить войска — не вводить и т.д. Было видно, что вектор общественного мнения стоит абсолютно против войны, противостоит вооруженному столкновению. Если бы Ельцин это учитывал, возможно, он бы на это решение не пошел...

И еще один пример — начало работы Аналитической группы. В течение первых дней мне стало ясно, что люди, которые там присутствуют, особенно наиболее близкие к Ельцину (то есть Татьяна¹¹ тот же Валентин Юмашев да и Чубайс тоже), предполагают позитивное отношение к Ельцину — дескать, рейтинг рейтингом, а народ все-таки любит его. Это слышалось в подтексте их высказываний. То есть они тогда до конца не

понимали всю глубину негатива, непопулярности президента. Я пытался им это сказать, но они не слышали. Они верили в другое. Я пытался цифры привести — но что такое цифры? Предположим, наши цифры говорят, что, скажем так, 3-4%, ну, 5% респондентов доверяют Ельцину. «Ну, мало ли кого вы спрашиваете... Может, вы спрашиваете не тех... И вообще — почему эта цифра, а не другая? Это неверно, что-то не так». И так всегда до тех пор, пока не возникнет привычка к потоку этих цифр и пока не будут их принимать во внимание серьезно. Всегда есть это: «А вот я вчера видел по телевизору: вышел корреспондент на улицу и спросил про Бориса Николаевича пять человек. И всего только трое сказали, что плохо относятся, а это же не пять процентов». Вот такого типа сомнения. Всего не воспроизведешь. Тогда я проделал следующую работу. У нас как раз заканчивалось исследование, основанное на незаконченных предложениях, которые предлагалось завершить респондентам. В пяти городах 200 человек: «Ельцин должен был сделать...», «Ельцин сделал...», «Ельцин как президент для меня...», «Ельцин как человек для меня...» и т. д. Двадцать таких незаконченных предложений. Я не стал специально обрабатывать результаты, а просто распечатал такие книжечки: ответы, сгруппированные только по населенным пунктам. Единственное, что я сделал, — это убрал нецензурные слова, мат. Интервьюеры прислали по электронной почте файлы, у них указание: «Запишите дословно ответ респондента». Я читаю: «Что Ельцину надо делать?» А там ответ: «Он должен пойти», — и написано куда... Это я убрал. И просто дал книжки почитать. А дело было под вечер... Утром явился — они, удрученные, бледные, говорят: «Это что, это правда?». Вот так фактически первый раз произошло осознание ситуации... А до этого они слышали, знали и т.д., но не воспринимали — существовал барьер.

Д.: И можно допустить, что это стало известно президенту?

О.: Вот этого я не могу сказать, не знаю. Я могу сказать, что в целом эти месяцы были абсолютно открыты, абсолютно откровенны. Очень может быть, что как-то по-своему это было донесено. Встречи с Ельциным — они были довольно регулярными — показывали, что он в курсе всего.

Д.: Спасибо, Саша. Очень много интересного для меня.

Приложение 3

Проект «Живой голос» — 1996 (избранные цитаты)

Экономика: Когда закончится кризисное время в России? Когда восстановят заводы? Что в России осталось не проданным? Что нового будет в экономике? Почему колхозы развалились? Когда уменьшится количество нищих на улицах? Когда кончится разруха? Кто будет выплачивать внешний долг России? Когда будет стабилизация в экономике? Когда кончится инфляция? Когда реформы повернутся к простому народу? Куда деваются наши налоги? Когда прекратится рост цен? Что думает президент о развитии фермерства? Почему стоят заводы? Почему пропали деньги у вкладчиков Сбербанка?

Политика: Где обещанная демократия? Уберут ли Ленина из Мавзолея, а коммунистов от власти? Когда запретят КПРФ? Когда запретят фашистские организации в России? Возьмете ли Вы Г. Явлинского в состав правительства? Останется ли В. Черномырдин премьер-министром? Почему не оказывается поддержка русским в странах ближнего зарубежья? Расширят ли полномочия местным властям? Возможен ли союз с Белоруссией? Почему Вы не объединились с другими демократами? Как может президент, бывший коммунист, говорить о демократии? Жалеет ли он о распаде Союза? Почему хорошо живет только Москва — ведь он президент всей России? Зачем сделали границы? Гарантирует ли президент, что Калининград останется частью России? Когда он встретится с Зюгановым, доказав на деле, что не делит народ на красных и белых? Почему Россия на последнем месте в мире? Когда правительство будет думать о народе?

Нестабильная, трудная жизнь: Как дальше будем жить? Когда мы будем жить нормально? Когда все это кончится? Когда появится уверенность в завтрашнем дне? Будет ли жизнь лучше?

Вы живете хорошо, а я — плохо, почему? Когда будем жить по-человечески? Когда наступит мир и покой в России? Когда работать, наконец, начнем? Есть ли будущее у демократической России? Какое наше будущее?

Преступность, отсутствие порядка: Когда в стране будет порядок? Почему президент молчит о тех фактах коррупции, о которых говорят в прессе? Когда переловят воров? Когда в стране будут выполняться законы?

Пенсии: Когда повысят пенсии? Почему у меня маленькая пенсия? Как можно жить на пенсию, которая не успевает за ростом цен? Когда обратят внимание на ветеранов труда? Будет ли увеличена пенсия инвалидам детства? Когда мы, пенсионеры, будем отдыхать?

Невыплаты зарплаты: Когда я буду вовремя получать зарплату? Когда жизнь наладится — зарплату по пять месяцев не дают?! Когда президент перестанет врать, болтать и ничего не делать — зарплату по семь месяцев не выдают? Когда будут вовремя выплачивать зарплату? Отдайте наши деньги! Что за жизнь, зарплату не платят по 3-4 месяца?!

Материальное положение: Почему уборщица получает столько, сколько я, учитель? Положение большинства людей — ужаснейшее: цены растут, а прибавки мизерные, люди лишены всего самого элементарного на фоне кучки преуспевающих людей. Когда люди перестанут голодать — на государственных предприятиях не выплачивают зарплату? Что делать, когда дети хотят есть, а кормить их нечем? Что делать человеку, который хочет жить, но не может выжить? Когда люди нищие — это нормальный процесс в развитии страны или это вина руководства? Как долго Россия будет голодать? Можно ли прокормить своих детей, не запятнав совести? Как бы съездить к родным в Брянскую область <вопрос задан в Хабаровске>? Как можно прожить на этот минимум и вырастить детей? Как можно похоронить достойно близких людей? Почему президент много обещал, на него надеялись — и народ нищим стал? Как он оценивает положение народа в России? Когда вернут вклады? Почему я стала нищей? Почему мы так плохо живем, голодаем, хотя и работаем? Как жить дальше без денег? Почему продукты такие дорогие, не хватает на питание?

Негативные вопросы и высказывания: Уйдите, пожалуйста, в отставку! Вы нас обворовали, обманули. Как у Вас хватает

наглости баллотироваться на второй срок?! Пусть снимет свою кандидатуру, все равно проиграет. Он обманул нас. Поздно его спрашивать. Почему он ограбил нас? Когда он уйдет в отставку? Бесполезно с ним разговаривать. Как скоро пойдет на пенсию? Есть ли у него совесть? Зачем ты к нам приехал? Не стыдно ли ему за то, как мы живем? Когда он ляжет на рельсы? Возможно ли, по его мнению, в России хорошо жить и быть честным человеком? Когда Вы стали перевертышем? Вам не надоело в ходе избирательной кампании изображать из себя царя-батюшку? Откуда деньги на подарки в виде машин? На чьи деньги разъезжает? Не пора ли тебе уйти из политики? Почему он разрушил Ипатьевский дом? Где Вы закопали Ваш партбилет? Можете ли Вы взять на себя ответственность за невинно погибших в 1993 году? Когда Вы займетесь своими прямыми обязанностями, а не разъездами по стране?

Недоуменные вопросы и высказывания: Почему много лжи в средствах массовой информации? Знает ли президент действительное положение дел? Голосовали за него — почему такие разногласия с прежними обещаниями? Когда, в конце концов, он опустится с облаков и начнет себе представлять, что на самом деле делается в его государстве, и перестанет с удовольствием вкушать то, чем его пичкают его приближенные? Почему он не знает, что творится в стране? Почему президент так долго спал и не работал все эти годы и только перед выборами заработал? Меньше надо слушать советников и больше самому работать. Когда вспомнят о простом народе? Когда политические лидеры повернутся лицом к проблемам простых обывателей и прекратят свои политические битвы? Когда прекратится бардак в России?

Вопросы о личной жизни: Как Вы относитесь к спиртному? Зачем Вы пришли в президенты? Смотрите ли Вы телевизор? Верит ли президент в Бога, чем он живет, на кого надеется в жизни? Что он ест каждый день? Вы здоровы? Искренний ли Вы человек? Какая у Вас зарплата, регулярно ли ее получаете? Каков Ваш неофициальный месячный доход? Уважаете ли Вы себя? Не устали ли Вы быть президентом?

Жилье: Будут ли на госпредприятиях давать жилье? Когда мы будем иметь возможность получить квартиры? Когда предоставят жилье? Когда снесут эти бараки? Просьба подъехать по адресу Блюхера 18, кв. 2 и посмотреть, в каких условиях мы живем. Наш дом есть, а на карте города его нет. Тяжело жить в

частном секторе: далеко ходить за водой, для пенсионеров нет скидок на топливо, очень дорого. Чтобы коммуналки расселили.

Медицина: Дефицит и дороговизна лекарств в госаптеках. Когда будет порядок в медицине? По какой причине медицинское обслуживание перестало быть бесплатным? Может ли президент дать гарантии бесплатного образования и медицины? Когда будут лекарства для пенсионеров? Почему в больницах нет ничего? Медицина и лекарства должны быть бесплатными, чтобы уменьшить мор населения и его ненависть.

Работа: Когда люди смогут иметь работу и зарабатывать? Когда будет снижаться безработица? Почему стала безработица? Безработица одолела. Почему нигде нельзя устроиться на работу, нигде мест нет? До чего довел Россию — мужикам работать негде.

Образование: Вернется ли качественное бесплатное образование? Как с образованием простого народа? Вам не кажется странным, что вопрос об образовании решают деньги? Рассматривается ли Вами вопрос о получении высшего образования?

Дети: Есть ли будущее у наших детей? Когда будет человеческое отношение к детям? Думает ли правительство о детях? Когда государство задумается о детях? Как прокормить детей? Сейчас нельзя создать семью, иметь детей, большая неуверенность во всем. Когда будет увеличено пособие детям?

Армия: Когда военные почувствуют, что армия нужна государству, и когда будут должным образом относиться к ней? Сократят ли сроки службы? Кому нужна голодная армия? Наши защитники умирают от голода и драк между собою. Когда студентов перестанут забирать в армию? Где возьмут деньги на контрактников, если армия бедствует? Когда будет порядок в армии? Когда будет профессиональная армия? Когда закончится бардак в армии? Когда смените министра обороны? Что Вы делаете как главнокомандующий? Будет ли альтернативная служба в армии? Будет ли решаться вопрос с Черноморским флотом? Когда примут закон о профессиональной армии?

¹ А. Чубайс, тогда — руководитель Аналитической группы.

² В. Илюшин, тогда — первый помощник президента России.

³ С. Филатов, тогда — руководитель Администрации президента России.

⁴ Л. Пихоя — многолетний спичрайтер Б. Ельцина.

⁵ С. Шахрай, тогда — депутат Государственной Думы.

⁶ И. Малашенко, тогда — президент телекомпании НТВ, член совета избирательной кампании за переизбрание Б. Ельцина.

⁷ В. Юмашев, тогда — глава Администрации президента России.

⁸ Н. Бордюжа, тогда — руководитель Администрации президента России.

⁹ А. Волошин, тогда — руководитель Администрации президента России.

¹⁰ Computer-Assisted Telephone Interview — компьютерная поддержка системы телефонного интервьюирования.

¹¹ Т. Дьяченко, дочь Б. Ельцина, тогда — член Аналитической группы, впоследствии — советник Б. Ельцина.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
Б.З. Докторов, А.А. Ослон, Е.С. Петренко
ЭПОХА ЕЛЬЦИНА: МНЕНИЯ РОССИЯН
Социологические очерки

Редактор *Т.В. Воронцова*
Дизайн обложки *А.Р. Кима*
Компьютерная верстка *В.В. Каплуна*
Корректоры *Н.М. Богачева, В.Э. Мурзаева, С.А. Мирзоян*

Лицензия ИД № 03822 от 25.01.2001 г.

Сдано в набор ???.2002. Подписано к печати ??.2002.
Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times ET. Печать офсетная.
Усл. печ. л. ???. Тираж 3000 экз. Заказ № .